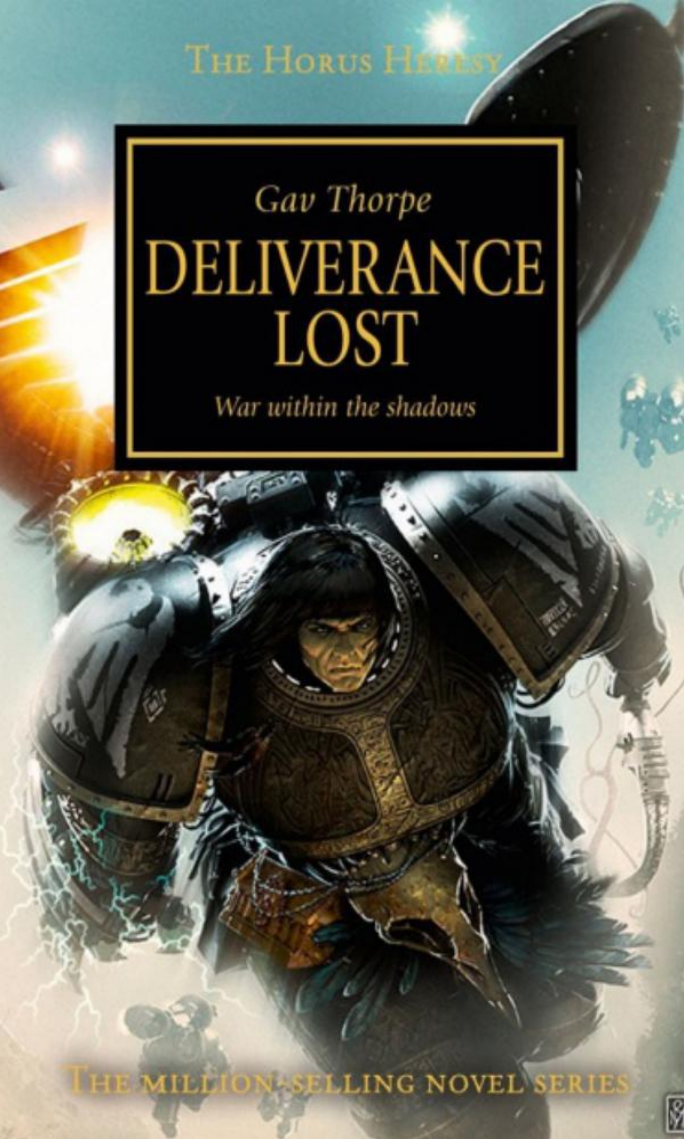
THE HORUS HERESY

Gav Thorpe

DELIVERANCE LOST

War within the shadows



THE MILLION-SELLING NOVEL SERIES

Annotation

Когда Ересь расколола Империум, примарх Коракс и его Гвардия Ворона едва сумели вырваться из капкана, расставленного Хорусом на Исстваане V. Пытаясь залечить раны, нанесенные его легиону, Коракс устремляется на Терру — искать помощи своего отца, Императора Человечества. Получив доступ к древней тайне, Коракс начинает восстанавливать легион, строя планы отмщения предателям. Но в ряды Гвардии Ворона уже проникли лазутчики самого хитрого и двуличного из примархов-предателей — Альфария. Планы Коракса висят на волоске, а вместе с ними и будущее Галактики. Ведь если тайна создания примархов и Астартес попадет в руки Хоруса, резня на Исстваане покажется мелочью на фоне сражений грядущего.

- Гэв Торп
  - THE HORUS HERESY™

- Действующие лица
- Часть первая
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
- Часть вторая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
- Часть третья
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
- Эпилог

- notes
  - 1

Гэв Торп

ПОТЕРЯННОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Призраки Терры

Эта книга посвящается поклонникам Девятнадцатого легиона

THE HORUS HERESY™

Это легендарное время.

Галактика в огне. Грандиозные замыслы Императора о будущем человечества рухнули. Его возлюбленный сын Хорус отвернулся от отцовского света и обратился к Хаосу. Армии могучих и грозных космических десантников Императора схлестнулись в безжалостной братоубийственной войне. Некогда эти непобедимые воины как братья сражались плечом к плечу во имя покорения Галактики и приведения человечества к свету Императора. Ныне их раздирает вражда. Одни остались верны Императору, другие же присоединились к Воителю. Величайшие из космических десантников, командиры многотысячных легионов — примархи. Величественные сверхчеловеческие существа, они — венец генной инженерии Императора. И теперь, когда они сошлись в бою, никому не

известно, кто станет победителем. Миры полыхают. На Исстваане-V предательским ударом Хорус практически уничтожил три верных Императору легиона. Так начался конфликт, ввергнувший человечество в пламя гражданской войны. На смену чести и благородству пришли измена и коварство. В тенях поджидают убийцы. Собираются армии. Каждому предстоит принять чью-либо сторону или же сгинуть навек.

Хорус создает армаду, и цель его — сама Терра. Император ожидает возвращения блудного сына. Но его настоящий враг — Хаос, изначальная сила, которая жаждет подчинить человечество своим изменчивым прихотям. Крикам невинных и мольбам праведных вторит жестокий смех Темных Богов. Если Император проиграет войну, человечеству уготованы страдания и вечное проклятие.

Эпоха разума и прогресса миновала.

Наступила Эпоха Тьмы.

Действующие лица

Император --- повелитель человечества

примархи

Корвус Коракс --- примарх легиона Гвардия Ворона

Рогал Дорн --- примарх легиона Имперских Кулаков

Альфарий, Омегон --- примархи-близнецы Альфа-Легиона

Хорус --- Воитель, магистр войны, примарх Сынов Хоруса

ЛЕГИОН ГВАРДИИ ВОРОНА

Бранн Нев --- командир Рапторов

Агапито Нев --- командир Когтей

Соларо Ан --- командир Ястребов

Алони Тев --- командир Соколов

Ланкрато Нестил --- сержант Когтей

Гадрейг Дор — сержант Когтей

Керемп Орт — боевой брат Когтей

Бальсар Куртури — боевой брат Когтей

Лукар Ферени — боевой брат Когтей

Марко Диз — боевой брат Когтей

Страдон Бинальт — технодесантник

Винсент Сиккс — главный апотекарий

Навар Хеф — послушник

ЛЕГИОНЕРЫ-ПРЕДАТЕЛИ

Альфарий — Альфа-Легионер

Эзекиль Абаддон — Первый капитан Сынов Хоруса

Эреб — Первый капеллан Несущих Слово

Фабий — апотекарий Детей Императора

Гастен Лутрис Арманитан — капитан Детей Императора

ИМПЕРСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

Малькадор Сигиллит — Первый лорд Терры

Марк Валерий — префектор Имперской Армии, командир Когорты Тэриона

Нексин Орландриаз — генетор Механикум

Пелон — денщик Марка Валерия

Аркат Виндик Центурион — воин Легио Кустодес

КСЕНОСЫ

Атитиртир — антедил, посланник Кабала

> Мог ли Император даже помыслить о подобном? Был ли миг, когда он посмотрел на свое творение и задался вопросом: «Кто дал мне на это право?» Сомневался ли он когда-либо в истинности своей цели или в методах, которые приходилось использовать в силу

обстоятельств? Или же такие сомнения лишь слабость, присущая существам не столь возвышенным, как Повелитель человечества?

Я взглянул на творение рук своих и в равной мере познал отчаяние и надежду. Теперь я понимаю, что совершил ужасный поступок, но не могу заставить себя просить прощения. Даже после всего случившегося я до сих пор считаю, что действовал с самыми благими намерениями и во имя благороднейшей из целей. Это были темнейшие времена из всех, что мы знали. Даже если теперь может показаться, будто мной руководили эгоистичные побуждения, то в свое оправдание скажу, что нас окружали враги, с которыми нам не то что не приходилось сталкиваться ранее — мы даже помыслить не могли, что

встретимся с ними в бою.

Все, что мы создали и ради чего сражались долгие годы, находилось на грани уничтожения. На кону стояла не просто слава былых дней, но само будущее Галактики. Не живший в те времена не вправе судить тех, кто жил.

Я до сих пор не в состоянии понять мотивы тех, кто намеренно либо же по капризу судьбы стал нашим врагом, и еще меньше я испытываю к ним сочувствия. Но также понимаю, что причиной раздора оказалась не слабость или прихоть. Люди, обладающие властью, честолюбием и возможностями, вынестовали великие планы и сочли себя выше простых смертных.

Я всегда оставался верным высшей цели своего существования, но, должен признать, также страдал от

понимания тщетности добродетельности, без сомнений двигавшей всеми остальными, кого также станут судить грядущие поколения. Даже в прошлом мы совершали деяния, которые можно было счесть неоднозначными. Смысл не в том, что произошло, но в том, почему это произошло. Во тьме, в отчаянии мы сделали нечто, что можно оправдать лишь жестокой необходимостью.

Не судите меня.

Я выше вашего осуждения, хотя и не достоин прощения.

Найденный отрывок записи, автор неизвестен, около М31

Часть первая
ЭХО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Глава первая
БЫЛОЕ ВЕЛИЧИЕ ВСТРЕЧА БРАТЬЕВ НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ БРАННА

Последний раз, когда он был в Исствааанской системе, его провожали совершенно иначе. Крепкий ветер трепал восемьсот ротных знамен, на черных полотнищах которых красовались золотые, серебряные и белые символы легиона. Среди мечей и щитов вились крылья и рассыпались когти всевозможных форм и видов. Тысячи пар бронированных сапог вытоптали пурпурный и темно-зеленый вереск, огромные участки лишайника истерлись под бессчетными шагами до темной земли и блеклого камня.

Долину Редарт заполонили неподвижные ряды легионеров Гвардии Ворона, в выси над ними парили «Грозовые

птицы», «Громовые ястребы» и другие десантные корабли, темными силуэтами выделяясь на фоне сгущающихся сумерек. От горизонта до горизонта пролегли рваные фиолетовые облака, словно протянутые божественной дланью. Небо над армией было исчерчено инверсионными следами патрулирующих кораблей, двигающиеся еще выше точечки света выдавали присутствие судов на низкой орбите, которые, подобно медленно падающим звездам, пристально следили за церемонией.

В северном конце долины ожидали союзники Гвардии Ворона. Когорта Тэриона, облаченная в красно-золотую форму, выстроилась возле своих танков и транспортов в тени невообразимо огромных титанов из Легио Викторум и Легио Адамантус.

Перед легионом застыла группа из полутысячи человек. Большинство из них носили начищенные до блеска темные панцирные доспехи и накидки с капюшонами, которые сейчас были откинуты на плечи, открыв на всеобщее

обозрение коротко остриженные головы и лица, украшенные затейливыми татуировками. В красных линзах целеуказателей отражался закат, орудия-алебарды подняты в воинском приветствии. Закованная в покрытые серебряной финифтью доспехи, впереди избранная гвардия окружила горстку сановников в вычурных одеяниях и мантиях с золотыми галунами и тяжелыми эполетами.

По команде одного из старейшин солдаты и командиры как один преклонили колени и опустили головы перед огромной фигурой, которая медленно приближалась со стороны ожидающей Гвардии Ворона. Он не был обычным человеком. Он был примархом. Лорд Коракс, командир Гвардии Ворона, возвышался над своими сверхчеловеческими воинами, и на его темных, словно сама ночь, доспехах вилась гравировка с изображением башен, крыльев, витиеватых узоров. Он был без шлема, поэтому все могли увидеть его бледную кожу и прямые черные волосы, ниспадавшие до горжета. За спиной примарха крепился

летный ранец с черными крыльями, металлические перья которых издавали во время ходьбы резкий свист. Темные глаза взирали на делегацию с торжественной гордостью.

Движением когтистой перчатки Коракс приказал исствааннцам подняться.

— Вы преклонили колени, будучи побежденными врагом. Теперь же встаньте жителями Империума, — объявил примарх. Его голос легко разносился ветром, разметавшим волосы по тонкому лицу. — Мы воевали друг с другом, но Имперская Истина восторжествовала, и вы поклялись принять ее учение. Согласившись с волей Императора, вы показали себя разумными и цивилизованными людьми, достойными партнерами для множества иных миров, к которым вы присоединитесь в лоне Империума. Не как завоеванные, не как покоренные, но как свободные люди, узревшие свет Имперской Истины и теперь с распростертыми объятиями ожидающие блага, которые она вам принесет.

Коракс обернулся к своему легиону и повысил голос, чтобы его услышали в самых дальних уголках долины.

— Мы сражались упорно и отважно, и теперь очередной мир выведен из сумрака предрассудков и раздора к свету Императора, — обратился он к воинам. — С почтением к павшим и с уважением к стоящим здесь я объявляю систему Иссваан приведенной к Согласию!

Из восьмидесяти тысяч вокалайзеров, закованных в доспехи воинов, раздался оглушительный рев одобрения, поддержанный радостными криками сотен тысяч тэрионских солдат, и все это утонуло в торжествующем вое боевых сирен титанов.

Почти пятнадцать лет спустя Коракс вернулся сюда вместе с братьями-примархами, чтобы подавить мятеж Хоруса, но в зоне высадки его союзники показали свой истинный облик. Подняв оружие против Железных Рук, Саламандр и Гвардии Ворона, предатели практически полностью уничтожили

верные Императору войска, когда те десантировались на планету.

Кораксу чудом удалось вырваться из предательской ловушки. Примарх вместе с остатками своего легиона атаковал и отступал, гонимый по холмам и горам пятью легионами. Но теперь Гвардии Ворона пришлось остановиться, чтобы встретиться наконец лицом к лицу с разъяренными преследователями.

В первой войне на Исстваане Гвардия Ворона одержала великую победу. Нынешняя же война окончилась сокрушительным поражением. Заключительный этап последней кампании Коракса в системе Исстваан завершался под аккомпанемент совершенно иных звуков, нежели когда-то.

К Гвардии Ворона понеслись первые ракеты «Вихрей». Легионеры Коракса не стали прятаться в укрытиях, гордо выпрямившись во весь рост после стольких дней молниеносных атак и безысходных отступлений. Снаряды разрывались среди отделений, поражая воинов десятками. Коракс стоял под обстрелом, словно в оке

урагана. Его офицеры смотрели на своего примарха и черпали силы в его отваге перед лицом Пожирателей Миров.

Загнанный на продуваемый ветрами горный склон, легион оставался непоколебимым. За вершиной начинались бескрайние солончаки, за которыми Коракс и решил принять последний бой. Перед примархом стягивались все силы легиона Пожирателей Миров — безудержного в ярости легиона Ангрона. Сам Красный Ангел стоял во главе своего воинства, ревя от желания пролить кровь брата. И вот синее море, замаранное пятнами крови, хлынуло из долины, намереваясь смыть Гвардию Ворона. Доведенные до бешенства невральными имплантатами и ввергнутые в боевую ярость нечеловеческим коктейлем стимуляторов воины-берсерки Пожирателей Миров ринулись по склону горы, их танки и артиллерия открыли заградительный огонь — каждый воин выл от желания исполнить данную примарху клятву крови.

Когда склоны сотряслись от снарядов «Вихрей», разорвавшихся среди атакующих

фонтанами пламени, Коракс оглянулся и заметил еще три прочертивших небо инверсионных следа, которые протянулись с неожиданного направления.

Из тыла Гвардии Ворона.

Коракс увидел, как из густых облаков вырвались ширококрылые корабли, на лету выпуская ракеты. Несущиеся в атаку роты Пожирателей Миров накрыло волной взрывов. В сердце приближающейся армии расцветали разрывы, омывая пологие склоны горящим прометием. Пока Коракс пораженно взирал на происходящее, на землю с орбиты обрушились яркие плазменные импульсы, оставляя в легионе Ангрона огромные просеки.

Черные десантные корабли, украшенные символом Гвардии Ворона, с оглушительным ревом приземлялись на столбах пламени. Легионеры бросились в стороны, чтобы освободить место для посадки. Едва крупные гидравлические опоры коснулись земли, с лязгом упали рампы и распахнулись широкие двери.

Поначалу легионеры неверяще следили за кораблями. Кто-то

предупреждающе воскликнул, думая, что враги перекрасили собственные машины, чтобы сбить воинов с толку. В ухе Коракса затрещал вокс. Заговорил незнакомый ему голос:

— Лорд Коракс!

— На связи, — осторожно ответил он, не отрывая взгляда от Пожирателей Миров, которые пришли в себя после неожиданного удара и готовились возобновить атаку.

— Это префектор Имперской Армии Валерий, исполняющий приказ командора Бранна, мой лорд. — Голос человека был напряжен, слова звучали резко и отрывисто, словно отчаянные вдохи утопающего. — Эвакуируйтесь как можно быстрее, у нас узкое временное окно для отступления.

Коракс попытался понять, о чем говорит этот человек. Он сосредоточился на детали — командор Бранн. Но капитан Гвардии Ворона командовал обороной Освобождения, родного мира легиона, и Коракс не мог взять в толк, что Бранн делает на Иссваане. Стремительно

оценив ситуацию, Коракс осознал, что оставленная в гарнизоне часть Гвардии Ворона прибыла сюда, чтобы эвакуировать выживших после бойни.

Примарх без промедления связался с Агапито, одним из своих командоров:

— Агапито, полная эвакуация. Поднимай всех на борт и уходи на орбиту.

Агапито Нев стал быстро отдавать приказы по вокс-сети, организовывая отступление Гвардии Ворона. Легионеры слаженно начали эвакуацию, и по мере заполнения отсеков десантные челноки поднимались в клубах дыма, направляясь к кораблям на орбите. Пока Коракс наблюдал, как они исчезают в облаках, на позиции Гвардии Ворона вновь посыпались снаряды и ракеты. Взрыв слева заставил примарха слегка пошатнуться.

Не обращая внимания на дрожь земли, Коракс перевел взгляд на склон, по которому к ним мчались Пожиратели Миров во главе со своим лидером. Коракс в какой-то момент смирился с тем, что ему придется умереть от рук обезумевшего брата. Гибель от клинков

Ангрона казалась даже достойной, и всегда оставалась крошечная — ничтожно малая — вероятность, что Кораксу удастся сразить Пожирателя Миров и избавить Галактику еще от одного предателя.

Миг спустя рядом с примархом появился командор Алони. Как и у остальных Гвардейцев Ворона, его иссеченные и покореженные доспехи состояли из пластин и деталей, снятых с павших, как своих, так и врагов. В ходе боев он потерял шлем и так и не нашел ему замену. На обветренном, морщинистом лице командора читалась смесь удивления и тревоги.

— Последний транспорт, лорд!

Оторвав взгляд от Ангрона, Коракс заметил в паре метров «Грозовую птицу» с опущенной штурмовой аппарелью. Примарх Гвардии Ворона сделал глубокий вдох и напомнил себе о доктринах, которым он обучал своих воинов, доктринах, на которых строил свою жизнь.

Атаковать, отступить, снова атаковать.

Сейчас они не просто отступали. Они

разгромлены. Кораксу претило покидать Исствааи с таким позором. Он вновь посмотрел на десантный корабль, а после перевел взгляд на Пожирателей Миров. Их разделяла всего пара сотен метров. От рук предателей погибло больше семидесяти пяти тысяч воинов его легиона, многих убили эти берсерки. Бегство казалось примарху бесчестным по отношению к павшим боевым братьям, но полагать, что он может исправить свершившееся зло, было бы непростительной гордыней.

Атаковать, отступить, снова атаковать.

Устирив гнев, Коракс проследовал за Алони по аппарели, его подошвы зазвенели о металл. Когда аппарель начала подниматься, он бросил последний взгляд на Пожирателей Миров. Берсерки разочарованно выли, словно упустившие добычу гончие.

— Мы выжили, лорд! — Алони, казалось, все еще не мог поверить в случившееся. — Девяносто восемь дней!

Кораксу совершенно не хотелось

радоваться. Он взглянул на Алони и остальных легионеров, сидевших на длинных скамьях транспортного отсека.

— Я прибыл на Иссткаан с восьмьюдесятью тысячами воинов, — напомнил примарх. — А покидаю менее чем с третью.

От его слов радостное настроение остальных тут же улетучилось, и в десантном отсеке воцарилось гробовое молчание, нарушаемое лишь ревом двигателей. Коракс стоял у иллюминатора, под его ногами безостановочно дрожала палуба. Примарх смотрел на исчезающие вдали Ургалльские холмы, но видел перед собой тысячи павших воинов, которых они оставили непогребенными.

— Что нам делать дальше? — спросил Агапито.

— Как обычно. — Голос Коракса обрел силу, его слова добавляли уверенности и воинам, и ему самому. — Мы отступим, восстановим силы и продолжим сражаться. Гвардия Ворона не в последний раз встретилась с предателями. Это

поражение, но не конец. Мы еще вернемся.

Пелена облаков скрыла Исстваан-V от взора примарха, и он больше не думал о погибших.

Кораксу было невыносимо смотреть на мрачные лица своих воинов, поэтому он покинул их, чтобы хоть на краткий миг обрести спокойствие в проходе, ведущем к кабине пилотов. Оставшись наедине с собой, он обдумал случившееся.

За последние сто дней он дважды ощутил дыхание смерти на своем лице, и оба раза ему удалось выжить. Коракса не страшила гибель в бою — подобная угроза была обыденностью для любого Астартес, даже примарха. Смерть была их постоянным спутником.

Коракс сполз по стене и уперся ногами в противоположную сторону прохода. Затем снял шлем и бессмысленно уставился на помятую решетку лицевого щитка, прежде чем уставшие пальцы выронили его. Он заметил на своих доспехах множество царапин и трещин, тонкие гравировки покрылись вмятинами

от болтерных снарядов, вычурные рисунки сожжены лазерными выстрелами и взрывами. Под слоями пластали и керамита ныли раны. Коракс чувствовал запах собственной крови, запекшейся под доспехом.

Благодаря острому слуху примарх улавливал слабый треск приемника в брошенном шлеме, его подсознание впитывало поток информации, пока разум витал где-то далеко. Опасность еще не миновала. Он знал, что следовало связаться с Бранном и выяснить обстановку, но пока не мог заставить себя сделать это. Судя по вокс-сообщениям, где-то неподалеку находилась боевая баржа Пожирателей Миров. Послушав еще пару секунд о позиции и курсе предателей, Коракс понял, что ранее корабль Пожирателей Миров шел на сближение, но теперь медленно удаляется от флотилии Гвардии Ворона. Примарх счел угрозу минимальной и погрузился в воспоминания о недавних событиях.

Опасность следовала за ним по пятам, сколько он себя помнил, а война

была его призванием. Коракс никогда не боялся смерти и даже против сильнейших врагов Императора сражался с твердой верой в победу. Девяносто восемь дней разрушили эту уверенность. Девяносто восемь дней он находился лишь на шаг впереди своих преследователей. Сто дней на него шла охота, и загонщиками были его братья-примархи. Девяносто восемь дней постоянных марш-бросков, атак и отступлений, контрударов и маневров.

Он вздрогнул, вспомнив первый день испытаний, когда предатели явили истинное лицо и Коракс едва не погиб от рук своего брата, Конрада Курца, которого называли Ночным Призраком. Коракс считался одним из лучших бойцов Императора, и он никогда не считал Курца равным себе. Примарх Повелителей Ночи был недисциплинированным, подверженным как случайным вспышкам гениального прозрения, так и моментам эмоциональной слепоты, которые Коракс мог использовать со смертоносной эффективностью. Но в тот момент в Ночном Призраке присутствовало нечто,

что встревожило примарха Гвардии Ворона: аура, которая проникла в саму душу Коракса и нашла там слабину. Ненависть Курца ошарашила Коракса и внесла свою лепту в опустошенность, которую он нес в себе после известия о предательстве Хоруса и измене братьев-примархов, но это не оправдывало его бегства.

Страх. Столкнувшись со своим безумным братом, он на мгновение познал страх, и теперь, находясь в относительной безопасности, Коракс понял, что испытал подлинный ужас, когда заглянул в глаза Ночному Призраку.

Они были созданы из одного материала, Коракс и Курц, существа, которые выросли в тенях и постоянном присутствии смертельной опасности.

Курц вырос на погруженных во мрак улицах и переулках Нострамо Квинтус; детство Коракса прошло в туннелях и подземельях планетарного спутника-тюрьмы Ликей. Курц и Коракс обитали на мирах, подчиненных власти злодеев, где уделом слабых и беззащитных был лишь

тяжелый труд до самой смерти.

И тогда, осознав неимоверную злобу Ночного Призрака, Коракс понял, как близко сам он находился от того, чтобы превратиться в подобное же существо. Их жизни представляли собой две стороны одной медали. Кораксу повезло оказаться среди образованных людей, обладающих добрыми сердцами. Курцу повезло много меньше, что в конечном итоге превратило его в воплощение ночного кошмара.

Курц заставил Коракса увидеть себя таким, каким он мог стать, если бы хорошие люди не привили ему культуру и принципы чести. В этот момент не страх перед Курцем обезоружил Коракса, но ужас перед самим собой, и, вместо того чтобы уничтожить объект своих страхов, он, к своему стыду, сбежал.

Теперь, оказавшись в проходе ревущего и содрогающегося десантного корабля, Коракс презирал себя за тот миг трусости. Ему следовало остаться и сразиться, следовало убить Ночного Призрака, а после и жалкого Лоргара из Несущих Слово, лишив повстанцев двух

примархов, хотя бы и ценой собственной жизни. Возможно, именно поэтому он так жаждал погибнуть от рук Ангрона, отдать себя на заклание Пожирателю Миров, лишь бы только избавиться от стыда и слабости.

Дверь в кабину пилотов с шипением открылась, и Коракс тут же выпрямился, насколько позволял потолок, вновь превратившись в примарха Гвардии Ворона, повелителя Освобождения и лорда Астартес. Второй пилот вздрогнул, увидев Коракса прямо за дверью, на его молодом лице читалось удивление.

Примарх улыбнулся, чтобы немного успокоить юношу.

— В чем дело? — осведомился Коракс.

— Простите, лорд, вы не отвечали по воксу. Командор Бранн на связи.

— Хорошо, — одобрительно кивнув, ответил Коракс. — Сейчас с ним переговорю.

Когда второй пилот нырнул обратно в рубку, Коракс взглянул в обзорный экран. Впереди росла в размерах боевая баржа командора Бранна, темным пятном

выделяясь на фоне звезд. «Мститель», который Коракс в последний раз видел на орбите Освобождения, теперь прибыл к Исстваану, и, несмотря ни на что, вид этого корабля ободрил примарха.

Из надпалубной части «Мстителя» вырастали турели бомбардировочных орудий, которые нацелились на лежащий внизу мир. Затем показались орудийные батареи, палубы массивных ракетных установок и пушек, походивших на оскаленные клыки гончей. Пилот направился к яркому свету посадочных палуб, десантный корабль сменил курс, из-за чего на приподнятом носу боевой баржи стал виден символ Гвардии Ворона.

За боевой баржей простатривались точки света куда ярче звезд — плазменные двигатели других кораблей. Когда эвакуация подошла к концу, крошечные десантные корабли и шаттлы устремились к черным судам. Флотилия уже разворачивалась, приготовившись исчезнуть в космосе вместе со спасенными остатками легиона.

Коракс вновь улыбнулся, в этот раз с

облегчением. Он не понимал, каким образом Бранн здесь оказался, но он был как нельзя кстати. Смерть от рук Ангрона стала бы достойным концом, но, поразмыслив над этим еще раз, Коракс порадовался тому, что выжил, дабы сражаться и дальше.

Бранн стоял на посадочной палубе, наблюдая за приземлением десантных кораблей. Из первых челноков уже высаживались пассажиры. По рампам устало сходили выжившие Гвардейцы Ворона.

Они представляли собою ужасное зрелище. Большинство были ранены. Их доспехи походили на лоскутные одеяла — тут сверкнул серебром наплечник Железных Воинов, там мелькнул красный нагрудник Несущих Слово. Броню, потрескавшуюся и разбитую, покрывал слой крови и грязи, и на каждом лице, в которое смотрел Бранн, были видны следы безмерной усталости. Последние выжившие в резне у зоны высадки невидяще брели по посадочной палубе,

приветствуемые улыбками и радостными возгласами воинов Бранна.

К ним тут же заторопились сервы с подносами, заставленными едой и напитками, которые легионеры принялись поглощать с волчьим аппетитом, насыщая сверхчеловеческие организмы, до предела истощенные длительной партизанской войной. С них сняли наплечники и забрали на ремонт оружие, в то время как апотекарии, технодесантники и их помощники занялись уходом за ранеными и устранением поломок.

Хотя события, приведшие к возвращению выживших, были из ряда вон выходящими, доктрина легиона оставалась неизменной. Битва, в которой они победили, проиграли или просто выжили, уходила в прошлое, а их вскоре ждало следующее сражение. Воин, не готовый к бою, — не воин. Пусть они изможденны, пусть закончились боеприпасы, доспехи исковерканы, а боевой дух как никогда низок — Гвардия Ворона находилась в зоне боевых действий,

поэтому легионеры перевооружились и позволили технодесантникам и апотекариям оказать им помощь, дабы в случае необходимости оказаться в состоянии принять бой.

В толпе с лязгом и шипением сновали сервиторы, неся ящики с боеприпасами, коробки с гранатами и запасные части для силовых доспехов. Другие сервиторы — сгорбленные существа с кранами вместо рук и гусеницами вместо ног — прогрохотали к десантным кораблям, чтобы подвесить бомбы и ракеты с поддонов на тележках, прицепленных к их металлическим позвоночникам.

Приземлился последний шаттл. Командор тут же оказался рядом с ним, как только начала опускаться аппарель. Первый вышедший космодесантник едва держался на ногах, его доспехи представляли собой мешанину цветов и голого керамита. От первоначального комплекта брони у него остался лишь левый наплечник с символом легиона. Десантник снял шлем и бросил его на

палубу.

— Агапито! — рассмеялся Бранн и хлопнул по груди своего родного брата. — Я знал, что ты выживешь. Ты слишком упрям, чтобы позволить себя прикончить!

Бранн пристально посмотрел на брата. От правой щеки до горла тянулся новый шрам, но, несмотря на это, перед ним было то же лицо, которое он знал всю жизнь. В ответ Агапито лишь слабо улыбнулся и одарил Бранна теплым взглядом темно-карих глаз. Затем положил ему ладонь на затылок и притянул к себе. В знак уважения и родства они коснулись лбами.

— Вижу, тебе не терпелось влипнуть в неприятности, Бранн.

Отступив от Агапито, командор увидел, как по рампе спускается Коракс. Примарх возвышался над остальными Астартес, на черных доспехах вмятин и выбоин было не меньше, чем у его подчиненных.

— Я отслеживал ваши передачи, — произнес Коракс. — Почему враг передумал атаковать?

— Не могу знать, лорд Коракс, — ответил Бранн. — Возможно, они поняли, что атаковать сразу три корабля будет не лучшей идеей.

— Где они сейчас? — спросил примарх.

— Отступили на сто тысяч километров, — сказал командор. — Не похоже, что они попытаются вновь напасть на нас.

— Странно, — задумчиво произнес Коракс. Он покачал головой, словно отгоняя мысль. — Прикажи остальному флоту держать курс на Освобождение.

— Слушаюсь, лорд Коракс, — сказал Бранн, прижав кулак к груди. — А куда направимся мы?

— На Терру, — ответил примарх. — Мне нужно поговорить с Императором.

Бранн и Агапито переглянулись, но ничего не сказали, и Коракс сразу же покинул посадочную палубу. Бранн вновь посмотрел на брата и заметил, как Агапито со странным выражением озирает палубу, подмечая каждую деталь, но не в силах остановиться на чем-либо одном.

— Расслабься, брат, — сказал Бранн, похлопав Агапито по руке. — Здесь нет врагов. Ты в безопасности.

Агапито безучастно взглянул на Бранна и неуверенно кивнул. Словно придя наконец в себя, Агапито улыбнулся и взял Бранна за руку.

— Да, это так, — ответил Агапито. — Я думал, что уже никогда больше не ступлю на палубу корабля Гвардии Ворона.

Включилась сирена, ее пронзительный вой оборвал разговор братьев.

— Стратегиум вызывает командора Бранна, — объявил голос по общему каналу связи. — Предупреждение о сближении. Вражеские корабли изменили курс и направляются к нашей позиции. Предположительный перехват через пять часов.

— Приготовиться активировать отражающие щиты, — ответил Бранн в вокс-бусинку и бросил взгляд на Агапито, выдавив из себя ободряющую улыбку. — Похоже, мы еще не в безопасности.

«Мститель» попрощался с двумя остальными кораблями флотилии, и троица покинула орбиту, направляясь в разные стороны, чтобы запутать и рассеять энергетические следы своих двигателей. Прежде чем войти в варп и отправиться обратно к Освобождению, родному миру легиона, «Триумф» и «Доблесть Ворона» должны были достичь внешних границ системы. Коракс приказал «Мстителю» идти к Исстваану-IV, чтобы сбить с толку преследователей, в надежде соединиться с небольшим флотом тэрионских кораблей, которые Бранн послал сюда несколькими днями ранее с целью направить предателей по ложному следу.

Надежды на то, что корабли Имперской Армии могли уцелеть, почти не оставалось. За тэрионцами отправилась армада Пожирателей Миров и множество других кораблей. Сейчас, когда легион Гвардии Ворона вместе со своим флотом был практически уничтожен, на счету был каждый корабль и солдат, а поэтому, взвесив все за и

против, Коракс решил, что сможет пожертвовать парой дней ради поиска тэрионцев.

Бранн также настаивал на том, что у Гвардии Ворона есть обязательства перед союзниками и, по крайней мере, она должна попробовать соединиться с ними. Не считая того, что тэрионцы могли стать ценными силами, весть, что Император не бросает своих воинов, сыграла бы не менее важную роль, особенно учитывая ужасные события на Иссваане. Тем не менее Коракс объяснил командорам, что «Мститель» слишком ценен, чтобы рисковать им без веской причины, а потому поиски не затянутся. Если появится риск быть обнаруженными, боевая баржа немедленно свернет операцию и направится к точке варп-перехода.

Едва корабли оказались вне пределов досягаемости наземного огня, были активированы отражающие щиты. Новшество с планеты Киавар, на орбите которой вращалась родная луна Гвардии Ворона, отражающие щиты представляли собой модификацию пустотных щитов,

защищавших большинство имперских военных кораблей и зданий.

Пустотный щит работал на энергии самого варпа, перемещая снаряды и высокоэнергетические лучи. Отражающий щит изменял модуляцию варп-ядер, которые подпитывали пустотные щиты, регулируя их для куда большей устойчивости и обращая внутрь так, чтобы материя и энергия, вырабатываемая кораблем, направлялись в другую сторону. Щит смещал все виды излучения кораблей Гвардии Ворона, тем самым делая их невидимыми для сканирующего оборудования.

Технология отражающих щитов прекрасно подходила стилю ведения войны Коракса, позволяя его кораблям скрытно приближаться к целям, наносить стремительные и решительные удары, после чего отступать. Из-за низкого энергопотребления режим невидимости можно было поддерживать почти бесконечно. Но с другой стороны, у них имелся и серьезный недостаток. Используя генераторы пустотных щитов для

создания отражающих щитов, корабли тем самым оказывались беззащитными перед атаками, и им требовалось время, чтобы перейти в другой режим. На это уходило несколько минут, и все это время у корабля не было ни скрывающего поля, ни энергетической защиты, поэтому «Мстителю» пришлось как можно быстрее покинуть орбиту.

Для авгуров и сканирующих устройств на базах и флотах предателей по всей Исстваанской системе троица кораблей Гвардии Ворона будто испарилась среди звезд. Обычный глаз мог уловить мерцание, когда отражающие щиты активировались и начали отражать излучение корпусов, но затем вся энергия подобного рода стала глушиться, и они превратились в невидимки.

Еще одним недостатком отражающих щитов, преодолеть который Коракс старался уже многие годы, был низкий уровень энергии, который они могли скрыть. Реакторам следовало функционировать лишь в половину

мощности, чтобы не вырабатывать слишком много энергии, что, в свою очередь, приводило к снижению скорости и сенсорных возможностей корабля. Поэтому с Исствааны-V отбыл уже медленный и полуслепой «Мститель», который, обогнув планету, вышел на заданный курс.

Корабль не направился прямиком к Исствааны-IV, поскольку доктрина легиона гласила, что приближаться к цели всегда следовало непрямым путем. Вместо этого, он двигался обходным, зигзагообразным курсом, используя временно-дистанционную формулу, выведенную Кораксом для максимизации заглушающего эффекта отражающих щитов, чтобы сбить с толку преследователей или сенсоры, если им каким-то чудом удастся обнаружить корабль. Когда дело доходило до маневренного и незаметного передвижения, Коракс предпочитал не рисковать понапрасну.

Пройдет пара дней, прежде чем Исствааны-IV окажется в пределах досягаемости ослабленной сенсорной завесы

«Мстителя», и Коракс решил использовать это время для реорганизации остатков своего легиона.

Вместе с ротами Бранна у него под началом осталось меньше четырех тысяч Астартес различных званий и специализаций. Большинство из них примарх перевел в «Когти», тактические роты под командованием Агапито. Выживших из штурмовых взводов с несколькими заключенными в дредноуты ветеранами он объединил в «Соколы», которых возглавил Алони Тев. Наконец, горстку мотоциклетных отделений, экипажей уцелевших «Ленд-спидеров» и воздушных кораблей Коракс свел под командование капитана Соларо Ана, назвав их «Ястребами».

Спустя два дня после отбытия с Иссваана-V Коракс созвал на совет своих четырех командоров и представил план реорганизации и назначений после того, как легион вновь соберется на Освобождении.

Они встретились в покоях Бранна, отданных в распоряжение примарху, как

только он поднялся на борт. Главная комната выглядела аскетически, у выкрашенных в блекло-синий цвет пластальных стен располагались стойки для оружия и доспехов. Обычно в них хранилось созданное мастерами легиона вооружение командора, но сейчас они пустовали — каждому легионеру следовало быть готовым к бою, поэтому воины даже спали в доспехах, сжимая в руках болтеры.

На полу был вырезан герб Гвардии Ворона — геральдическая птица с распростертыми крыльями и выпущенными когтями, окруженная цепью. На символе стоял стол из блестящего, похожего на бронзу металла, также отмеченный круглым знаком легиона, с вокс-устройствами и дисплеями для десятка присутствующих. Сейчас экраны были безжизненны, клавиатуры и передатчики отключены — каждый сохраненный ватт энергии мог способствовать тому, чтобы побег оказался удачным. Коракс стоял лицом к двойным дверям, которые отделяли покои от стратегиума, подавшись вперед и

упираясь кулаками в стол. Агапито и Алони находились по правую от него руку, Бранн и Соларо — по левую. Бранн и Агапито были родными братьями и походили друг на друга как две капли воды — волевые челюсти, тяжелые брови и прямые скулы. Они родились в тюрьме, и даже многочисленные аугментации и операции, превратившие их в Астартес, не сумели полностью убрать землистый оттенок пористой кожи. У Агапито появился новый шрам, но о том, что ему пришлось пережить во время резни в Зоне высадки, красноречивее всего говорили тревожные взгляды, которые он иногда бросал по сторонам.

Соларо был самый молодой из них; когда Коракс освободил Ликей от тирании властителей Киавара, он был еще ребенком. Как и примарх, Соларо выделялся бледной кожей, острым носом и тонкими губами; он постоянно находился в движении. Даже слушая Коракса, он не переставал барабанить пальцами по краю стола.

Алони был самым старшим из них

четверки и обладал совершенно другими чертами. Рожденный на пыльных равнинах Азиатики на Терре, он имел кожу несколько темнее, нежели у остальных, и узкие глаза, каких не встречалось ни у одного выходца с Ликея. На его обритой голове красовалось множество золотых штифтов.

— Какова будет моя роль, лорд Коракс? — спросил Бранн, когда понял, что не получил назначения.

— Ты станешь командором рекрутов, — сообщил ему примарх.

— Рекрутов? — Бранн не мог скрыть своего разочарования. — Если бы не жребий, то на Исстваане с вами был бы я, а Алони или Агапито остались бы вместе с гарнизоном на Освобождении. Мне бы хотелось получить боевое назначение, мой лорд.

— Ты его и получил, — ответил примарх и, наклонившись поближе, положил руку на наплечник командора. — Хорус и его союзники-предатели вряд ли позволят нам спокойно набирать рекрутов.

— Со всем уважением, лорд, но мне не

хочется возглавлять отделения скаутов, — сказал Бранн.

Ему претило пререкаться с примархом, и он опасался, что им, вероятно, движет гордыня, но даже спустя всего пару дней после эвакуации Бранн стал замечать различия между теми, кто побывал на Исстваане-V, и теми, кто там не был. Когда-то легион был объединен общим опытом, но теперь казалось, будто резня и последующее спасение переросли в более крепкие узы. Бранну хотелось доказать, что он не хуже своих братьев, и мысль о том, чтобы вновь отправиться на Освобождение, уже для набора рекрутов, чрезвычайно опечалила его.

— Возможно, я мог бы стать капитаном вашей гвардии, — продолжил Бранн. — Аренди ведь погиб в зоне высадки, а вы так и не назначили его преемника.

Со стороны других командоров раздались тихие смешки над шуткой, которую Бранн не понял. Его раздражало, что между ним и товарищами выросла невидимая стена.

— Я не нуждаюсь в почетной гвардии, — мягко произнес Коракс. Примарх выпрямился во весь рост и пристально взглянул на Бранна. Командор ожидал упрека, но, вместо этого, Коракс слабо улыбнулся. — Я возлагаю на тебя величайшую честь, Бранн, — сказал примарх. — В качестве награды за спасение я поручаю тебе восстановить легион. Это важнейшая задача, которую можно доверить только тебе. В твоих руках находится будущее Гвардии Ворона.

Какое-то время Бранн обдумывал слова Коракса, которые вселили в него уверенность. Он перевел взгляд на остальных командоров и увидел, что они согласно кивают.

— Конечно, я принимаю эту честь, лорд, — произнес Бранн, склонив голову. — Но все же... — тихо пробормотал он, — возиться со скаутами?

— Скаутов больше не будет, — сказал примарх, явно услышав шепот Бранна. — Уцелевшие отделения войдут в состав разведывательных сил Соларо. Каждый, кто близок к полной инициации, получит

черный панцирь и будет определен в Когти. Твоим рекрутам с самого начала придется учиться воевать по-настоящему. У нас нет времени для тщательной подготовки.

Настроение Бранна стало еще лучше, доставшееся назначение больше не казалось ему ерундовым. Позже они перешли к обсуждению других тем. Для оценки того, насколько затупились когти Гвардии Ворона, предстояло провести полную инвентаризацию доспехов, вооружения, транспорта и кораблей.

— Что с флотом? — осведомился Соларо и вопросительно посмотрел на Бранна. — Есть шанс, что наши корабли уцелели?

— Маловероятно, — ответил Бранн. — Возможно, нескольким из них удалось уйти, но я не верю в это. Мы не засекли никаких передач, хотя ко времени нашего прибытия корабли Гвардии Ворона, скорее всего, ни с кем не выходили на связь.

— «Тень Императора» определенно уничтожена, — сказал Коракс, подразумевая свой флагман, — вместе с

флотилией кораблей эскорта. Когда предатели открыли огонь, я получил сигналы об атаке и бедствии. Они оборвались спустя пару минут, слишком быстро, чтобы успеть поднять щиты, а против такого количества врагов они были единственной защитой.

После упоминания о предательстве Хоруса и присоединившихся к нему легионах в помещении воцарилось напряженное молчание. Бранн заметил, как Агапито бессознательно сгорбился, его взгляд вновь блуждал где-то вдали. Соларо сжал кулаки на столе, а Алони опустил голову и закрыл глаза.

— Павшие будут отомщены.

Коракс произнес эти слова шепотом, но в них звучала такая сила, что командоры ни на миг не усомнились в их искренности.

Тяжелую атмосферу в комнате рассеял звонок. Коракс нажал на кнопку, и створки дверей разошлись в стороны. За ними стоял человек в белом кителе и черных рейтузах, сжимающий в руке цифровой планшет. Для уменьшения

расхода энергии пришлось отключить даже внутренние вокс-частоты «Мстителя», поэтому несколько сервов и членов команды стали посыльными, чтобы передавать приказы и сообщения по боевой барже.

— Простите за вторжение, лорд и повелители, но диспетчер Эфрения сообщает, что мы вошли в зону сканирования Иссстваана-четыре, — доложил посыльный.

— Отлично, — произнес Коракс. — Передай Эфрении, чтобы она направила двадцать процентов реакторной мощности с двигателей на сканирующее оборудование. Я вскоре к ней присоединюсь.

Серв поклонился и покинул комнату.

— Нужно рассказать Марку, — сказал Бранн.

— Марку? — переспросил Коракс.

— Префектор Валерий, — пояснил командор, — старший офицер тэрионцев. Это его корабли и людей я отправил к Иссстваану-четыре.

Бранн не упомянул, что это странные сны Валерия в итоге заставили

его отправиться к Исстваану, невзирая на приказ примарха охранять Освобождение. Бранна беспокоили эти сны, и он был настроен обсудить их с примархом лично, но пока не представилось подходящей возможности.

— Как скажешь, — ответил Коракс, указав командорам на двери. — Сообщите префектору, что мы можем выделить семь часов на поиски его кораблей, не больше. Кроме того, я приглашаю его присоединиться ко мне в стратегиуме на время операции.

Бранн кивнул и первым вышел из комнаты. В прилегающем коридоре ожидали двое юнцов и девушка, одетые в простые мундиры и рейтузы. Бранн жестом приказал подойти одному из них.

— Передай сообщение префектору Валерию, спроси его... — Бранн остановился. — Забудь — я сам с ним встречусь. Свободен.

Командор развернулся и торопливо зашагал по коридору, пока остальные лишь выходили из покоев. Ему следовало как можно скорее рассказать лорду Кораксу о

снах, но лучше, если Валерий пока не станет распространяться. Когда они уберутся подальше от Иссгваана и ситуация стабилизируется, им двоим придется поднять эту щекотливую тему.

Глава вторая
ВЫЗОВ ПРИМАРХА
КРАСТЬСЯ ПОД ОТРАЖЕНИЕМ
КАБАЛ УКАЗЫВАЕТ ПУТЬ

— В чем дело? — спросил Марк, услышав, как денщик Пелон назвал его имя.

Префектор лежал на койке с небольшим трактатом по флотской тактике в руках, и хотя, с тех пор как Коракс поднялся на борт корабля, Валерий перечитал последнюю страницу по меньшей мере десяток раз, он не понял оттуда ни единого слова. Ему пока не довелось увидеть примарха, о чем он немного сожалел, но одновременно испытывал от этого немалое облегчение.

— Вас хочет видеть командор Бранн, господин, — сообщил Пелон. Юноша зашел из главной комнаты, скрытый тенью стоявшего позади него легионера.

Марк тут же вскочил с койки и

заправил рубашку в брюки. Он наспех пригладил волосы, когда Пелон отступил в сторону и жестом пригласил Бранна войти.

— Командор, какая честь, — коротко кивнув, сказал Марк. — Я думал, у вас есть более важные дела.

— Есть, — с серьезным выражением лица ответил Бранн и бросил взгляд на Пелона.

— Пожалуйста, оставь нас, Пелон, — сказал Марк. — Думаю, тебе стоит наведаться в офицерский камбуз и разузнать насчет обеда.

Пелон кивнул и вышел из спальни. Бранн молчал до тех пор, пока за денщиком с шипением не закрылись двери.

— Лорд Коракс дал семь часов на поиски твоего флота, — сказал командор. — Не больше.

— Боюсь, это пустая трата времени, — вздохнул Марк. Он сел обратно на низкую койку и жестом предложил Бранну присоединиться к нему. В ответ командор отрицательно покачал головой и нахмурился.

— Примарх также пригласил тебя в стратегиум.

— Правда? — улыбнулся префектор. — Очень признателен. Мне очень хотелось бы поздравить лорда Коракса с возвращением.

— Сны, Марк, они прекратились? — Бранн возвышался над офицером, скрестив руки на массивной груди.

— Да, к счастью, прекратились, — ответил Марк. — Вороны больше не взывают ко мне, пламя в моих кошмарах погасло.

— Это хорошо, — произнес Бранн, на его лице читалось облегчение. Он опустился на колено, чтобы посмотреть Марку в лицо. — Было бы неразумно отвлекать лорда Коракса лишними проблемами.

— Лишними проблемами? Не уверен, что понимаю вас, командор.

— Когда увидишь примарха, ничего не рассказывай о своих снах.

— Что ж, я и не собирался болтать перед всем стратегиумом, если вы об этом, — обиделся Марк. — Я понимаю, что

это щекотливый вопрос.

— Более чем, Марк, — зло посмотрел на него Бранн. — Эти сны могут быть чем-то неестественным. Обычному человеку ненормально знать, что происходит на расстоянии многих световых лет.

— Конечно ненормально, — согласился Марк. — Человеку несвойственно видеть такие сны, но лорда Коракса также нельзя назвать обычным человеком.

— Ты все еще считаешь, что эти сны ниспослал тебе примарх? Что он каким-то образом сумел предупредить тебя об опасности, в которой оказался?

Валерий несколько смутился от укоризненного тона Бранна.

— Несомненно, — сказал префектор, поднимаясь с койки. — Не знаю, — возможно, в результате кондиционирования ваши разумы стали иммунны к его сообщениям. Уверен, когда придет время, лорд Коракс сможет положиться на нас.

— Не ставь меня в неудобное положение, Марк, только не перед примархом, — сказал Бранн, выдав причину

своего беспокойства. — Он пока не знает, почему мы покинули Освобождение, и лучше не углубляться в подробности.

— Как скажете, командор, — ответил Марк и поднял руку, обеспокоенный напряжением, сквозившим в голосе Бранна. — Я не буду поднимать этот вопрос, если вы или лорд Коракс не попросите.

— Что насчет слуги?

— Кого?

— Парня, который только что ушел. Он не проболтается?

— А, Пелон. Ему можно полностью доверять. Его семья поколениями служила дворянству Тэриона. Верность у него в генах, как светлые волосы или приплюснутый нос. Он служит префектору Когорты Тэриона и знает свое место, а также то, что ему следует быть осмотрительным.

— Надеюсь на это, — сказал Бранн. — Тебе же лучше, если не будут ходить разные слухи. Из-за предательства Хоруса и легионов все стали очень подозрительными. Твои сны довольно

ненормальные, поэтому о них лучше не распространяться.

— Понимаю, — произнес Марк, хотя на самом деле это было не так. Такого странного взгляда, как у командора, префектор раньше не видел у легионеров. Не будь это так глупо, Марк принял бы его за страх.

— Не следует заставлять ждать лорда Коракса, — сказал Марк и, обойдя Бранна, снял со стены мундир. Надев его и поправив галуны с эполетами, он кивнул на двери. — Только после вас, командор.

В стратегиуме царила тишина, нарушаемая лишь фоновым гулом пультов управления и механическим треском печатающих устройств с инфолентами. Коракс стоял за командным троном — кресло было слишком маленьким для него, — в то время как командоры расположились позади него на верхнем ярусе, с которого открывался вид на весь стратегиум. Марк Валерий стоял возле Бранна, смотря вниз на стратегиум, совсем крошечный в сравнении с легионерами.

Оставаться в системе Иссваан дольше необходимого было рискованно, не менее опасно, чем приближаться к Иссваану-IV, где собиралась армада Хоруса. Но, несмотря на угрозу обнаружения, Коракс понимал, что за свое спасение он должен благодарить солдат Тэриона, и поэтому ему следовало хотя бы попытаться найти выживших. Надежда была призрачной — а если начистоту, то ее не было вовсе, — но сейчас Кораксу казалось как никогда важным отдать дань уважения тэрионцам.

«Мститель» подкрадывался к Иссваану-IV на минимальной мощности, для сканеров вражеского флота он казался не более чем пятном фоновой радиации. Но Коракс остерегался подойти так близко не только для того, чтобы уважить память тэрионцев. Любая информация, которую ему удалось бы собрать относительно возможностей и численности предателей, могла как сыграть важную роль в грядущей войне, так и увеличить собственные шансы покинуть Иссваан живым.

Возле него находились десятки кораблей, возможно даже — сотни. Они принадлежали Сынам Хоруса, Несущим Слово, Пожирателям Миров, Железным Воинам и другим легионам, которые по непонятным для Коракса причинам восстали против Императора.

Он не видел подобного зрелища со времен первого посещения системы, когда корабли Гвардии Ворона, тэрионцев, представителей Механикум и других сил, включенных в состав Великого крестового похода, привели Исстваан к Согласию. Его сюда послал Хорус еще до получения звания магистра войны и титула Воителя. Тогда это прозвучало как запрос, даже как приглашение, но для Коракса слова Хоруса были равносильны приказу самого Императора.

Примарх Гвардии Ворона никогда не был особо дружен с Хорусом. Тот всегда казался ему слишком высокомерным, готовым без повода демонстрировать силу. Коракс же предпочитал большую сдержанность в своих действиях, стараясь приводить миры к Согласию с минимумом

суеты и позерства.

Но как бы мало ни нравился ему Хорус, Коракс все же восхищался им. Его поражало то, с какой легкостью Воитель заводил дружбу с подчиненными, и он знал, что Хорус во множестве кампаний показал себя выдающимся полководцем. Он был одарен редкой способностью видеть как общую картину, так и подмечать детали, в чем сам Коракс не мог с ним сравниться.

В физическом плане Хорус и Коракс были ровней друг другу в поединках и рукопашной. Подобные спарринги не создали между ними крепких уз, как с другими примархами, но Коракс никогда даже не думал о том, что однажды ему придется сразиться с Хорусом по-настоящему.

Он всегда был рад предоставить Воителю Гвардию Ворона, карая тех, кто отказывался от Согласия, сражаясь в тылу врага, нападая на корабли, как обычный пират, пока Хорус со своим легионом — который тогда еще звался Лунными Волками — добывал славу молниеносными десантными атаками и в грандиозных

сражениях.

Коракс позволял Хорусу получать все лавры, сам он в них не нуждался. Император не раз говорил с ним об этом. Повелитель человечества знал цену Кораксу, и, хотя ему не пели дифирамбов, Спасителю Освобождения этого было вполне достаточно.

Теперь же, особенно если смотреть сквозь призму предательства, порывистость Хоруса казалась тщеславием, а его экстравагантность — жаждой крови. Воитель впал в самовозвеличение и при падении утащил в пропасть следом за собой многих генетических братьев Коракса.

— Поступил доклад по шестому квадранту, лорд, — объявила диспетчер Настури Эфрения, нарушив ход мыслей Коракса.

Кожа этой низкорослой стареющей женщины, рожденной на Освобождении, была морщинистой, седые волосы уже истончились, но ее глаза с прежней остротой и проницательностью изучали скопление экранов у главного пульта

управления сканерами, над которым она склонилась. Под ее кожей вились трубки, слабо пульсируя в такт текущим по ним жидкостям системы жизнеобеспечения. По обе стороны ее шеи и вдоль пальцев тускло блестели аугментические скобы, когда она вводила на клавиатуре требуемые протоколы.

Диспетчер стратегиума носила обычные серые штаны, направленные в низкие ботинки, отворот ее черного кителя с широким воротником украшала рубиновая брошь в форме герба легиона, указывая на ее звание. Лицо женщины оставалось непроницаемым, пока она изучала последние результаты сканирования и поиска передач.

Она всегда была хладнокровной, даже в детстве.

Света почти не было. Сквозь трещину в скальной породе пробивался тоненький лучик, которого хватало, чтобы различить очертания предметов вокруг. Позади мальчика находилось что-то, наполовину погребенное среди камней,

расколотое и искореженное от удара неимоверной силы, по неровному полу было разбросано битое стекло.

Свет отражался от тысячи восьмидесяти шести осколков.

Он задался вопросом, имело ли это значение, и решил, что нет. Значение имело то, что воздух был пригоден для дыхания, в пределах допустимой нормы, а гравитация немного меньше... меньше чего? Что означает «стандартной земной»? Он пока не мог сосредоточиться, но понимал, что такое гравитация, и при необходимости смог бы расписать множество длинных уравнений по вычислению ее силы и эффекта, но это была лишь крошечная частичка массы информации, небрежно рассыпанной у него в голове, словно стеклянные осколки на полу.

Воздух был перенасыщен озоном.

Откуда ему это известно? Он сделал еще один глубокий вдох, но пришел к тому же заключению. Он просто знал об этом, как и о повышенной концентрации углекислого газа. Оба этих факта

кружились у него в голове, пока он не сопоставил их и на поверхность не всплыл вывод.

Искусственная атмосфера.

Это заключение не было окончательным, но казалось верным, особенно учитывая иные климатические факторы, с которыми столкнулось его тело после пробуждения в этом темном месте. Рядом определенно работал генератор. Он чувствовал электромагнитные возмущения, испускаемые его контурами.

Источник света стробировался на определенной волне, резонирующей с контурами генератора. Благодаря этому он догадался, что электричество для освещения вырабатывалось генератором, и это подтверждалось также анализом спектра света, падающего на улучшенную сетчатку его глаз.

Это было довольно тревожно.

Он совершенно не помнил это место. В действительности ему вспоминалось лишь приятное тепло, приглушенное фоновое жужжание и щелчки, а также

тусклый свет, пробивающийся сквозь жидкость. Совсем не это холодное, сухое, темное место.

И голоса, беспокойные, сумасшедшие голоса, обволакивающие границу памяти. Он не помнил, о чем шел разговор, но после него осталось лишь странное чувство неприятия и недоверия.

Уровень влажности также был довольно высоким. Учитывая это, а также низкую температуру, он заключил, что находится недалеко ото льда. Он заметил, что его дыхание оставляет в мерцающих лучах облачка пара. Он вспомнил о слухе и удивился, что не обратил на него внимания раньше.

Поблизости раздавались звуки — звуки, которые не казались искусственными и напоминали ему о регулярных осмотрах, пока он рос и учился. Человеческие звуки.

Голоса.

Он понимал сущность языка и знал семь тысяч шестьсот сорок один язык, включая диалекты, жаргоны и наречия со всех уголков Старой Империи. Он не

понимал, почему знает их, но попытался определить, к какому из языков принадлежали доносящиеся слова. Говорившие имели пансаннатический акцент, и слова звучали отрывисто. Ему не удалось распознать точную субветвь наречия, но это не помешало выработать восприятие для понимания.

Вскоре он смог разобрать, о чем шла беседа, и стал слушать.

— По меньшей мере четыреста покойников.

— На четыреста голодных ртов меньше, — произнес другой голос. — Вот как они считают.

— Эти дуговые бури не годятся для ледовых работ, — отозвался еще один. — Подобного следовало ожидать.

— Прекратить трепаться и за работу! — обругал остальных новый голос, наполненный мнимой властностью. Он ощутил за горячностью дрожь, тень страха, таящегося в подсознании говорившего.

Затем раздался пронзительный визг, и в крошечную щель ворвался мерцающий

красный свет, в то время как скальная порода начала вибрировать чуть сильнее.

Он ждал, настороженный, но заинтригованный.

Лазерный бур неизвестной ему конструкции подбирался все ближе. Наконец камень раскололся, и в полость хлынул свет. Он мгновенно оценил открывшееся зрелище. Группка людей, одетых в поношенные синие спецовки, — семеро мужчин и три женщины — управляла лазером, пятеро направляли его рабочую часть, в то время как остальные находились в гусеничной тележке позади. Их возраст было невозможно определить, его стерли явные признаки голодания и тяжкого труда. Из-за морщинистой обветренной кожи, растрескавшихся губ и впалых глаз люди выглядели намного старше, чем были на самом деле.

С рабочими также находился ребенок. Девочка цеплялась за ногу одной из женщин в тягловой тележке, толкавшей бур. У крохи были длинные светлые волосы и узкое личико с пухлыми губками и ярко-голубыми глазами. Она казалась

маленькой и хрупкой, словно сосулька. Как и всех остальных, девочку покрывала каменная пыль, но она стерла ее со лба тыльной стороной ладони, открыв болезненно-бледную кожу.

Все они как один прекратили работать и пораженно смотрели на него. Он быстро пришел к выводу, что рабочие не рассчитывали найти его, и задался вопросом, почему его присутствие здесь оказалось неожиданным. Это его сильно взволновало.

— Чего встали? — Из-за рудной тележки вышел еще один мужчина, более крупного телосложения и упитаннее, чем остальные. Он носил темно-синие штаны и куртку, покрытые легким слоем пыли, обут в прочные ботинки, на носках и пятках оббитые металлом. Лицо скрывал тонированный визор шлема, в руке мужчина держал плеть, рукоять которой была достаточно тяжелой, чтобы играть роль дубинки. Человек резко остановился, также увидев то, что находилось в только что открытом кармане залежи.

— Какого?..

Одетые в спецовки с инструментами взрослые начали о чем-то перешептываться между собой, слишком быстро, чтобы он мог понять их. Человек с плетью и с мнимой властностью в голосе протолкнулся вперед. Маленькая девочка спрыгнула с тележки и зашла в полость кармана.

— Назад, — приказал мужчина в форме и схватил девчушку за волосы, чтобы оттащить от бреши.

Ему не нравится этот человек с плетью. Крик девочки, наполненный болью и страхом, ворвался в его мысли, будто раскаленный нож, которым касаются обнаженного нерва.

Он встал и пошел к людям, которые отшатнулись от него, все еще перешептываясь и бормоча. Человек, причинивший вред девочке, замерев на месте, оттолкнул малышку. Затем надсмотрщик метнулся вперед, чтобы схватить его, но двигался так медленно, что уйти от вытянутой руки было проще некуда.

Мальчик ловко увернулся от стража,

обеими руками ухватил его за запястье и с легкостью сломал, вызвав у мужчины болезненный вой. Злобный человек попятился с безвольно повисшей кистью, затахнувшись плетью в другой руке. Увенчанный шипами конец ринулся вперед, но мальчик с легкостью уклонился и схватил его в кулак. Человек истерично засмеялся и дернул плеть, чтобы свалить его. Мальчик устоял, расставил шире ноги и дернул оружие на себя, тем самым вывихнув стражу руку. Так и не разжав хватки, страж взлетел в воздух и рухнул на землю перед другими людьми.

Подойдя ближе, мальчик заметил в глазах рабочих смесь удивления, ужаса и надежды. Несмотря на текущие по запыленному лицу слезы, маленькая девочка улыбнулась ему. Ему вдруг захотелось порадовать ее, подарить ей что-нибудь и заверить, что все будет хорошо.

— Как тебя зовут? — спросила она. — Меня зовут Настури. Настури Эфрения.

Он схватил облаченную в шлем голову стража, резко оторвал ее и

протянул девочке, которая рассмеялась, хотя взрослые в панике закричали. А затем он увидел свое отражение в визоре и понял причину их тревоги.

Он был обнажен и находился в теле мальчика, на вид не старше Эфрении. Его снежно-белую кожу расцвечивали пятна крови, и забрызганное алыми каплями лицо окаймляли угольно-черные волосы, глаза были совершенно черными, темнее ночи.

Он принялся искать ответ на вопрос девочки, пока с пальцев капала кровь. Лишь один показался подходящим, всплывший из глубин эмбрионной памяти.

— Девятнадцатый, — произнес он. — Я — номер девятнадцатый.

— Ничего не обнаружено, лорд, — доложила Эфрения. — Слабое фоновое эхо на тэрионских частотах, минимум пятидневной давности.

— Враги? — спросил Коракс, стиснув спинку командного трона.

— Обнаружено еще шесть кораблей — предположительно фрегаты, лорд, — добавила женщина. — Два ударных и один

линейный крейсер. Насколько мы можем определить, все используют протоколы Несущих Слово. Они направляются в сторону границ системы.

— Оставаться здесь слишком опасно, — отозвался с галереи Агапито. — У Исстваана-четыре находится тридцать восемь кораблей.

— Тэрионцы погибли, — сказал Соларо.

— Увы, но это так, — с печальным лицом прошептал Валерий. Он бросил взгляд на Бранна, а затем перевел его на примарха. — Надеюсь, об их жертве не забудут. Как только мы вернемся на Освобождение, я составлю список имен и званий.

— Не сомневайся, им будут оказаны все, — заверил префектора Коракс. Темные глаза примарха блестели от света экранов на стенах и пультах управления стратегиума. — Их жертва не будет забыта. И мы отомстим за них.

— Примите мою благодарность, лорд Коракс, — произнес Валерий с глубоким поклоном.

Из громкоговорителя раздался

приглушенный звук.

— Скачок энергии в реакторе, лорд, — сказала Эфрения.

— Уменьшить сканирующий сигнал до навигационного, — быстро ответил примарх. — Здесь мы больше ничего не найдем. Держать курс к ближайшей точке перехода, схема уклонения три.

Слуги в черных и белых одеяниях без лишних слов заторопились к пультам управления, и пару минут спустя сигнал тревоги стих.

— Зафиксировано авгурное сканирование, лорд, — быстро, но спокойно произнесла Эфрения. — Три фрегата изменили курс, направляются к точке перед нами. Сканирование указывает на увеличение количества принимаемых и передаваемых сообщений.

— Предатели заметили наше исчезновение, — сказал Коракс. Примарх подошел к диспетчеру и взглянул на экраны. — Придерживаться намеченного курса. Состояние отражающих щитов?

Прежде чем ответить, Эфрения сверилась с субэкраном.

— Маскировка на девяносто девять и три десятых процента, лорд, — ответила она. — Сбавить ход?

Коракс быстро произвел в уме необходимые вычисления, учитывая радиус действия вражеских сканеров и время, необходимое, чтобы уйти отсюда.

— Без изменений, — приказал он. — Большая скорость послужит нам лучше полной маскировки. Когда мы окажемся в двухстах тысячах километрах от врага, увеличить скорость на двадцать процентов. Мы должны прибыть к точке перехода через семь дней.

Примарх вновь сверился с дисплеями и набросал в уме расположение вражеского флота. Корабли быстро сворачивали блокаду внутренних планет, осознав, что Коракс направится внутрь системы, а не напрямик из гравитационного колодца звезды. Примарх Гвардии Ворона напомнил себе, что предателями командовал Хорус, один из величайших стратегов Империума.

Его братья-изменники прекрасно знали, на что способна Гвардия Ворона,

многое почерпнув из анализа его предыдущих кампаний. Они будут вести себя осторожно и ничего не принимать как само собой разумеющееся. Возможно, Гвардии Ворона удалось выбраться из ловушки на Исстваане-V, но пока легион находился далеко не в безопасности.

В темном зале возле стратегиума «Духа мщения» шло совещание. Огромное помещение было достаточно большим, чтобы вместить несколько десятков человек, свет единственной лампы в центре потолка едва достигал дальних, увешанных знаменами стен. В другом конце зала, под вышитым багровым стягом с изображением золотого Ока Хоруса, красным мигала пара инфостанций. Пол представлял собой пластальную решетку, отполированную бессчетными ботинками до тускло-серого цвета.

Как только за Альфарием закрылась дверь, глаза примарха мгновенно адаптировались к сумраку. В похожем на пещеру зале находились еще три человека.

Альфарий удивился — он ожидал, что на встречу явятся его братья-примархи. Сделав шаг вперед, он осознал, что попал не на военный совет, но на импровизированный допрос. Возможно, даже на суд.

От этой мысли примарху стало неуютно, и Альфарий принялся разглядывать остальных присутствующих с каменным, как он надеялся, выражением лица. Примарх Альфы осознавал, что испытывает терпение Воителя, но даже представить не мог, на что тот был способен в своем логове.

Хорус, Воитель, магистр войны, примарх Лунных Волков — Сынов Хоруса, поправил себя Альфарий, — сложив руки на коленях, восседал на широком троне с высокой спинкой, облаченный в тяжелые черно-пурпурные одеяния. Его лицо было скрыто тенями, глаза подернуты пеленой тьмы, лишь в их глубине таился блеск. Даже сидящий, Воитель приковывал к себе всеобщее внимание. Альфарий провел с Хорусом много времени — как в часы верности Императору, так и после — и

никогда ранее не чувствовал от него такой угрозы по отношению к себе. В этот раз все было иначе. Хорус казался громаднее, чем обычно.

Альфарий был самым некрупным из примархов, но не позволял этому влиять на свою уверенность. Теперь при одном взгляде на Воителя и на то, как ткань обтягивает его похожие на древесные стволы руки, Альфарий понял, что Хорус в состоянии без особых усилий сокрушить и разорвать его на части.

Несомненно, их отношения изменились. Когда-то примархи считали себя братьями, ровней. Когда Хорус стал магистром войны, его начали почитать как первого среди равных. Но сейчас при одном взгляде на Хоруса у Альфария отпали всякие сомнения, что Хорус мнит себя повелителем, лордом, которому все должны были приносить присягу. Воитель более не добивался от остальных примархов верности, он считал ее их обязанностью.

Альфарий также не мог ошибиться относительно роли, которую Воитель

играл на этой встрече. Он был судьей. Хорус не сводил взгляда с Альфария, пока тот шел к центру комнаты. Сумрак, размытые очертания на границе зрения — лишь грубые уловки, говорил себе Альфарий, способные впечатлить только простаков. Но, несмотря на это, примарх Альфа-Легиона ощутил холодное прикосновение неуверенности.

У правого плеча Воителя стоял Первый капитан Абаддон, полностью закованный в доспехи и с силовым мечом на поясе. Он выглядел в точности таким, как представал в слухах, — у него был взгляд бессердечного убийцы. Слева от Хоруса находился Эреб из Несущих Слово, его доспехи, украшенные золотыми символами и свисающими свитками пергамента, исписанные бессмысленными литаниями Лоргара, были выкрашены в темно-багровый цвет. Несущий Слово наклонился и что-то зашептал на ухо Хорусу, так тихо, что даже сверхчеловеческий слух Альфария не сумел ничего разобрать. Воитель с прищуром посмотрел на примарха Альфа-Легиона.

— Было неразумно действовать от моего имени, Альфарий, — произнес Хорус, его пальцы сжались от гнева. — Ты солгал, будто получил мое соизволение, и направил Ангрона с Пожирателями Миров по ложному следу, что позволило спастись Кораксу и его легиону.

— Возможно, ты не до конца предан нашим целям, — добавил Эреб, прежде чем Альфарий успел произнести хотя бы слово.

Примарх Альфа-Легиона сумел сдержаться, быстро изменив поведение из-за столь явной враждебности Хоруса. Он встал перед Воителем, держа шлем на сгибе локтя, склонив уважительно голову и всем своим видом изобразив почтительного слугу.

Абаддон положил ладонь на рукоять меча.

— Твоя двуличность хорошо известна, — оскалившись, злобно прорычал капитан. — Воитель решил посвятить тебя в свои планы, и надеюсь, ты не обманешь его ожиданий.

— Я хочу возвести Хоруса на трон Терры не меньше твоего, — ответил

Альфарий, опускаясь на колено. Это была инстинктивная реакция, хотя подобное смирение уязвляло гордость примарха. — Если я и действовал без согласования, то лишь потому, что обстоятельства вынудили меня быстро принять решение.

— Я все еще не услышал объяснений твоих действий, — заявил Хорус.

Воитель сверлил его взглядом, словно хотел проникнуть в разум, узнать его мысли. Альфарий бесстрашно встретил этот взгляд. Хорус ничего не знал об истинных намерениях Альфы. Получи он хотя бы намек на то, что примарх заключил сделку с Кабалом, Альфарий был бы уже мертв.

— Я считаю тяжким преступлением прикрываться моей властью, и это преступление усугубляют опасные последствия.

— Гвардия Ворона до сих пор не уничтожена, — заметил Эреб, и его губы скривились в ухмылке. — Хотя от ее прежней мощи осталась лишь тень, было неразумно позволить ей уйти.

— Вы должны мне доверять, — сказал

Альфарий, обращаясь скорее к брату-примарху, а не к его приближенным. Сейчас Альфарию требовалось убедить Воителя или хотя бы заработать его расположение. — Гвардия Ворона лишилась своего боевого потенциала, она больше не представляет угрозы. Ее выживание, спасение Коракса — все это сыграет значительную роль в грядущей войне.

— Правда? — выплюнул Абаддон, презрительно наморщив лоб. — Какую еще значительную роль?

Альфарий не сводил глаз с Воителя, отметив, что тот не так уж сильно злится. Примарх понимал, что Хорус не до конца ему доверяет, но его едва ли это волновало. Его братья всегда настороженно вели себя с Альфа-Легионом, с подозрением относились если не к его мотивам, то уж к методам точно. Хорус ничем от них не отличался. Он всегда недооценивал силу уловок, избегая такого утонченного оружия, как шпионаж и дезинформация врага, и предпочитая открытые действия. Альфарий прибыл к Воителю вовсе не для того, чтобы извиняться за свои поступки,

но чтобы доказать Хорусу их преимущества. То, что он сможет сделать это без вмешательства других командующих легионами, играло ему только на руку.

— Альфа-Легион внедрился в Гвардию Ворона, — просто сказал Альфарий.

Он увидел, как глаза Хоруса слегка раскрылись от удивления, и с трудом подавил удовлетворение от того, что на миг сумел ошеломить Воителя. Это было не признание вины, но заявление о своей силе — демонстрация оружия, которое Альфа-Легион доселе хранил в тайне. Альфарий заметил, как Воитель что-то напряженно обдумывает. Если Альфа-Легион сумел проникнуть в Гвардию Ворона, он мог сделать то же самое и с любым другим легионом. Воитель обеспокоенно склонил голову набок и впервые после прибытия Альфария перевел взгляд на Абаддона.

— Для чего? — взяв себя в руки, спросил Хорус, и его лицо приобрело прежнее спокойствие. — Если бы их уничтожили, зачем было бы шпионить за

тертвецами?

— Ты дал Кораксу уйти от Пожирателей Миров, чтобы защитить своих оперативников? — произнес Эреб и обвинительно ткнул в Альфария пальцем, чем окончательно вывел примарха из себя.

— Я примарх, генетор легиона Астартес, и ты будешь выказывать должное уважение! — резко произнес Альфарий, поднимаясь на ноги.

С горящим взглядом он сделал пару шагов к Эребу. Абаддон двинулся ему наперерез, наполовину обнажив меч.

— Только попробуй достать его, — сказал Альфарий, пригвоздив Абаддона злым взглядом. — Я предпочитаю действовать скрытно, но еще одно такое оскорбление — и вы оба покойники.

Хорус поднял руку, приказывая Абаддону отступить, и на лице Воителя заиграла слабая улыбка. Казалось, он наслаждался вспышкой гнева Альфария.

— Ты какой-то замкнутый, брат, — сказал он, жестом велев Альфарию сесть в одно из кресел вокруг трона. — Пожалуйста, объясни мне выгоду от побега

Коракса.

Неохотно подчинившись Воителю, Альфарий все же сел, но бросил на Эреба предупреждающий взгляд, едва Несущий Слово открыл рот.

— Побереги слова для тех, кого они могут убедить, — предупредил Альфарий. — Твоя измена лишь доказывает бессмысленность твоего обращения к вере. Тебе оказана великая честь находиться рядом с великими людьми, и говорить ты будешь, только когда они разрешат.

Примарх внутренне улыбнулся, когда лицо Первого капеллана исказилось от гнева, но Эреб внял словам примарха и смолчал.

— Я располагаю достоверной информацией, что Коракс попытается вернуться на Терру, — произнес Альфарий, вновь сосредоточившись на Хорусе. — Он попросит помощи Императора, и тот откроет ему доступ к кое-каким секретам Древней Ночи, которые мы сможем использовать в своих целях.

— А откуда пришла эта «достоверная информация»? — безразлично спросил

Хорус, хотя Альфарий понял, что Воитель заинтригован.

— У каждого из нас свои методы и источники, — уклончиво ответил Альфарий, бросив на Эреба многозначительный взгляд. Альфа-Легион занимался сбором информации об остальных заговорщиках, и Альфарий прекрасно знал о странных ритуалах, которые проводили Лоргар и его Несущие Слово. Союзники Альфа-Легиона в Кабале снабдили его сведениями об Изначальном Уничтожителе, Силах Хаоса. Вероятнее всего, Несущие Слово были не единственным легионом, связавшимся с силами варпа. — Но я пока предпочитаю не раскрывать своих.

— Неужели? — раздраженно спросил Хорус. — Зачем тебе что-то утаивать от меня?

— Наверное, все дело в моей природе. Секретность — лучшее мое оружие. — Альфарий примирительно улыбнулся и слегка пожал плечами. — Кроме того, не думаю, что ты считаешь меня или мой легион незаменимыми, поэтому было бы

неразумно выдавать те незначительные преимущества, которыми я владею. Знаю, что мои прошлые поступки не вызывают большого доверия, но уверяю, что эта информация не только проверенная, но и точная.

— Меня устраивают твои заверения, — произнес Хорус, — пока.

Он откинулся на трон и заметно расслабился, чтобы подкрепить свои слова. Альфарий знал, что ему не следовало поддаваться мнимому чувству безопасности. Настроение Воителя могло измениться от любого неверного ответа или коварного слова Эреба.

— Чего ты добиваешься?

— Мы позволим Кораксу обрести искомое, а затем отберем это и используем в собственных целях.

— И как твои оперативники смогут проникнуть в ряды Воронов? — спросил Абаддон. — Согласно докладам, от Ангрона удрали менее чем четыре тысячи. Новые лица с легкостью обнаружат, твои лазутчики будут как на ладони.

— Вот почему они носят старые

лица, — ответил Альфарий. Он улыбнулся и пустился в объяснения, заметив, как присутствующие все сильнее хмурятся от его слов. — Гвардия Ворона рассеялась, когда прорывалась из зоны высадки. Прошло несколько дней, прежде чем ее остатки вновь воссоединились, и за это время многие погибли. Мои апотекарии с легкостью трансплантировали лица нескольких погибших Гвардейцев Ворона добровольцам из моего легиона, но они долго готовились. Как вам, наверное, известно, применение лицевой хирургии не редкость в Альфе. Мои воины — умелые и опытные разведчики, они способны внедриться, не привлекая к себе внимания. Уже сейчас они проникли в Гвардию Ворона, ожидая возможности передать сведения.

— Вы похитили их лица? — В голосе Абаддона слышалась смесь недоверия и отвращения.

Альфарий кивнул и посмотрел на Хоруса, чтобы увидеть его реакцию. Какое-то мгновение Воитель сохранял прежнюю настороженность, но затем ее

стенила злость, и он, нахмурив брови, подался вперед.

— Ты уверен в успехе? — спросил Хорус, его слова звучали осуждающе. — Ты получал от них известия с тех пор, как они внедрились в Гвардию Ворона?

Альфарий заколебался, не зная, как правильно ответить. На этом этапе уже не было смысла лгать, хотя правда могла еще сильнее разгневать Воителя.

— Они пока не выходили на связь, — признал Альфарий. — Возможно, их раскрыли или убили в бою, но это вряд ли. Они отправят отчет, когда будет о чем докладывать.

— Это станет непростой задачей, учитывая, как глубоко им удалось внедриться, — заметил Абаддон.

— Как я уже говорил раньше, у меня имеются свои методы.

Какое-то время Хорус молча смотрел на Альфария, скрытые тенью глаза неотрывно следили за примархом Альфа-Легиона. Эреб наклонился, чтобы что-то сказать, но Воитель остановил его одним взмахом руки.

— Тебе следовало сообщить мне обо всем, прежде чем препятствовать Пожирателям Миров, — тихо произнес Хорус. Альфарий решил не повторять, что у него не было времени просить разрешения Воителя, и определенно не стоило упоминать, что такого разрешения ему бы, скорее всего, не дали. Судья был готов вынести приговор, и Альфарий не знал, что же победило в магистре войны. Он затаил дыхание, стараясь не нервничать, ибо это могли счесть за признание вины. — Ангрон дал больше поводов сомневаться в моих приказах, и он не стесняется прямо выказывать свое неудовольствие. Я не одобряю твои замыслы, брат, и буду пристально следить за тобой.

Это значило, что на время Альфа-Легион оставят в покое. Альфарий медленно выдохнул, все еще сохраняя настороженность.

— Есть вероятный контакт с кораблем Гвардии Ворона, движется к границе системы от Исстваана-четыре, Воитель, — вдруг произнес Абаддон. — Отменить погоню, чтобы дать им уйти?

Хорус вопросительно посмотрел на Альфария, ожидая его ответа, хотя примарх до сих пор чувствовал, что ему не доверяют.

— Я бы смиренно посоветовал продолжать погоню, как прежде, — произнес примарх. — Коракс уже сейчас может подозревать что-то насчет событий, позволивших ему спастись от Пожирателей Миров. Любое изменение ситуации заставит его действовать с еще большей осторожностью и в конечном итоге приведет к разгадке причины, по которой Гвардия Ворона уцелела.

— Согласен, — сказал Хорус. — Не сомневаюсь, что Коракс сможет ускользнуть от меня и без сторонней помощи, а если я вновь вмешаюсь, это может вызвать новые сомнения и вопросы у моих союзников.

— Разумное решение, — с поклоном произнес Альфарий. — Если больше нечего обсуждать, я должен вернуться к своему легиону и продолжать операцию.

Хорус жестом разрешил Альфарию удалиться, и весь путь к двери примарх

чувствовал у себя на спине тяжелый взгляд Воителя. Гидравлические двери оставались закрытыми, но Альфарий не оборачивался.

Пока он ждал открытия дверей, до его слуха донеслось бормотание Эреба.

— Брат, если меня хоть на миг посетит сомнение в том, что ты действуешь исключительно в моих интересах, я уничтожу тебя вместе с твоим легионом, — заявил Хорус.

Альфарий оглянулся через плечо на Воителя и его советников:

— Я это знаю, брат.

Дверь с шипением открылась, и, дрожа от пережитого, Альфарий вышел из зала.

Едва Альфарий скрылся за дверью, Абаддон также попросил разрешения удалиться.

— Постой, Эзекиль, — произнес Хорус, переводя взгляд с Абаддона на Эреба. — Если Альфа смогли внедриться в Гвардию Ворона, им не составит труда поступить так же и с нашими союзниками.

Предатели уже нанесли нам ощутимый урон, и я не допущу подобного в дальнейшем. Эреб, пошли весть Лоргару, пока он не отправился к Калту. Я хочу, чтобы он отправил в легионы больше своих апостолов. Эзекиль, проверь безопасность наших протоколов и доложи о результатах мне лично. В случае необходимости проведи чистку.

— Что насчет Альфария? — спросил Эреб. — Уверен, он ведет двойную игру.

— У него есть собственный план, это точно, — согласился Воитель. Он встал с трона, возвысившись над обоими легионерами. — Но я также уверен, что мы никогда не получим бесспорных доказательств его измены. Где сейчас его боевая баржа?

— «Альфа» находится на орбите Исстваана-три, — сказал Абаддон. — Направить к ней для слежки пару кораблей?

— Да, — ответил Хорус. — И передай, что, как только мы покинем систему, «Альфа» присоединится к моему флоту. Будем держать Альфария на коротком

поводке, пока не увидит его план в действии.

После возвращения на «Альфу» примарх отправился прямиком в личные покои. Встреча с Хорусом обеспокоила его куда сильнее, чем он ожидал. Альфарий задавался вопросом: упростилась бы его задача, если бы он поведал Воителю о существовании Кабала? Узнай Хорус о древней организации, объединяющей множество рас ксеносов, организации, убедившей Альфария восстать против Императора, верность Альфа-Легиона оказалась бы вне сомнений, а сам он получил бы большую свободу действий.

Но в будущем это вызвало бы новые вопросы, ответы на которые не способствовали бы взаимопониманию, а Альфарий всегда заботился о будущем. Кабал показал ему саморазрушение Воителя после победы над Императором, что в конечном итоге избавит Галактику от Изначального Уничтожителя. О таком исходе не следовало знать никому. Если Хорусу все станет известно, он будет

предупрежден и ничего из предсказанного не произойдет, а это означает, что измена Альфа-Легиона окажется напрасной.

Как и множество раз в прошлом, Альфарий и его легион встали на опасный путь, подыгрывая двум противостоящим сторонам ради достижения третьего, самого желательного результата. Но одной ошибки, одного неверного шага будет достаточно, чтобы их изолировали и, скорее всего, уничтожили.

Эти мысли занимали Альфария, пока он шел слабоосвещенными коридорами боевой баржи. Массивный корабль казался пустым, за все время примарх миновал лишь нескольких сервов и полумеханических сервиторов. При встрече с повелителем они глубоко склонялись перед ним, как полагалось всякому члену Альфа-Легиона, хотя понятия не имели, что перед ними сам примарх. Его облик был неприметельным, а любые перемещения, как и других воинов, тщательно утаивались, поэтому точного

местоположения Альфария не знал никто, даже его ближайшие командиры.

Большая часть Альфа-Легиона еще оставалась на Исстваане-V. Он внес свой вклад в резню в зоне высадки вместе с остальными легионами, которые встали на сторону Хоруса, уничтожив Железных Рук, Саламандр и Гвардию Ворона.

Измена Хоруса по коварству могла сравниться с замыслами Альфария, но после бойни остались выжившие, и новости о великом предательстве уже наверняка успели распространиться. Альфа-Легиону предстояло действовать в качестве глаз и ушей Воителя по всей Галактике, держа под наблюдением не только верные Императору легионы, но и тех, кто поклялся служить Хорусу. По словам Кабала, примарху следовало сохранять равновесие. Хорус должен был выйти победителем, но ослабленным настолько, чтобы единство предателей развалилось сразу после победы. Таким образом, легионы уничтожат сами себя, и Альфарий уже приступил к воплощению в жизнь этих планов.

Для того чтобы примарх походил на обычного легионера, даже его покои не выделялись из ряда помещений, которые предоставляли капитанам легиона на борту «Альфы». Вход в них преграждала невзрачная металлическая дверь в боковом коридоре. Согласно небольшой табличке рядом с дверью, эти комнаты занимал капитан Нимингг — слово значило «безымянный» на одном из древних и давно мертвых терранских языков, — имя, которое Альфарий находил как забавным, так и довольно полезным. Когда на борту боевой баржи находилось большое число воинов легиона, в помещении проживали сразу несколько человек, сменявшихся по секретному расписанию, и, кроме того, на других кораблях флота существовали такие же «ложные» комнаты. Таким способом Альфарий мог наблюдать за своим легионом, не привлекая к себе лишнего внимания.

Альфарий ввел нужный код, и двери отъехали в сторону, явив небольшую прихожую, обшитую деревянными панелями, которая оканчивалась еще одной

запертой дверью. Примарх закрыл за собой створки и проверил лог терминала безопасности возле косяка, убедившись, что ни один из капитанов, также занимающих комнату, пока не вернулся.

Введя код от второй двери, Альфарий попал в сами покои — три соединенные между собой комнаты, обставленные древними шкафами, креслами и столами в терранском стиле. Пол устилал бордовый ковер, пласкритовые переборки скрывались под деревянными панелями. В главной комнате стояли три кушетки с высокими спинками, достаточно крепкие, чтобы выдержать вес нескольких легионеров. Арочный переход справа вел в спальню, но Альфарий сначала повернул налево, в арсенал.

Примарх не мог снять с себя доспехи полностью, для подобного требовалась помощь нескольких сервов, а он не собирался впускать сюда кого-либо, пока на борту находился тайный гость. В комнате было пусто, не считая оружейных полок на стенах и стальной стойки для доспехов. В алькове возле одной из стен

располагались две автотехнические руки. Альфарий встал к ним спиной и активировал систему снятия ранца. Руки подняли его ранец с шипением отсоединяющихся кабелей и треском отходящих силовых трубок, затем развернули на сто восемьдесят градусов и вставили в заряжающий порт в задней части алькова, который был подключен к энергетической системе «Альфы».

После этого Альфарий снял шлем с наплечниками и поместил их на стойку, стянул перчатки, наручи и налокотники и, наконец, поножи.

Он решил не облачаться для аудиенции у Хоруса в церемониальные одеяния. Его доспехи были такими же, которые носили большинство его легионеров, на них отсутствовали знаки различия, выделявшие Альфария среди остальных воинов. Выкрашенные в несколько слоев синей краски, это были третьи по счету доспехи Альфария, которые хранились на борту «Альфы», хотя у него имелись и другие, идентичные этим, на разных кораблях. Первый свой

комплект он бросил на Тиатчине, после того как силы сопротивления Согласию обнаружили посреди пустыни бункер Альфария и ему пришлось в спешке покинуть его. Вторые доспехи были серьезно повреждены в сражении с орками на Актуре Три-восемнадцать и из-за этого стали слишком заметными. Нынешний комплект он носил уже почти двенадцать лет, но благодаря тщательному уходу и регулярной покраске они оставались столь же безупречными, как и в тот день, когда их создали оружейники Марса. На них не было ни единой царапины, шероховатости, отметины, вмятины или даже мазка, по которому их можно было бы идентифицировать, — ни одной детали, которая выделяла бы Альфария среди других воинов легиона.

+ Я ощущаю присутствие. + — прозвучал из спальни отрывистый голос механического переводчика гостя.

Альфарий, снявший большую часть доспехов, быстро пересек гостиную и вошел в кубрик.

Эмиссар Кабала парил у изножья

низкой кровати. На первый взгляд он был похож на стеклянную сферу размером с ладонь, наполненную клубящейся желто-зеленой газообразной субстанцией, к которой, на первый взгляд хаотически, крепились цифровые устройства. Приглядевшись, примарх различил в искусственной обители и само существо. Оно походило на крошечную скелетообразную руку с отсутствующим большим пальцем, его органы чувств имели вид тетных блестящих линий на фоне переливающейся бледной кожи.

Его настоящее имя было непроизносимым, пол неопределенным, но Альфарий из-за выдаваемого переводчиком тонкого пронзительного голоска думал о пришельце в мужском роде и называл его приблизительным именем — Атитиртир.

В газе появились пузырьки, хотя примарх не заметил, из какого отверстия они вышли, и закрепленный внизу сферы переводчик ожил:

+ Я ощущаю, что ты встречался с Воителем. +

— Хорус разрешил продолжать

операцию по внедрению в Гвардию Ворона, — сказал примарх. — Все идет, как запланировано.

+ Я ощущаю, что ты не был достаточно решительным. +

Альфарий подавил раздраженное рычание. Атитиртир обладал определенными эмпатическими способностями, против которых не мог устоять даже разум примарха. Посланник представился как антедил и упомянул также о некоем газовом гиганте, своем родном мире на северном краю Галактики. Его психические свойства развивались под сокрушительным давлением и мощной силой притяжения планеты, поэтому обычные органы чувств и конечности были там бесполезными.

— Хорус подозрителен, только и всего, — отмахнулся Альфарий. — С ним нужно действовать осторожно.

+ Я ощущаю скрытность. Твоя роль ясна. Хорус должен победить. Изначальный Уничтожитель набирает силу. Теперь он связан с Воителем. Были проведены ритуалы и вызваны существа из... +

Переводчик издал поток неразборчивых высоких звуков.

— Ты хотел сказать — из варпа? — спросил Альфарий.

+ Такое короткое слово для такого сложного явления. +

— Вызваны существа из варпа? Ты говоришь о демонах?

Альфарий присел на край кровати, и климатическая сфера приблизилась к лицу примарха, но так, чтобы он не смог до нее дотянуться. Из ее глубин вновь поднялись разноцветные пузырьки.

+ Механизм пришел в движение. Ловушки расставлены. Твои верные Императору братья встретятся с темнейшими врагами. Они должны проиграть. +

— Ты говорил это и прежде. Пока нам нужно выжидать и разузнать как можно больше о действиях Коракса, если твои пророчества верны.

+ Не просто пророчества. Они точны. Истинны. Ворон встретится с Императором, и тот вручит ему дар, способный изменить ход войны. Дар

следует уничтожить. +

— Мне это кажется неразумным, — произнес Альфарий. Примарх встал и подошел к двери, прежде чем бросить взгляд на Атитиртира. — Я считаю, было бы лучше, чтобы он оказался в руках Альфа-Легиона.

+ Мы так не договаривались. Я настаиваю на выполнении уговора. Гвардию Ворона следует уничтожить. Все должно идти по плану. +

— Не думаю, — произнес Альфарий. — Мой брат-близнец Омегон уже на Киаваре, мире, вокруг которого вращается Освобождение. Там у нас есть союзники, старые враги Коракса, которым не по душе их новые повелители — Механикум. Они стремятся к независимости от Империума. Не беспокойся, Гвардия Ворона будет уничтожена, но сначала Омегон заберет трофей для Альфа-Легиона.

Пришелец разразился чередой непереводимых механических криков, сфера тревожно задрожала, а газ внутри ее быстро закружился.

— Успокойся, — рассмеялся Альфарий. —

— Ты же не хочешь обо что-то удариться?

+ Кабал узнает о твоей нечестности.

+

— Когда трофей будет моим, а Хорус окажется на шаг ближе к победе над Императором, мы посмотрим, осудит ли Кабал мои действия, — сказал Альфарий, выходя из спальни. — До тех пор тебе лучше держать свои мысли при себе.

Он нажал переключатель, и дверь отгородила его от разгневанного визга Атитиртира.

План пришел в действие, и теперь наступила его самая сложная часть — ожидание. Ждать, когда его близнец на Киаваре, его брат Омегон, свяжется с антиимперскими силами на мире-кузнице; ждать, когда его оперативники в Гвардии Ворона выйдут на связь с Омегоном.

Альфарий присел на кушетку, уперся локтями в колени, сцепил пальцы под подбородком и принялся обдумывать текущие планы. Теперь, когда Хорус исполнял положенную роль, ничто не могло помешать тонкой игре Альфа-Легиона. Все будет идти так, как замыслил

Альфарий.

Глава третья
ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ
ЗАТЕМНЕНИЕ
РЕЧЬ КОРАКСА

— Обнаружены корабли дозора. — От голоса Эфрении весь стратегиум замер. — Три эсминца, сенсорное сканирование обнаружило плазменные следы еще трех кораблей, предположительный класс — легкие крейсеры, — продолжила она.

«Мститель» находился всего в двух днях пути от точки перемещения, достаточно далеко от зоны притяжения звезды Исстваана, чтобы совершить безопасный варп-прыжок. Развернутая кораблями предателей сеть стягивалась на протяжении последних трех дней, и сейчас боевую баржу отделяла от нее всего пара сотен тысяч километров.

Коракс взглянул на экран в подлокотнике командного трона, на котором изображалось приблизительное расположение кораблей. В доли секунды

примарх высчитал их траектории и радиус сканирования.

— Слишком близко, чтобы менять курс, — заявил он. — Нам придется сделать рывок к точке перемещения. Отключить все вспомогательные системы, ввести режим затемнения, высвобожденную энергию перенаправить на двигатели.

От персонала и легионеров донесся нестройный хор подтверждений. Примарх перевел взгляд на командора Бранна.

— Возьми Агапито и проверь корабль от кормы до носа. Убедитесь, что все второстепенные системы работают на минимальной мощности. Передай Соларо и Алони, чтобы они обеспечили выполнение режима затемнения. — Примарх повысил голос: — Я требую полный энергетический баланс через десять минут, не позже.

— Так точно, лорд, будет сделано, — ответил Бранн.

— Обнаружен запуск, лорд Коракс, — сказала Эфрения. — Корабли дозора открыли торпедный огонь, широкое рассеивание.

— Направление? — отрывисто спросил

Коракс, вернувшись на свое место позади командного трона, не сводя глаз с маленького информационного экрана.

— Идут наперехват, — ответила Эфрения. — При нашей высокой скорости они пройдут перед нами.

— Хитрые ублюдки, — пробормотал Бранн за спиной примарха. — Надеются, что, если будут стрелять вслепую, им повезет.

— Сохранить три процента энергии для маневрирования на всякий случай, — приказал Коракс. — Всему персоналу занять боевые посты.

— Орудия, лорд Коракс? — спросила Эфрения. Ее лицо было, как обычно, спокойным, но примарх уловил в голосе женщины едва заметное напряжение. — Сохранить мощность для орудийных батарей?

— Нет, — ответил примарх после секундного размышления. — Если нас обнаружат, мы и так не сможем прорваться с боем.

— А что насчет генераторов пустотных щитов, лорд Коракс?

Запустить их в режиме ожидания?

— Нет, — повторил Коракс. — Направить всю энергию исключительно на отражающие щиты и двигатели. Если предатели в нас попадут, все равно будет слишком поздно.

Отключение генераторов щитов добавит еще четыре минуты ко времени, которое необходимо для превращения отражающих щитов в защитные пустотные — дополнительные минуты, за которые «Мстителю» могут нанести катастрофический урон. Впервые, с тех пор как он ступил на борт боевой баржи, Коракс заметил в диспетчере нерешительность. Она продлилась не больше мгновения, после чего Эфрения кивнула и вернулась к непосредственной задаче. Примарх услышал шум открывающихся дверей и, обернувшись, увидел выходящего Бранна. Коракс вновь посмотрел на экран. Они находились в двухстах пятидесяти тысячах километрах от дозора предателей. На экране низкочастотного сенсора возникло еще семь кораблей, создавших три слоя

обороны между боевой баржей и точкой безопасного перемещения. Если отражающие щиты пропустят хотя бы случайный импульс или одна из торпед взорвется неподалеку от «Мстителя», корабль примарха тотчас окажется в окружении врагов.

Он не мог ни опередить противников, ни победить их. Единственным выходом для Коракса было запастись терпением и сосредоточиться на том, чтобы избежать обнаружения. В этом он был хорош еще с детства и сейчас не собирался принимать скоропалительных решений.

Режим затемнения означал полное отключение всех второстепенных систем. Жизнеобеспечение, освещение, обогрев и другие системы регулирования окружающей среды одна за другой перешли на минимальный уровень энергопотребления, минимально достаточный для выживания человеческой команды. Даже искусственную гравитацию уменьшили до половины терранской нормы, высвободив необходимую для плазменных

двигателей энергию.

Когда воцарилась тьма, в гулких транспортировочных отсеках в глубинах трюма теснилось около полутора тысяч легионеров. Боевая баржа была спроектирована, чтобы вмещать лишь крошечную долю этого числа.

Пришлось расчистить дополнительное пространство в складах, секциях вооружения и среди опор и палуб машинного отделения. Воины ютились в служебных ходах и на лестничных клетках, а несколько десятков лифтовых и конвейерных шахт вывели из эксплуатации, чтобы освободить еще немного пространства. Но легионерам Гвардии Ворона все равно едва хватало места, чтобы просто пошевелиться. Незанятыми оставались только основные коридоры для быстрого перемещения между стратегиумом и другими важными пунктами.

Смешавшийся с толпой Альфарий наблюдал за тем, как свет вначале потускнел, а затем погас. Конечно, он не был самим Альфарием, но благодаря

сложному программированию разума и небольшому психическому вмешательству библиариев легиона он счел за лучшее забыть свое имя. По всем параметрам теперь он был Альфарием.

И он был немного встревожен. Облаченный в доспехи, он сидел вместе со своим приемным отделением на мостике над плазменным реактором. Когда воздух стал истончаться, а гравитация уменьшаться, на дисплее вспыхнули символы-предупреждения окружающей среды. Альфарий инстинктивно отдал субвокальный приказ усилить авточувства шлема.

— Что ты делаешь?

Альфарий повернулся, когда над мостком разнесся голос командора Алони. Он понял, что капитан обращается к нему.

— Ты знаешь, что означает затемнение, — продолжил Алони. — Системы на минимум. Ты понимаешь, какую энергетическую сигнатуру могут выдавать полторы тысячи легионеров в доспехах? Внимание! Установить все на минимальную мощность и самые низкие

частоты: дыхательные системы, рециркуляцию влаги, двигательную активность — все. Никаких контактов, внешних переговоров, перемещений.

Альфарий согласно кивнул и снизил энергопотребление доспехов, превратившись в неподвижную статую из керамита, пластали и адамантия. Забилось вторичное сердце, компенсируя низкую внешнюю температуру, раздулось мультилегкое, позволяя дышать непереработанным воздухом.

Остальные вокруг него поступили точно так же. Здесь, рядом с реакторами, системы жизнеобеспечения отключили полностью, оставив легионеров в коконах собственной искусственной среды. Опустилась искусственная ночь, нарушаемая лишь сполохами приборных панелей и свечением экранов на двойных реакторах в пятидесяти метрах под мостиком. На доспехах легионеров стала конденсироваться влага, из лицевых щитков и выпускных клапанов ранцев поднимались едва заметные струйки пара.

Запертый внутри доспехов, Альфарий

понимал, в насколько рискованном положении находится. Сейчас его вряд ли раскроют. Из-за реорганизации легиона и нежелания остальных обсуждать случившееся на Исстваане он с достаточной легкостью вжился в новую роль.

Его лицо все еще болело после трансплантации, особенно там, где пересаженная плоть нового лица сходилась с его настоящей кожей у основания шеи и вокруг горла. Переделанные кости ныли, а укороченные или, наоборот, удлиненные мышцы казались чрезвычайно чувствительными под похищенной кожей.

Альфарий сглотнул, вспоминая, как они нашли тело воина, смерть которого наступила не больше пяти минут назад, с оторванной «Вихрем» ногой и сломанным о скалу позвоночником. Апотекарии действовали со всей поспешностью. На протяжении многих десятилетий воины Альфа-Легиона в подражание примарху стремились выглядеть похожими друг на друга и гордились своей безликостью. Черные волосы, резкие, выразительные

черты лица и бледно-зеленые глаза были для него в новинку.

А еще в его разуме таились воспоминания. Он кое-что знал о легионере, личность которого присвоил. Он отведал плоть павшего Гвардейца Ворона, чтобы отофагия проанализировала и впитала информацию о жертве. Улучшенная с помощью искусства библиариев, запрещенного Никейским указом, но до сих пор широко практиковавшегося в Альфа-Легионе, она по возможности собрала все фрагменты жизни погибшего легионера.

Он чувствовал их — вспышки образов, обрывки разговоров. Более того, Альфарий мог ощущать то же, что и его новая личность. Он был гордым воином, ветераном Ликейского восстания, получившим место в Гвардии Ворона после воссоединения легиона с примархом.

Воспоминания также вызывали дискомфорт, они путали его мысли и подчас сбивали с толку. Во время бегства по Усстваану-V со своими новыми товарищами он запомнил их имена, лица и то, как сражается каждый из них.

Наиболее опасными были первые дни, когда приказы передавались закодированными фразами, а команды о построениях давались на непонятном для него боевом языке, возникшем на Освобождении, где он никогда не бывал. Но его выбрали для этого задания из-за способностей к языкам, быстрому уму и умению адаптироваться. Его недостатки перекрывались эффективностью и слаженностью самой Гвардии Ворона, и после череды молниеносных атак он смешался с остальными, сумев избежать подозрений товарищей по отделению, а также смертоносного внимания тех, кто за ними охотился.

Все это казалось бессмысленным, пока он неподвижно сидел над реактором, который, стоит чему-то дать сбой, превратится в миниатюрную звезду, на корабле, крадущемся мимо вражеского флота под защитой лишь пары метров многослойной пластали и адамантия. Один удачный выстрел — и он вместе со всеми на борту «Мстителя» превратится в пепел.

Он не знал, скольким бойцам из Альфа-Легиона удалось внедриться, остался ли он один, либо же их были десятки. Не важно. Пока он один, и действовать следовало соответственно. Альфарию нужно делать все, чтобы оставаться живым и нераскрытым, следить за Кораксом и связаться с Омегоном, когда они вернутся на Освобождение.

Не менее горячим, чем надежда на успех, было теперь желание поражения своим союзникам. Кто бы их ни преследовал — Несущие Слово, Альфа-Легион, Пожиратели Миров, Сыны Хоруса, Железные Воины, Имперская Армия, — Альфарий всем сердцем желал им всяческих бедствий: отказ двигателя, вспышка эпидемии, осечка оружия — все, что могло бы помешать удачному выстрелу, который превратит Гвардию Ворона в пыль. Альфарий был готов пожертвовать жизнью за примарха и легион, но не умереть так бездарно — не видя противника, с которым следовало сражаться, и провалив задание, которое

следовало выполнить любой ценой.

Это был бы самый бессмысленный способ умереть, подумал он, когда корпус корабля слабо завибрировал от взрыва.

— Снаряд «Новы», — доложила Эфрения. — Шесть тысяч километров, справа по носу.

Коракс отреагировал не сразу. К эсминцам присоединились два крейсера, растущая вражеская флотилия обстреливала космос торпедами, ракетами и плазмой в попытке накрыть «Мститель» огненным покровом. Это была не особо эффективная тактика.

Космическое пространство, в котором они пытались скрыться, было бескрайним, и врагам требовалось либо невероятное везение, либо вынудить Коракса действовать так, чтобы выдать свое положение.

Без сомнения, предатели знали, что боевая баржа была где-то близко, но Коракса куда больше волновало: было ли им известно нечто еще? Выстрел «Новы» был не настолько близким, чтобы убедить его,

будто он был нацелен в «Мститель», но расстояние от взрыва до боевой баржи было намного меньшим, чем при ошибке в стрельбе на столь дальние дистанции. Следовало ли ему подождать второго плазменного выстрела, чтобы убедиться окончательно?

— Снижение на пятьдесят тысяч метров, три градуса на правый борт, — резко приказал он персоналу у рулевого управления.

— Навигационные щиты поглощают остаточные следы плазмы и обломки, — огласил еще один член команды. — Приближаемся к максимально допустимому уровню нагрузки отражающих щитов.

Коракс стиснул зубы. Низкоэнергетические навигационные щиты обычно использовались, чтобы уберечься от микроастероидов и прочих космических обломков, но из-за выстрела «Новы» нагрузка на них оказалась сильнее, чем они могли выдержать. Если он увеличит подачу энергии, чтобы не дать взрывной волне дойти до «Мстителя»,

энергетический импульс выдаст их позицию.

— Не обращать внимания, — сказал он, когда корабль задрожал. — Исполнять предыдущий приказ.

Используя все доступное пространство, боевая баржа маневрировала в трех измерениях, чтобы уйти от точки, куда целилась «Нова». Это была не случайность, как ожидал Коракс, — в имперских войсках «Нова» пока еще считалась сугубо экспериментальным оружием, и лишь немногие командиры позволили бы установить его на своем корабле.

— Только что обнаружен линейный корабль третьего класса, лорд Коракс, — произнес наблюдатель стратегиума. — Вероятно, гранд-крейсер. Идет прямо за кормой, передает позывные Железных Воинов.

— Кто бы сомневался, — прошептал Коракс. — Дай одному из капитанов Пертурабо возможность установить еще большее орудие — и он тебе за него руку отгрызет.

— Засекла еще один выстрел орудия «Нова», — предупредила Эфрения.

В спешке она позабыла добавить титул, что примарх считал практически невероятным. Коракс заметил, как побледнело ее лицо и побелели костяшки пальцев, когда она ухватилась за край консоли дисплея, ожидая толчка. Они не могли предупредить остальную команду, не выдав при этом позиции боевой баржи, и если «Нова» все же каким-то чудом попадет в них, то никакие подготовки их уже не спасут.

— Разворачивается влево, разрыв в пятнадцать тысяч километров и увеличивается, лорд Коракс, — сказала Эфрения, слабо улыбнувшись и расслабив хватку. — Взрыв зафиксирован в семидесяти тысячах километрах.

— Можно предположить, что огонь ведется вслепую. Лечь на курс к ближайшей точке перемещения.

Коракс заметил две точки взрывов и постарался запомнить их. Возможно, Железные Воины пользовались некоей формулой ведения огня для вычисления

местонахождения целей. Еще три или четыре выстрела позволили бы Кораксу ретроспективно рассчитать ее, чтобы избежать подобных ситуаций в дальнейшем. Кроме этого, ему оставалось лишь надеяться на лучшее.

«Мститель» продолжал двигаться вперед, опускаясь и поднимаясь, зигзагами направляясь к точке перемещения, избегая сети кораблей предателей. Временами Коракс, доверяя отражающим щитам, направлялся прямо на врага, проходя от крейсеров и фрегатов на расстоянии в десять тысяч километров, чтобы замаскировать выбросы, которые могли выдать их присутствие.

Оцепление сжималось, мерцание на экранах вражеских сканеров притягивали все больше кораблей, преследовавших призрачные обратные сигналы, которые были не более чем неясными миражами на фоне энергетического излучения Вселенной.

Сидевший во мраке предоставленной капитанской каюты Коракс почувствовал

вибрацию, которая свидетельствовала об очередном изменении курса. Они находились всего в половине дня от точки перемещения. Было заманчиво совершить варп-прыжок прямо сейчас и рискнуть вмешательством гравитетрических помех, но он оставался спокоен.

Несколько раз они едва не попались: торпеды отстреливали боеголовки в паре тысячах километрах от «Мстителя», в самый последний момент приходилось ложиться на другой курс, чтобы избежать вражеского сканирования, уходить от выстрелов орудий «Новы», практически перегружавших навигационные щиты, вызывавших случайные всплески энергии реакторов, из-за чего боевой барже приходилось замирать на месте.

Примарх действовал без страха. Здесь не было права на ошибку, но также и не было места и тени сомнения. У него было немного вариантов: сбежать и выжить или быть обнаруженным и уничтоженным. В таких обстоятельствах решения следовало принимать без промедления, отгоняя

другие мысли, которые могли затуманить его рассудок.

Сейчас они направлялись сквозь небольшой разрыв в оцеплении предателей, поэтому у них было несколько часов беспрепятственного движения. Протоколы затемнения все еще действовали, и Коракс сидел у огромной командной консоли, всматриваясь в пустые экраны и мертвые дисплеи. В мимолетном мигании красных огоньков и свете из дверей, ведущих в стратегиум, примарх различал детали комнаты.

Он привык ждать.

За долгие годы он сумел усвоить уроки терпения и точного планирования. В сотнях сражений познал, когда следовало действовать, а когда остановиться, и благодаря этому знанию всякий раз одерживал победу.

Резня в зоне высадки застала его врасплох. Примарха беспокоило, что он не заметил предательских намерений своих братьев-командиров легионов. Сидя во тьме, наедине со своими мыслями, Коракс задавался вопросом: был ли он слеп к их

измене из-за собственной слабости? Был ли он слишком доверчив? Игнорировал ли тонкие намеки в поведении своих братьев? Был слишком самоуверен? Произошедшее было немыслимым, и это тем сильнее тревожило Коракса. Разве можно назвать необычным то, что он никогда даже не помышлял о том, чтобы сражаться против братьев? Его отправили вместе с остальными для наказания Хоруса, но ему точно следовало задаться вопросом: действовал ли Хорус в одиночку? Возможно, дело в том, что предательство Хоруса настолько поразило его, что он, сам того не желая, попался в очевидную ловушку.

Вопросы казались тем более сложными, что у Коракса не было на них ответов.

Еще одна вибрация, очередное изменение курса. Медленно текло время. Примарху не требовалось смотреть на информационный экран, чтобы знать, что происходит. Он держал в голове положение «Мстителя» и вражеских кораблей вокруг него, их курсы были проложены у него в

мыслях так же тщательно, как на схеме.

О любом значимом изменении в общей картине ему бы немедля доложили, а он пока не получал подобных извещений от Эфрении. Сложная сеть, сплетенная, чтобы поймать «Мстителя», была недостаточно прочной, и в ней всегда находились прорехи.

Терпение.

Часы, дни, недели ожидания, а когда-то давно и целые годы, пока он готовился, скрываясь среди заключенных Ликея. В спокойствии было нечто первозданно чистое, в уединении — что-то придающее сил.

Раны все еще болели — случайные уколы ощущений, пробивавшиеся сквозь защиту его полугипнотического состояния. Кораксу приходилось смещать вес, чтобы снять напряжение со сломанных ребер, ослаблять давление на поврежденные органы. Искусственно созданное тело примарха могло выдержать невероятный урон, но было кое-что посильнее физических ран. Он вынуждал себя терпеть боль, чтобы помнить о

поражении. Он страдал от тяжелейших ран, которые не могло вынести сверхчеловеческое тело и не в силах были исцелить апотекарии. Пока ему не удастся положить конец душевным мукам, он не даст своему телу излечиться.

Очередная мимолетная вспышка боли прервала его размышления, и Коракс активировал информационный экран. Проанализировав пересекающиеся курсы, примарх заприметил нечто новое: цепочку вероятностей, созданную пару часов назад благодаря крошечному изменению в расположении вражеских кораблей.

Там была прореха. Точнее, не прореха, а сближение четырех кораблей предателей. Струи плазменных двигателей и выхлопы реакторов могли бы скрыть «Мститель» и обеспечить путь к точке перемещения раньше запланированного, если Коракс осмелится пойти по нему.

Заметив эту вероятность, примарх затер и внимательно всмотрелся в карту. Он знал, что не ошибся. Мгновенно придя в движение, примарх склонился над кнопкой

активации связи.

Его палец остановился в миллиметре от переключателя.

Коракс вновь оценил ситуацию, остудив пыл и проигнорировав всплеск внезапной деятельности. После такого маневра «Мститель» окажется в пределах выстрела по крайней мере трех вражеских кораблей. Любое действие предателей изменит динамику и раскроет положение Гвардии Ворона в опасной близости от противника.

Примарх отбросил идею.

Хотя Кораксу и не терпелось оказаться в относительной безопасности варпа — не терпелось предпринять любой дальновидный поступок, — ему все же следовало придерживаться осторожности, а не хвататься за первую лучшую возможность. В зоне высадки он бросился за Лоргаром, ведомый жаждой мщения, и на краткий миг позабыл о своих обязанностях командующего легионом. Стоил ли ему этот эмоциональный порыв легиона, погибло бы столько воинов, если бы он лично командовал отступлением?

Он не будет вновь действовать опрометчиво.

Самое главное, он выжил, и не менее важным это было и сейчас. Важнее всего было не сэкономить половину дня, а выжить. Это желание выживать, звериный инстинкт продолжать дышать, который постоянно вел вперед, придавал ему сил. Он не смирится и не примет смерть. Даже сейчас, когда его легион был практически уничтожен, а врагов было куда больше, чем союзников, Коракс знал, что не сдастся. От него требовалось оберегать Гвардию Ворона, невзирая на искушения и инстинкты, призывающие его к решительным и смелым поступкам.

На Освобождении, которое некогда звалось Ликей, царило настоящее отчаяние. Слабые там погибали, безвольные отступались перед непосильной задачей. Но не Коракс. С огромным усилием он принес на Ликей свободу и ни разу не усомнился в правильности своих действий. Так почему же сейчас он думает, что ему не хватит решимости для победы?

Он продолжал неподвижно стоять во мраке. Коракс любил тьму — тени всегда были ему союзниками. Он мог бы провести подобным образом оставшиеся часы, выжидая, предвосхищая очередную дрожь корректировки курса, дожидаясь стука в дверь и нового отчета о маневрах врага, пытаясь не вспоминать ошибок и ужасов Исстваана.

Пытаясь, но безрезультатно.

В комнате стоял запах пота, в воздухе витал аромат страха. Марк Валерий был бы счастлив встретиться с противником в открытом бою или даже оставаться спокойным, пока боевые корабли решетят друг друга в космических сражениях. Но от такой войны, способа ведения войны Гвардии Ворона, у него сдавали нервы и сжималось сердце.

Префектор с закрытыми глазами лежал на койке, желая, чтобы наконец включили вентиляцию, которая очистила бы комнату от вони. Сложенные на груди руки дрожали, мокрые волосы прилипли ко

лбу, а подушка и простыни под ним насквозь пропитались потом.

Если в «Мститель» угодит хотя бы одна боеголовка, им всем конец. Валерий не питал иллюзий на этот счет — отражающие щиты не могли уберечь их от ядерного взрыва мощностью с десяток мегатонн. Стены вибрировали от ударных волн далеких разрывов, за тысячи километров от корабля, но все же ближе, чем хотелось бы префектору.

Пелон находился в соседнем отсеке. До Марка доносилось его прерывистое паническое дыхание, и он представил себе, как слуга сидит, забившись, в уголке комнаты, прижимая колени к груди. Префектор отлично понимал объявший человека ужас, ибо и сам чувствовал его.

Бомбардировка началась менее получаса назад. Коракс отослал его из стратегиума, как только начали рваться первые снаряды «Новы», пока еще достаточно далеко от боевой баржи, но все же слишком близко, чтобы чувствовать себя в безопасности. Префектор торопливо шел по коридорам и спускался

бесконечными лестницами, пол под ногами и поручни постоянно вибрировали. Он старался не сорваться на бег. Гвардейцы Ворона, мимо которых он проходил, казалось, ничуть не беспокоились, вверив свои жизни отражающим щитам, как никогда не смог бы Марк. Он был имперским солдатом, тэрионцем и привык сражаться с врагом, которого мог увидеть. Свою жизнь префектор предпочитал доверять силовым щитам, танковой броне или многометровым стенам бункеров. Ему приходилось пережидать артиллерийские дуэли и орбитальные атаки, но никогда он не чувствовал себя таким беспомощным, как сейчас.

Тьма была кромешной. Свет не включался. Валерий был по-своему благодарным за это. Куда лучше для него было сидеть в каюте, где лорд Коракс и другие не могли увидеть его трусость и услышать тихое хныканье от каждого дребезжания прокатывающейся мимо волны.

Но оставаться одному было также кошмаром. Если бы он находился на виду

других, то гордость помогла бы ему совладать со страхом. Но так как префектор был один, его решимость оказалась куда слабее. Тьма опутывала его так же, как воняющий потом воздух. Она камнем давила на грудь, выжимала воздух из легких, душила.

Валерий закашлялся и судорожно выдохнул. Он сел на край койки, свесил ноги на палубу. Префектор непроизвольно зажмурился и обхватил руками тело, когда от правого борта до левого прокатилась очередная волна вибрации, сопровождаемая скрипом и скрежетом переборок у него над головой.

— Это безумие, — пробормотал он.

Он говорил шепотом, но слова эхом раздались у него в голове. Префектор уже и не помнил, когда в последний раз чувствовал себя нормально. Когда кошмары прекратились, он поначалу испытал облегчение. К Марку вернулся благословенный сон, и он с радостью принял его.

Но облегчение не было долгим. Спустя всего пару дней после эвакуации лорда

Коракса и легиона пустота сновидений начала давить на Марка. Он просыпался посреди ночных вахт с пустотой в мыслях, чувствуя себя так, словно его затягивает в бездну. Вскоре префектор стал бояться ночей, как тогда, когда его мучили сновидения с пламенем и криками умирающих Воронов. Но теперь это был не обжигающе горячий ужас и паранойя, но холодный страх, который стекал по позвоночнику и превращал в лед нижнюю часть живота.

И теперь, когда он остался один во мраке каюты, этот страх вернулся, пока ракеты и снаряды озаряли небеса за стальными и рокритовыми стенами. Поджидавшая его пустота слишком сильно напоминала вакуум космоса. Из-за этого страха Марку казалось, что ему суждено погибнуть. Как ему когда-то снилось предсказание о Гвардии Ворона, так и теперь сны твердили о неизбежности его смерти. Он умрет в одиночестве, замерзнет в космосе, и его поглотит пустота Вселенной.

Марк со стоном повалился лицом в

подушку, пытаясь зарыться с головой в простынях, чтобы только спрятаться от пустоты, которая постепенно высасывала из него жизнь.

— Это было слишком близко, — заметил Бранн, когда в паре тысяч километров от носа по правому борту расцвел взрывом снаряд «Новы».

— Слишком близко — это попадание, — ответил Агапито. — Если мы выжили, то для меня это достаточно далеко.

— Тихо, — шикнул лорд Коракс. Его голос оставался спокойным, на лице отсутствовало всякое выражение, пока он следил за показаниями сенсоров на тусклом главном экране. — Я думаю.

Примарх оставался за пультом управления с тех самых пор, как предатели открыли по ним огонь. Он вел «Мститель» по видимому лишь ему безопасному курсу, непрерывно просчитывая и корректируя маршрут с каждым новым запуском торпеды или взрывом снаряда «Новы».

— Лорд, мы идем слишком близко от

вражеского крейсера, — предупредил один из помощников за сканером.

— Знаю, — ответил примарх, не отрывая взгляд от экрана.

— Лорд, если мы пройдем слишком близко, они засекут наш плазменный след, — добавила Эфрения. Она говорила тихо и уважительно, но в голосе все же чувствовалась тревога.

— Они засекут не только это, — ответил Коракс, с улыбкой взглянув на женщину. На мгновение он замолчал, а затем поднял палец. — Думаю, мы достигли безопасного расстояния для перехода.

— Лорд? — Бранн был в не меньшем смятении, чем Эфрения. Покосившись на Агапито и Алони, он заметил напряжение на лицах своих братьев-командиров.

— Перед уходом я хочу оставить врагам последний подарок, — сказал Коракс.

— Поднять пустотные щиты и активировать орудийные батареи, лорд? — спросила Эфрения, и ее рука повисла над терминалом управления.

— Нет, — ответил примарх. — Я придумал кое-что поэффектнее.

Стоявший в стратегиуме «Прощания» апостол Несущих Слово Данаск все больше склонялся к мысли, что возложенная на него обязанность до крайности истощает его терпение. Радость анархии и бойни в зоне высадки после многих дней бесплодных поисков Гвардии Ворона казалась ему далеким воспоминанием. Последние поступившие приказы не радовали. Уже более суток его корабль безрезультатно обстреливал торпедами указанную Воителем местность. Это была пустая трата времени, тем более неприятная, что его боевые братья уже находились на пути к Калту, чтобы внезапно атаковать Ультрамаринов. Апостолу было тяжело не воспринимать это как своеобразное наказание за нарушение правил легиона, о которых его не соизволили поставить в известность.

Возможно, Данаск недостаточно посвятил себя новой цели. Иногда он замечал на себе странные взгляды Кор

фаерона и был уверен, что таким образом магистр веры испытывает его. Апостол не жаловался, получив эти бессмысленные приказы, и восхвалил примарха за то, что он избрал именно его для этой обременительной, но важной обязанности.

— Обнаружена энергетическая сигнатура!

Слова Кал Намира разлетелись победным криком над панелями сканеров, оторвав апостола от размышлений.

— Где? — резко спросил Данаск, поднимаясь с командного трона. Тишину, царившую в стратегиуме большую часть патрулирования, разорвал вой сирен.

— Почти над нами, в двух тысячах километрах по левому борту, — объявил Кал Намир. — Орудийные батареи накапливают энергию. Пустотные щиты включены на полную мощность.

— Замаскируй энергетическую сигнатуру и дай мне точное местоположение. По местам стоять! — отрезал апостол, осознав, что враг мог обнаружить себя, только чтобы открыть огонь.

Он услышал тихую ругань Кал Намира.

— Говори в голос либо же молчи, брат, — проскрежетал Данаск. Он был не в настроении слушать жалобы подчиненных.

Апостол нажал кнопку управления в подлокотнике трона, вызвав картинку в реальном времени с приблизительным расположением вражеского корабля. Мерцание среди звезд выдавало присутствие корабля Гвардии Ворона.

— Должно быть, сканеры дали сбой. Это бессмысленно, — произнес Кал Намир. Он вновь сверился с экранами и посмотрел на Данаска расширенными от шока глазами. — Командир, эта сигнатура означает импульс варп-ядра...

На экране возникла вражеская боевая баржа, опасно близко, она казалась совершенно черной на фоне далекого тусклого блеска звезды Исстваана. Спустя пару мгновений космос вокруг корабля взвихрился от энергии, и извивающаяся радуга поглотила корабль от носа до кормы.

— Маневр уклонения! — проорал

Данаск, хотя понимал, что уже слишком поздно.

Корабль Гвардии Ворона исчез, скрывшись в открытой им точке перемещения. Расширяющаяся варп-дыра захлестнула «Прощание». Данаск ощутил, как сквозь него пронесся поток варп-энергии — давление внутри головы, сопровождаемое неистовой дрожью крейсера.

— Нас утянуло вслед за ними, — объявил Кал Намир, хотя это и так было очевидно.

«Прощание» яростно содрогнулось, когда пустотные щиты захлестнул бурун варп-силы. По кораблю ударили щупальца энергии имматериума, из стен, потолка и пола вырвались кольца калейдоскопической энергии под аккомпанемент далеких криков и неестественных воплей.

Вновь раздались звуки сигнальных горнов за миг до того, как взрыв разорвал на части корму корабля и пустотные щиты перегрузились от ударной волны. Вдоль бортов «Прощания» один за другим вырвались огни вторичных взрывов, когда

загорелись склады боеприпасов орудийных батарей, вскрыв широкие рваные дыры в корабельном корпусе.

Визг рвущегося металла сопровождался сполохами воспламенившегося воздуха, утекающего сквозь огромные пробоины в бортах. «Прощание» крутило из стороны в сторону, искусственная гравитация ежесекундно изменялась, подбрасывая Данаска и персонал стратегиума до потолка, а затем швыряя обратно на пол. Оператор связи при падении на решетчатую палубу сломал шею.

А затем все стихло.

Экранирование реакторов восстановилось, и взрывы прекратились. Спустя несколько минут дезориентации персонал стратегиума принялся собирать доклады о повреждениях. Во время наплыва варпа все сканеры отключились, десятки окружавших Данаска экранов были серыми и безжизненными.

— Переключить на меня рулевое управление, — проскрежетал он.

Процедуры по вычислению

повреждений длились еще какое-то время. У Данаска застучало в висках, боль в основании черепа становилась сильнее, пока не начала затмевать сознание.

— Могло быть и хуже, — заметил Кал Намир. — По крайней мере, мы выжили.

Из глаз и носа Несущего Слово закапала кровь, по лицу Намира потекли широкие багровые ручьи.

Кровеносные сосуды в глазах разбухали, а кожа растягивалась и истончалась. Почувствовав кровь, Данаск поднял к носу облаченную в перчатку руку и увидел на кончике пальца красную каплю. Один из помощников у орудийной консоли с криком отпрянул от панели, его форма вспыхнула синим пламенем. Человек завертелся на месте, но затем остальные повалили его на пол и принялись сбивать огонь одеждой и руками.

— Отцепитесь от меня! Мое лицо! Отцепитесь от моего лица! — завопил еще один серв и, вонзив ногти в глаза и щеки, рухнул с кресла.

На краю панели сканера затерцал,

оживая, субэкран. Данаск уже знал, что он там увидит, но все же взглянул. Звезд более не было, их заменил вихрь невероятных энергий, от одного взгляда на которые болели глаза, несмотря даже на цифровое кодирование экрана. Они были в варпе.

Без поля Геллера. Беззащитные.

Едва оцепеневший разум апостола осознал это, Данаск ощутил, как в его животе что-то скребется. Он не осмелился посмотреть вниз.

Какая-то часть его разума изумлялась произошедшему. Запустить варп-двигатели так близко, чтобы утянуть «Прощание» в имматериум, и все же достаточно далеко, чтобы крейсер при этом не погиб, — невероятно сложная задача. Он удивлялся, какой человек способен на подобное. Кругом царило безумие. Апостол чувствовал себя так, будто находился вдалеке от криков и рева слуг и легионеров, хруста костей, рвущей и терзающей их тела варп-энергии. Данаск понял, что задал неверный вопрос. Оказаться в варпе означало принять самую

жуткую смерть, которой могло умереть живое существо. Вопрос был не в том, какой человек способен на подобное, а в том, какой человек сделает подобное.

Ответа он так и не получил. Пару мгновений спустя из его внутренностей сквозь сросшиеся ребра вырвалась рогатая краснокожая тварь, сжимая в клыкастой пасти оба сердца апостола. Мучительный, нечеловеческий, столь не свойственный легионеру крик Данаска слился с воплями остальной команды.

Они оказались в безопасности варпа. В такой безопасности, которая только была возможна в варпе, хотя навигаторы «Мстителя» с самого момента перемещения жаловались на приближающуюся бурю. Астрономикан, свет, который вел их по имматериальному эфиру, почти исчез за штормами невероятных размеров.

Коракс сказал им делать все, что в их силах. Цель была проще некуда: идти на источник света Императора, чтобы достичь Терры.

Примарх находился в стратегиуме вместе со своими командорами, устройство внутренней вокс-связи казалось миниатюрным в его огромной ладони. Режим затемнения отменили, реакторы работали на полную мощность. Стратегиум купался в свете, который казался особенно ярким после многих дней сумрака. Но настроение примарха было далеко не столь же солнечным.

Коракс не знал, что сказать воинам. Какие слова ободрения он мог сказать, если сам чувствовал себя лишенным всяческой надежды? Предатели нанесли неотразимый удар, нацеленный со смертоносной эффективностью; казалось почти невероятным, что их кто-то сможет остановить. За свою жизнь ему не раз приходилось словами поднимать изможденных воинов на борьбу и вдохновлять на великие деяния, но все, что теперь приходило примарху на ум, казалось пустыми банальностями.

Не важно. Усилием воли Коракс отбросил сомнения. Пришло время проявить те лидерские качества, ради

которых он был создан. Именно в такие моменты, а не в пылу боя, где физические способности могли качнуть чаши весов, проявлялась его настоящая ценность. Он был примархом Гвардии Ворона, и именно к нему легионеры обратятся за наставлением и поддержкой. Многие из них видели тяжелые времена, но ничто из этого не могло сравниться с катаклизмом, который навлек Хорус. Некоторые выжили в Объединительных войнах, другие были ветеранами Ликейского восстания. Все они были воинами, в сердцах которых ярко пылала честь легиона.

— На Исстваане нам нанесли поражение, — начал Коракс, его слова транслировались по всему кораблю. — Это неприятное чувство, но я хочу, чтобы вы запомнили его. Впустите его в сердца и лелейте это ощущение. Пусть оно течет по вашим сосудам и придает силы мышцам. Никогда не забывайте, что означает поражение.

Он остановился, позволив другому чувству заменить боль и отчаяние.

— Не поддавайтесь отчаянию. Мы Астартес. Мы — Гвардия Ворона. Мы окровавлены, но живы. Давите скорбь злостью, пока у вас не появится новая цель. Те, кого мы когда-то называли братьями...

Коракс вновь остановился, слова застревали у него в горле. Он посмотрел на Агапито, затем на Бранна, Соларо и, наконец, на Алони. Глаза его командиров горели от эмоций, челюсти сжаты от едва сдерживаемой ярости. Примарх зарычал, высвобождая наружу чувства, которые держал в себе со времени побега с Исстваана.

— Те, кого мы когда-то называли братьями, отныне наши враги. Они предали нас, но что еще хуже: они предали Императора. Для нас они мертвы, и мы не окажем им чести увидеть нашу скорбь. Злость — вот все, что у нас есть для них. Злость, подобной которой мы не испытывали прежде. Всего пару месяцев назад мы низвергали свою ярость во имя Просвещения. Мы несли в Галактику войну во имя Имперской Истины. Эти дни миновали. Предательство тех, кого мы

ныне зовет врагами, положило конец Великому крестовому походу.

Ненавидьте их! Ненавидьте их, как ни одного врага прежде. Хулите воздух, которым они дышат, и землю, по которой они ходят. Нет никого более низкого, нежели предатель, и никого, более достойного вашего презрения. Ненавидьте их!

В груди Коракса вспыхнула боль. Из-за волнения открылись старые раны, и по телу примарха потекла кровь. Обычный человек давно бы умер после таких ран, но примарх переносил боль без видимых признаков мучения, стоически загоняя агонию в глубины разума.

Руки Коракса задрожали, и ему пришлось прерваться, чтобы привести в порядок мысли.

— Они пытались убить нас, истребить Гвардию Ворона и стереть память о нас со страниц истории. Но предатели совершили одну ошибку: они упустили нас. Нас согнули, но не сломали, мы ранены, но не повержены. Я клянусь своими обетами Императору и

преданностью вам в том, что мы отомстим изменникам! Они заплатят за свое преступление кровью и смертью, и пока последний из них не падет от нашей руки, не знать нам ни радости, ни покоя. Мы настигнем их везде, где бы они ни прятались, как это умеет лишь Гвардия Ворона.

Поклянитесь вместе со мной, дети мои, следовать за мной везде, куда бы ни привел нас путь. Поклянитесь не давать пощады предателям. Поклянитесь убивать их без капли жалости. Поклянитесь вырезать раковую опухоль, которую Хорус взрастил в сердце Империума. Поклянитесь вновь принести Имперскую Истину в Галактику. Поклянитесь, что более мы не познаем поражения!

Глубоко в трюме «Мстителя» Альфарий слушал примарха и поневоле испытывал волнение. Подобный вызов был благородным. Бессмысленным, но благородным.

Глава четвертая
ПУТЕШЕСТВИЕ К СОЛНЦУ
СКУДНАЯ ПИЩА
ПУТЬ ПЕРЕКРЫТ

Предстояло сделать еще многое. Пока действовал режим затемнения, воины и члены команды «Мстителя» могли направить усилия на консолидацию сил. Поспешное перевооружение и реорганизация после Иссстваана уступили место обдуманным поступкам. Временные отделения расформировывали и преобразовывали, легионеров повышали до сержантов, а сержантов производили в офицеры.

Одними из наиболее загруженных работой была горстка уцелевших легионеров из арсенала. Гвардия Ворона лишилась большей части снаряжения во время продолжительных ударов и отступлений на Иссстваане-V, и теперь технодесантникам предстояло распределить, починить и пополнить

запасы экипировки заново созданных отделений. В трюмах «Мстителя» хранился значительный запас снаряжения, но новых силовых доспехов и оружия не хватало для всех двух с половиной тысяч легионеров на борту. Многим воинам требовалась полная замена доспехов или же отдельных частей, поэтому Страдон Винальт вместе с остальными техноdесантниками проводил большую часть времени трудясь над оружием и доспехами, которые Гвардейцы Ворона забрали у побежденных врагов.

Его жизнь превратилась в бесконечный поток работы, каждый час бодрствования был наполнен треском электросварки, запахами краски, визгом пневмоключей и жаром керамитовых печей.

Винальт необычайно заинтересовался новым снаряжением, кое-что было ему очень знакомо, иное же обладало совершенно иным дизайном, поскольку легионы снабжались десятками мировкузниц со всего Империума. Он на скорую руку чинил комплекты доспехов

четвертой модификации, которые носили большинство его товарищей, снимая части с устаревших комплектов второй и третьей от Несущих Слово, Железных Воинов и Пожирателей Миров. Но результат его работы не был безупречен, все заплатки и временные детали ставились, чтобы продержаться хотя бы пару сражений, если по пути к Терре «Мститель» столкнется с врагами.

На борту боевой баржи не осталось почти ничего, что можно было бы использовать, поэтому приходилось выходить из положения по-разному. Большая часть бронетехники легиона оказалась уничтожена или брошена на Ургалльском плато, а на складах хранилось множество теперь уже ненужных запасных частей для танков и транспортеров. Винальт с остальными техноdесантниками придумали способ увеличить прочность созданных ими доспехов с помощью штифтов молекулярного крепления, которые обычно использовались для навешивания броневых и аблятивных плит на «Рино» и

«Хищники». Из-за этого комплекты приобрели необычный вид: на наплечниках располагались ряды огромных заклепок, походивших на узлы или волдыри. Другие же детали от техники, вроде кабелей трансмиссий, сервомеханизмов и даже запасных звеньев гусениц, использовались для доспехов новой модели как сменные части.

Постепенно легионеры вновь стали походить на Гвардейцев Ворона. Поножи, нагрудники, наплечники и наручи цветов всех легионов, с которыми им приходилось сражаться на Исстваане, были перекрашены в черный цвет Гвардии Ворона и любовно украшены гербом легиона. Каждый мазок кисти или распыление пульверизатором стирали цвета прежних друзей и нынешних врагов, заменяя символы предателей собственными, и легион тем самым как будто очищался от былых воспоминаний.

Свободного времени у Бинальта почти не оставалось, а и кратких перерывах он занимался другим, более личным проектом. Технодесантник

закрывался в маленькой комнатушке между двумя орудийными башнями правого борта, и небольшом шумном отсеке, вибрировавшем от щелканья автопогрузчиков и гудевшем от беготни команды во время постоянных тренировок.

В ней умещался лишь небольшой рабочий стол да пара полок — стула у Винальта не было, поэтому ему приходилось все время стоять. Техноdесантник окинул взглядом огромную кучу сломанных частей на столе и задумался, с чего стоит начать. Под механизмами и пучками проводов и кабелей лежали куски расколотого керамита и покореженного металла. Он заметил сервомотор, актуатор или псевдомускульные фибросвязки — все системы, необходимые для создания комплекта силовых доспехов, но в непонятном ему порядке.

Он восхищался красотой творения и одновременно изумлялся мастерству проектировки и дизайна, просматривавшемуся сквозь россыпь шестеренок и силовых реле.

Бинальт начал с сортировки всех деталей, разделив их на отдельные кучи по форме и области применения, отложив в сторону те, назначения которых он пока не понял. День за днем, иногда забегая всего на несколько минут, пока остальные с радостью использовали свободное время для отдыха, технодесантник все больше понимал, что перед ним находится. Наедине со своими мыслями, дополняя свои неоднозначные после произошедших событий чувства рациональным изучением, Бинальт размышлял над природой пугающего проекта, за который он взялся, разделив его на несколько достижимых целей. Занятие странным образом успокаивало технодесантника, ограждало от суматохи, царящей в легионе, и воспоминаний об Исстваане — идеальная и изолированная сфера, внутри которой он мог работать с предсказуемым результатом и где все находилось под его контролем.

Завершит проект он еще не скоро — возможно, даже не доживет до окончания, — но Бинальт был решительно настроен во

что бы то ни стало доделать это чудесное изобретение. Если ему удастся, мир станет прежним, а его существование вновь обретет смысл.

На борту легионерам практически нечем было заняться, кроме как тренироваться, есть и отдыхать. «Мститель» покинул Исствааан семьдесят дней назад, но варп-шторы существенно замедляли продвижение. Альфарий постоянно находился со своим отделением, с каждым днем узнавая все больше о них и о человеке, роль которого он играл.

До него дошли слухи, будто корабль направляется не на Освобождение, а на Терру. Сама мысль об этом в равной степени интриговала, захватывала и тревожила его. Ему никогда прежде не приходилось бывать на Старой Земле, хотя он давно мечтал туда попасть. Еще до того, как легион близнецов-примархов перешел на сторону Хоруса, Альфарий часто расспрашивал старших Альфа-Легионеров о месте рождения человечества. Со времен начала Великого

крестового похода они больше не возвращались на Терру, и едва ли кто-то из них искренне верил, что еще когда-либо увидит великолепие Императорского Дворца.

Альфарий понимал, что присягнул на верность другой стороне, но мысль о том, чтобы оказаться возле Императора, до сих пор захватывала его, ее можно было сравнить лишь с удовлетворением, испытанным, когда настоящий Альфарий избрал его для задания. Примарх вызвал его для разговора и объяснил причину измены легиона. Император, возможно и сам того не желая, предал своих сынов и легионы, покинув их. После чего Великий крестовый поход остановился. Примарх не мог объяснить, почему это случилось, но был уверен, что Хорус вернет человечество обратно на путь Имперских Истин.

Альфарию стало интересно, увидит ли он Императора хотя бы краешком глаза, но он тут же обеспокоился: ведь если он попадет на глаза Императору, двойственную натуру Альфа-Легионера,

вероятнее всего, раскроют. Ведь столь одаренное существо, как Повелитель человечества, не обманешь измененным лицом и чужим именем?

Более того, прежний владелец нынешней личины Альфария родился на Терре. А что, если другие рожденные на Терре после резни их осталось совсем немного — заметят изъян в его маскировке, что, если на его неведение обратят внимание прочие терране?

Сейчас у него не было времени волноваться относительно будущего, ведь ему следовало постоянно держаться настороже. В какой-то мере Альфарию повезло: воин, чей облик и частичную память он унаследовал, по натуре был немногословен. Благодаря апотекариям и впитанному омофагией материалу голосовые связки и рот Альфария изменились, чтобы больше соответствовать легионеру, облик которого он принял, но замеченное острым слухом космического десантника даже незначительное отличие могло возбудить подозрения.

Самой лучшей защитой, как для него, так и всех, кому также удалось внедриться в Гвардию Ворона, служила невероятность того, что совершил Альфа-Легион. С какой стати Гвардейцам Ворона подозревать, будто враги взяли себе лица павших воинов? Это была поразительная махинация примарха, которая красноречивее всяких слов свидетельствовала о его гениальности. Если у какого-то легионера появятся сомнения насчет истинной природы Альфария, того обвинят в паранойе. Это даже звучало настолько невероятно, что любые подозрения без веских доказательств, скорее всего, не примут во внимание.

Альфарий был решительно настроен на то, чтобы не предоставить подобных доказательств, тренируясь, обедая и отдыхая вместе со своим приемным легионом. Он с гордостью отдавал на восстановление доспехи, вместе с братьями по оружию обещал отомстить врагам и клялся в верности Императору и лорду Кораксу, пока они наносили новые

символы на покрашенную поверхность.

Несколько раз Альфарий находился в шаге от провала. Каждый день он узнавал что-то новое — повадки, обороты речи, протоколы легиона, которые позволяли ему лучше сливаться с коллективом, но процесс не всегда шел гладко.

Последний подобный случай произошел во время тренировки по рукопашному бою. Рота собралась в одном из ангаров, среди неподвижных «Громовых ястребов» и «Грозовых птиц» — из-за огромного количества воинов залов «Мстителя», специально предназначенных для тренировок, на всех не хватало.

Сержант Дор собрал отделение и произнес вдохновляющую речь.

— Мы должны научиться биться с новыми врагами, — начал он. — Десятилетиями мы оттачивали свои навыки против дикарей и слабых противников, сталкивались со странными неприятелями вроде иссваанских Певцов Войны и нинтурнианских Дьявольских Клинков. Но теперь перед нами стоит совершенно другая задача. Нам предстоит

сражаться с другими космическими десантниками.

На словах все звучало просто, но при упоминании ситуации, в которой они оказались, легионеры сразу вспомнили о том, как сильно изменилась Галактика. Со стороны воинов послышался недовольный ропот, но Альфарий промолчал, не желая выдавать свои мысли по этому поводу.

— Мы тренируемся друг с другом каждый день, — заметил Лукар. — В чем разница?

— Раньше мы не пытались убить друг друга, — ответил сержант.

Воины отделения разбились на пары, вооруженные лишь боевыми ножами с монолекулярными лезвиями. Альфарию выпало сразиться с Лукаром. Начали они по команде сержанта, делая выпады и парируя, стараясь отыскать слабые места в доспехах противника, целясь в термоуплотнители гибких сочленений, крепленные глазные линзы и зазоры между пластинами брони.

Вокруг них, сверкая ножами, сражались остальные пары. Лукар бился

наравне с Альфарием, не уступая ему в скорости и силе. Клинки со скрежетом сталкивались друг с другом, принимались на наплечники или сбивались предплечьями, ни один из воинов не мог найти брешь в защите другого.

Именно тогда Альфарий допустил ошибку.

Занеся нож для удара сверху, он резко упал на колено, когда клинок Лукара взметнулся вверх, чтобы блокировать атаку. Едва соперник открылся, Альфарий сменил хватку на ноже и нанес удар, метя в уязвимое сочленение между верхней бедренной броней и пахом.

Лукар замер, острие ножа застыло всего в паре миллиметров от брони.

— Твоя взяла, — объявил Лукар, а затем сделал шаг назад и покачал головой. В его голосе звучало удивление: — Где ты этому научился?

Альфарий замялся, внезапно поняв, что этот прием был частью тренировки Альфа-Легиона, который отсутствовал в доктрине Гвардии Ворона.

— Я обратил на него внимание в зоне

высадки, один из предателей использовал его, — быстро нашелся Альфарий. — Один из Несущих Слово убил этим приемом нашего брата из Саламандр.

Остальное отделение прекратило тренироваться и теперь смотрело на Альфария с Лукаром. Ему совершенно не нравилось находиться в центре всеобщего внимания. Он поднялся и вложил нож обратно в ножны, когда к нему подошел сержант Дор, склонив набок скрытую под шлемом голову.

— Что это? — спросил сержант. — Используем тактику предателей?

— Она показалась мне эффективной, — ответил Альфарий, сохраняя спокойствие.

— Внимание! — сказал Дор, жестом приказав всем подойти ближе. — Покажешь нам еще раз?

Альфарий повторил прием, продемонстрировав удар снизу собравшимся легионерам. Среди воинов раздалось одобрительное перешептывание, и Дор благодарно хлопнул его по груди.

— Вот что мы должны делать, —

произнес сержант. Какое-то мгновение его красные глазные линзы, казалось, пристально изучали Альфария, а затем Дор продолжил, посмотрев на отделение: — Нам нужно учиться у врагов, приспосабливаться к тому, как они сражаются. Любое новшество, любое преимущество, которым вы располагаете, — обязательно поделитесь им с остальными, ладно?

— Так точно, сержант, — ответил Альфарий.

Хотя его и не раскрыли, в тот же день Альфарий понял, что сделал. Однажды Гвардеец Ворона сможет воспользоваться этим приемом против воина Альфы или защититься от него и выйти победителем. Целью Альфария было учиться у Гвардии Ворона, а не усиливать ее. Ситуация становилась сложнее, чем он себе представлял, — предстояло учитывать все больше обстоятельств.

Альфарий сосредоточился на действительно важном. Он был актером, который играл свою роль, с каждым днем

сильнее вживаясь в образ. В глубине души он помнил, что верен Альфа-Легиону, и не чувствовал вины за ложь тем, кого некогда называл соратниками. Они не виноваты, что выбрали неверную сторону в грядущей войне. Альфарий не чувствовал презрения или жалости к Гвардейцам Ворона, он испытывал лишь слабую печаль из-за того, что никогда вновь не сможет искренне назвать легионеров вокруг себя братьями. Их имена слетали с его уст так же легко, как лживые заявления о верности и мести, но он не был одним из них. Как и весь Альфа-Легион, он был избран для высшей цели, которая, по словам близнецов-примархов, значила куда больше чем верность Императору или Хорусу, ибо касалась судьбы самой Галактики.

И как в случае со всеми, кто не желал видеть высшей истины, Гвардия Ворона являлась расходным материалом. Она сыграет свою роль и будет уничтожена, а Альфарий вернется к себе в легион, чтобы вновь сражаться рядом с настоящими боевыми братьями. Именно на этой мысли, на этой цели сосредоточивался Альфарий,

пока, лежа на койке, обдумывал неизвестную задачу в будущем. Он Альфа-Легионер и поэтому не ждал, что его похвалят или выделят среди прочих воинов, — подобная жажда славы не числилась среди традиций легиона. Он выполнит свою задачу, удовлетворится тем, что все сделано, и, получив похвалу близнецов-примархов, вновь станет одним из многих.

Стоя в галерее, которая выходила на одну из импровизированных жилых палуб, некогда бывшую стрельбищем, Коракс наблюдал, как несколько рот Гвардии Ворона ели корабельные пайки. Воины стояли за длинными раскладными столами — стулья являлись еще одним дефицитным предметом на борту — и усердно поглощали синтетическое мясо и высушенный соевый хлеб. Пища была хоть и безвкусной, но богатой белками и углеводами, необходимыми легионерам для поддержания жизнедеятельности. Вода, обогащенная пищевыми добавками, подавалась в грубых кружках,

изготовленных сервами в мастерских на нижних палубах.

— Что у нас с припасами? — поинтересовался примарх. Он знал ответ, но хотел убедиться, что командоры контролируют ситуацию.

— Пока можно не волноваться, лорд, — ответил Агапито. Бранн и Соларо завершали квартет, Алони же остался присматривать за стратегиумом. — «Мститель» готовили к трехлетнему рейсу, а этого более чем достаточно для нынешних потребностей.

— Навигаторы докладывают о тех же проблемах, что и раньше, — добавил Бранн. — Мы достигнем Солнечной системы по меньшей мере через сорок дней. Они просят разрешения, чтобы мы вновь вышли в реальное пространство для подтверждения местоположения.

— Они идут наугад, — вздохнул Коракс. — Гигантские варп-штормы почти затмили Астрономикан. Мы выходили из варпа уже трижды и каждый раз отклонялись от намеченного курса по крайней мере на пять световых лет.

— Думаете, эти варп-штормы — дело рук предателей? — спросил Агапито. — А такое возможно?

— Кто знает, — ответил Коракс. Ему было известно куда больше о странных течениях варпа, нежели его командорам, и он небезосновательно считал, что Хорус мог заполучить в распоряжение некую технологию или силу, которая позволяла управлять сотрясающей имматериум бурей. О природе силы, намеки на которую он получил от Императора и братьев-примархов, не стоило распространяться. — Возможно, эта буря мешает нашим врагам так же, как и нам, но это только предположение.

— Позвольте узнать, лорд, почему мы направляемся к Терре? — спросил Бранн. — Я не могу понять мотивов Воителя. Судя по предательству на Исстваане, он хочет как можно быстрее расправиться со всеми своими противниками. Может, стоило вначале укрепить Освобождение?

— Хорус может этого ожидать, — сказал Коракс и отвернулся от балюстрады, чтобы посмотреть на

командоров. Внизу раздался шум, когда легионеры отобедали и принялись собирать пустые тарелки. — Это достаточно веская причина, чтобы не лететь туда. Тем более у меня есть важное дело на Терре.

Слова примарха повисли в воздухе, пока Агапито не понял, что следующий вопрос ждали от него.

— Не желаете ли поведать об этом деле, лорд?

— Мне нужно поговорить с Императором, — ответил Коракс. — Кто знает, достигли ли Императорского Дворца вести об измене Хоруса?

— Уверен, Император достаточно силен, чтобы узнать о постигшей его владения трагедии, — произнес Бранн.

— Варп-штормы могут препятствовать не только путешествиям, — сказал Коракс. Примарх взглянул на своих командоров и заметил на их лицах замешательство. — Навигаторы, астропаты и даже сам Император связаны с варпом. Все они черпают силы из его энергии, поэтому

штормы могут блокировать всевидящий взор Императора и ослеплять навигаторов на пути к Терре.

— Думаете, Хорус вскоре атакует Императора? — спросил Соларо. — Он планирует напасть на Терру?

— Безусловно, — сказал Коракс. — Он отвернулся от Имперской Истины и теперь должен либо убить Императора, либо погибнуть сам. Действия Воителя ведут нас к неизбежному столкновению, и иного выхода быть уже не может.

Какое-то время после слов примарха командоры задумчиво молчали. Коракс понимал своих подчиненных. Масштаб сотворенного Хорусом было тяжело осознать.

— Похоже, Исствааан был не лучшей затеей Хоруса, — произнес наконец Бранн. — Даже благодаря поддержке стольких легионов и удару, который он нанес нам в зоне высадки, ему не одолеть весь Империум.

— Нам стоит предполагать худшее, — встрял Соларо прежде, чем Коракс успел ответить. — Если другие легионы,

которым ты некогда доверял собственные жизни, пошли на предательство, то мы также не можем больше верить в лояльность Механикум и Имперской Армии.

— Тут ты прав, — согласился Коракс. — Мы понятия не имеем, скольких успели завербовать повстанцы.

Он осекся. Хоруса и остальных заговорщиков едва ли можно было назвать «повстанцами».

— Предатели долго планировали свои действия. Хорус способен на щедрые жесты, демонстрацию могущества, но он ничего не делает без должной подготовки. Будьте уверены, он никогда не начнет, если не будет готов, а это значит, что сейчас Хорус увидел наилучший шанс одержать быструю победу.

— И остановить его, конечно, придется нам, — произнес Бранн, его губы гневно сжались.

— Конечно, — ответил Коракс, тонко улыбнувшись. — Разрушать Империум не в интересах наших врагов. Они хотят свергнуть Императора и стать

властителями Галактики. Вот почему они должны действовать стремительно, уничтожив Императора и всех его сторонников прежде, чем весь Империум окажется втянутым в войну. Не важно, какими войсками командует Хорус, я согласен с Бранном: предателям не победить в затяжной войне.

Легионеры внизу начали строиться, когда через двери в дальнем конце зала вошли новые воины. Десятки сервов принялись очищать столы и нести горы свежих пайков для новоприбывших. Коракс взглянул вниз и случайно встретился взглядом с одним из Гвардейцев Ворона. Воин выглядел понуро и мрачно, что совсем не понравилось примарху.

— Сержант Нестил, — окликнул его Коракс, и командир отделения застыл на мгновение, будто жертва, заметившая отблеск нацеленного на нее оружия.

— Лорд Коракс? — ответил Нестил. — Чем могу служить?

— Почему такой хмурый, сержант? — непринужденным голосом спросил Коракс. — Не нравится еда?

— Вынужден признаться, бывало и лучше, лорд, — произнес сержант.

— Подозреваю, Хорус сидит сейчас на целой куче гроксовых стейков, сержант. Как только Император даст разрешение, ты тут же избавим его от них.

Со стороны собравшихся легионеров раздался смех, пусть несколько жидкий, но куда лучше той обреченности, которую Коракс ощущал в них до того.

— Так точно, лорд, а еще не сомневаюсь, что у Фулгрима при желании тоже найдется пара-тройка побрякушек, которые мы с радостью отберем, — ответил сержант Нестил, чем заработал еще один взрыв смеха.

— Будь уверен, Ланкрато, будь уверен, — произнес Коракс, смеясь вместе с остальными над убогой шуткой.

Примарх взмахнул рукой и вновь вернулся к своим командорам. Его улыбка тут же погасла.

— Мы не должны позволять ранам Исстваана гноиться. Силы легиона истощены, но более тяжелый урон нанесен нашему боевому духу, — сказал он. — От

того, сумеем ли мы быстро восстановиться, зависит само наше выживание.

— Мы будем сражаться до последнего, — твердо сказал Соларо.

— Да, — согласился Коракс. Следующие его слова должны были придать отваги как ему, так и соратникам: — Но лучше, если мы вынудим это сделать войска Хоруса. Нам необходима победа, что-то, что восстановило бы нашу честь и репутацию. Если мы спрячемся на Освобождении, то отдадим инициативу врагам. Мы так не воюем. Нам следует собрать все силы, которые только возможно, и атаковать предателей. Мы должны доказать себе и всем остальным, что враги также уязвимы и что атаку на Терру можно предотвратить. Нам нанесли тяжелое поражение, но мы не можем бежать вечно. Чем раньше Гвардия Ворона нанесет ответный удар, тем быстрее посеет сомнения среди изменников, и их альянс даст трещину.

— Вы так уверены, что они легко

рассорятся между собой, лорд? — спросил Агапито.

Коракс нетерпеливо зашагал по галерее. Большие арочные окна с правой стороны были закрыты ставнями из рифленой стали, которые защищали от вида варпа, но примарх чувствовал его присутствие, словно гнетущую атмосферу, напряжение, от которого нельзя скрыться. От одной мысли, что Хорус каким-то образом мог всем этим управлять, ему становилось неуютно.

— Легко? Нет, — ответил Коракс на вопрос Агапито. — Но все же у них случаются разногласия. Даже под стягом Императора мои братья все равно находили причины для ссор. Пусть некоторые сейчас прислушиваются к Хорусу, но каждый хочет обрести в этом восстании личную выгоду. Когда станет ясно, что своих целей им не достигнуть без значительных усилий, их решимость иссякнет и их союз даст трещину.

— Будем надеяться, у нас все получится, — сказал Агапито.

Коракс посмотрел на командора

суровым взглядом, остановившись возле узких дверей в конце галереи. Агапито слегка поник под беспощадным взором примарха.

— У нас нет места для надежды, — бросил Коракс. — Мы планируем и действуем. Надежда — удел мечтателей и поэтов. У нас есть сила воли и оружие, и мы сами будем вершить свою судьбу.

Когда Коракс ушел, Бранн, Агапито и Соларо направились обратно в общие покои.

— Почему ты упомянул о надежде, брат? — резко спросил Бранн. — Разве ты не помнишь, что эти самые слова он произносил у Врат Сорок-два?

— Это был лишь речевой оборот, брат, — сказал Агапито, явно захваченный врасплох. — Конечно, я помню Врата Сорок-два. Как можно забыть ту резню?

— В дальнейшем старайся выбирать выражения, — отрезал Бранн. — Коракс пока не нужно лишних беспокойств.

По выражению лица Агапито было видно, что ему хотелось возразить, но затем он склонил голову, принимая упрек.

— Как скажешь, брат, — произнес он. — В дальнейшем постараюсь выбирать выражения.

Рассматривая почти опустевшие банки в ящичке, Пелон размышлял, насколько ему еще удастся растянуть остаток специй и зелени. Префектор ничего не говорил по поводу незамысловатой стряпни, которой потчевал его Пелон в последнее время, — для такого рода жалоб у него было слишком высокое происхождение и значительный военный опыт, — но денщика грызла совесть, что аристократу Тэриона приходится питаться той же едой, что и обычному серву.

Он старался изо всех сил, чтобы хоть немного украсить пустые комнаты Валерия, разложив привезенные префектором на борт корабля вещи на узких полках и рядом со столом. На стене висели стенная форма и парадные регалии Валерия, а также его силовой меч с золоченой рукоятью, хотя своим внешним видом они лишь подчеркивали серые

неокрашенные переборки, вместо того чтобы отвлекать от них взгляд.

Пелону удалось раздобыть на корабельном складе кисточки и пару банок краски, и, хотя на все покои их не хватило, этого оказалось вполне достаточно, чтобы придать немного живости мебели и простоватым жестяным тарелкам и кружкам, которые он взял на камбузе. Казалось, Гвардия Ворона более всего ценила собственный аскетизм, как решил денщик, предпочитая суровые условия родного Освобождения всем благам, которые должны были появиться с Согласием. Ему даже в голову не могло прийти, что он станет скучать по бесконечным коридорам старых шахт или по пустынным пейзажам за окнами, но, оказавшись на борту «Мстителя», Пелон вспоминал о проведенном на запыленной луне времени как об относительно уютном.

Он услышал, как с шипением открылись внешние двери, и прекратил суетиться вокруг маленького столика, на котором расставлял ужин для

префектора. Валерий вошел в гостиную, без лишних слов сел за стол и быстро окинул взглядом аккуратно нарезанные протеиновые плитки, приправленные чемиррхом и орталом. Префектор поднял грубую металлическую кружку, краешек которой Пелон заботливо украсил ровной красной линией, но замер, так и не сделав глоток. Он опустил кружку и наконец посмотрел на денщика.

— Как же я скучаю по вину, — вздохнул Валерий. — Графинчик мастиллианского красного, стаканчик игристого наринитского, да хотя бы то пойло, что варганит в Хедде Сигнисе Первый трибун Натор.

Пелон промолчал. От него требовалось не говорить, а внимать. На Освобождении он несколько раз переступал эту черту, и это обернулось ему только проблемами. Учитывая то, что сейчас творилось, — а ему немало удалось подслушать из разговоров Гвардейцев Ворона и членов команды о случившемся на Исстваане, — больше всего ему хотелось оказаться в безопасности и просто

обслуживать префектора.

— Но не стоит ворчать, Пелон, — сказал Валерий так, словно только что сетовал слуга, а не он сам. — Судя по последним расчетам, до Солнечной системы осталось всего двенадцать дней. Хотя, учитывая их прежние «успехи», не удивлюсь, если навигаторам потребуется в два раза больше времени. Как же это захватывающе, не правда ли? Терра, Пелон! Разве это не замечательно?

Пелон не знал, следовало ли ему отвечать. Иногда ему было сложно понять, когда префектору требовался слушатель, а когда господин беседовал с ним. Валерий молчал и выжидающе смотрел на него, поэтому Пелон понял, что от него ждут ответа.

— Никогда бы не подумал, что увижу ее, господин, — почтительно произнес Пелон. Действительно, его чрезвычайно волновала грядущая остановка в сердце Империума. Без сомнения, их встретят всевозможные сановники, и Пелону казалось невообразимым, если Валерий будет выглядеть словно какой-то голодранец-

офицер из профессиональных полков, но, к сожалению, моющих средств и принадлежностей для починки формы у него уже почти не оставалось. — Я едва могу поверить в такую честь.

— Тут ты прав, — согласился Валерий, воткнув вилку в синтекашу, которой Пелон затейливо придал форму цветка с крошечными лепестками. Проголодавшийся префектор за пару секунд разрушил творение, на приготовление которого у Пелона ушел целый час. — На Тэрионе даже не всем лордам-командорам выпадала такая честь.

— Похоже, у вас сегодня хорошее настроение, господин, — отважился высказаться Пелон и присел на краешек кровати.

— Я встречался с Кораксом и командорами Гвардии Ворона, Пелон, — сказал Валерий, пережевывая пищу. — Боюсь, мы остановимся там ненадолго. Как только появится возможность, я отправляюсь обратно на Тэрион для набора войск. Учитывая уровень потерь легиона и то, что я остался без солдат,

решили, что мне нужно собрать новую когорту, чтобы сражаться вместе с лордом Кораксом против предателей.

— Хорошо, что они доверили вам подобную обязанность, господин, — произнес Пелон, но тут же пожалел о сказанном, когда Валерий аккуратно положил нож с вилкой на полупустую тарелку и, нахмурившись, обернулся к денщику.

— И с чего бы им мне не доверять?

— Я не имел в виду лично вас, господин, — торопливо сказал Пелон. — Просто доверие в последнее время большая редкость. Даже на меня экипаж бросает подозрительные взгляды, когда я хожу по делам. Хорошо, что в подобные времена примарх верит в преданность Тэриона.

— Да, ты прав, — согласился Валерий и вновь принялся за еду. С трудом пережевывая жесткое искусственное филе грокса, он улыбнулся и промычал: — Это очень важная обязанность. Нам понадобятся все мужчины и женщины, которые могут держать лазган. Это будет словно основание после Согласия. Да нет, даже больше!

Префектор доел ужин, запил его рециркулированной водой и встал из-за стола.

— Темные времена, Пелон, но разве великие моменты в истории не восходят из тьмы? — спросил он, сбросив ботинки и повалившись в койку. — Никто не помнит о тех, кто жил в часы радости и достатка.

— Действительно, господин, — ответил Пелон, убирая со стола тарелки и кружку. Уже у самой двери он остановился. — Я вам не понадоблюсь в ближайший час, господин? Мне нужно наведаться в прачечную.

— Думаю, я проживу без тебя час, — устало бросил Валерий. Пелон оглянулся через плечо и увидел, что префектор уже лежит с закрытыми глазами, его грудь медленно поднималась и опускалась. — В следующий раз добавь больше соли, — засыпая, пробормотал префектор.

— Как скажете, господин, — с удовлетворенной улыбкой сказал себе Пелон и прикрыл дверь.

Через сто тридцать три дня после

отбытия с Исстваана «Мститель» достиг Солнечной системы, сердца Империума, места рождения человечества.

По приказу Коракса сразу по прибытии корабль поднял пустотные щиты — было бы неразумно приближаться без какой-либо защиты, а отражающие щиты могли вызвать ненужные подозрения.

В стратегиум хлынули доклады с сенсоров, в общих чертах обрисовав хаос, который творился в звездной системе. Между лунными базами и Террой двигались десятки военных, грузовых и транспортных кораблей, лавируя между слоями минных полей, орбитальными оборонительными платформами и внешнесистемными тяжелыми мониторами. Постоянно приближались новые суда — не проходило и часа, чтобы из варпа не появлялись по крайней мере два-три корабля.

Империум полнился слухами. Варп-шторма, так замедлившие Гвардию Ворона, оборвали также астротелепатическую связь. Даже при

благоприятных условиях требовалось множество недель, а то и месяцев, чтобы сообщения из дальних уголков Империума достигли Терры. А если добавить к этому мощь варп-урагана, то мог уйти не один месяц, прежде чем некоторые системы даже узнают о предательстве Воителя.

Коракс чувствовал, что это только начало. Десятки кораблей превратятся в сотни, возможно — в тысячи. На стороне Хоруса был эффект неожиданности, но левиафан, звавшийся Империумом, начал просыпаться, чтобы противостоять этой новой угрозе. В распоряжении Императора находились громадные, но маломобильные ресурсы; если собрать их воедино, они станут непреодолимой силой. В этом примарх не сомневался. Хорус мог надеяться только на быструю победу, и Коракс сделает все возможное, чтобы подобного не случилось.

После обычной задержки, связанной с перенастройкой сканеров и средств связи, выяснилось, что их уже долго и настойчиво вызывает «Гневный авангард», ударный крейсер легиона Имперских Кулаков.

Капитан Нориц грозил им всевозможными карами, если они не идентифицируют себя.

Судя по словам Норица, здесь не сильно радовались незваным гостям.

— Говорит «Мститель», боевая баржа Гвардии Ворона, — ответил Бранн, пока Коракс молча стоял рядом. — Мы следуем на Терру, у нас на борту лорд Коракс. Пожалуйста, обеспечьте нам свободный проход.

Ответа Имперских Кулаков пришлось подождать. Несмотря на то что они разговаривали, используя обычную аудиосвязь, между сообщением и ответом наблюдалась существенная временная задержка, свидетельствовавшая, что «Гневный авангард» находился в нескольких сотнях тысяч километров.

— Дальнейший проход закрыт. Отключите щиты и приготовьтесь принять абордажную партию. Неподчинение будет расценено как акт агрессии, и вы будете уничтожены.

Коракс усмехнулся, но Бранн был не в настроении спорить с капитаном

Имперских Кулаков:

— Следи за языком, капитан! Лорду Кораксу необходимо встретиться с Императором. Если тебе что-то не нравится, то пусть Рогал Дорн сам поднимется на борт, чтобы обсудить это. Если ты закончил оскорблять моего примарха, обеспечь нам сопровождение, чтобы добраться до Терры без дальнейших проволочек.

— Я не имею права пропустить вас, с примархом на борту или нет, — прозвучал напряженный ответ Норица. — Все несанкционированные корабли должны подвергаться проверке. Если вы не заметили, слово Астартес уже ничего не значит. Мы высадимся, а если встретим сопротивление, то уничтожим ваш корабль.

Бранн стиснул зубы от гнева и потянулся к кнопке передачи, но Коракс не позволил ему этого сделать. Примарх аккуратно отодвинул командора в сторону и склонился над аппаратом связи.

— Капитан Нориц, ваша приверженность долгу и приказам

достойна восхищения, — сказал примарх, в его глубоком голосе ощущалось веселье. — Я буду рад приветствовать на борту делегацию легиона своего брата, но прошу обойтись без угроз. На этой боевой барже находится несколько тысяч Астартес, а к вашему ударному крейсеру приписано всего пятьдесят воинов.

Вновь наступила тишина, но в этот раз она длилась дольше предыдущей паузы.

— Пожалуйста, назовите себя.

Вздохнув, Коракс окинул взглядом собравшихся вокруг него легионеров и активировал тумблер передачи.

— Я — лорд Корвус Коракс, примарх Гвардии Ворона, Спаситель Освобождения, командующий Двадцать седьмой и Триста семьдесят шестой экспедициями, исполняющий обязанности маршала Когорты Тэриона и прославленный завоеватель тысячи миров. Если поднимешься на борт, я продемонстрирую еще парочку своих титулов.

Какое-то время по каналу раздавалось лишь шипение статики, пока Нориц не сформулировал подходящий ответ.

— Я возглавлю абордажную партию, лорд Коракс. Пожалуйста, за это время опустите щиты.

Коракс кивнул технику у пульта управления защитой и отступил от панели связи.

— Веди себя хорошо, он просто выполняет свой долг, — сказал примарх Бранну. — Чем быстрее он закончит, тем скорее мы отправимся дальше.

— Слушаюсь, но ему ведь необязательно быть таким уж непреклонным, не находите? — спросил командор.

— Он же Имперский Кулак, — ответил Коракс. — Это у него в крови.

Хотя примарх старался говорить непринужденно, он был осторожен. Коракс знал, что на борту «Мстителя» не было ничего, что могло вызвать проблемы, но испытывал инстинктивное отвращение к пристальному вниманию. Он подавил тревожные предчувствия и приказал Бранну встретить капитана Норица.

В небольшой камере раздавался

тихий скрежет стамески, тайком вынесенной из забоя. Реквай сидел в углу и обтесывал кусок шлака, постепенно придавая форму своему последнему творению. Заложив руки за голову, Корвус с закрытыми глазами лежал на тонком матрасе и слушал старика. С того дня, как он явил себя этим людям, миновало всего два года, на протяжении которых он скрывался в тюремных блоках, за это время его тело выросло и сейчас соответствовало мальчику лет двенадцати. Реквай был последним в череде заключенных диссидентов и протестующих против строя интеллигентов, которые узнали о существовании Корвуса и согласились обучить странного ребенка всему, что знали про общество, политику и историю.

Обо всем этом Корвус не имел ни малейшего понятия. Его технические познания были огромными и включали в себя величайшие научные достижения человечества. Корвус мог распознать молекулярную структуру стен, двери и кровати. Он знал все о биологических

процессах, вызывающих рост катаракт на глазах у Реквая. Старик отклонил искреннее предложение Корвуса убрать их хирургическим путем, мотивировав отказ тем, что это вызовет у стражей подозрения.

Но, несмотря на невероятный объем познаний, Корвус почти ничего не знал о людях. Казалось, будто его обучение завершилось прежде, чем ему поведали этот урок, лишив знаний о тонкостях человеческой природы. Он стал чистым листом, ждущим, когда его заполнит нужная информация. Он понимал, что очень наивен в этом отношении, и его первый наставник Манрус Колсаис быстро исчерпал собственные знания человеческой натуры. Так началось тайное обучение Корвуса в недрах тюрьмы-шахты, которая, как он узнал, называлась Линей.

— Так пришел конец третьей фацианской династии, — говорил Реквай. Вокруг старого рассказчика в воздухе плавала каменная крошка; оседая, она оставляла на уложенной на полу плитке серый слой пыли. Руки продолжали

орудовать сталеской, казалось, независимо от белесых глаз, прикованных к точке возле тусклой светосферы в потолке. — История первых поселений началась с узурпации Неортана Чандрапакса. Среди колонистов даже проводились специальные лотереи, так велико было желание оставить задымленные города и загрязненные моря Киавара. В определенном смысле это первый раз за сеть столетий хоть как-то напоминало демократию. Невзирая на социальное положение, каждая семья имела равный шанс войти в состав экипажа строящихся челнов-ковчегов. Естественно, правящая верхушка была не совсем уж глупой, и офицерами могли стать только особы знатного происхождения. Главами новых колоний предстояло быть представителям старых родов, сеть Коллегии никуда не делась, а рабочий класс эксплуатировался точно так же, как и прежде.

— Кто-то идет, — сказал Корвус, услышав сквозь стены характерный стук ботинок и шум открывшихся в дальнем конце коридора дверей. — Внезапная

проверка!

— Быстро, парень, ты знаешь, что делать, — сказал Реквай, с поразительной энергией вскочив на ноги.

Корвус скатился с койки, пока Реквай ногой разметывал следы своего увлечения. Старик засунул стамеску и кусок шлака в карман, пришитый к нижней части матраса, а Корвус отодвинул старое жестяное ведро, которое служило уборной. Он услышал лязг замков, и мгновением позже запоры на дверях камер поднялись с ржавым визгом. Их дверь распахнулась наружу, открыв ярко освещенный коридор, и грохот ботинок зазвучал уже явственнее.

— Мне не нужно прятаться. — Корвус замер, так и не отодвинув плиту, под которой скрывался лаз, выдолбленный им в каменной породе под тюремным блоком. — Я слышу только шестерых. Я легко с ними разберусь.

— Ох, уверен, что разберешься, — насупился Реквай. — Но где шесть, там и шесть тысяч. Думаешь, ты справишься с ними всеми?

— Могу попробовать, — парировал

Корвус.

— Пока нет, парень, — сказал Реквай. — Пока не поймешь, ради чего стоит бороться. Я уже говорил, что ты обладаешь даром, но он может стать проклятием. Если ты убьешь человека, то лишь по веским причинам. Это должно что-то значить.

Корвус вздохнул и скользнул в темное пространство под полом. Задвинув плиту обратно, он принялся шарить во тьме в поисках спичек и огарка свечи. На самом деле мальчик не нуждался в них — сквозь щели вокруг плиты проникало достаточно света, чтобы он прекрасно видел, — но Реквай дал их, чтобы Корвусу было уютнее, и поэтому он чувствовал, что обязан ими пользоваться.

Наконец свеча зажглась, ее свет отразился от резных работ Реквая, которые Корвус аккуратно выставил на узкой полке вдоль лаза. Здесь находились самые разные звери и птицы, некоторые представляли собой законченные творения, другие же были выполнены лишь в виде головы или морды. Они казались

гротескными пародиями на существ, изображения которых хранились в мозгу Корвуса, но Реквай заверил его, что они существовали на самом деле — мутировавшие создания, которые обитали в слизевых заводях, кислотных гротах и бескрайних ферментных топях Киавара.

Корвуса необычайно интересовал этот мир. Пару раз ему приходилось видеть его сквозь армоплексовые окна транспортных галерей, он походил на красно-синий глаз, злобно взирающий на Ликей. Манрус объяснил ему, что Ликей был луной-тюрьмой, которая вращалась вокруг Киавара. Первых заключенных сослали сюда многие столетия назад за выступления против коронации Четвертой династии. Позже здесь открыли залежи полезных ископаемых, и власти начали обвинять в инакомыслии и отправлять на пожизненную каторгу все большее количество людей.

Корвус понимал смысл сказанного, даже когда Манрус облекал слова в недвусмысленные выражения, будто заключение по политическим мотивам

было аморальным. Устранение противников казалось Корвусу вполне логичным шагом, особенно если их приставить к полезной работе. Но вот чего он не мог взять в толк, так это осуждение целых семей. При желании Корвус сумел бы оправдать заключение первых подстрекателей и демагогов, ведь они распространяли антиправительственные взгляды. И в то же время он не мог понять затянувшегося интернирования тех, кто родился и вырос в шахтах.

Жители Ликея больше не считались заключенными, они превратились в колонистов, жизнь которых протекала в душной искусственной атмосфере энергетических куполов и шахт. Ведь ребенка нельзя обвинить в мятеже?

Манрус осторожно объяснил ему, что Ликей являлся тюрьмой лишь по названию. На самом деле он стал планетой рабов, которые должны были обеспечивать ресурсами гигантские мануфактории лежащего под ними мира. Это рассердило Корвуса, в особенности после того, как

Манрус поведал ему, что всю прибыль от производства получает пара сотен членов техногильдий, потомков древних Коллегий. Манрус считал такое положение дел в корне несправедливым, и Корвус не мог не согласиться с ним.

Он услышал, как стражи наверху приказали заключенным выйти в коридор. Все это время Корвус полз по узкому туннелю, попутно восхищаясь мастерством, с которым вырезаны статуэтки. Каждое перышко, чешуйка или волос были детализированы, выточены статуэтки из неподатливого шлака.

Пламя свечи тревожно затрепетало, когда кто-то прошел по ложной плите. Сверху донесся странный глухой звук, и Корвус замер, осознав, что не заложил плиту до конца. Между стражами послышались удивленные переговоры, а затем раздались еще два удара по плите.

Корвус задул свечу и отполз в дальний угол укрытия, в трех метрах от проема. А затем в узкую щель между плитами со скрежетом пролез нож.

Сгруппировавшись, Корвус стиснул

кулаки и оскалился, готовый прикончить первого, кто сюда сунется. Его не должны найти. Каждый его наставник не уставал твердить: его не должны найти. Он был аномалией, существом, которое находилось за гранью понимания киаварцев. Если его найдут, то немедленно заберут с собой.

Корвус вовсе не хотел, чтобы его увели. Здесь у него были друзья. Друзья вроде Эфрении, Манруса и Реквая.

Плита поднялась, и по стенам туннеля заскользил луч фонарика.

— Что у нас тут? — спросил один из стражей, просунув голову в проем.

Корвус сильнее вжался в шероховатую скальную стену, сузив глаза. Луч двинулся к нему, но остановился, едва добравшись до полки со статуэтками.

— Похоже, Реквая опять потянуло на резьбу, — произнес страж. Корвус не обнаружил особой злобы в голосе человека.

— Оставь, — донесся голос сверху. — Она не опасна. Тем более если доложим, нам же больше возни с бумагами достанется.

— Даже не знаю, — произнес сидевший возле проема страж. — Она же запрещена; если ее найдет кто-то другой, нас поставят на штрафные смены или чего похуже.

— Дай взгляну.

Страж отодвинулся, вместо его головы в шлеме возникла другая, в этот раз с серебряной полосой на носу, которая обозначала капрала крыла. Он просунул внутрь фонарь, и луч света упал прямо на Корвуса.

Мальчик напряг каждый мускул своего тела, готовый прыгнуть и оторвать капралу голову, если тот попытается поднять тревогу.

К немалому удивлению Корвуса, капрал ничего не сказал. Он еще раз посветил по стенам, луч дважды прошел по мальчику, а затем встал.

— Ты прав, — произнес капрал крыла. — Не станем докладывать. Пусть сдаст инструмент, ведь им можно пользоваться как оружием.

Плита со стуком опустилась на место, заставив Корвуса вздрогнуть.

Тяжело дыша, он сжался во тьме, не в силах понять, почему его не обнаружили.

Наконец звук шагов стал удаляться и дверь с лязгом закрылась. Затем по плите раздался тихий скрежет.

— Ты еще там, парень?

Рассмеявшись от облегчения, Корвус добрался до плиты и поднял ее, радуясь растерянному бородатому лицу Реквая.

— Пока — да, — ответил Корвус.

— Я уже думал, они тебя наверняка найдут, — сказал Реквай, помогая Корвусу вылезти из проема, хотя мальчик совершенно не нуждался в помощи. — Клянусь, они глядели прямо вниз.

— Ага, — ответил Корвус. — Но они не видели меня. Как это возможно?

Реквай покачал головой и рухнул на матрас, пока Корвус вставлял плиту обратно на место, в этот раз убедившись, что она вошла плотно.

— С тобой часто происходит невозможное, — произнес старый узник. — Возможно ли, чтобы ребенка нашли под многокилометровым ледником? Возможно ли, чтобы он оторвал голову взрослому

мужчине? Возможно ли, чтобы он рос в пять раз быстрее других детей? Когда дело касается тебя, многое становится возможным.

— Они смотрели прямо на меня, но не видели...

Корвус уже вообразил безграничные возможности. Как будет чудесно без проблем путешествовать по крыльям, переходить из одного блока в другой незамеченным. Где-то внутри, на уровне инстинктов, он знал, что способен на подобное. Как и остальными дарами, которыми он владел, он мог этим пользоваться в любое время, но Корвус пока не был уверен — с какой целью.

— Хорошо, что стражи не отобрали твои статуэтки, — сказал Корвус, вернувшись в настоящее.

— Да уж, черт меня дери, — ответил Реквай. — Прежде чем уйти, капрал врезал дубинкой мне по животу. Они все ублюдки, парень, никогда не забывай об этом.

— Не забуду, — пообещал Корвус. — Они все ублюдки. Не волнуйся, Реквай, однажды ты отомстим.

Старик улыбнулся и подался вперед, жестом указав Корвусу сесть рядом с ним. Он приобнял мальчика за плечи.

— Так и будет, парень, — произнес узник. — Еще пара лет — поэтому наберись терпения. Еще пара лет — и ты будешь готов. Не сомневаюсь, ты заставишь ублюдков заплатить за все.

Корвус улыбнулся.

Сдержав слово, Коракс встретил Имперских Кулаков в сопровождении старших офицеров и ротных капитанов. Нориц прибыл со всеми подчиненными ему легионерами, которые спустились по рампам «Грозовых птиц» на посадочную палубу и выстроились почетным караулом.

Нориц вышел последним; увенчанный гребнем шлем лежал на сгибе локтя, с плеч ниспадала длинная багровая мантия. Кораксу подумалось, что капитан с короткими светлыми кудрями был слишком молод для своего звания; голубые глаза его первым делом остановились на примархе. Капитан тяжело сглотнул и продолжил смотреть на Коракса.

— Что-то не так, капитан? — спросил примарх.

— Нет, вовсе нет, — словно опомнившись, быстро сказал Нориц. — Мы думали... мы не ожидали увидеть Гвардейцев Ворона, а тем более вас, примарх.

— И почему же?

Капитану стало еще более неловко.

— Мы получили весть, будто вы все погибли, — тихо сказал он. — Гвардия Ворона, Саламандры и Железные Руки... Нам, точнее, командованию легиона сообщили, что с Исстваана никто не выбрался.

— Как видишь, это не так, — произнес Коракс. — Гвардия Ворона продолжает служить Императору.

Капитан ничего не ответил. Коракс понял, что сейчас у Норица крутилось в голове только одно объяснение: Гвардия Ворона заключила союз с Хорусом.

— Твои подозрения понятны, капитан, — сказал примарх. — Когда столь немногим удалось выжить после подобного предательства, сложно поверить, будто

это случилось без тайного сговора. Я постараюсь развеять твои сомнения. В каких бы доказательствах ты ни нуждался, мы обеспечим их.

— Примите мои извинения за вынужденную проверку, примарх. — Отведя взгляд, произнес Нориц. — У меня приказ проверять все корабли, которые без разрешения входят в квадрант.

— Гвардия Ворона окажет полное содействие, — ответил Коракс. — Мы отлично понимаем важность обеспечения безопасности, особенно в подобные времена. Что от нас требуется?

Нориц пробежался взглядом по выстроившимся в ряд офицерам Гвардии Ворона: покрытые шрамами лица смотрели на него с недоброжелательностью, граничащей с открытой враждебностью. Капитан перевел взгляд обратно на более дружелюбного Коракса.

— Нам приказано провести полный досмотр корабля и команды, примарх. — Он оглянулся на своих легионеров. — Если это возможно, мы разделимся на десять

групп. Назначьте нам связного, чтобы мы могли сообщать вам обо всех подробностях проверки.

— Я не хочу проволочек, капитан, — сказал Коракс. — Мне нужно увидеться с Императором.

— Уверен, при вашем содействии мы сделаем все тщательно и эффективно, примарх, — ответил Нориц. — Это займет не больше пары дней.

— Отлично, — сказал Коракс, хотя подобная задержка раздражала его. Он указал на Бранна. — Командор Бранн — капитан этого корабля, все вопросы можете обсуждать с ним. Он выделит офицеров для оказания помощи при вашей проверке. Для ваших людей откроют все трюмы, палубы, склады, оружейные хранилища и казармы. Мой легион будет готов для досмотра.

— Благодарю вас, примарх, — ответил Нориц. Казалось, капитан хотел что-то добавить, но решил промолчать. Коракс чувствовал, будто Нориц хотел выказать нечто больше, чем простую благодарность, — возможно, симпатию. —

Мы начнем проверку немедленно.

Глава пятая
ПРОВЕРКА И ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРИБЫТИЕ НАТЕРРУ МАЛЬКАДОР

Альфарий вместе с другими воинами из его роты стоял навытяжку в одном из основных грузовых отсеков. Всем отделениям и членам команды «Мстителя» поступил приказ приготовиться к проверке. Ряды Гвардейцев Ворона в полных доспехах и с оружием заполонили взлетные отсеки, складские помещения, орудийные палубы и кают-компании.

Альфа-Легионер терпеливо ждал, пока офицер Имперских Кулаков, представленный как капитан Нориц, медленно ходил между рядами воинов, проверяя каждого легионера по очереди. Время от времени он задавал вопросы, пытаясь найти доказательства измены

Гвардии Ворона.

— Они считают, что мятежники просто явились бы сюда и попросили встречи с Императором? — пробормотал Дорил слева от него.

— Может, они думают, что мы здесь собираем для Хоруса информацию, — ответил Ордин, стоявший справа от Альфария. — Уверен, они не знают, кто друг, а кто враг.

— С одной боевой баржей сюда посмели бы сунуться лишь вконец обнаглевшие предатели, — сказал Дорил. — Если бы Хорус решил действовать подобным образом, мы бы разобрались с ним меньше чем за год. Не знаю, почему примарх допускает это.

— Потому что ему нечего скрывать, — встрял Альфарий. — Сейчас каждый легион находится под подозрением, поэтому никто — и в первую очередь Дорн — не примет ничью верность как данность.

— Если этот высокомерный выскочка хочет увидеть доказательства моей верности, то у меня на левой руке остался шрам от цепного топора Пожирателя

Миров, — прорычал Ордин.

— Тихо! — оборвал их сержант Дор.

Они замолчали, едва Нориц приблизился к ним. Когда капитан подошел к нему и остановился напротив, Альфарий оставался спокойным. Его шлем висел на поясе, так что лицо оставалось открытым, но в нем не было ничего, способного выдать истинное обличье Альфа-Легионера. Он бесстрастно встретил изучающий взгляд Имперского Кулака.

Вопросов не последовало. Нориц пошел дальше. Альфарий подавил желание облегченно вздохнуть, понимая, в каком напряжении он был все это время.

Вскоре прозвучал приказ разойтись, и рота разбилась на отделения.

— И что дальше, сержант? — спросил Ордин, когда они строем покинули зал.

— Дальше — Императорский Дворец, — ухмыльнулся Дор.

Несмотря на то что ему не удалось найти и намека на предательство, капитан Нориц настоял, чтобы

контингент Имперских Кулаков оставался на борту «Мстителя», пока боевая баржа не достигнет Терры. Не желая создавать новых проблем, Коракс согласился, отрядив Бранна Норицу в помощники. В обязанности капитана корабля входило разместить новоприбывших, и Бранн сделал все возможное, чтобы казаться если не откровенно дружественным, то хотя бы предупредительным и радушным. Нориц даже не пытался облегчить ему задачу — он был суровым воином, по большей части немногословным и к тому же так и не оставил всех подозрений касательно легиона Коракса.

Путь от точки перехода к Терре занял одиннадцать дней. За это время Нориц был приглашен к примарху, чтобы сообщить ему и командному совету текущие сведения о Хорусе и узнать про ситуацию на Исстваане.

Они собрались в командной комнате возле стратегиума. Коракс предпочел стоять, тогда как остальные уселись за стол. Как символ доброй воли Нориц привез немного провизии с ударного

крейсера, прежде чем отправить его на дальнейшее патрулирование. На столе были расставлены несколько бутылок вина, тарелки с мясом и кубки со свежевыжатым соком. Бранн чувствовал бы благодарность за подобный жест, если бы Нориц сделал это в знак искренней дружбы с легионерами, а не потому, что считал подобный дар своей обязанностью. Но, несмотря на это, Бранн и остальные командоры без колебаний и с аппетитом принялись за еду.

— Вам стоит знать, что я не посвящен в наиболее секретные разведданные, — начал Нориц и бросил неуверенный взгляд на Коракса, который стоял немного поодаль, возвышаясь над воинами, будто темная статуя.

— Просто расскажи, что знаешь, — произнес примарх.

— Как и следовало ожидать, у нас мало подробностей, — протянул Имперский Кулак. Он продолжал ходить вокруг да около либо действительно из-за недостатка информации, либо из-за нежелания ею делиться. — Часть нашего

легиона послали на Иссваан, от них до сих пор нет известий. Остальные находятся на Терре или разбираются с возникшей на Марсе проблемой.

— Какой еще проблемой? — спросил Соларо. — Что происходит на Марсе?

— Мятеж, который едва не перерос в гражданскую войну, — с кислым выражением лица ответил капитан. — Похоже, у Хоруса есть союзники среди Механикум, как и в легионах Астартес и Имперской Армии.

— На Марсе идут бои? — Голос Агапито выдавал его недоверие. — Но ведь предатели на расстоянии удара от Терры!

— Я ожидал подобного, — заметил Коракс, наклоняясь вперед, чтобы взять бутылку. Примарх осторожно плеснул красного вина в хрустальный бокал, который казался крошечным в руках Коракса, поднесшего его к губам. — Хорус не может начать войну против Империума без поддержки техножрецов. То, что восстание дошло до самого Марса, — очень тревожная новость, и все же это не открытие.

Коракс пригубил напиток и кивнул Норицу, чтобы тот продолжал. Капитан прокашлялся и посмотрел на собравшихся командоров.

— Если ты нам не доверяешь, то Хорус нанес куда более сильный удар, чем я опасался, — произнес Коракс, поняв чувства Норица. — Твое нежелание говорить начинает меня утомлять, капитан. Скажи, мы здесь напрасно теряем время?

— Мы сосредоточили усилия на укреплении Терры и защите Солнечной системы, — сказал Нориц, также налив себе вина. Он посмотрел на Коракса и командоров пристальным взглядом, а затем медленно кивнул. — Предателей на Марсе удалось изолировать, их измена дестабилизировала положение, но не настолько, чтобы нанести серьезный урон. Пока верные Механикум проводят чистку в своих рядах, они не в силах обеспечить нас всем необходимым для войны.

— Это все очень занятно, но примарха интересует, что с остальными легионами, которые сражались на Исстваане? Кто еще противостоит

Хорусу? — задал вопрос Агапито.

— Я надеялся, вы об этом расскажете, — признался Нориц. — Из системы поступили разрозненные сообщения и прибыли несколько кораблей с выжившими, на этом все. Нам точно неизвестно, что произошло там на самом деле. Как я уже говорил, мы слышали, будто Гвардию Ворона уничтожили.

— Хотя последняя весть оказалась ложью, пока нам следует предполагать, что Саламандр и Железных Рук истребили, — произнес Коракс. — Ферруса Мануса убили, это я видел собственными глазами, о Вулкане же вообще ничего не было слышно. Вероятно, их легионы вырезали вместе с ними. Что насчет остальных верных войск? Насколько глубоко предательство укоренилось в Имперской Армии? Есть известия от Жиллимана, Джонсона или Хана?

— Я этого не знаю, — пожал плечами Нориц. — Командование ничего мне не сообщало, вам придется говорить об этом лично с лордом Дорном.

— А что же делает Император? —

спросил Алони. — Он ведь должен возглавить войну против Хоруса.

Лицо Норица исказилось от неподдельной боли.

— Ничего конкретного мы не знаем, — сказал капитан, отставив бокал. — Лорда Дорна назначили командовать обороной Солнечной системы и укреплением Императорского Дворца. Малькадор занимает пост регента Терры, с разрешения Императора правя вместе с нашим примархом. Говорят, Император полностью поглощен собственным делом, которое принесет ему победу над предателями, хотя понятия не имею, что это может значить.

Командоры Гвардии Ворона пораженно и неодобрительно зашумели.

— Тихо, — подойдя к столу, приказал Коракс и бросил строгий взгляд на легионеров. — Если Император занят чем-то, чего мы не знаем, то нам следует верить, что это самый верный путь к победе. Вы считаете, что ему следует выйти из Императорского Дворца с мечом в руке и одним махом сразить всех

предателей? Он создал нас, дабы мы были его воинами, и мы принесем ему победу.

После дальнейших расспросов выяснилось, что за исключением принимаемых оборонительных мер Нориц знал немного. Джагатай-хан и его Белые Шрамы предположительно двигались к Терре, отозванные с Чондакса самим Дорном, но от них уже долгое время не приходило никаких вестей. Про Первый Легион, Темных Ангелов, под командованием Льва Эль'Джонсона, также ничего не было слышно, они, вероятно, еще даже не знали о предательстве Хоруса. Леман Русс и Космические Волки оказались отрезаны от внешнего мира, отправленные Императором много месяцев назад покончить с Тысячью Сынами и их колдовством. Ультрамарины, крупнейший из легионов, Хорус еще до резни послал в другой конец Галактики, и маловероятно, что они в ближайшее время смогут чем-то помочь. Сейчас можно было полностью рассчитывать только на Гвардию Ворона и Имперских Кулаков.

Совет окончился ничем, но из тех

обрывков информации, которыми снабдил их Нориц, складывалась далеко не радужная картина. Как и подозревал Коракс, варп-штормы оказались огромными, — возможно, они охватили всю Галактику. В регионе вокруг Исстваана определенно бушевала мощная буря, препятствовавшая навигации и связи.

Становилось все более очевидно, что варп-разрыв являлся частью стратегии Хоруса. Последний раз, когда варп-штормы бушевали с подобной яростью, человеческие миры оказались в изоляции, что привело к началу Древней Ночи и распаду предыдущей человеческой империи. Лишенные возможности объединиться, скоординировать действия или доказать верность Императору, разобщенные миры Империума окажутся легкой добычей для предателей. Если Хорус сумеет захватить Терру, то станет новым объединителем человечества и, таким образом, одним ударом разрушит правление Императора.

Приготовления к обороне Терры

стали еще более явственны, когда «Мститель» направился в глубь системы. Солнечный боевой флот, крупнейшая армада во всем Империуме, собирал силы. Десятки военных кораблей блокировали Марс, сотни — занимали позиции на орбитах других планет, направив сенсоры в сторону границ системы в ожидании прибытия флота Хоруса.

Каналы связи были перегружены, частоты страт-сетей, которые использовали Астартес и Имперская Армия, иногда были забиты данными до такой степени, что на передачу единственного сообщения уходили многие часы. Над этой суматохой явственно царила аура отчаяния, словно варп в любой момент мог извергнуть сотни кораблей предателей.

По пути к пункту назначения Гвардию Ворона встречали все более многочисленные корабли охранения. Патрульные суда всякий раз запрашивали позывные «Мстителя», а массивные звездные крепости целились в него из своих орудий до тех пор, пока тот не покидал

пределы досягаемости. Чем дальше корабль углублялся в Солнечную систему, тем чаще подвергался проверкам, хотя никто не осмеливался открыто преградить ему путь.

Несмотря на заверения и помощь капитана Норица, занять место на орбите Терры оказалось непростой задачей. После трех дней волокиты с протоколами системы безопасности и полудесятком военных юрисдикций и организаций у Коракса наконец лопнуло терпение. Отпустив связных, он ввел код безопасности наиболее защищенного канала, ультрасекретной частоты, которой пользовались только примархи и, до отбытия на Терру, сам Император.

Ответа пришлось ждать около получаса, и все это время Коракс мерил шагами стратегиум.

Наконец по воксу зазвучал глубокий задумчивый голос, каждое слово произносилось взвешенно, каждый слог — лаконично и властно.

— Это ты, Коракс? Ты связался со мной как раз вовремя, брат. Я уже было

подумал, что новости о том, что ты выжил, были еще одной ошибкой связи.

— Брат Рогал, да, это Коракс, — ответил примарх. — Если через пять минут мне не предоставят место на орбите, я расчищу его себе орудийными батареями.

В воксе раздался короткий, но искренний смешок.

— Не лучшая идея! — сказал Рогал Дорн. — Я слышал о твоем прибытии, но затем, вынужден признать, данные о твоем местоположении утонули среди иных забот. Ты желаешь встать на якорь у платформы или занять собственную орбиту?

— Нам нужно пополнить припасы, — произнес Коракс. — Я спущусь на челноке с авангардом.

— Я вышлю тебе координаты платформы «Бета-Стикс». Там есть склад со всем необходимым. Ты можешь сесть в порту Львиных Врат, я вышлю тебе навстречу делегацию.

— Делегацию? Ты так занят, что не можешь лично поприветствовать брата?

— Да. Через день я возвращаюсь в Императорский Дворец.

— Понял, брат. Хотелось бы мне, чтобы наше воссоединение случилось в лучшие времена.

— Брат, кому, как не тебе, знать, что не судьба нам встречаться в часы мира. Поговорим завтра, сейчас меня ждут срочные дела.

С этими словами частоту вновь заполонила статика. Включился инфоэкран, и по нему желтыми буквами потекли пространственные координаты, отмеченные символом Имперских Кулаков.

— Приготовиться к стыковочным маневрам, — приказал Коракс. — И подготовьте «Грозовую птицу». Агапито, выбери мне роту для почетной гвардии. Бранн, ты за главного.

В стратегиуме раздался хор подтверждений, и примарх направился к дверям. Когда они отъехали в сторону, Коракс остановился и обернулся.

— Бранн?

Командор замер, не успев сесть в командный трон. Он посмотрел на

примарха и заметил на его лице кривую усмешку.

— Да, лорд?

Как бы я ни ценил твое прибытие на Исстваан, в этот раз оставайся там, где я тебя оставил.

— Так точно, лорд.

Пока «Мститель» направлялся в орбитальный док, на борту корабля велась подготовка, чтобы Коракс с небольшой свитой мог спуститься на поверхность Терры. Бранн нашел Агапито на посадочной палубе вместе с ротой своих легионеров. От металлических стен эхом отдавался лязг гусениц тяжелых сервиторов, заглушая тихий гул разогревающихся двигателей «Грозовой птицы». Бранну казалось, будто его брата что-то тревожит.

— Успокойся, брат, это же не боевое задание, — заметил Бранн.

— От этого оно не менее опасное, — ответил Агапито. — Нас, подобно облаку, окутывают подозрения. Ты видел, как обращался с нами капитан Нориц. Я не

жду на поверхности теплого приема.

— Значит, ты должен убедить союзников, что нам можно доверять, — настаивал Бранн.

Агапито задумался и взглянул через плечо Бранна. Коракс вошел на посадочную палубу, кивнул обоим командорам и, не проронив ни слова, направился к рампе «Грозовой птицы».

— Не только я понимаю это, — сказал Агапито, разглядывая десантный корабль и явно думая о находящемся внутри примархе. — Сейчас не время для поспешных проявлений лояльности. Боюсь, лорд Коракс пообещает больше, чем мы сейчас можем выполнить.

— Мы не должны дать предателям беспрепятственно готовиться, — возразил Бранн. — Хочешь оставить их безнаказанными?

Наклонившись к Бранну, Агапито зашептал:

— Нас почти уничтожили. Если мы не будем осмотрительны, запланированное для нас Хорусом свершится в другом месте. Ты знаешь, что сейчас у нас

недостаточно сил, чтобы сражаться.

Встревоженный словами брата, Бранн положил руку на наплечник Агапито.

— То, что произошло на Исстваане, — дело прошлое, — сказал Бранн, полагая, что именно это беспокоило Агапито. — Мы потеряли большую часть легиона, но ты выжили.

— Мы выжили, брат? Не припоминаю, чтобы ты был в зоне высадки.

— Это не моя вина! — гневно ответил Бранн, отдернув руку. Его разъярило то, что из всех соратников именно Агапито открыто обвинил Бранна в том, о чем, как он подозревал, думали все боевые братья. — Разве я виноват, что жребий командовать гарнизоном выпал мне?

— Ты неверно понял меня, брат. — Агапито скорбно покачал головой. — Это не личное, просто тебе никогда не понять, что значило быть там. Я не злюсь на то, что тебя не было в зоне высадки, а скорее завидую тебе.

— Ты так ничего и не сказал мне или примарху об этом, — произнес Бранн, гнев

которого угас после признания Агапито. — Некоторые воины нашли полезным обсудить увиденное, разделить с остальными случившееся. Скажи мне, что произошло с тобой в зоне высадки?

— Нет, — ответил Агапито, сделав шаг назад. Когда освещение взлетной палубы потускнело перед открытием главных дверей, он дал сигнал своим воинам начинать посадку. Над головой раздался вой клаксонов о пятиминутной готовности. — Некоторые истории лучше оставить нерассказанными. Тебе не захочется знать, что я делал в зоне высадки.

Бранн, смущенный изменением в Агапито, промолчал, и его брат отвернулся. Когда-то его брат-командор еще на Освобождении был первым, кто рассказывал о своих боевых похождениях, с упоением перечисляя убийства и моменты, когда он находился на волосок от смерти. В юношеские годы, когда они оба сражались за Освобождение, до прибытия Императора с легионом, Агапито воодушевлял борцов за свободу историями о

своей отваге и о победах над киаварскими поработителями.

Он увидел, как Агапито остановился у рампы и принялся подсчитывать воинов отделений, которые, громко стуча ботинками о металл, заходили в «Грозовую птицу». Когда мимо Бранна прошли последние легионеры, он заметил кое-что на их наплечниках — небольшой рисунок под символом легиона. Это был серый череп, почти неразличимый на фоне черноты их доспехов. Теперь, увидев его, Бранн понял, что такой же знак носили и остальные воины роты. Он жестом подозвал к себе пробегающего мимо командира отделения:

— Сержант Нестил, на пару слов.

— Да, капитан, — ответил Нестил, вытянувшись по стойке смирно перед Бранном.

— Что это значит? — спросил Бранн, указав на небольшой символ.

— Ветеран Исстваана, капитан, — охотно отозвался сержант. — Нам не назначили официального символа кампании или знака отличия. Нам

показалось, что требуется хоть как-то сохранить память о павших в бою.

— Вы все его носите?

— Все, кто сражался там, капитан, по крайней мере в Когтях, — ответил Нестил. Сержант взглянул на Агапито, и Бранн понял, что тот имел в виду.

— Чья это идея? — спросил командор.

— Не уверен, капитан, — признался Нестил. Он отвел взгляд и вновь украдкой посмотрел на Агапито. — Это одна из тех идей, которая возникает сама по себе.

— Прости, что задержал тебя, сержант, — сказал Бранн, жестом указав Нестилу возвращаться к кораблю.

«Плохо дело», — подумал Бранн, наблюдая, как Агапито поднимается за Нестилом по рампе «Грозовой птицы». Командор, отмалчивающийся насчет случившегося, легионеры, которые сами себе присваивают почести. Резня в зоне высадки нанесла Гвардии Ворона куда больший урон, чем просто семьдесят пять тысяч погибших Астартес.

Заняв свое место у одного из

иллюминаторов, Альфарий рассматривал Терру, пока «Грозовая птица» удалялась от «Мстителя». Ему повезло войти в почетную гвардию Коракса, что, как он надеялся, обеспечит ему прекрасную возможность увидеть подготовку обороны к нападению Хоруса. Кроме прочих заданий, которые ему могут поручить, основной задачей Альфария в Гвардии Ворона был сбор информации для заключительной, неотвратимой атаки на твердыню Императора. Все, что он сможет сейчас узнать, даст Воителю и его союзникам ценные сведения относительно того, чего следует ожидать.

— Что это? — спросил один из легионеров в дальней части отсека. Обернувшись, Альфарий увидел, что заключенный в сбрую Гвардеец Ворона смотрит в иллюминаторы правого борта. — Оно больше звездной крепости!

Хотя со своего места Альфарию было плохо видно, ему все же удалось разглядеть массивный корабль на низкой орбите. Он словно тянулся в бесконечность,

позолоченная конструкция в форме орла с распростертыми крыльями, украшенная укрепленными орудийными башнями, лэнс-батареями, ракетными шахтами и бомбардировочными пушками. Орбитальная станция была настолько огромной, что ее тень походила на облачный покров, скрывающий Терру. Гигантское парящее сооружение окружали мерцающие пустотные щиты, окрашивая золото его укрепленных надстроек в фиолетовые и красные цвета. Меньшие суда — хотя некоторые из них являлись мощными боевыми кораблями — казались крошечными рядом с ним, в усеянные турелями доки могли поместиться крейсеры длиною в несколько километров.

— Это «Фаланга», — ответил сержант Нестил. — Корабль-база Имперских Кулаков. Впечатляет, да? Вместо боевой баржи нам следовало бы взять на Иссваан ее.

Баржа определенно впечатляла, но ее присутствие не стало неожиданностью. Все слышали о «Фаланге», и ее прибытия в Солнечную систему стоило ожидать.

Хорус был прекрасно осведомлен о возможностях и системах защиты звездной крепости и уже, без сомнения, разработал план, как ей противостоять. Не она являлась целью задания Альфария. Куда больше Альфа-Легионера заинтересовал золотобортый крейсер, выходящий из соседнего с «Мстителем» дока. Альфарий не был уверен, но корабль, судя по всему, принадлежал Легио Кустодес, элитным телохранителям Императора. Альфарию стало интересно: куда он может следовать, если сейчас усилия были направлены на защиту Повелителя человечества?

А затем снаружи все побелело, когда «Грозовая птица» пошла в терранскую атмосферу, и яркое пламя окутало корабль. Спустя некоторое время видимость прояснилась, и от открывшейся картины все внутри Альфария затрепетало.

Среди густых облаков виднелись гигантские платформы, величественно дрейфующие в окружении роя челноков и грузовых судов. Ближайший к ним парящий

город, названия которого Альфарий не знал, представлял собой массу из возвышающихся зданий, извивающихся дорог и трапов. Солнечный свет отражался от многоцветного стекла спиральных шпилей и играл на зеркальных панелях фоторецепторов и конденсаторов испарений.

Но красоту изящных очертаний и арочных мостов портили угловатые уродины: орудийные башни и бункеры, окруженные лесами, на которых трудились толпы рабочих. Когда «Грозовая птица» легла на посадочный курс, улучшенные глаза Альфария различили среди роб и комбинезонов рабочих бригад блеск желтых доспехов — за возведением укреплений следили Имперские Кулаки.

«Грозовая птица» нырнула в облака, скрыв от Альфария парящий город. Взвыв двигателями, корабль стал замедляться для посадки и вновь лег на борт, кружа над звездным портом Львиных Врат, который раскинулся на скалистой поверхности Терры необъятной массой феррокрита и пластали. Альфа-Легионер заметил

тянущиеся на километры посадочные платформы, скрытые в тенях диспетчерских башен и оборонительных лазерных турелей.

Альфарий радовался, что прибыл сюда как друг, и задавался вопросом: вернется ли он сюда, уже будучи врагом? За долгие годы службы он совершил не один десяток боевых высадок, но, увидев гигантские стволы орудий орбитальной обороны и мерцание силовых полей, понял, что легион, которому поручат захватить Львиные Врата, понесет тяжелые потери.

Размышляя о грядущей войне, он анализировал возводящиеся укрепления. Любые сведения, которые он сможет получить, лично понаблюдав за работой Дорна, могут оказаться бесценными для Хоруса, что, в свою очередь, имело важное значение для Альфа-Легиона. Альфарий подмечал видимые части конденсаторов и проводку генераторов силовых полей, одновременно просчитывая огневые зоны меньших охранных огневых сооружений и автоматических лазерных пушек.

«Грозовая птица» со стуком и

гидравлическим шипением выпустила шасси, оторвав Альфария от размышлений. Он настолько погрузился в сбор разведданных, что почти забыл, где находится. Альфарий сделал глубокий вдох, когда корабль, слегка раскачиваясь, приземлился и вокруг него во все стороны взмыли клубы дыма и плазменные струи.

Он был на Терре, в столице Империума, доме Императора.

Как и обещал Дорн, Коракса уже ждали. Спустившись по рампе «Грозовой птицы», примарх заметил тридцать облаченных в золотые доспехи Кустодиев. По росту и размерам они немного превосходили легионеров-Астартес, хотя Коракс все равно оставался среди них самым высоким. Каждый воин Кустодианской Гвардии обладал уникальными доспехами, их широкие горжеты украшали орлы, крылатые черепа и иные символы, развевающиеся алые плюмажи венчали высокие конические шлемы. С поясов и высоких наплечников свисали шипованные кожаные плетуги

красного цвета, которые оканчивались заостренными золотыми грузилами, на широких поножах и наручах красовались затысловатые узоры, повторяя гравировку остальных частей доспехов. В руках воины сжимали копья стражей с красными силовыми лезвиями, а за спины были перекинуты высокие щиты, украшенные имперской аквилой и черепом с лавровым венком.

Вместе с ними ждал престарелый мужчина, которого Коракс узнал с первого взгляда: Малькадор Сигиллит. В отличие от почетного караула, одетого в богато украшенные доспехи, регент Терры носил обычную широкополую мантию. Его старое морщинистое лицо было наполовину скрыто под капюшоном. Ветер, продувающий открытый трап, трепал капюшон, открывая армированные трубки, ведущие к воротнику вокруг горла, исчезающего в складках одеяний. В руках Сигиллит сжимал черный траморный посох, навершие его было выполнено в форме воспаряющего золотого орла, которого окутывало выходящее из самого

стержня пламя. Императорский регент тяжело опирался на посох, но, несмотря на это, держался с достоинством, как подобает государственному деятелю.

Малькадор приветственно склонил голову, и Коракс кивнул в ответ, когда позади него выстроилась почетная гвардия.

— Надеюсь, они здесь только для красоты, — произнес Коракс, бросив пристальный взгляд на вооруженных Кустодиев.

— Исключительно для церемониала, — ответил Малькадор. — Прошу прощения за вынужденные формальности, но ты должен понимать, что в подобные времена мы не можем допускать никаких послаблений в вопросах безопасности.

— Видимо, слово примарха уже ничего не стоит, — сказал Коракс и сделал шаг вперед. Кустодии выстроились в два ряда вокруг Малькадора, окружив свиту примарха Гвардии Ворона.

— Только некоторых, — ответил Сигиллит. — Несколько твоих братьев остаются верны своим клятвам. Твоя

преданность оценена по достоинству.

Примарх рассмеялся, но в выражении лица Сигиллита не было ни намека на веселье. Малькадор продолжал говорить, пока они спускались по аппарели.

— Рогал попросил заверить тебя, что он присоединится к нам завтра, как и обещал. Нам не терпится услышать все, что ты можешь поведать о войсках Хоруса, и о том, что он намеревается делать дальше.

— Мне почти нечего добавить, — сказал Коракс. Они прошли серебряные арочные врата высотой в сотню метров и направились к рампе, ведущей к ряду серебряных шаттлов. Они походили на огромных скарабеев со стальными крыльями, дрожащими от работающих на холостом ходу двигателей. — Похоже, есть и другие выжившие.

— Конечно, — ответил Малькадор, указав Кораксу на ближайший атмосферный шаттл.

Поднявшись по рампе, они оказались в простом пассажирском отсеке с низкими кушетками и столиками. Палуба была

покрыта мягким ковром, на стенах висели портьеры с изображением сцен из Объединительных Войн. Коракс догадался, что это был личный транспорт Малькадора. Сигиллит присел на одну из длинных кушеток и жестом пригласил Коракса присоединиться к нему. Примарх покачал головой, зная, что мебель не выдержит его вес. Вместо этого, он облокотился на переборку, пригнув голову, чтобы не задеть потолок шаттла.

— Не только тебе удалось выбраться из ловушки, — продолжил Сигиллит, — несколько отважных воинов также недавно прибыли из логова предателей.

— А ты уверен в их преданности? Похоже, сейчас главное оружие Хоруса — дезориентация и ложь.

— Мы убеждены, что они поддерживают Императора, — ответил Малькадор, — и сыграют очень важную роль в грядущей войне.

— Если ты не заметил, то война уже началась, — проворчал Коракс. Он вспомнил, что капитан Нориц использовал такой же оборот речи, словно резня на

Исстваане ознаменовала собой конечную точку, а не начало конфликта.

Кроме них, в шаттле никого не было, кустодии и легионеры разместились в остальных транспортах. Двигатели корабля взревели, крылья орнитоптера стремительно пришли в движение, из-за чего задрожал весь корпус. Покинув звездный порт, шаттл повернул на север, в сторону вздымающейся горной гряды. Горы состояли как из природных, так и из искусственных образований. Тут и там Коракс видел вырезанные в утесах и кряжах огромные галереи и окна высотой в несколько этажей, которые выдавали скрытый под заснеженными вершинами лабиринт.

Коракс почувствовал на себе пристальный взгляд Малькадора, но какое-то время они летели в тишине. Орнитоптер несся над горами, слегка подрагивая от встречных ветров. Временами примарх замечал в овальных иллюминаторах другие шаттлы, чьи сверкающие фюзеляжи блестели на фоне серо-белых отвесных вершин.

— И что думает Император? — спросил Коракс, поняв, что Малькадор пока не упомянул Повелителя человечества. — Дорн сказал, что его назначили командовать обороной.

— Император осведомлен о сложившейся ситуации, и Дорн пользуется полной его поддержкой, — ответил регент.

— Что, и это все? — поразился Коракс. — Воитель перетянул на свою сторону половину легионов, а он говорит, что Дорн пользуется полной его поддержкой?

— Он сейчас занят другим делом, которое занимает его мысли куда сильнее проблемы с Хорусом. Если его усилия окажутся успешными, восстание вскоре будет подавлено.

— Я прибыл на Терру для аудиенции у Императора, — сказал Коракс.

Он взглянул в иллюминатор и заметил краны с экскаваторами, работающие на горе, создавая гигантские насыпи и укрепления. На стройке работали тысячи рабочих.

— С сожалением вынужден

предупредить, что это в высшей степени маловероятно, — ответил Малькадор, не отводя взгляда от Коракса. — Текущий проект забирает все его внимание. С тех пор как мы узнали о событиях на Исстваане, я видел его лишь пару раз. Дорн и вовсе с ним не говорил, он получает все инструкции через меня. Не могу гарантировать, что наш повелитель сможет принять тебя.

По решительному виду Малькадора Коракс понял, что дальнейшие вопросы бессмысленны. Но, несмотря ни на что, примарх рассчитывал, что Император все же захочет повидаться с ним. Не важно, что говорит Малькадор, у него не может быть настолько безотлагательного дела, чтобы не найти времени поговорить со своим примархом в столь тяжелый час.

Затем ему в голову пришла мысль, объяснявшая уклончивые ответы Малькадора и его уверенность в том, что Коракс не получит аудиенции.

— А Император знает о моем прибытии? — спросил примарх.

— Нет, — честно ответил

Малькадор. — Я не мог связаться с ним с тех пор, как ты появился в Солнечной системе.

— Не мог или не хотел?

Если Малькадор и обиделся на слова примарха, то не подал виду. Он ответил спокойно, его лицо при этом оставалось невозмутимым.

— Император ведет совершенно иную войну, подобных которой нам прежде не приходилось видеть, — пустился в объяснения Сигиллит. — Попытка связаться с ним во время... экспедиции только навредит ему. Когда он вернется, его немедленно оповестят о твоем прибытии, не сомневайся.

— Ты говоришь так, будто он даже не на Терре.

Малькадор вновь затянулся, хотя Коракс понимал, что дело не в двуличии, а лишь в нежелании распространяться на эту тему. Тонкие пальцы регента медленно барабанили по посоху, пока он обдумывал ответ.

— Я не вправе говорить об этом, — наконец сказал Малькадор. — Прости за

такую неопределенность, но я не могу обсуждать планы Императора, тем более я и сам не до конца их понимаю. Если выдать тебе информацию, которой Император счел за лучшее не делиться с другими, то это было бы предательством с моей стороны.

Слова Малькадора очень обеспокоили Коракса. После победы на Улланоре Император вернулся на Терру и окутал себя тайнами, хотя когда-то свободно делился со своими сынами планами и видениями будущего. Малькадор говорил таким почтительным тоном, что у Коракса не оставалось сомнений, будто текущая кампания Императора действительно имела важное значение. Хотя заверения Сигиллита в том, что в сравнении с ней меркло даже предательство Хоруса, звучали неправдоподобно. Империум, Просвещение — все это было частью великого плана Императора, и Повелитель человечества не мог просто оставить их. Разве не следовало сейчас бросить все и возглавить верные ему войска?

Пока эскадрилья орнитоптеров неслась над глубокой долиной, Коракс размышлял, как ему поступить, если не удастся поговорить с Императором. После разгрома на Иссваане примарх больше ни в чем не был уверен, тем более в своих командирских способностях. Ему требовался совет Императора больше, чем когда-либо, а мысль о том, чтобы вернуться на Освобождение, так и не повидавшись с генетическим отцом, наполняла его настоящим ужасом. Теперь, когда примарх пошел на примарха, Коракс как никогда хотелось преклонить колени перед Императором и заверить его в преданности Гвардии Ворона.

Шаттлы с Гвардейцами Ворона летели мимо горных укреплений, воздвигаемых под руководством Дорна. Масштаб строительства был грандиозным, величайшим из тех, что когда-либо видел Коракс, а он наблюдал за восстановлением целых миров, разрушенных его легионом.

Сами горы превратились в

монументальные бастионы, подрывными зарядами и колоссальными машинами обращенные в контрфорсы и опорные пункты, куртины и башни. Тени орнитоптеров мелькали на многоярусных лебедках, перетаскивавших феррокрит и адамантий, керамит и термаглас, пласталь и диаматит. Рядом с ними располагались краны, стрелы которых достигали полукилометра в длину, а также землеройные машины размером с жилые блоки.

По недавно проложенным дорогам громыхали многоотсековые краулеры с рабочими, которым предстояло присоединиться к сотням тысяч тех, кто уже трудился на верхних склонах. Сотни фуражных грузовиков и танкеров непрерывно снабжали эти караваны пищей и водой. Везде были видны символы и золотые цвета Имперских Кулаков.

— Мой брат не любит полутер, — заметил Коракс, посмотрев на Малькадора.

Задремавший было регент тут же проснулся и взглянул в иллюминатор, хотя

стройка внизу его особо не заинтересовала.

— Стена без защитников не устоит против врага, — сказал Сигиллит. — Если Хорус нанесет удар сейчас, кто будет удерживать укрепления?

— Я думал, Белые Шрамы направляются к Терре.

— Джагатай-хану приказали вернуться вместе с легионом, но мы не можем выйти с ним на связь с тех пор, как разразились варп-штормы.

Коракс молча слушал новости, продолжая рассматривать возводящееся внизу строение. Горные вершины срывали, оставшуюся после них породу использовали для возведения стен, перекрывавших долины между ними. Там же парили огромные лихтеры, приводимые в движение десятками роторов и двигателей, которые перевозили генераторы и конденсаторы размерами с дом для новых лазерных оборонительных турелей. Стволы самих орудий везли по мостам и высеченным в скалах туннелям на плоских платформах длиной в сотню метров.

На внешней границе работы велись уже менее хаотично. Кое-где на горных склонах виднелись окна галерей или извилистый фронт амбразур. Дороги уводили в слабоосвещенные переходы и леса вокруг выровненных посадочных площадок. Это были пределы старого дворца, воздвигнутого Императором в самом начале Великого крестового похода. На восточной вершине располагались здания, которые с высоты птичьего полета походили на гигантскую аквилу. На западе, в продуваемой ветрами долине, сотни квадратных километров были отданы под огромные ветряные генераторы высотой в сотню метров, питавшие скрытый внизу город.

Впереди лежали самые высокие горы, черными контурами вырисовываясь на фоне неба. У одной из вершин парила небесная платформа — город шириной в тридцать километров, словно балкон, выступал из склона горы, опираясь на переплетение свай и балок, протянутых между двумя горными пиками. Последние лучи солнца сверкали на золотых арках и

перламутровых башнях, темных силуэтах в пурпурно-синем закате.

Пару часов спустя шаттлы достигли похожего на пещеру дока в склоне горы, вершину которой выровняли и заменили скоплением антенн и тарелок. По обе стороны километрового проема вздымались огромные столпы, испещренные узорами молний, которые разветвлялись на спиральных колонах с орлами.

Когда орнитоптер поглотила тьма проема, мерцающие навигационные огни выхватили из мрака ряды машин на широком трапе. Коракс заметил «Громовых ястребов», «Громовых птиц», а также десятки орнитоптеров. Были там и другие, куда более крупные корабли — плоскобокие десантные «Предвестники», выкрашенные в цвета самых разных полков Имперской Армии.

Корабли с воинами Коракса, влетевшие в док следом за шаттлом Малькадора, один за другим отправились на отведенные посадочные места. Примарх хмуро посмотрел на Малькадора.

— Твоих легионеров разместят со всеми удобствами, — заверил Малькадор. — За ними присмотрят.

Шаттл Сигиллита не приземлился с остальными — пилот направил машину к меньшему проходу под самим потолком. На пути к туннелю орнитоптер осветил целые ярусы галерей, с которых открывался вид на порт. Территория почему-то пустовала, город, в котором могли обитать миллионы человек, теперь обезлюдел. Гул крыльев орнитоптера сиротливым эхом разносился в пространстве.

Нырнув в проем между лапами еще одного орла, шаттл несколько сотен метров летел по узкому проходу, пока не оказался в округлом зале в самом сердце горы. Его высокие стены были из отполированного камня с видимыми прожилками горной породы. Из дока вела единственная бронзовая дверь, украшенная двумя пересекающимися молниями под кулаком в латной перчатке. С всем снижающейся энергии крылья шаттла стали замедляться, пока корабль

Малькадора наконец не сел на каменный пол. Люк открылся с шелестом выходящего воздуха, и Коракс тут же заметил, что воздух здесь был намного разреженнее, чем внизу. Малькадор первым вышел из шаттла, — казалось, его совершенно не беспокоила нехватка кислорода.

— Следуй за мной, я проведу тебя в покои. Твоих воинов поселят неподалеку.

Едва Сигиллит приблизился к двери, она распахнулась, и Коракс услышал тихий сигнал соединения связи, исходящий из посоха регента. За дверью начинались ступени, уводящие в глубь Императорского Дворца.

Наблюдая за шагающими впереди воинами Легио Кустодес, закованными в золотые доспехи, Альфарий невольно сравнивал себя с ними. Физически они впечатляли не больше, чем обычные легионеры, хотя их доспехи и оружие были созданы настоящими мастерами, на что в легионе мог рассчитывать только капитан. Ему не раз приходилось слышать, будто каждый кустодий является

результатом уникальных экспериментов, созданным геномантами и техносервами, так же как их доспехи — творение мастеров Механикум. После того как Альфарий сразил нескольких Саламандр в зоне высадки, он не сомневался, что Альфа-Легион был равен любому другому легиону Астартес, но это чувство продлилось лишь до тех пор, пока ему не пришлось встретиться с Легио Кустодес, воины которого без особых усилий могли победить любых других слуг Императора.

Гвардейцы Ворона праздно переговаривались между собой, пока кустодии вели их в глубь Императорского Дворца. Коракс и Малькадор, по мнению Альфария, направились в личный док Сигиллита — еще одни ценные данные, о которых следует доложить, — сами же воины спустились в гигантском лифте на сорок шесть этажей ниже, на уровень казарм.

Верхние части дворца были облицованы травертином и обсидианом, увешаны знаменами и картинами со сценами времен Объединительных войн.

Альфарий видел изображения древних городов и храмов с башнями-луковицами, вырастающие из песков полуразрушенные пирамиды, реки, несущие свои воды к широким водопадам и зеленым пастбищам. Память о тех временах осталась лишь в картинах, красоты древней Терры давным-давно погибли от загрязнения окружающей среды и нескончаемых войн.

Выйдя из лифта, Гвардейцы Ворона оказались в простом и функциональном с виду помещении. Стены из феррокрита были покрыты ровным слоем побелки. Арки по обе стороны длинного коридора уводили в пустующие спальни, запах свежей краски и частички каменной пыли, все еще витающей в воздухе, свидетельствовали, что казармы построили совсем недавно в преддверии прибытия тысяч защитников.

Докладывать пока было не о чем, но Альфарий старался держать ухо востро, чтобы не пропустить ничего важного. Он не знал, как глубоко их завели внутрь горы. Окон здесь не было, освещение обеспечивали многочисленные световые полосы в

потолке и на стенах, воздух поступал через систему вентиляции, в которую смог бы пролезть разве что ребенок. Единственным выходом наружу служили двери в обоих концах коридора — меры предосторожности были налицо. Альфарий понял, что при необходимости зал с легкостью может стать тюрьмой. Гвардейцы Ворона, выросшие в камерах Ликея, недовольно заропотали, но сержанты быстро их утихомирили.

Командир Кустодес остановился и указал копьем на арку слева, за которой находилась спальня с несколькими длинными рядами коек. Еще там были личные шкафчики и полки, а также оружейные стенды и стойки для доспехов. В зале все рассчитывалось на легионеров, мебель была крупнее и прочнее обычной.

— Располагайтесь, — сказал командир Кустодиев, голос которого, искаженный внешним эмиттером, донесся сквозь решетку шлема. — Еду и напитки вам вскоре принесут. Комнаты для тренировки ближнего боя вы найдете в южном конце зала, — наконечник копья указал на

дальнюю часть коридора, — а если захотите поупражняться в стрельбе, вас отведут в предназначенное для этого помещение.

— И как нам связаться с вами? — спросил командор Агапито, явно раздраженный столь бесцеремонным обращением. — Мы здесь, чтобы сопровождать примарха, а не прохлаждаться в вашей компании.

— За лордом Кораксом присмотрят, можете не беспокоиться, — ответил кустодий; по его металлическому голосу было непонятно, что он имел в виду — безопасность примарха или что-то другое. — Вам выделят безопасную частоту. Казармы и прилегающие помещения находятся в полном вашем распоряжении, но вам запрещено выходить за южные или северные пределы этого зала. Нарушение карается массовой казнью.

— Хорошо, что нам доверяют, — съязвил Агапито.

Кустодий обернулся к командору Гвардии Ворона, и черные линзы шлема остановились на легионере.

— Кредит доверия уже исчерпан, командор. Исключений не будет. Мне поручили следить, чтобы вы не покидали помещения. Меня зовут Аркат Виндик Центурион, и все контакты будут происходить через меня. Моим товарищам запрещено общаться с вами, поэтому не пытайтесь задавать им вопросы или на что-либо жаловаться. Я вернусь через час, чтобы провести подробный инструктаж по безопасности.

Кустодии строем вышли через гигантские двери в конце коридора, и Гвардейцы Ворона остались одни. Отделение за отделением они расселились по комнатам. Альфарий и его люди получили койки у самого коридора, но он даже и не подумал выскользнуть на разведку. Примарх объяснил, что ему ни в коем случае нельзя раскрывать себя, пока не выяснится цель задания, поэтому Альфарий не собирался рисковать, тем более под носом у Кустодиев.

Когда все легионеры нашли себе койки, оружейные сундучки и полки, Агапито построил роту.

— Я знаю, что все это очень странно, а Кустодес кажутся крепче, чем хватка мертвеца, но нам придется смириться, — сказал командор. — Когда мы получим доступ к связи, я немедленно сообщу на «Мститель» о прибытии и переговорю с Аркатом, чтобы он составил распорядок дня. Не знаю, как долго мы здесь задержимся, поэтому будьте наготове и ждите приказов примарха.

Оставаться в состоянии боевой готовности было бессмысленно, поэтому Гвардейцы Ворона помогли друг другу снять доспехи, оставшись в нательниках и верхней одежде. В обычных обстоятельствах этим занималась целая армия помощников, но здесь подобный персонал отсутствовал. Несмотря на кажущуюся безопасность, командор составил график дежурств и распределил отделения по сменам. Жизнь, состоявшая из рутины и дисциплины, могла быстро распасться из-за бездеятельности, а Агапито не хотел, чтобы воины поддавались лени.

Как и обещал Аркат, вскоре из

противоположного конца коридора вышли слуги с едой и понесли ее в обеденную часть зала. Сервы появились и исчезли, не проронив ни слова, — возможно, им приказали ни в коем случае не разговаривать с легионерами. Все слуги были мужчинами и женщинами средних лет, в одинаковых белых куртках с аквилой Императора, в мешковатых черных штанах и тапочках из такого же плотного материала, на их лицах читалось вежливое безразличие, которое могло появиться только в результате многолетнего опыта.

Альфарий слонялся по коридору и успел заглянуть в закрывающиеся двери, когда слуги стали уходить. Как он и ожидал, дальше находились еще одна комната с дверью на запоре. Отсюда определенно не удастся выскользнуть.

Вернувшись к своему отделению и сев за длинный стол, он понюхал ароматный пар, который поднимался от жареного мяса, разложенного по тарелкам перед легионерами. На каждом столе в чашах лежали свежие фрукты и овощи, а также

множество другой разнообразной пищи. После корабельных пайков это был настоящий пир. Никто не мог сказать, в какие неприятности тут можно угодить, поэтому, оторвав ножку от какой-то гигантской домашней птицы, Альфарий решил для себя, что это далеко не самое сложное задание, которое ему приходилось выполнять на службе легиону.

Глава шестая
ГОСТЬ ИМПЕРАТОРА
ЗАЛ ПОБЕД
ОМЕГОН ГОТОВИТСЯ

В отличие от его почетной гвардии примарха Коракса разместили с определенным комфортом и роскошью в похожем на виллу доме, из которого открывался вид на огромное подземное озеро. Освещенный из-под поверхности воды мощными прожекторами, покрытый сталактитами потолок блестел минеральными отложениями, которые терцали в неравномерном освещении плескавшегося внизу водоема. Комнаты были заботливо обставлены золоченой мебелью из темного дерева, гобеленами и мягкими коврами. С потолка свисали канделябры с настоящими свечами, что было в новинку для примарха, выросшего под тусклым сиянием светополос.

Комнаты оказались спроектированы специально под его рост и телосложение,

что стало приятной неожиданностью. Кораксу пришло в голову, что предназначенные для примархов покои не должны удивлять его, ведь это Терра. На краткий миг он задался вопросом, могло ли случиться так, что со временем, когда Великий крестовый поход завершится, это жилье для гостей стало бы настоящим домом. Иногда между его братьями разгорались споры, что произойдет, когда завоюют последнюю планету и мечты Императора станут явью, но Коракс желал бы в таком случае передать бразды правления Империумом кому-то другому. Он был военачальником, а не администратором, и, если б ему не пришлось больше сражаться, он с радостью ушел бы на покой и провел оставшиеся годы — не важно, сотни или тысячи — в уютной обстановке, возможно, написал бы трактат по политологии, изложив в нем все, чему научили его ликейские наставники.

В буквальном смысле целый мир отделял этот дом от его жилища на Освобождении, по необходимости

небольшого и сугубо функционального. Дело было не в том, что примарх не любил роскоши. Он всегда считал своим домом поле боя, корабельную палубу либо залы командного центра.

Малькадор ушел, и с Кораксом остались несколько Кустодиев — проводников и охранников, а также небольшая группа слуг, которые возникали словно из ниоткуда, стоило ему перейти в другую комнату, и всем своим видом демонстрировали, что рады исполнить любое желание или потребность примарха. Впервые после пробуждения в темной пещере на Ликее Коракс почувствовал, что находится в специально предназначенном для него месте. Прислуживавшие ему люди казались здесь крошечными, незначительными фигурками, бродящими по дому великана, но, судя по всему, они давно привыкли к необычности здания, в котором им довелось служить.

На краткий миг примарх попытался расслабиться, хотя его реберный щит еще не окончательно сросся, а рубцы на спине

то и дело вспыхивали болью. Даже во время длительного путешествия к Терре он не позволял себе отдыхать, что мешало телу быстро восстановиться. Постоянная занятость и тревожное настроение препятствовали какому бы то ни было полноценному излечению. Раны Коракса по-своему напоминали ему о произошедшем, придавали реальности событиям, которые временами казались ему дурным сном. Каждая вспышка боли в порванных мышцах и уколы разодранной плоти казались телесными спутниками душевных мук, напоминанием о десятках тысяч воинов, которым не суждено было вернуться на Освобождение.

Новизну окружающей обстановки скрыл сумрак, когда в преддверии ночи приглушили свет. Встревоженный словами Дорна и Малькадора, Коракс не мог уснуть. По его просьбе слуги принесли письменный столик, и примарх взялся за составление заметок обо всем, что случилось с тех пор, как Гвардию Ворона вместе с другими легионами отправили наказать Хоруса за его деяния на

Исстваане-III.

Поначалу он писал коротко и по сути дела, обрисовав диспозицию легионов, согласованную ими стратегию и доклады разведки о Сынах Хоруса. Он припомнил в подробностях первоначальные маневры флота, предпринятые для окружения кораблей Воителя, когда десантные капсулы, «Ястребиные крылья», «Громовые ястребы» и «Грозовые птицы» были готовы к штурму самой планеты. Тогда казалось, что все идет как положено, но теперь Коракс понял, что уже на том этапе план его братьев-изменников пришел в действие.

С учетом обстоятельств соединение легионов выглядело разумным шагом, выступление единым фронтом было верным способом одержать победу над изменником Хорусом и его легионерами. Теперь, оглядываясь на прошлое, примарх понимал, что таким образом предатели смогли подкрасться чрезвычайно близко, их боевые баржи и крейсеры двигались рядом с кораблями Саламандр, Железных Рук и Гвардии Ворона.

Несмотря на советы Коракса и выработанную Дорном стратегию, Феррус Манус первым ринулся в атаку, решительно настроенный как можно скорее уничтожить предателей. Возможно, его вынудили пойти на это колкости Фулгрима или нашептывания Лоргара. Правда останется неизвестной, ибо Горгон погиб на Исстваане-IV. То, что вторая волна целиком состояла из поклявшихся в верности Хорусу легионов, стало величайшим обманом, и они нанесли удар, против которого верные войска не могли защититься.

Чем больше он писал, тем более личным становилось его повествование. Он не мог отделить пережитое им от сухих фактов. Его пальцы летали по экрану письменного планшета, облекая в слова испытанные Кораксом ужас и отвращение, когда Железные Воины и Несущие Слово открыли огонь с холмов над Ургалльской впадиной. Невольно он вспомнил о всепоглощающем гневе, с которым вонзал когти в предателей, и каждый взмах оружия сопровождался очередной вспышкой

ярости.

Примарх замер, когда в воспоминаниях дошел до встречи с Лоргаром.

Какими словами он мог описать ту ненависть, которую испытывал к своему брату? А если б и нашел подходящие слова, то как он объяснил бы свои чувства, когда Ночной Призрак, Конрад Курц, остановил молниевые когти Коракса за миллисекунду до того, как они добрались до горла Лоргара?

Вновь появились слуги, и, слушая обрывки их разговоров, примарх понял, что уже наступило утро и они готовились собрать завтрак. Он просмотрел последние абзацы и невольно поразился их страстности. На краткий миг ему захотелось удалить документ, одним махом стереть все воспоминания, но Коракс сдержался. Как бы болезненно это ни было, ему необходимо продолжать.

Стычку с Лоргаром и Курцом он описал в нескольких кратких строках, после чего вновь вернулся к лапидарному стилю изложения. Примарх быстро

перепрыгнул на рассказ об отступлении к ближайшему «Громовому ястребу», который затем подбили в нескольких километрах от места резни.

Повествование вновь пошло легко, буря в мыслях стала стихать, и Коракс описал сбор Гвардии Ворона, последовавшее за ним отступление в горы, ответные удары по предателям и то, как приходилось прятаться в тенях пещер и долин, когда враги приближались слишком близко.

Он завершил историю кратким рассказом о прибытии Бранна — теми же словами, как поведал ему сам командор, а также об эвакуации с Исстваана. Коракс не сомневался, что от него решили что-то утаить. Для Бранна неподчинение приказам и то, что он оставил Освобождение, казалось стелым шагом. Кроме того, здесь явно каким-то образом был замешан тэрионец, префектор Валерий. В этой истории пока кое-что не сходилось, и Коракс решил выяснить правду, как только вернется на борт «Мстителя».

Захватив планшет, он направился в обеденную комнату, по пути составляя и снабжая примечаниями список военных кораблей и подразделений, что он видел во время кампании. За едой, на которую он почти не обратил внимания, Коракс добавил приложение с деталями о вражеских силах и их тактике на Исстваане, а также несколько заметок относительно перемещений флота, замеченных им при бегстве из звездной системы.

Завершив повествование, он закрыл файл и передал планшет одному из помощников, приказав отдать его Малькадору. Сигиллит должен был проследить за тем, чтобы информация попала в руки Дорну и всем, кому она сможет оказаться полезной.

К сожалению, изложение пережитого на Исстваане не принесло удовлетворения или облегчения. Оставалось еще столько вопросов без ответа, что Коракс даже не знал, с которого следовало начать. Вновь и вновь, одолеваемый чувствами потери и пустоты, он спрашивал себя: что

отвратило его братьев от Императора?

Желая успокоиться и отвлечься, примарх вышел на балкон, с которого открывался вид на внутреннее озеро. Он отбросил тревожные мысли и попытался сконцентрироваться на изменчивой игре света и ряби на воде.

Вдоволь налюбовавшись красотами пещерного озера, примарх решил немного прогуляться. Неподалеку он заметил одинаковые жилища, которые выходили на круглую площадь, вымощенную мозаичной плиткой. Резиденции показались ему пустыми. Коракс насчитал их двадцать, что явно не могло быть простым совпадением. Это отвечало на вопрос о времени их постройки, ибо позднее их было бы только восемнадцать.

Снаружи дома во всем походили друг на друга, и Кораксу быстро наскучило угадывать, для кого из примархов предназначался каждый из них. Он уже собирался вызвать лифт, расположенный в огромной колонне на центральной площади, когда услышал:

— Лорд Коракс, вам сообщение! —

Обернувшись, примарх увидел бегущую к нему женщину средних лет. — Лорд Дорн вернулся и хочет встретиться с вами и лордом Малькадором.

В этот момент от лифта раздался звонок, и встроенная в траморный столб дверь отъехала в сторону, явив за собой капитана Имперских Кулаков.

— Это ваш проводник, лорд Коракс, — сказала служанка. — Простите, что так долго вас искали.

— Не важно, — ответил Коракс.

Капитан ударил кулаком по груди и кивнул, когда Коракс пошел в лифт. Дверь закрылась, и примарх с легионером погрузились в мягкое синее сияние искусственного света.

— Где я встречусь с братом? — спросил Коракс.

— Малькадор ждет вас в Зале Побед, лорд, — ответил капитан. — Мы прибудем туда через пару минут.

Дальше они ехали в тишине. Когда, по подсчетам Коракса, они оказались ниже уровня моря, лифт остановился. Вскоре Имперский Кулак привел его к массивным

позолоченным дверям, украшенным гравированным рисунком, изображающим мужчину и женщину. На левой створке двери женщина держала в руках ребенка и меч, ее волосы ниспадали, словно водопад, сливаясь с развевающимися одеяниями, которые, в свою очередь, плавно переходили в траву у нее под ногами. На правой двери же был изображен смотрящий в небеса мужчина в рабочей спецовке и цепью с перекрещенными молниями Единства на шее, с гаечным ключом в одной руке и пистолетом — в другой. Между ними в небесах пылала стилизованная звезда в окружении точечек света поменьше.

По небу вязью тянулся текст на одном из древних терранских языков. В отличие от многих своих братьев Коракс не был великим ученым и не занимался исследованием доимперской культуры Терры. Его мало интересовало прошлое, он предпочитал, сосредоточившись на настоящем, творить будущее. Но, невзирая на это, он легко расшифровал сообщение, примерно переведя его как «Народ Земли

вместе».

Легким толчком распахнув двери, Коракс вошел в зал длиной в несколько сотен метров. Примарх с удивлением заметил вдоль правой стены арочные окна, сквозь которые лился солнечный свет.

Судя по названию места, Коракс ожидал увидеть на стенах множество боевых наград и знамен, образцы доспехов и оружия. Но вместо этого здесь стояли ряды стеклянных шкафчиков, от совсем крошечных, которые могли уместиться в ладони Коракса, до гигантских, размером с танк. В них хранились собранные со всей Галактики предметы, возраст которых насчитывал столетия, тысячелетия или даже десятки тысяч лет.

Подойдя к ближайшему шкафчику, Коракс остановился, чтобы рассмотреть его содержимое. Он ощутил укол статики и услышал тихое гудение генератора стазисного поля. Внутри хранилась небольшая схемная плата неизвестного ему назначения. На стенде внизу висела стальная табличка, текст на которой сообщал о необычайной важности

предмета:

«Навигационная схема первого звездолета, способного на варп-перемещения».

Коракс от удивления сделал шаг назад. Заинтригованный, он обернулся и понял, что смотрит на каркас одноместной колесной машины. Большую ее часть составляли надувные шины. Примарх подошел ближе, чтобы прочитать название — «Титан-вездеход».

Примарх не понял, что это означает. Машина ничего общего не имела с титанами Механикум — огромными боевыми машинами высотой в десятки метров. Коракс присмотрелся внимательнее, но не увидел ничего, на что можно было бы установить оружие.

Недовольно заворчав, он пошел дальше, попутно бросая взгляды на разнообразные технологические артефакты, пока глаза не остановились на расположенной в дюжине метров от него стеклянной трубке, заполненной пульсирующей темно-синей жидкостью. Хотя слова на табличке были на высоком

готике, с тем же успехом их могли написать чужацким или мертвым языком, так как Коракс ровным счетом ничего не понял.

«Менделевская формула эукариотического происхождения».

Убрав упавшую на лицо прядь волос, примарх выпрямился и заметил кое-что еще. Это был небольшой квадратный шкафчик, с меньше полуметра с каждой стороны, но, судя по тому, что его разместили на центральном помосте, содержимое шкафчика имело особую важность.

Внутри покоился разбитый глиняный сосуд. Он был совершенно неприметельным — восемь осколков из грубой некрашеной глины, покрытой царапинами и следами пальцев. Мысленно соединив частички, Коракс понял, что это что-то вроде чаши.

Услышав шорох открывающихся дверей, примарх резко обернулся и увидел, как в зал с решительным видом вошел Малькадор. Его лицо раскраснелось от ходьбы, глаза горели.

— Что это за место? — поинтересовался Коракс. — Какие победы здесь воспеты?

— Самые важные, — ответил Сигиллит, приблизившись к Кораксу. Он указал тонким пальцем на содержимое хранилища. — Одно из первых глиняных изделий, созданных рукой человека. Ему сотни тысяч лет.

— Эта чаша не кажется таким уж значительным достижением по сравнению с некоторыми другими предметами, что здесь находятся, — произнес Коракс. — Она ведь настолько проста, что ее может сделать даже ребенок.

— И все же ты видишь одно из важнейших достижений человечества за всю нашу историю, Коракс, — сказал Малькадор. — Без этой чаши, без разума, создавшего ее, и рук, придавших ей форму, этот зал был бы пуст. Мы прошли долгий, очень долгий путь с тех пор, как один из наших предков заметил, что определенный сорт грязи затвердевает на солнце, и решил что-то из нее сделать, — но без первого шага мы бы никогда не начали

своего путешествия.

— Здесь только технологические достижения? Первые шаги в новую эпоху человеческой истории?

— Большинство из них технологические и научные, культурных ценностей здесь немного, — ответил Малькадор. Он махнул рукой в дальний конец зала, где хранились картины, статуи, барельефы, гобелены и тому подобное.

Прежде чем примарх успел рассмотреть все экспонаты, двери вновь открылись и на пороге появилась фигура почти столь же высокая, как Коракс, но более широкая в плечах. Светлые волосы Дорна были пострижены ежиком и стояли над его обветренным лицом подобно короне. Сейчас примарх Имперских Кулаков был одет в полудоспех: грудь, голени и предплечья защищали пластины золоченого металла, увитые почти такими же гравировками, что и у Коракса. С плеч Дорна ниспадал длинный, до самых лодыжек, темно-красный плащ, который удерживался на левом плече

фибулой в виде стиснутого кулака, а на правом — в форме имперской аквилы. На нем была золотая кольчужная рубаха до колен, перетянутая поясом, на котором висел цепной меч с похожими на клыки зубцами и кобура с болт-пистолетом. Кисти рук Дорна скрывали золотые пластинчатые перчатки, каждую фалангу которых украшал рубин. Кожа примарха была смуглой и упругой, покрытой тонкими шрамами и следами от ожогов.

— Брат! — приветственно подняв руку, воскликнул Дорн, его голос громом разнесся по залу, нарушив ауру молчаливого почтения.

Примархи подошли друг к другу и взялись за запястья. Затем Дорн хлопнул Коракса по плечу, и на миг его лицо озарила улыбка.

— Я пообещал, что буду сегодня, — сказал Дорн.

— Твое слово так же надежно, как возведенная тобой крепость, — ответил Коракс, отпустив руку генетического брата и сделав шаг назад.

Дорн потрачнел.

— Надеюсь, последнее мое творение нас не подведет.

— Оно, как всегда, исключительно, Рогал, — заверил его Малькадор. Он жестом пригласил примархов проследовать за ним к скамейкам под высокими окнами. — В Галактике нет другого человека, которому Император доверил бы строить для него укрепления.

Коракс остановился и, прежде чем присесть, выглянул в окно. За ним находилась широкая галерея, созданная, казалось, полностью из металла. Подняв глаза, он увидел в нескольких сотнях метров тусклое небо. Здание было утоплено в глубокий разлом и тянулось за горизонт — целые этажи окон и переходов, которые соединялись крытыми мостами, извилистыми рельсовыми путями и черными дорогами.

— Канцелярские земли, — объяснил Малькадор, заметив, куда смотрит Коракс. — Три миллиона людей, которые занимаются административными вопросами Терры и Солнечной системы.

— Три миллиона? Для одной

системы? — Коракс не мог поверить в услышанное. — Зачем так много?

— Ах, это лишь капля в море гражданского населения, Корвус, — сказал Сигиллит. — Их едва хватает, чтобы следить за всеми входящими и выходящими сигналами. Большая часть остальных обитает в служебных башнях над Шиволанскими высотами, а это около семисот миллионов человек.

— Но сильнее этого меня беспокоят места под казармы, — сказал Дорн, присев на темно-синюю кушетку. — Твоя армия писцов и аудиторов не сдержит Хоруса.

— Дай им оружие, и они покажут себя, — парировал Сигиллит, присев на другую скамью.

— Я отослал твою почетную гвардию в новые казармы неподалеку, — сказал Дорн Кораксу, пока примарх Гвардии Ворона не отрываясь продолжал смотреть в окно. — Там есть место еще для нескольких тысяч, поэтому по прибытии твоего легиона мы его сможем разместить.

Коракс обернулся, удивленно подняв брови.

— Думаешь, я приведу сюда Гвардию Ворона?

— А разве нет? Вас же едва хватит, чтобы защитить Освобождение. Нам нужен каждый воин для обороны Терры. По словам капитана Норица, на борту «Мстителя» у тебя тысяча семьсот четырнадцать легионеров. Когда остальные твои воины прибудут с Освобождения, скольких в итоге я смогу иметь в виду при планировании?

— Притормози, братец, — произнес Коракс, скрестив на груди руки. — Я прибыл, чтобы повидаться с Императором и просить у него разрешения атаковать предателей.

— Неразумно, — пробормотал Малькадор, очевидно сам себе, но достаточно громко, чтобы Коракс услышал его.

Примарх обернулся к регенту.

— Я не буду сидеть здесь, словно загнанная в угол крыса, — отрезал Коракс. Взяв себя в руки, он вновь посмотрел на Дорна. — Ты знаешь, как мы воюем, брат. Мы не стоим в башнях и траншеях. Если

Гвардия Ворона должна сыграть свою роль, нам необходима свобода действий.

— Невозможно, — твердо сказал Дорн. — Хочешь ты этого или нет, я настаиваю, чтобы твой легион остался защищать Императора. Не сомневайся, Хорус придет сюда. Наш главный долг — единственный долг — защитить Терру. Как считаешь, много ты навоюешь в одиночку? Напомни мне, сколько у тебя осталось воинов? Три тысячи, да? А у Хоруса их в сотни раз больше, и кто знает, сколько еще перешло на его сторону? Твое место здесь, на Терре, нравится тебе это или нет.

— Мне это не нравится, и мне все равно, на чем ты настаиваешь, — сказал Коракс, разгневавшись из-за того, что Дорн считал примарха Гвардии Ворона своим подчиненным. — Я дал клятву Императору, а не тебе — и не тебе, Малькадор, на случай, если ты попытаешься заявить о своих правах регента.

Дорн и Сигиллит молча наблюдали за Кораксом, который отошел от окна,

раздраженно потирая лоб. Сделав несколько шагов, примарх Гвардии Ворона обернулся и примирительно поднял руку.

— Почему вы считаете, что Хорус должен атаковать Терру? — спросил он.

— Если он хочет свергнуть Императора и объявить Галактику своей, другого пути нет, — ответил Малькадор.

— Мы не позволим этому произойти, — добавил Дорн.

— Вы неправильно меня поняли, — сказал Коракс. — Вы думаете, что Хорус достигнет Терры. Вы уже отдали инициативу врагу и теперь стараетесь использовать отведенное вам время. Нам нужно нанести ответный удар, замедлить Хоруса после резни на Исстваане и подавить восстание в зародыше.

— Для этого тебя и послали на Исствааан, — тяжело вздохнул Малькадор. — Похоже, это ты не понимаешь ситуации. Хорус заключил союз с Несущими Слово, Альфа-Легионом, Железными Во...

— Я знаю, кто предатели, я лично видел их на Исствааане! — прорычал Коракс. — Но и у нас есть сторонники. Хан

с его Белыми Шрамами, Лев, Сангвиний. А что с Ультрамаринами и Тысячью Сынов?

В последовавшей неловкой тишине Дорн и Малькадор обменялись встревоженными взглядами. Примарх слегка кивнул регенту.

— Тысячу Сынов более нельзя считать верными Терре, — сказал Сигиллит. — Не буду вдаваться в подробности, но Магнус продемонстрировал, что ему нельзя доверять. Леман Русс вместе со своим легионом были отправлены покарать Магнуса за нарушение Никейского эдикта.

— Что это значит? — непонимающе спросил Коракс.

— Пока не ясно, что именно случилось, — глухо сказал Дорн. — Волки Фенриса повели себя чрезмерно ревностно. Они разрушили Просперо и уничтожили Тысячу Сынов.

— А чего ты ждал, спустив Короля Волков? — спросил Коракс.

— Будь это действительно так, наших проблем бы поубавилось, — сказал Малькадор, переводя взгляд с Коракса на

Дорна. — Этим утром я получил доклад с Просперо, что Магнусу и его легиону удалось спастись. Боюсь, из-за непродуманных действий Русса в стане наших противников случилось прибавление. Между Магнусом и Хорусом нет крепкой дружбы, но зато теперь у них появился общий враг.

Дорн раздраженно зарычал и с силой опустил кулак на скамью, после чего поднялся и посмотрел на Коракса.

— На счету каждый воин, — сказал примарх. — Ты нужен нам на Терре. Мы не сможем помешать Хорусу прийти сюда. Прими это как данность и приготовь свой легион к обороне.

— Только если это прикажет Император, — ответил Коракс, вновь принявшись взволнованно мерить шагами зал. — Я не буду сидеть сложа руки, пока Хорус и наши братья-предатели готовятся к бою. Им следует мешать на каждом шагу, заставить их заплатить за содеянное. Пока они уверены в своей безнаказанности. Я же уязвлю их гордость и докажу, что они еще не победили.

Коракс остановился и устремил взгляд на Дорна.

— Я никому не доверяю больше, чем тебе, брат, в деле обеспечения безопасности Императора, но у меня нет твоей уверенности и терпения. Я должен нанести удар по предателями и отомстить за то, что они сделали с моим легионом.

— Личная вендетта? — спросил Малькадор.

— Скорее вызов, — ответил Коракс. — Есть кое-кто, кого Хорус попытается перетянуть на свою сторону. Он может обещать им победу, ибо никто не сопротивляется ему. Я же пущу по всему Империуму весть, что Император и легионы не покинули людей.

Примарх Гвардии Ворона развернулся и направился к дверям.

— Ты куда? — резко спросил Дорн.

— Увидеться с Императором! — бросил Коракс.

— У него нет времени, не тревожь его! — выкрикнул Малькадор, бросившись за уходящим примархом.

Коракс рывком распахнул двери и оказался в окружении Кустодиев — телохранителей Малькадора.

— Ты, — сказал он, указав на их командира, — отведи меня к Императору.

Вместо ответа кустодий посмотрел на Малькадора, который только сейчас догнал примарха.

— Это неразумно, Коракс, — сказал Сигиллит.

— Не глупи, брат, — добавил Дорн, положив руку на плечо Кораксу.

Гвардеец Ворона вырвался из хватки.

— Я — примарх Гвардии Ворона, сын Императора! — выкрикнул Коракс. — Это мое право! Отведите меня к Императору немедленно, или я сам найду его.

Дорн с нерешительным выражением встретился с ним взглядом, и его рука предупреждающе упала на рукоять цепного меча.

— Довольно! Я не потерплю склок в моем дворце.

Коракс и Дорн одновременно уставились на Малькадора. Внезапно обычный старческий шепот Сигиллита

куда-то пропал, его голос теперь был глубоким и звучным. Глаза Малькадора сияли золотом, а лицо представляло собой маску блаженной радости. Его губы опять зашевелились, словно независимо от прочих мышц лица, и регент поднял старческую руку, окруженную мерцающей аурой.

— Мой Император! — Дорн упал на колено и склонил голову. — Прошу прощения, что стал причиной конфликта.

— А ты не разделяешь стыд брата? — заговорил голос устами Малькадора, когда золотые глаза Сигиллита повернулись к примарху Гвардии Ворона.

— Прошу прощения, отец, — сказал Коракс, опустившись рядом с Дорном.

Тело Малькадора подалось вперед и опустило руку на голову примарха.

— Внимай моей мудрости.

Разум Коракса окутали свет и тепло.

В один миг Коракс мельком увидел огромный зал. Помещение было заполнено техникой: от оборудования с тысячами

циферблатов и датчиков по полу и стенам тянулись трубки и кабеля. Воздух пах озоном, из-за гула генераторов дрожал пол. Трансформаторы потрескивали от энергии, в дальних тенях громыхали поршни.

Среди мельтешения света и тьмы Коракс увидел сотни одетых в мантии фигур, которые следили за работой техники. Он заметил частично механизированные лица под красными капюшонами и торчащие из алых рукавов конечности из металла и проводов.

Коракс узрел все это за один удар сердца, а затем его взгляд упал на странную, но величественную конструкцию в центре зала. Это было циклопических размеров возвышение, которое протянулось до дальней стены, закованное в золото, отражавшее блеск тысячи окружавших его огоньков, и покрытое серебристыми схемами. Возвышение было соединено с расположенным рядом оборудованием десятками кабелей и труб, его поверхность гудела от электричества. В

основании располагались двери, достаточно большие, чтобы мог проехать танк или даже пройти разведывательный титан Механикум.

Но взгляд примарха приковало не это.

Верхняя часть конструкции представляла собой невероятных размеров трон, окруженный искрящейся проводкой и пульсирующими энергетическими полями. На троне в золотых доспехах восседал Император, склонив голову и крепко зажмурив глаза в чрезвычайной концентрации. По его коже текли волны пурпурно-синей энергии, на нахмуренном лбу танцевали миниатюрные бури с молниями.

По челу Императора вдруг потекла единственная капля сверкающего пота и золотом слетела со щеки. Челюсти Императора были крепко стиснуты то ли от усилий, то ли от боли. Примарх никогда прежде не видел своего отца в подобном состоянии, и на мгновение не на шутку встревожился за него.

Затем зал исчез, и вместо него возник залитый светом пейзаж. Казалось,

он существовал в безвременье, сотканный из одного лишь света. В самом центре слепящего сияния, как и прежде, находился Император, хотя сейчас он восседал на полыхающем всплесками энергии троне из золота. На спинке трона сидел гигантский двуглавый орел, взиравший на Коракса рубиновыми глазами. На этот раз лицо Императора было спокойным, без признаков напряжения, замеченных примархом ранее. Казалось, Повелитель человечества медитировал.

— Отец, мой Император, это я, Корвус, — позвал он, опустившись на колено. — Если ты слышишь, пожалуйста, внемли мне. Мой легион почти уничтожен, а враги становятся сильнее день ото дня. Дай мне знать, чего ты хочешь от меня. Мое сердце жаждет нанести ответный удар по предателям, пролить их кровь, так же как они пролили мою. Все, чего я прошу, — это твоего благословения на то, чтобы пойти войной на врагов с правотой в сердце и мыслями о славе во имя твое.

Император не шевельнулся.

— Отец! Услышь меня! — Из-за нечеловеческого напряжения раны Коракса вновь открылись, по боку потекла густая кровь. Примарх не обратил внимания на вспышку боли. — Во имя защиты Имперской Истины Гвардия Ворона будет сражаться до последнего. Мы не так сильны, как прежде, но без колебаний сложим головы за тебя. Мне нужна твоя помощь. Пожалуйста, поделись своей мудростью, наставь меня.

С этими словами Коракс обессиленно рухнул наземь. Он держался больше трехсот дней, не давая себе ни минуты покоя. Сначала в нем нуждался легион. И потом он ждал этого момента, безмолвно выносил ужасающую боль лишь для того, чтобы предстать перед Императором и просить у моего повелителя дальнейших приказов.

Он проиграл.

Он проиграл на Исстваане, а теперь проиграл и здесь. Из многочисленных ран струилась кровь, будто вторя душевному страданию. Вместе с ней уходила его решимость и угасала воля.

— Сын.

Одно-единственное слово разнеслось по пылающим небесам, заполонив мысли Коракса, прежде чем звук достиг его ушей.

Глаза Императора распахнулись, сверкающие золотые сферы, видящие Коракса насквозь. В них танцевали точечки золотой энергии, но в его взгляде чувствовалась также доброта. Император поднялся, его золотые доспехи растеклись пучками сияющих нитей, и вместо них возникли одеяния из волнистого серебра, ниспадавшие по его телу, словно серебряный водопад.

Казалось, без доспехов он как будто уменьшился, но аура присутствия осталась прежней. Частички смешались между собой, словно дым, и превратились в нематериальные ступени, по которым Император спустился с такой же легкостью, как обычный человек по лестнице.

Он протянул руку, и Коракс почувствовал на лбу теплые пальцы. Сквозь тело примарха хлынул поток энергии, сращивая сломанные кости,

останавливая кровотечение, соединяя порванные мышцы и органы. Примарх едва не задохнулся от вмиг заполонившего его чувства любви и обожания.

— Встань.

Коракс повиновался, осознав, что его силы чудесным образом восстановились.

— Прости меня, отец, — произнес Коракс и вновь рухнул на колени. — Я знаю, что ты занят важным делом, но мне нужно поговорить с тобой.

— Конечно нужно, Корвус, — промолвил Император. Из его голоса исчезли властность и сила, оставив лишь нотку уважения и восхищения. — Ты многое пережил, чтобы попасть сюда.

Рука Императора опустилась Кораксу на плечо, и тот выпрямился под взглядом Повелителя человечества. Отец теперь казался не таким величественным, сияние кожи поблекло, лицо обрело черты обычного человека, кареглазого, с длинными темными волосами.

— Это твое настоящее лицо? — спросил Коракс.

— У меня нет лица, — ответил

Император. — За тысячелетия я сменил миллион лиц, по необходимости или из прихоти.

— Это лицо я узнал, — сказал Коракс, смутно припоминая сон, увиденный им, когда он лежал израненный в «Громовом ястребе». — Таким ты явился ко мне, когда я родился в своей капсуле.

— Да, хотя странно, что ты помнишь это, — заметил Император. Его лицо посуровело. — Так о чем ты хотел спросить, сын мой?

— Гвардия Ворона почти истреблена, хотя, будь у меня шанс, я бы восстановил ее, — сказал Коракс. — Но я не могу уберечь своих воинов от грядущей битвы, как и подготовить новое поколение легиона. Я прошу разрешения атаковать предателей, дабы погибнуть в лучах славы.

— Ты хочешь пожертвовать легионом? — Император казался искренне удивленным. — Но ради чего?

— Я поступаю так не из-за скорби, но из необходимости, — объяснил Коракс. — Я должен искупить свое поражение на Исстваане, ведь, если вина и дальше будет

гноиться в моем сердце, она разорвет меня на части. Прости меня за то, что я не могу остаться защищать Терру, просто ожидая встречи с судьбой.

Некоторое время Император молчал, погрузившись в размышления. Коракс терпеливо ждал, не отрывая взгляда от его нахмуренного лица.

— Согласен, — наконец сказал Повелитель человечества. — Твоя природа требует нести разрушение и погибель врагам. Но в самопожертвовании нет необходимости. Я верю тебе, Корвус. Мне бы не хотелось этого делать, но я вручу тебе дар, очень ценный дар.

С этими словами Император вновь коснулся головы Коракса.

Казалось, Коракс утонул в разуме Императора целую вечность. Жизнь, растянувшаяся более чем на тридцать тысячелетий, попыталась заполонить мысли примарха, посылая сквозь него обжигающую боль.

Через мгновение она ушла, оставив в воспоминаниях лишь след, осколок того,

что произошло давным-давно, крошечную частичку сущности Императора. Все еще пытаясь оправиться от психической атаки, Коракс вдруг подумал: а чувствовали ли нечто подобное астротелепаты во время ритуала Связывания Душ, когда их разумы объединялись с мощью Императора?

В голове, блокируя прочие ощущения, стали вспыхивать новые воспоминания, последовательность изображений, выжженных в самой душе. Тело примарха содрогалось от нахлынувших образов, сопротивляясь заполонившим разум изображениям и схемам.

Коракс чувствовал резкий запах промывочных жидкостей и слышал гудение техники и шипение дыхательных аппаратов. Он заметил металлические цилиндры со стеклянными иллюминаторами, собранные в круг посреди стерильно чистой комнаты, каждый стальной саркофаг был опутан проводами, насосами и трубками.

Примарх не просто наблюдал за действием, он был его участником, он

разговаривал с лаборантом в белом халате на непонятном ему языке. Также там находились врачи в полотняных масках, облегающих капюшонах и белых перчатках.

Коракс прошелся мимо инкубаторов и, окинув взглядом цифровые дисплеи, порадовался тому, что показатели жизнедеятельности, как и положено, монотонно пикали. Он почувствовал огромное удовлетворение.

Предстояло много работы. Физические оболочки были выращены, сверхчеловеческие тела развились на основе генетических матриц, заложенных внутри каждой из камер. Но пока они были лишь пустыми сосудами, а величайшую часть проекта еще только предстояло выполнить. Зарождающиеся разумы созревали для шаблонной интеграции.

Хотя эти мысли проносились у него в голове, Коракс не понимал их. В мысли проникали еще более загадочные фразы и технические термины, значение которых терялось в процессе перевода. Но, несмотря на всю сложность, примарху казалось,

будто он узнаёт их.

Как и у остальных братьев, разум у Коракса был столь же развитым, как и тело, он представлял собой огромное хранилище знаний как военного, так и технического характера. Но в нем находилось и еще что-то, полученное одновременно с воспоминаниями. Сосредоточившись, Коракс внутренним взором увидел вычисления генетического сплайсинга белков и гибридизации и лишь теперь понял, что менделевская формула эукариотического происхождения являлась первым успешно клонированным генетическим кодом человека.

Он понял, что вся техника у него за спиной была творением его рук, и поразился гениальности сотворившего их разума. Но в воспоминаниях Коракса были участки, намеренно оставленные пустыми. Участки генетической цепочки самого Императора, которые использовались при создании примархов. Очевидно, Повелитель человечества не настолько сильно доверял Кораксу.

В голове кружились и другие

воспоминания: демонтаж лаборатории после странного варп-феномена, который разбросал инкубаторы по всей Галактике. Коракс увидел, как ее собирают в другом месте, подальше от алчных глаз.

И теперь он знал, где это место.

Коракс понял, что его глаза закрыты, и распахнул их. Император смотрел на него, терпеливо ожидая, пока сын изучит его дар.

— Ты передал мне секрет проекта примархов? — пораженно прошептал Коракс.

— Части, нужные для создания легионов, да, — ответил Император. Он не улыбнулся. — Я должен возвращаться к паутине, мое отсутствие не останется незамеченным. Это все, чем я могу помочь тебе.

— Паутина?

— Своеобразный портал в варп, — объяснил Император. — Это мое великое начинание. Силы Империума ведут за завесой реальности войну с противником более смертоносным, чем легионы Хоруса.

С демонами.

Коракс знал это слово, но не понимал, зачем Император использовал его.

— С демонами? — переспросил Коракс. — Нематериальными существами из ночных кошмаров? Я думал, они всего лишь вымысел.

— Нет, они есть на самом деле, — сказал Император. — Их дом и родной мир — это варп, иная реальность, по которой ты путешествуешь. Предательство Хоруса куда глубже, чем ты можешь себе представить. Он заключил союз с силами варпа, так называемыми Богами Хаоса. Теперь демоны — его союзники, и они пытаются проникнуть в Императорский Дворец. Мои воины сдерживают их вторжение, иначе Терру захлестнет волна Хаоса.

— Я все еще не понимаю, — признался Коракс.

— Тебе и не нужно, — ответил Император. — Тебе следует знать только то, что у меня мало времени, все мои силы уходят на то, чтобы окончательно победить этих потусторонних врагов. На

тебя и твоих братьев, которые остались верны клятвам, ложится вся физическая защита Империума. Я показал тебе способ, воспользовавшись которым Гвардия Ворона сможет восстать из пепла и вновь бороться во имя человечества.

— Это невероятный дар, — произнес Коракс, — но даже сейчас я не уверен, чего именно ты хочешь от меня.

— Я уже сообщил Малькадору о своем намерении, он соберет помощников и сопровождающих, которые понадобятся тебе для изъятия генотеха, — сказал Император. — Ты попросил меня о помощи, но теперь должен помочь себе сам. Восстанови Гвардию Ворона. Уничтожь предателей, и пусть они знают, что моя воля превыше всего.

— Я сделаю это, — поклялся Коракс, склонив голову и опустившись на колено. — Гвардия Ворона восстанет из бездны поражения и принесет тебе победу.

— Я вручаю тебе не только дар воспоминаний и технологии, но также возлагаю на тебя обязанность защищать его. Ты обретешь силу создавать армии,

как когда-то я, а это уже причина ревностно охранять его. Более того, в генохранилище имеются средства, чтобы уничтожить созданное с его помощью. То, что я вживил в тела всех космических десантников, может быть разрушено, их сила и решимость будут сведены на нет одним ударом.

— Я понимаю, — ответил Коракс. — Я буду защищать его ценой собственной жизни.

— Нет, этого мало, Корвус, — настойчиво сказал Император, и его слова прошли сквозь Коракса волной энергии. — Поклянись, что, если враги узнают о его существовании, ты уничтожишь и его, и все, что было им создано. Произойдет катастрофа, если генотехом завладеет Хорус. С подобной силой он будет способен на разрушения, каких ты и представить не можешь. Он создаст воинство, против которого защита Рогала Дорна не сможет устоять. Поклянись мне в этом.

— Клянусь как твой сын и слуга, — сказал Коракс, дрожа от властного голоса Императора.

— Даже если это будет означать уничтожение Гвардии Ворона и всего, что ты хотел восстановить? — Слова Императора казались неумолимой бурей, давящей на разум Коракса, требующей от него подчинения.

— Даже тогда.

Император отвернулся и пошел обратно к Золотому Трону. Его опять поглотил свет; испепеляя кожу, одеяния вновь превратились в доспехи. Перед самым троном Повелитель человечества остановился и оглянулся на Коракса.

— Еще одно, сын мой, — медленно и спокойно произнес он. — Генотех защищен. Только я могу деактивировать защиту, но мне нельзя покидать это место. Уверен, с обретенными знаниями ты сумеешь попасть внутрь.

Коракс ничего не ответил, и аура золотого света вознесла Императора на Золотой Трон. Повелитель человечества снова вырос в размерах, тяжелые пластины скользнули на отведенные места, и тело наконец полностью исчезло под сияющей броней, которую Коракс столь много раз

видел на полях сражений.

Император закрыл глаза, и буря неудержимой силы окутала сидящую фигуру с пульсацией энергии, от которой содрогнулся зал, а во все стороны полетели искры и волны психической энергии.

Коракс пришел в себя, лежа на траморном полу, над ним склонились Дорн и Малькадор, все еще не до конца веря в то, что произошло. Воспоминания были на месте, вживленные в его мозг, словно хранилище несметных сокровищ, которое только требовалось открыть, и примарх вцепился в них как в доказательство воли Императора.

— Спасибо, отец, — благодарно сказал Коракс. Он взглянул на Малькадора, который понимающе кивнул в ответ.

— Ты получил сложное задание, Коракс, — произнес Сигиллит. — Следует незамедлительно начать подготовку.

Зал подуровня был наполнен густыми облаками пара и клубами газа. От грохота тяжелой техники подвал

содрогался каждые несколько секунд, заставляя дребезжать проложенные по стене трубы и дико раскачиваться световые сферы.

Это явно было не лучшее место для укрытия и определенно одно из самых шумных, в которых когда-либо приходилось скрываться Омегону, но оно прекрасно подходило для его цели. Расположенные под кузнями района Веллметал города Набрика, крупнейшего на Киаваре, четыре смежные комнаты, которые занимал примарх Альфа-Легиона, находились в центре старого промышленного комплекса, откуда задолго до прихода Императора технократы управляли миром.

Теперь на домнах и мануфактуриях красовались символы Механикум Марса, но за тысячи лет до их появления Киавар был крупным центром оружейной промышленности и кораблестроения. Старые техногильдии, которые поделили между собой планетарные ресурсы, совместно правили Киаваром, выгодно торгуя с немногочисленными соседними системами, которые были в пределах

досягаемости во времена Долгой Ночи.

Когда Коракс возглавил восстание на добывающей колонии Ликей, крупнейшем спутнике Киавара, авторитету техногильдий был нанесен тяжелый удар, но еще больше их оскорбил Император, в верности которому они поклялись при вхождении в Империум. Знай техногильдии, что марсиане уничтожат их монополию на промышленные товары и создадут новое общество, они непременно бы воспротивились подобному.

Тем не менее Омегону было на руку, что они предпочли не вступать в бой. Многие из них были живы по сей день благодаря аугментациям и замедляющим старение препаратам — большинство которых Механикум запретили, — так что примарх в итоге получил готовое ядро недовольных. Он находился здесь менее ста дней, но уже наладил контакт с тремя смотрителями техногильдий. Омегон стремительно закрепил успех, заключив соглашение о сотрудничестве по освобождению Киавара.

Когда Альфа-Легион стал

раскидывать сеть своих оперативников и агентов техногильдий, Омегон не сомневался, что потомки остальных пяти древних родов, которые скрывались в дыму и пламени облученных пустошей, также вскоре присоединятся к нему.

Омегона интересовало освобождение Киавара из хватки Императора исключительно настолько, насколько бы это усложнило жизнь его врагам и привело бы в конечном итоге к свержению Коракса. Киаварцы считали себя одними из лучших в области технических достижений, хотя на самом деле обладали средним потенциалом, а в объеме выпускаемой продукции не могли сравниться со многими другими мирами-кузницами Механикум. Но примарх лишь раздувал и без того завышенную самооценку техногильдейцев, обещаниями и завуалированными уверениями склоняя их к мысли, что, как только они сбросят иго имперской тирании — как же часто он в последнее время пользовался этой фразой! — киаварцы станут ровней самому Марсу.

Присев под обжигающе горячей

трубой между сердечником генератора и колоссальным машинным валом, Омегон собрал на полу перед собой треногу и установил на нее небольшое, размером с кулак, устройство связи.

Затем примарх по памяти ввел последовательность частотных шифров — взлом протоколов безопасности сети наземных коммуникаций Механикум отнял у него пять дней — и начал передачу сигнала. Он направил сигнал через пятнадцать разных подстанций, отбил несущую волну от двух станций на орбите, установил три тупиковые точки обратной трассировки, забавы ради сделав одну из них на Освобождении, и, наконец, ввел личный контрольный код.

Работа приносила Омегону удовольствие. Его не волновало, сгинет ли Коракс вместе со своим легионом, важным было лишь то, что обладание терранским генотехом, который, по словам Кабала, вскоре обретет Гвардия Ворона, сделает близнецов-примархов на шаг ближе к цели. Чтобы дать Хорусу наилучший шанс на успех, Императора следовало лишить

соратников. Своей гибелью Гвардия Ворона сделает это возможным.

Убедившись, что лишь самая дотошная проверка обнаружит его вторжение в непрерывный поток данных в новых владениях Механикум, Омегон ввел частотный адрес Иядина Нетри, своего информатора в гильдии Белого Железа.

Из коммуникатора раздался треск и шипение, а затем короткий звуковой сигнал приема подсказал примарху, что связь установлена. Он бросил взгляд на небольшой схематический датчик в передней части коммуникатора, проверив, не отслеживают ли передачу, после чего нажал кнопку приема.

— Советник Эффрит, я ждал сеанса связи с вами раньше. — Голос Нетри звучал приглушенно из-за многослойного сжатия и шифрования, через которые, уплотняясь, проходила передача. — Надеюсь, все в порядке.

— Все в порядке, — ответил Омегон. Голос, который прозвучит на другом конце, модулированный и искаженный несколько раз, чтобы уничтожить любой намек на

то, кому он может принадлежать, ничем не будет напоминать его настоящий. — Мне пришлось подтвердить определенные приказы и соглашения.

Конечно, Омегон ничем подобным не занимался, но он пока притворялся посредником, а не организатором заговора.

— Мы готовы предоставить доклад революционному совету, — произнес Нетри.

— Продолжайте, — улыбаясь, сказал Омегон.

Он уже создал три отдельные ячейки для каждой из гильдий, поклявшихся ему в верности, и, пока он выжидал, отправлял их на всевозможные несущественные задания и операции по сбору информации, основываясь на разведданных, полученных от агентов Альфа-Легиона в Гвардии Ворона. Заговорщиков требовалось постоянно загружать работой и отвлекать, и, кроме того, это была отличная возможность проверить их компетентность и способность к конспирации. Пока его оперативники справлялись, а власти Киавара даже не подозревали, что у них возникли проблемы.

— Из отсеков в Фарсалике выкачали весь прометий. Мы пытаемся узнать почему. Колдрону Виаминексу дали титул вице-регента Аугментического общества. До Согласия он громче всех выступал против Империума.

Омегон продолжал слушать ненужные сведения Нетри, пока кое-что не возбудило его интерес.

— Пожалуйста, повтори последнее, — произнес он.

— Производство мануфакторума тридцать восемь перенесли в мануфакторум двадцать шесть, советник, — вновь сказал Нетри.

— Принято, — произнес Омегон.

После прибытия Гвардии Ворона в мануфакторуме тридцать восемь изготовлялись энерговоды для силовых доспехов. То, что завод прекратил работу, не только интриговало, но и шло вразрез с ожиданиями Омегона. Он считал, что после резни производство комплектующих для доспехов лишь возрастет, но, видимо, случилось иначе. Последние восемнадцать дней темп производства падал.

— Есть идеи, почему это произошло? — уточнил примарх.

— Не уверен, советник. Мы зафиксировали увеличение входящих и исходящих астротелепатических сообщений в Кортекснои Шпиле, а еще до меня дошли слухи о появлении нового типа доспехов.

— Понятно, — ответил Омегон и вновь проверил монитор пассивных помех. Судя по всему, пока их передачу не засекли. Примарх не хотел выслушивать остальную часть доклада, поэтому спросил о последнем, что считал важным. — Какие новости о Гвардии Ворона? О Кораксе ничего не слышно?

— Новостей об узурпаторе пока нет, — сказал Нетри. — В текущих докладах указываются все те же корабли и персонал, о которых вам уже сообщали. Мы пока не слышали, когда он возвращается и собирается ли возвращаться вообще.

— Отлично. Пожалуйста, распространите доклад стандартным информационным пакетом. Конец передачи.

С этими словами Омегон разорвал соединение и принялся разбирать нагромождение контуров и контролирующих устройств, смонтированное им ранее. Одновременно он с помощью передатчика легиона связался с Версоном. Тот принял сигнал через пару мгновений.

— Нам нужен оперативник в мануфакторуме тридцать восемь, — приказал примарх.

— Принято, — ответил Версон. — После захода луны кого-нибудь выделю.

Все было и так понятно, коммуникатор зажужжал, а после затих.

Прежде чем подняться, Омегон отсоединил устройство и положил его в сумку, которую затем прикрепил к поясу. Облаченный в красную мантию аколита-техникум, примарх скрыл лицо серебряно-перламутровой маской, после чего накинул на голову отороченный золотой нитью капюшон. Население, среди которого встречались выращенные в баках рабы, полумеханические сервиторы и аугментически усовершенствованные,

размеры Омегона нисколько бы не смутили. Но, несмотря на это, даже когда ему требовалось идти открыто, он предпочитал выходить во время перерывов между сменами и двигаться по участкам с наименьшим движением. Всегда стоило перестраховаться.

Настало время покинуть это неуютное укрытие и направиться к следующей безопасной зоне. Больше двух дней оставаться на одном месте не следовало. Он уже знал, куда отправится дальше.

Глава седьмая
СЛУГА ТЕРРЫ
К ГОРЕ
НЕ СТРЕЛЯТЬ

Марк Валерий моргнул, его мысли затмило видение золотого пейзажа и эхо резонирующего голоса, произносившего слова, значения которых он не мог понять. Виски ощутимо сдавливало, а глаза по какой-то необъяснимой причине болели. Голос в голове префектора изменился, стал более приземленным и настойчивым, совсем близким.

— С вами все в порядке, префектор?

Еще раз моргнув, Валерий сосредоточился на стоящем перед ним человеке. Пелон. Последний проблеск золотых глаз постепенно исчезал из памяти, на их месте возникло простое лицо денщика.

— Да, я в порядке, — сказал Марк, потирая лоб костяшками пальцев. Префектор обернулся и посмотрел сквозь

пластстекло метровой толщины на пристыкованный возле обзорной галереи корабль.

С каждой секундой его странная греза казалась все более нереальной. На миг Марк испытал гордость, разглядывая «Слугу Терры III», освещенный навигационными огнями дока на фоне скрытой в тени планеты. Корабль передали под его командование, и, хотя это был обычный курьерский катер, размерами даже меньше эсминца, на него сумели установить способные на варп-перемещения двигатели. Запрос префектора, утвержденный самим Кораксом, передали по официальным каналам станции и вскоре подыскали переоборудованный катер, который мог доставить его обратно на Тэрион.

— Шаттл прибудет через пять минут, префектор, — произнес Пелон.

Обернувшись, Валерий увидел, что за денщиком следовала моторизированная тележка, которой управлял лишенный ног сервитор. На тележке были уложены несколько саквояжей и чемоданов.

— Это все мое? — спросил Валерий, удивившись количеству поклажи. — У нас же катер, а не грузоперевозчик!

— Здесь по большей части припасы, которые я достал на станции, префектор, — признался Пелон. Тележка с визгом замерла рядом с Валерием. — Я говорил с одним из членов команды «Намедианской Звезды», которая прибыла этим утром. Варп-штормы бушуют до сих пор. Я подумал, что лучше приготовиться к долгому путешествию. Даже без штормов путь к Тэриону занял бы не менее сорока дней.

— Хорошо, — сказал Марк, хотя, судя по тяжелому вздоху префектора, он явно так не считал.

— В чем дело, префектор? — Пелон бросил взгляд на багаж. — Я что-то забыл?

— Вовсе нет, Пелон. Твое внимание к деталям, как всегда, безукоризненно. — Валерий окинул взглядом галерею и убедился, что они остались одни. Он чувствовал себя крайне разочарованным. Визит на Терру оказался кратким и небогатым на события, все его время ушло

на заполнение бумаг, касающихся потери полка. — Признаюсь, у меня смешанные чувства относительно нашего полета на Тэрион. Мой полк уничтожен, а мне приходится возвращаться с позором.

— Вовсе нет, префектор, — ответил Пелон. Покопавшись в сумках, он извлек небольшую серебряную флягу и чашу. Плеснул немного темно-красного напитка, протянул чашу Валерию. — Если бы не вы, Гвардия Ворона была бы уничтожена.

— Но об этом никто не узнает, по крайней мере о моей роли, — прошептал Валерий. — Бранн был прав: к снам, благодаря которым мы спасли легион, будут относиться с подозрением.

— Тогда вам следует с достойной уважения смиренностью хранить эту тайну, префектор, — сказал Пелон. — Ведь вы отправились на Исствааи не ради славы.

— Меня лишат префектуры, Пелон, — сказал Валерий, еще раз печально вздохнув. — И я не стану их винить. Я показал свою некомпетентность.

— Опять же, я считаю, что вы

слишком строго себя судите, префектор. Потеря вашего полка была ужасной, но необходимой. Если бы командор Бранн не настоял, чтобы вы остались на «Мстителе», то, уверен, вы лично возглавили бы тот отвлекающий удар. Пожертвовать жизнью, когда ее нужно сохранить, — это похвально, но неверно. Вы поступили достойно, приняв столь непростое решение.

— Это так. — У Валерия чуть отлегло от сердца после заверений слуги, хотя сомнения до конца его не оставили. Рассматривая собственное отражение в окне, он заметил мерцание двигателей шаттла, вылетевшего из корпуса его нового корабля. Он обернулся к Пелону. — Ты настоящий философ, Пелон. Где ты этому научился?

— Жизнь на палубах военных кораблей, префектор, — сказал денщик, хитро улыбнувшись. — На них можно встретить уйму людей, которые научат политике и торговле. Хотя я не питаю надежды вскоре стать имперским губернатором.

— Где нас заберет шаттл?

— Четырнадцатый отсек, префектор, — ответил Пелон. Он что-то сказал водителю-сервитору, и тележка развернулась. — Следуйте за мной.

Валерий бросил еще один взгляд на звездолет, гадая, станет ли этот корабль последним из тех, которыми ему довелось командовать. Он глубоко вздохнул, поправил кроваво-красную перевязь на груди и пошел следом за слугой, решительно настроившись произвести хорошее впечатление на новую команду. Это его назначение могло стать последним — но оно вовсе не обязательно должно было оказаться плохим.

В укромной долине в нескольких километрах от горной твердыни, где Коракс встречался с Дорном и Малькадором, на основной площадке перед ангаром их ожидали три орнитоптера и два грузовых лихтера. По металлическим корпусам колотил ливень, на черном асфальтовом круге быстро появились маленькие озерца. Вдалеке прокатал гром, слившись с гулом двигателей и

грохотом ботинок.

Ветер трепал волосы Коракса и хлестал по лицу ледяным дождем, но примарх не отступал перед стихией. Он вырос в тесных закоулках Ликея и поэтому радовался открытому пространству, не важно, было ли солнечно или снежно, стояла ночь или день. Дышать непереработанным воздухом — даже таким загрязненным, как на Терре, — примарх почитал за роскошь, о которой в детстве он мог лишь мечтать.

Гвардейцы Ворона, сопровождаемые длинными вереницами сервиторов с различным оружием и снаряжением для экспедиции, быстро грузились в транспорты. Император не уточнил, что именно защищало генотех, поэтому Коракс готовился к любой неожиданности.

Вместе с легионерами в черных доспехах шли двадцать фигур в золоте: Легио Кустодес под командованием Арката. По словам Малькадора, их приставил к Гвардии Ворона сам Император, но Коракс подозревал, что они прибыли следить за легионерами, а не

помогать им. Примарх не мог не заметить косых взглядов, которые бросали на Кустодиев Гвардейцы Ворона, после того как несколько дней провели в заключении. Коракса едва ли это заботило, он был рад любой помощи, а если Кустодес окажутся помехой, он мог потребовать у Малькадора отозвать их из экспедиции, хотя и не был уверен, что тот его послушается.

В поле зрения попало красное пятно: Нексин Орландриаз. Он был облачен в одеяния Механикум, вместе с ним двигалась свита наполовину механизированных ординарцев и сервиторов с выхолощенными разумами. Малькадор заверил Коракса, что генетор майорис остался верным Терре, и считал его лучшим экспертом в области генетики, который мог помочь им. Примарх был не в силах обработать всю информацию и воспоминания, вживленные Императором, — они приходили к нему в кратких вспышках, в наполненных кошмарами фрагментах, — и знания Нексина пригодятся ему в расшифровке

тайн генотеха.

Гидравлическое шипение, сопровождаемое воем доспехов, заставило Коракса повернуться к дверям, ведущим в диспетчерскую башню. На парапет вышел Дорн, теперь полностью закованный в золотые с желтым доспехи, украшенные обсидианом и малахитом, его перчатки были инкрустированы рубинами и черными алмазами. Нахмуренный тяжелый лоб Дорна избороздили морщины.

— У тебя есть все необходимое? — спросил примарх Имперских Кулаков.

— Если чего-то и нет, то волноваться уже поздно, — ответил Коракс. — Мы приспособимся.

Дорн избегал встречаться взглядом с Кораксом и смотрел вдаль, где дождь барабанил по стальным решетчатым помостам и выложенной черной плиткой крыше орудийной башни.

— Я знаю, что Император дал разрешение на это путешествие, но не могу отпустить тебя, не спросив в последний раз, — произнес он. — Ты не приведешь свой легион на Терру?

— Я уже все решил, — ответил Коракс. — Император показал мне способ вернуть Гвардию Ворона обратно в строй, способ, который будет лучшим для всех нас.

— Не знаю, чего ты добиваешься, и в отличие от тебя я предпочитаю не задавать лишних вопросов, — сказал Дорн. — Уверен, Император знает, что делает.

— Это говорит о том, что ты не до конца в меня веришь.

— Если этого пожелал Император, тогда я согласен. Я не сомневаюсь в тебе, брат. Мы всегда должны считать решения Императора неоспоримыми, в противном случае у нас появятся вопросы, а не являемся ли мы порождениями тщеславия? Он — Повелитель человечества, и он поведет нас к Просвещению.

— Он сделал нас теми, кто мы есть, но я не в силах постичь его замысел, — признался Коракс. — Думаешь, мы проиграли?

— Мы завоевали Галактику во имя его, брат. Мы привели человечество к свету из мрака Долгой Ночи. Он создал нас

исключительно для этой цели.

— Но Император также создал Хоруса и сделал его Воителем, — парировал Коракс, встревоженный словами Дорна. — Он впустил в свои замыслы таких, как Ночной Призрак.

— А что еще ему оставалось делать? — спросил Дорн. — Курц — один из нас, хотя он и жертва обстоятельств, которых мы и представить себе не можем. Мне лучше других известно, на что он способен.

Коракс мрачно кивнул.

— Курц и Ангрон были надломлены в самом начале. Ты знаешь, к какой крайней мере мог прибегнуть Император. Он мог...

Дорн протянул руку, не дав ему закончить.

— У тебя тревожные мысли, брат. — Складки на его лбу стали глубже от раздражения, когда он оглянулся на шаттлы и стиснул кулаки. — Император все еще желает, чтобы человечество повелевало Галактикой.

— И мы проследим, чтобы так оно и было, — ответил Коракс. Он крепко сжал

руку Дорна и заставил Имперского Кулака посмотреть ему в глаза. — Я не совершу ничего, что угрожало бы Империуму, брат. Мне просто нужно это сделать. Ты не видел, как в течение нескольких минут истребляют твой легион, не слышал голоса сынов. Пойми, брат, я пойду на все, чтобы уничтожить Хоруса.

— Я мельком увидел то, что Император показал тебе. Причина войны не только в Хорусе. Во Вселенной есть извечные силы, жаждущие обрести власть над человечеством, их ведет желание сделать людей своими рабами и игрушками. Хорус — всего лишь пешка. Его следует уничтожить, но ценой этому не должно стать поражение в более масштабной войне. Здесь не может быть места жалости.

— У меня нет жалости к предателям, — отрезал Коракс.

— Нет, я предупреждаю тебя о жалости к самому себе, — спокойно ответил Дорн. — Направленная на себя или на других, твоя жалость в конечном итоге обернется против тебя и станет оружием

в руках врага. Ты — примарх, так пусть тебя не трогают потери и не снедает скорбь. Мы были рождены для славы, но мы должны уметь стойко переносить утраты.

Коракс молчал. Он видел, что Дорн искренне переживает, и кивнул, соглашаясь с мудростью брата.

— Что бы ты ни искал, оно не стоит того, чтобы отдать свою жизнь, — сказал Имперский Кулак.

— Это, часом, не забота? — слегка улыбнувшись, спросил Коракс. — Ты становишься сентиментальным, Рогал.

— Вовсе нет, — сердито ответил примарх. — У меня и так почти не осталось союзников. Потеря еще одного мне совсем не с руки. Ты намереваешься покинуть Терру, как только добудешь желаемое?

— Да, я должен вернуться на Освобождение. До отбытия мы больше не увидимся.

— Тогда удачного путешествия и славного боя, Корвус, — сказал Дорн.

— Защищай Императора, Рогал, — ответил Коракс.

Они сжали друг другу запястья и расстались, уважительно кивнув друг другу на прощание.

Мелкий снег засыпал продуваемый всеми ветрами скальный гребень. У Коракса, направляемого лишь обрывочными воспоминаниями, данными ему Императором, ушло несколько дней, чтобы отыскать это место. Найти одну гору среди множества было непростой задачей, которая усложнилась по прошествии десятилетий с тех пор, как Император был здесь в последний раз. В столь суровых условиях провести разведку с воздуха было невозможно, поэтому Гвардия Ворона искала самостоятельно — тяжелая задача для закованных в доспехи воинов, вынужденных пробиваться через снежные наносы метровой толщины, скрывавшие ущелья и коварные утесы.

Пока Гвардейцы Ворона разгружали снаряжение, винты орнитоптеров стали покрываться льдом. Выгрузкой руководил Агапито, в воздух поднимался пар из решеток шлемов и ранцевых

воздухоотводов Гвардейцев Ворона, помогавших сервиторам выносить поклажу, чтобы шаттлы улетели отсюда прежде, чем переохладятся двигатели.

Альфарий делал то, что было приказано, быстро спускаясь по мостку грузоперевозчика с ящиком болтерных снарядов. Он не чувствовал себя уязвленным, выполняя работу, которую обычно поручали сервам и сервиторам, но радовался вместе с приемными братьями тому, что они наконец достигли цели. Легионеры и полулюди-сервиторы утрамбовали снег до состояния плотной ледяной корки, но сапоги легионера хорошо держались на скользкой поверхности.

Поставив ящик на отведенное место, Альфарий шагнул в сторону. Под большим навесом, защищавшим уступ от снега, он заметил Коракса. Казалось, примарх просто смотрит на скалу.

Цель задания им объяснили лишь в общих чертах. Агапито просто сказал Гвардейцам Ворона, что они направляются на заброшенный склад за оружием для легиона. Услышав это,

Альфарий задрожал от волнения. Очевидно, это и была та причина, по которой его внедрили в Гвардию Ворона. Что бы ни хранилось на складе — хорошо защищенном складе, судя по количеству выгруженного снаряжения, — оно представляло немалую ценность для Альфа-Легиона. Омегон сможет подтвердить его выводы, только когда они вернутся на Освобождение, но Альфарий не сомневался, что его настоящее задание начинается прямо сейчас.

— Не думаю, что все так уж сложно, — раздался позади Альфария голос Лукара, отвлекая его от размышлений.

— Что? — спросил Альфарий, не уверенный в том, не пропустил ли он начало разговора.

— Что бы здесь ни спрятали, оно не может быть таким уж важным, — объяснил Лукар.

— Почему? — к ним у груды ящиков присоединился сержант Дор. — Дело достаточно важное, чтобы остаться на Терре.

— Здесь нет ни башен, ни

оборонительных турелей — вообще ничего, что могло бы защищать склад, — продолжил Лукар. — Будь здесь что-то стоящее, это место охранялось бы сильнее Шпиля Ворона.

Поразмыслив, Альфарий пришел к неудовлетворительному выводу, что Лукар мог быть прав. Внезапно он услышал хруст снега и, оглянувшись, увидел подошедшего к ним Коракса. Очевидно, тот обратил внимание на их разговор.

— Весьма примитивный подход к вопросу обороны, — с недовольным видом заметил примарх. — Ты забыл доктрины Гвардии Ворона?

Лукар недоуменно уставился на сержанта Дора.

— Действительно мощная оборона никогда не выставляется напоказ, — напомнил сержант, постучав по шлему Лукара.

— Здесь нет ничего, что говорило бы «атакуй меня», вроде десятикилометровой куртины или сотни орудийных башен, — пояснил Коракс, окинув взглядом голый

утес. — С другой стороны, неприметельный участок скалы может стать идеальным местом, чтобы скрыть мощное оружие.

— Извините, сглупил, — ответил Лукар, склонив голову перед примархом. — Я что-то плохо соображаю.

За линзами шлема Альфарий подозрительно прищурился. Он до сих пор не установил контакт с другими Альфа-Легионерами. До поступления инструкций от Омегона он был не вправе этого делать. Судя по ошибке Лукара, тот думал не как Гвардеец Ворона. Альфарий решил не спускать глаз со своего брата по отделению, чтобы понять, стоит ли за него беспокоиться. Если хотя бы один агент Альфы выдаст себя, им всем придется туго.

— Как мы попадем внутрь? — спросил Альфарий, чтобы перевести разговор на другую тему и отвлечь внимание от Лукара.

Коракс посмотрел на Альфа-Легионера.

— Мы постучимся, — ответил

примарх с хитрой улыбкой.

Когда закончилась выгрузка, Коракс объявил начало операции. Легионеры разбились на отделения, а воины Кустодес и агенты Механикум стояли несколькими группами рядом с Гвардией Ворона.

— Пусть мы сейчас на Терре, но наши жизни подвергнутся опасности, — заявил примарх. — Трофей, который мы ищем под этой горой, защищают древние оборонительные системы. Знайте, что это задание важно не только для будущего нашего легиона, оно позволит отомстить тем, кто пытался нас уничтожить. Этот день навеки сохранится в анналах Гвардии Ворона, никто не забудет ту роль, которую вы здесь сыграли. Прошлое — история. Не важно, что случилось раньше. Вас должно беспокоить только то, как мы будем действовать с этого момента. Будущее находится за этой стеной.

Сказав это, Коракс отвернулся и направился к отвесному утесу. Одного взгляда на каменную стену хватило, чтобы в нем пробудился один из осколков

воспоминаний, вживленных Императором. Примарх не шутил, говоря, что им придется постучать, чтобы попасть внутрь.

Хранилище было закрыто гармоническим замком, настроенным на звуковую волну чрезвычайно узкой частоты. В скале находились участки, соединенные с усилителями в структуре горы, и воспоминания Императора открыли Кораксу их точное расположение. Он поднес кулак к первому участку и напомнил себе место и интервал каждого удара, чтобы создать правильный гармонический ключ.

Он стукнул перчаткой по скале, удары разносились в пустоте за каменной стеной, но были приглушены снегом и воем ветра.

Тук. Тук-тук, тук-тук. Тук-тук.

Глухое эхо стихло, и Коракс задумался — возможно, он неверно рассчитал интервал ударов или направил их не в те места. Но его сомнения рассеялись, когда скрежет шестеренок и шипение гидравлики заставили

содрогнуться весь утес.

Примарх отступил назад перед распахнувшимся порталом, две каменные створки толщиной в несколько метров без труда разошлись в стороны, открыв мозаичный пол. На небольшие черно-красные геометрические узоры полетел снег, в пещере зазвучал стон ветра.

— Ждите моей команды, — приказал Коракс, перешагивая порог.

В воспоминаниях Императора ничего не говорилось о защите внешних ворот, но это не было гарантией безопасности. Он ощутил слабую дрожь и благодаря переданным Императором знаниям понял, что активация дверей вдохнула жизнь в древние энергоустановки, находившиеся на многокилометровой глубине. В колпаки реакторов хлынула плазма, по кабелям и проводам сквозь скальную толщу побежал ток.

Вдоль арочного потолка вспыхнули красные полосы, омыв коридор адским заревом. Стены и потолок, покрытые метровыми плитами с выгравированными на них незатейливыми символами молнии,

вели лишь в одном направлении. Менее чем в двухстах метрах похожая на зал комната резко обрывалась, несколько настенных плит были заменены позолоченными порталами. Вдоль коридора через каждые десять метров возвышались квадратные колонны, украшенные геометрическим орнаментом.

Осмотрев широкий коридор, Коракс заметил, что плитки на полу были не просто украшением. Примарх распознал схему, написанное сложным числовым кодом сообщение, хотя он не был уверен, сумел ли сделать это своими силами или благодаря воспоминаниям Императора. Плиты содержали в себе подсказку, цитату на древнем терранском языке. Возможно, она предназначалась исключительно для Императора — толика тщеславия Повелителя человечества. Хотя послание было написано на давно мертвом языке, Коракс сумел его прочитать.

...вдали, где вечность сторожит
Пустыня тишину, среди песков

глубоких
Обломок статуи распавшейся лежит.
Из полустертых черт сквозит надменный пламень —
Желанье заставлять весь мир себе служить;
Ваятель опытный вложил в бездушный камень
Те страсти, что могли столетья пережить.
И сохранил слова обломок изваянья:
«Я — Озимандия, я — мощный царь царей!
Взгляните на мои великие деянья,
Владыки всех времен, всех стран и всех морей!»
Кругом нет ничего... Глубокое молчанье...
Пустыня мертвая... И небеса над ней...[1]

Как примарх ни старался, смысл слов

ускользал от него. Наставники на Линее обучили его поэзии, понятиям рифмы, размера и такта, но Коракса никогда не тянуло к сложению стихов. Всякая поэзия слишком сильно напоминала ему песни, которые пели заключенные колонии, рубя заступами и лазерными бурами неподатливый камень. Последние три строчки встревожили Коракса: Император словно сомневался в том, что Империум простоит дольше великих империй, которые не раз появлялись за долгую историю человечества.

Коракса терзали вопросы, когда он дал экспедиции сигнал готовиться к входу в хранилище. Если содержимое этой сокровищницы было таким опасным, то почему Император решил сохранить его? Он закрыл проект примархов после того, как его творения были похищены существами из варпа, называемыми Изначальным Хаосом. Император при первой же встрече рассказал ему об этом. Мог ли Повелитель человечества знать, что когда-нибудь его технология понадобится вновь? Мог ли он

действительно предвидеть, что однажды его сыну потребуются эти секреты? Руководствовался ли он обычным прагматизмом, не желая уничтожать то, на что потратил столько усилий? Или это было лишь продолжение Зала Побед, скорее по духу, нежели по расположению, тайный музей, свидетельствующий о величайшем достижении Императора?

Вокруг Коракса раздалось эхо шагов Гвардейцев Ворона и Кустодиев, не замечавших скрытого предупреждения. Затем зал наполнился лязгом сервиторов и гулом колесных транспортеров со снаряжением, окончательно разрушившими атмосферу почтительной тишины.

По отрывкам воспоминаний Коракс понял, что большая часть здания располагалась глубоко под толщей горы. Двери впереди были входами в лифты, которым предстояло доставить их на нижние уровни. Примарх не припоминал здесь ловушек или охранной сигнализации, но на всякий случай предупредил экспедицию, чтобы держались начеку.

Местами воспоминания Императора были смутными, поэтому немного предосторожности было бы кстати.

— Отделения семь, восемь и девять — прикрывайте тыл, — сказал Коракс, когда последний Гвардеец Ворона миновал портал. Затем он приблизился к плите в двадцати метрах от входа. После прикосновения примарха плита отъехала в сторону, открыв панель управления. Коракс последовательно нажал несколько кнопок, как ему подсказали чужие воспоминания, и внешние двери стали закрываться. — Транспортам — на взлет. Отслеживайте защищенный канал связи «эпсилон-шесть» и ждите нашего сигнала.

Двери закрылись с поразительно мягким стуком, погрузив Гвардию Ворона в красное сияние. Коракс быстро прошел в голову колонны, где обнаружил Агапито и агента Механикум, Нексина Орландриаза, которые о чем-то спорили.

— Но наша первоочередная задача — сохранять все найденные технологии. — Прерывистый шепот генетора раздавался из механической решетки под левой

частью челюсти. Из его рта торчала трубка, которая вела через плечо к дыхательному аппарату, шипевшему и жужжавшему с точностью метронома.

Генетор был закутан в мантию густого красного цвета, рукава и подол которой окаймляли золотые узоры в форме зубцов шестеренки. На шее у него висела увесистая цепь с шестеренкой — руной Марса, символ которой повторялся на нескольких металлических штифтах над правым глазом Нексина. Кроме искусственного легкого, на нем больше не было внешних признаков механической аугментации, характерной для его собратьев из Механикум, но кожа генетора странно сверкала, словно была из серебра. Его глаза также казались необычными, слишком большими для лица, без видимых радужек и с темно-красными зрачками. Учитывая особую специализацию Нексина — генетор магос биологис, — Коракс решил, что оперативник Механикум улучшил себя иными, не столь явными способами.

— Жизни моих воинов важнее любого

оборудования, — ответил Агапито. — Мы уже потеряли достаточно легионеров, и я не позволю им погибнуть без веской причины.

— Видимо, ты не понимаешь, что поставлено на кон, — парировал Нексин. — Обычный воин ограничен. Он может достигнуть определенного уровня, прежде чем в нем не погаснет свет. Но оружие, технология, фрагмент наших былых достижений может жить вечно, изменяя жизни миллиардов людей.

— Жизнь — всего лишь товар, да? — прорычал Агапито. Он вплотную приблизился к сухопарому магосу, заставив Нексина ощутимо задрожать. — Я помню подобную точку зрения. Таким было киаварское кредо.

— Командор, в чем проблема? — поспешно вмешался Коракс.

Агапито заговорил, не отрывая тяжелого взгляда от генетора.

— По словам получеловека, нам нельзя здесь стрелять, — сказал командор.

— Снаряды и взрывчатые вещества могут нанести непоправимый ущерб

содержимому хранилища, — добавил агент Механикум, посмотрев на Коракса неестественными глазами. — Если мы уничтожим искомое, то вся операция пойдет насмарку.

— И что ты знаешь о нашей цели? — спросил Коракс. — Чему может навредить стрельба?

— Сигиллит не снабдил меня подробной информацией, — сказал Нексин, отодвинувшись от нависающего над ним Агапито. — Но, исходя из моей специализации и умений, я составил собственную гипотезу на этот счет.

— И к какому выводу ты пришел? — осведомился Коракс, жестом приказывая Агапито отступить.

— Раз я генетор, значит, мы ищем что-то связанное с генетикой. Не хочу гадать, но могу предположить, что это каким-то образом связано с одним из трех предыдущих проектов Императора: громовые воины, примархи и Адептус Астартес. Что именно, мне не ведомо.

— Это так? — спросил Агапито, повернув скрытую под шлемом голову к

примарху. — Генотех?

— Средство для восстановления легиона, — ответил Коракс. Переведя взгляд с легионера на Механикум, он с явной неохотой продолжил: — Мы Астартес и не расстаемся с оружием. По возможности мы постараемся спасти содержимое хранилища. Но если чья-либо жизнь окажется под угрозой, мы будем действовать без колебаний. Если с остальным разобрались, то огонь без моего приказа никому не открывать.

— Да, лорд, — кивнул Агапито.

— Я со своей свитой подчиняюсь вашему решению, — согласился Нексин.

— Агапито, если нужно что-то обсудить, говори со мной, — сказал Коракс командору, а затем бросил пристальный взгляд на генетора. — Пойми, я и мои воины недолюбливаем тех, кто готов променять жизнь и свободу на промышленную мощь или техническое совершенство. Твое присутствие здесь не обязательно, магос.

— Я хочу лишь участвовать и помогать, — сказал Нексин. — Пожалуйста,

поймите также и вы, что мне кое-что известно о вашем легионе. Ваши враги не состояли в Механикум, поэтому было бы нецелесообразно объединять техногильдии вашей родной системы и великое созидание Марса. Тем не менее признаю, что сейчас у нас одна цель, и я приложу все усилия, чтобы мои аколиты не вызвали новый конфликт.

Не зная, можно ли эти слова счесть за извинения, Коракс просто отвернулся от генетора и посмотрел на зал. Вдали в тусклом красном свете были видны три огромные двери.

Добравшись до дальнего конца зала, экспедиция обнаружила, что возле каждой двери находилась панель с двумя кнопками.

— Возможно, здесь требуется бинарный код? — предположил Нексин, рассматривая центральную дверь.

— Или палец, — сказал Агапито, ткнув в верхнюю кнопку. — Это же лифт.

Дверь плавно отъехала в потолок, открыв за собой клетку, в которой могли уместиться тридцать-сорок человек или десять легионеров с полным снаряжением.

— Будем спускаться отделениями, — решил Коракс. — Агапито, организуешь здесь все. Я спущусь первым.

Приказ оказалось выполнить не так просто, как думалось вначале. Агапито хотел отправить с примархом несколько Гвардейцев Ворона в качестве авангарда, но Аркат решительно настоял, чтобы в первой партии отправился он со своими воинами. Хотя кустодий не распространялся об истинных намерениях, Агапито счел, что тот не хочет упускать Коракса из виду. Нексин также настаивал, чтобы его включили в первую партию, но при этом не хотел расставаться с двумя массивными орудийными сервиторами.

В конечном итоге решили, что Коракс спустится первым вместе с кустодиями, а Нексин и его бронированные сервиторы будут сопровождать отделение Гвардии. Нескольким легионерам придется смириться и ехать на спинах сервиторов, поскольку для всех в лифте не хватило бы места.

Коракс едва обращал внимание на процесс сборов, уверенный, что Агапито

справится со своими обязанностями. Примарх углубился в воспоминания, пытаясь понять, что ждет экспедицию внизу. Как Коракс ни старался, он не мог вспомнить это место — точно так же он ранее не вспомнил главные двери, пока воочию не увидел их. Какие бы дары ни вручил ему Император, они зависели от окружающей обстановки. Кораксу стало интересно, сделал ли это Повелитель человечества намеренно или же это был побочный эффект процесса психического внедрения.

Агапито утопал в красном свечении, пока направлял отделение в правый лифт, и Кораксу пришло на ум совершенно другое воспоминание.

Освещение мерцало оранжевыми и красными оттенками в одном ритме с воющими по всему коридору сиренами. Возле башни транзитной шахты собралась группа из двадцати заключенных в стандартных спецовках и тяжелых ботинках. В руках они сжимали гаечные ключи, заступы, молотки и прочие

инструменты — импровизированное оружие, которое на протяжении последних тридцати дней аккуратно выносилось после рабочих смен.

— Ты уверен, что это верная дорога? — спросил Непенна, его испачканное смазкой лицо скривилось от страха, светлые волосы слиплись от машинного масла. Бывший инженер, сидя на корточках, возился у открытого служебного люка, сумка с самодельными инструментами лежала на голом рокритовом полу рядом с ним. — Если мы не отключим подъемники, стражи окажутся здесь через пару минут.

— Путь верный, — заверил его Корвус. План всего здания крепко хранился у него в памяти. Он не мог объяснить товарищам, как ему удалось незамеченным разведать лабиринт коридоров и шахт, но они должны были доверять ему. — Диверсионный бунт в ангарном блоке оттянет силы безопасности от блока стражников и транзитного узла в двух милях по направлению к шпилю. Вот почему я выбрал ангар, чтобы отвлечь их внимание.

— Что, если ты ошибаешься? — Вопрос задал один из самых юных заключенных, мальчик по имени Агапито, интернированный в третьем поколении. Его кожа была зеленистого цвета, как у всех, кто провел жизнь в искусственном климате. Черные глаза казались задумчивыми.

— Он разве когда-нибудь ошибался?

Дорсис был командиром группы. Корвус поставил его руководить, оценив его хладнокровие и изобретательность. Остальные обернулись к командиру, стараясь найти успокоение в его словах.

— Все знают план действий. Стражники эвакуируют блокпост из башни, мы входим на склады и выносим оружие. Туда и обратно, ничего сверхсложного.

Топот детских ног предупредил Корвуса о приближении Эфрении. Со времени их первой встречи она стала старше на три года. Они пробыли друзьями всего пару месяцев, но из-за стремительно растущего разума и тела он вскоре далеко обогнал девочку в

развитии. Тем не менее она все равно оставалась преданной Корвусу. Находчивая и быстроногая, Эфрения исполняла обязанности посыльного, пользуясь лазами и вентиляционными трубами, чтобы обходить пикеты стражей.

— На четвертой палубе северного ангара вспыхнул пожар, — отдышавшись, доложила она. — Данро и остальные спрятались на ремонтной площадке, как ты и сказал.

— Хорошо, — ответил Корвус, взъерошив девочке волосы. Эфрения улыбнулась, и он вздрогнул, в равной степени от радости и отчаяния. От радости — потому что ему предстояло освободить ее, от отчаяния же — так как Эфрения при этом могла погибнуть.

Но о подобном нельзя думать. Корвус присел на колени возле Эфрении.

— На верхней наблюдательной галерее будут стражники, — сказал он ей. — Ты знаешь, куда идти?

— Конечно, Корвус, — ответила она таким тоном, словно его опека казалась ей чрезмерной. — Я пройду по кухонным

дымоходам, когда после объявления тревоги печи выключат.

— Хорошо, — повторил Корвус, по-отцовски улыбнувшись и отослав девочку. — И найди что-нибудь поесть.

Она кивнула и исчезла в коридоре.

— Быстрей, быстрей, — пробормотал Стэндфар, седой старожил, которого взяли на операцию в качестве взломщика.

— Расслабься, — произнес Дорсис. Командир группы посмотрел на Корвуса, а затем на бронзовый хронометр. — До следующего патруля две минуты.

Корвус кивнул, соглашаясь. Его биологические часы были столь же точны, как и те, которые могли собрать или украсть заключенные. Они ждали в напряженном молчании, прислушиваясь к усиливающемуся громыханию подъемника.

Наконец лифт с гулким грохотом остановился. Непенна принялся укладывать инструменты обратно в мягкую кожаную обертку, запихивая их один за другим в специально предназначенные карманчики. Агапито и Лаудан вцепились в дверь-гармошку и

распахнули ее. Остальные подняли импровизированное оружие, приготовившись к бою.

Подъемник был пуст.

— Хотел бы я, чтобы ты пошел с нами, — сказал Агапито, пока остальные торопливо запрыгивали в клетку.

Юноша вытянул шею, чтобы посмотреть в лицо командиру заключенных-партизан, который теперь стал на голову выше их всех, причем его неестественно быстрый рост и не думал замедляться. Корвусу уже не подходила ни одна рабочая форма, поэтому его последователям пришлось сшить ему одежду из краденых одеял, проволоки и крашеных простыней. Черно-серая, она казалась подходящей для лидера и к тому же была явной издевкой над крикливой формой коменданта. Одежда пока была ему впору, но Корвус знал, что спустя пару недель она разойдется по швам из-за увеличивающейся массы тела.

— Слишком велик риск, что меня заметят, — ответил Корвус, похлопав юношу по руке. — Если стражники увидят

меня, нашу тайну раскроют. Лучше я пока не буду высовываться. Я знаю, что вы отлично справитесь сами.

Кивнув на прощание, Агапито присоединился к остальным в подъемнике. Корвус с улыбкой закрыл дверь и ухмыльнулся. Теперь, оставшись в одиночестве, он был как на ладони. Из шахты донесся глухой лязг цепей, когда лифт стал подниматься на верхние уровни.

Корвус едва мог сдержать волнение. Восстание только началось, но уже ширилось и набирало обороты. Корвус занимался разработкой этого этапа целый год, скрытно путешествуя по всему Ликею. Он разведал количество вражеских сил, изучил каждую ступеньку комплекса, где содержалось несколько миллионов узников. Корвус также создал во всех крыльях и в башне связные ячейки и разработал систему тайников для передачи сообщений между рабочими сменами.

Он внимательно следил и запоминал действия стражников во время подстроенных инцидентов. Драка тут,

сидячий протест там. Пусть это и была рискованная затея, но он скрытно присутствовал на инструктажах по вопросам безопасности и слушал, как вице-комендантыы составляют графики патрулей и проверок, и благодаря полученной информации определял оптимальные маршруты для контрабанды и места тайников, которые не смогли бы обнаружить в ходе облав.

Это задание было заключительным за последние несколько дней, проверявшим на практике его идеи. Было неразумно действовать слишком поспешно, поэтому каждое незначительное проникновение или нарушение дисциплины Корвус тщательно выверял во времени, чтобы не вызывать подозрений. Если враги догадаются, что заключенные готовятся к бунту, то все пойдет наперекосяк и Корвусу придется начинать сначала. И тем не менее он с последователями встал на путь, который неизбежно должен был привести к открытому восстанию. Боеприпасов, которые похитит группа, не хватятся еще десять дней — утром он проверил

расписание инспекций. К тому времени стражи могут связать кражу с отсутствием оружия в Башне Четыре и провести масштабное ужесточение мер безопасности.

Именно на это Корвус и рассчитывал.

Покидая свои блоки, они становятся уязвимыми. Пусть у стражников, в отличие от заключенных, было оружие — последние значительно превосходили их по численности. Когда начнется революция, стражников сметут за пару кровавых дней.

Грохот ботинок заставил Корвуса скрыться в тени ближайшей опорной балки. Мимо него прошли двое стражников во главе с капралом, их взгляды безучастно скользнули по Корвусу, словно его здесь не было.

Они уже собирались свернуть за угол, когда капрал вдруг остановился. Его взгляд упал на служебную панель доступа. Корвус не мог взять в толк, что было не так, но по какой-то причине охранники насторожились. Именно тогда он заметил то же, что и капрал: крошечные пятна

масла на побеленной стене.

Корвус незаметно выбрался из укрытия, молча приблизившись к стражникам сзади. Он согнул пальцы, решая, кому первому сломать шею. Его выбор пал на стоявшего справа и по центру. Третьего он прикончит ударом локтя.

Это будет означать приближение открытых действий. Гибель трех стражников не останется безнаказанной. Корвус обдумал запасные планы, пока возвышался позади стражей.

— Найдите тех, кто убирает этот сектор, — приказал капрал, ткнув дубинкой на масляное пятно. — Пятидневный наряд.

— Да, капрал, — ответил один из стражей.

Корвус замер на полпути, его руки уже находились у самых шей жертв, которые так и не заметили его присутствия.

Троица двинулась дальше, и Корвус медленно выдохнул, скользнув обратно в тень.

Все в порядке. Все идет по плану.

Через сорок дней Ликей станет свободным.

— Что он делает?

Лукар, как обычно, почувствовал себя обязанным задать вопрос, который не решались произнести вслух остальные бойцы отделения. По приказу Дора Альфарий и еще трое воинов прикрывали три из нескольких десятков разветвляющихся коридоров, которые вели из зала, куда привезли их лифты. Остальные Гвардейцы Ворона заняли позиции возле других входов.

Альфарий бросил быстрый взгляд вправо, где мимо проходов в коридоры, задумчиво склонив голову, шел Коракс. Кустодии не отставали от примарха, пристально следя за каждым его шагом. Контингент Механикум суетился над одним из боевых сервиторов, у которого разорвалось несколько гидравлических трубопроводов под весом легионеров, которым пришлось сидеть на нем во время получасового спуска.

— Мы застряли, — сказал Канни, целясь из мультимелты в глубину самого

крайнего слева прохода. — Как пить дать.

— Не может быть, — возразил сержант Дор. — Он ведь должен знать путь.

— Что-то не так, — произнес Альфарий. — Это задание с самого начала было сплошной импровизацией. Нам даже не провели инструктаж. Согласен с Канни, — похоже, мы застряли.

— Мы не могли застрять, — продолжал настаивать Дор. — Пока мы шли в одном направлении — сначала большим служебным туннелем, а затем спустились на лифтах. Марко, следи за сектором! Остальных это тоже касается.

Марко обернулся к проходу, пробормотав извинения под нос.

— Он не знает, куда идти дальше, — сказал Лукар. — Или, если знает, думает, что делать теперь.

— Древняя оборонительная система, — предположил Дор. — Он пытается понять, что ждет впереди.

— У него есть план. — После слов Марко все умолкли. Специалист по тяжелому вооружению не был болтлив, но

его редкие реплики всегда попадали в точку. — Примарх знает, что будет опасно. Ему предстоит принять тяжелое решение.

— Да, именно, — согласился Дор. — Он взвешивает разные возможности. Как тогда, в Фэллхеде.

Ветераны Ликея рассмеялись. Альфарий носил личину рожденного на Терре и понимал, что воспоминания о временах восстания к нему не относятся.

— Весело тогда было, — усмехнулся Лукар. — Помните, как Тению люком в воздуховоде оторвало палец?

— Не следовало пихать его куда не надо, — заметил Дор. Его смех резко оборвался. — Стоп. Смотрите, похоже, примарх готов идти.

Рискуя вызвать гнев сержанта, Альфарий все же посмотрел на Коракса. Примарх о чем-то беседовал со старшим кустодием и командором Агапито, указывая на один из арочных входов.

— Отделение, построиться! — отдал приказ сержант Дор.

Глава восьмая
СТОПАМИ ТЕСЕЯ
ТЕМНЫЙ СОЮЗ
СКРЫТАЯ ЗАЩИТА

Император помнил это место как Лабиринт — слово из древней терранской легенды, смысл которой ускользал от примарха. Коракс знал, что не имеет значения, какой коридор они изначально выберут. Каждый из них вел в постоянно меняющуюся сеть переходов и мостов, которые реагировали на присутствие незваных гостей, уводя их от внутреннего хранилища. Здесь также находилось множество автоматизированных систем обороны — как в заранее спланированных огневых мешках, так и расположенных случайным образом. Это была хитроумная структура, не позволяющая выработать определенную стратегию, потому как здесь отсутствовала всякая логика, которую Коракс смог бы просчитать.

Примарх знал, что открытие и

закрытие дверей, перемещение подвижных помостов и вращение громадных поворотных платформ управлялось таянием ледника на другой стороне горы, что было невероятно сложно предсказать даже с помощью его сверхчеловеческого разума.

Даже если бы он располагал силами полноценного легиона, можно было все равно не найти верного пути методом проб и ошибок. Поначалу примарха расстраивала мысль, что он мог застрять в Лабиринте, но чем дольше размышлял над проблемой, тем больше пытался убедить себя, что Император вживил ему какую-то подсказку или стратагему, с помощью которой удастся перехитрить изменчивость Лабиринта. Если это не так, то его отправил сюда глупец, а это было невероятным.

Здесь должен быть путь, и примарх перебирал все воспоминания, какие только мог извлечь из памяти, выискивая малейший намек, который мог бы подсказать верное решение. Лабиринт был активирован сразу после последнего

посещения Императора, и Повелитель человечества более не появлялся здесь. Его знания тут окажутся бесполезны.

Внезапно Коракса осенило. Император наблюдал за постройкой Лабиринта, и поэтому в его конструкции была определенная схема. На какой бы хитрости ни основывалась его работа, Лабиринт не простирался в бесконечность и количество вероятных конфигураций определялось тем, сколько их могло сложиться в каждый момент времени.

Постепенно в голове примарха сформировалась схема прорытых туннелей и возведенных мостов. Он узрел огромные двигатели в скале, которые питали Лабиринт энергией, силовые кабели, соединявшие эти двигатели с сенсором под ледником, пневматикой и шестеренками, — двигатели приводили в действие весь механизм.

Как и в случае с мозаикой на полу, где-то здесь крылась некая формула, единственное уравнение, которое могло объяснить невероятно сложную работу Лабиринта. Даже разум Коракса не мог

охватить подобное уравнение, оно было слишком громоздким, но, основываясь на том, что примарх помнил о механизме действия Лабиринта, он мог начать что-то делать.

Когда перед его мысленным взором стала разворачиваться работа Лабиринта, Коракс заметил одну уязвимость. Можно заставить Лабиринт счесть самого себя неразрешимой задачей, вынудив отвечать на посторонние действия противоречивыми способами, невозможными в физическом плане.

Лабиринт следовало перехитрить так, чтобы он дал сбой и остановился.

— Мне потребуются три разведывательные группы, — торопливо сказал он Аркату и Агапито. — Направляйтесь в шестой, восемнадцатый и тридцатый коридоры.

— Но разумно ли разделять наши силы, лорд? — спросил Агапито. — Вы ведь предупреждали нас о системах защиты.

— Нам необходимо разделить их, командор. Отделения должны быть в состоянии повышенной боевой готовности. —

— На ум Кораксу пришли другие воспоминания. — Они столкнутся с мобильными охранными устройствами и статичными орудийными установками. Это лазерное оружие и пушки, с легкостью пробивающие доспехи Астартес. Также они способны к широкому спектральному анализу и имеют тепловые и вибрационные датчики, а еще дальномеры. Из строя их на короткое время могут вывести ослепляющие гранаты и плазменные разряды. Пусть легионеры ищут сенсорные панели, они должны быть установлены на самом оружии или на стенах. Не забывайте проверять потолок и пол.

— Если уничтожить сенсоры, орудия ослепнут? — переспросил Аркат.

— Лучше будет уничтожить и сами орудия, — ответил Коракс. — В защитной системе их может быть гораздо больше, и, кроме того, их линии обстрела могут пересекаться. Предупредите бойцов, что боевая обстановка будет постоянно изменяться. Территория, на которой они окажутся, высокоактивна. Используя врата

и мосты, воины будут перемещаться между частями Лабиринта. Пересечение границы в этих местах активирует трансформацию всей структуры. Также следует быть готовым к изменениям в окружающей среде и гравитации.

— Изменения гравитации? — спросил Аркат. — Куда мы попали?

— Некоторые коридоры могут переворачиваться, здесь также есть комнаты с гравитацией, противоположной обычной силе тяжести, — продолжил Коракс. — Остерегайтесь также температурных и атмосферных изменений. Структура очень опасна, но здесь нет ничего, с чем наши воины не смогли бы справиться.

— Это похоже на кошмар, — сказал Агапито. — Как здесь пройдут наши войска? А что насчет тех, кого придется оставить позади?

— Я знаю, как структура будет реагировать, и буду направлять каждое ваше действие. Обо всех перемещениях и контактах докладывать непосредственно мне по командному каналу. Мои приказы

следует исполнять без промедления. Аркат, ты должен пойти на острие.

— У меня приказ не оставлять вас одного, — ответил кустодий.

— Я должен оставаться здесь, чтобы координировать операцию, — объяснил Коракс воину в золотых доспехах. — Мне нужна твоя группа, одних Гвардейцев Ворона недостаточно, чтобы пройти Лабиринт. Я нуждаюсь в твоих воинах, кустодий, и в их полном подчинении.

— Мои приказы недвусмысленны, — возразил Аркат, покачав головой. — Кто знает, что может случиться с нами в этой структуре?

— Ты должен довериться мне, Аркат, — произнес Коракс.

— Легио Кустодес не может позволить себе такой роскоши, как доверие, — услышал он в ответ.

Примарх принялся спешно искать альтернативу, и его взгляд упал на киборгов Механикум, но Коракс сразу же исключил их. Сервиторы, слишком медленно реагирующие на приказы, скорее станут помехой, чем преимуществом.

Коракс вновь обернулся к Аркату.

— Я прошу твоей помощи, кустодий, — сказал примарх. — Пусть тебе приказали следить за мной, но твой долг — защищать Императора. С помощью секретов, хранимых в Лабиринте, я смогу воссоздать легион Гвардии Ворона. Он будет сражаться против Хоруса. Если кустодиям нужны такие союзники, то ты должен мне помочь.

Аркат какое-то время молчал, шлем скрывал от примарха выражение лица кустодия и ход его мыслей.

— Вам потребуются все мои люди? — наконец спросил он.

— Желательно, — сказал Коракс, быстро подсчитывая что-то в уме. — Но может хватить и пятнадцати.

Прежде чем ответить, Аркат вновь все обдумал.

— Хорошо, — согласился он. — В этот Лабиринт мы пойдем все. Что от нас требуется?

— Спасибо, Аркат. Настройтесь на частоты Гвардии Ворона, командор Агапито предоставит подробную

информацию. Пожалуйста, раздели своих Кустодес поровну между всеми группами. Агапито, ты возглавишь первую группу. Аркат, тебе я поручаю командовать второй. Старший сержант у нас Нестил, верно?

— Да, лорд, Нестил старший, — ответил Агапито.

— Тогда он возьмет третью группу. Продвигайтесь боевыми отделениями по пять человек на расстоянии в десять метров между каждыми двумя и с интервалом в двадцать метров между отделениями. Все ясно?

— Да, лорд, — сказал Агапито. — Я начну инструктаж.

— Работа кажется слишком опасной ради сомнительной награды, — произнес Аркат. — Надеюсь, оно того стоит.

Примарх обдумал слова Арката, затем ему понадобилось с минуту времени, чтобы оценить дальнейшие действия. Когда Гвардия Ворона войдет в Лабиринт, Коракс и его воины уже не смогут повернуть назад. Активируются смертельные ловушки и системы защиты,

отрезав все пути к отступлению. Им придется либо добраться до хранилища, либо погибнуть. Командир Гвардии Ворона не сомневался, что генотех является ключом к сопротивлению Хорусу, и не важно, какие жертвы следует принести, чтобы добыть его.

— Стоит, кустодий, — заверил Коракс Арката. — Император не приложил бы столько усилий, чтобы защитить нечто, не имеющее ценности. Генотех содержит секреты нашего создания, благодаря которым войска Императора умножатся стократно. Когда Гвардия Ворона нанесет удар по Хорусу, ты поймешь, что сделал правильный выбор.

— Если мы выживем, — заметил Аркат.

— Это уже зависит от твоей дисциплинированности и скорости реакции, — ответил Коракс. — Не сомневаюсь, у Кустодес они на должном уровне.

Кивнув, Аркат вернулся к своим людям. По огромному залу загрохотали сапоги, когда Гвардейцы Ворона заняли

указанные позиции. Коракс не слушал переговоры по воксу. Он закрыл глаза, представив Лабиринт. После завершения строительства сюда не ступала нога человека, поэтому примарх знал его изначальную планировку по схемам, которые вживил ему Император.

Повелитель человечества спроектировал структуру, чтобы перехитрить любого противника, но передал Кораксу достаточно знаний, тем самым предоставив ему преимущество. Теперь только от примарха зависело принятие правильных решений. Еще на Ликее старик Геб научил Коракса взламывать замки, но сейчас ему предстояло вскрыть сложнейший замок во всем Империуме, который создал сам Император.

Он сделал глубокий вдох, сосредоточившись на первых пятидесяти метрах Лабиринта. По тому, как воины преодолеют это расстояние, он поймет, можно ли взломать структуру. Если же нет...

Коракс выругал себя за минутное

сомнение. Поражения не будет. Он не мог допустить его. Примарх не сказал Агапито, но в расчетах он допускал десять процентов потерь. Если все так и случится, то он не может позволить, чтобы Кустодес и Гвардейцы Ворона, которым предстоит отдать свои жизни в Лабиринте, умерли напрасно.

Он выдохнул.

Пора было начинать.

Сквозь растрескавшиеся плитки крыши проникал гул воздушных барж, непрерывным потоком несущихся по грязному небу Киавара. Из-за постоянного дребезжания то и дело сыпалась пыль, блестящая в солнечном свете, который пробивался сквозь щели между плохо подогнанными настенными плитами. В рабочей лачуге царила тьма — за исключением этих лучиков, создававших тусклое пятно света в центре комнаты и высвечивавших машины и инструменты вдоль стен. В воздухе стоял густой запах ржавчины, с небольшого кульверта под сломанной раковиной в стене напротив

двери капала вода.

Омегон услышал шаги по металлическому помосту. Скрытый тенями, он оставался неподвижным, продолжая сжимать болтер.

Дверь со скрипом отворилась, и на свету закружились хлопья окисленного железа. Снаружи дверь освещал стробирующий фонарь, свет которого мерцал в красном тумане загрязненного ржавчиной воздуха. В проеме возник силуэт в свободном мундире и мешковатых штанах. Пришедший бросил опасливый взгляд через плечо, прежде чем переступить порог и затворить за собой дверь, скрыв навигационные огни пролетавшей мимо воздушной баржи.

— Советник Эффрит? — позвал человек, ступив в тонкий лучик света. Его зрачки были расширены в безуспешной попытке проникнуть сквозь покров сумрака. От Омегона не укрылось, что пришедший носил одежду хорошего покроя, в стиле, предпочитавшемся членами гильдий до прихода Механикум. Фигура мужчины была скрыта под слоями

расшитых узорами одеяний, но по изможденному лицу и рукам, увитым выступающими венами, Омегон понял, что тот едва держится на ногах, его кожа сморщилась от десятилетий антиагапики. Голос его оказался столь же тонким, как и тело. — Это Арманд Элоки.

— Я вижу, кто ты, — произнес Омегон. В горле примарха завибрировал модулятор, прибавив голосу две октавы. — Добро пожаловать.

— Я не вижу тебя, — заявил Элоки.

— Так пока будет лучше, — ответил Омегон. — Слева кресло. Располагайся.

— Так встречаться довольно рискованно. — Взгляд Элоки нервно метался, не в силах обнаружить Омегона. Он не садился.

— За тобой никто не следил, — уверил его примарх. — Ты вернешься обратно в гильдию так же, как попал сюда, не возбуждая подозрений.

— И все же это ничем не оправданный риск.

— Пожалуйста, присаживайся, мастер гильдии, — сказал Омегон. — Нам придется

немного подождать.

— Подождать? — В голос Элоки вкралась паника.

Омегон улыбнулся во мраке. Хорошо, что мастер гильдии со своими союзниками ничего не принимали на веру. По правде говоря, у них не было причины для подозрений. Механикум не догадывались о готовящемся заговоре, но Омегону, предпочитавшему постоянную секретность, требовалось, чтобы его пешки всегда оставались бдительными. К тому же нервозность ослабляла их позиции в ходе переговоров.

— Садись. — Омегон не рявкнул и не прорычал это слово, но лишь добавил толику той властности, благодаря которой его воины бесстрашно шли в бой, а оперативники отправлялись на самоубийственные задания.

Элоки нерешительно сел в шаткое кресло, обивку которого протерли поколения рабочих, приползавших в эту нору, чтобы насладиться недолгим отдыхом после работы на верфях внизу. Им не пользовались уже многие годы с тех

пор, как пришли Механикум.

— В последнее время твои дела идут неважно, — раздался из трака тихий, сочувственный голос Омегона. — Некогда твоя гильдия властвовала над Киаваром, а теперь ты превратился в служку Механикум. На тебя, мастер гильдии, трудился целый континент, а население луны в поте лица добывало руду и минералы для гильдейских мастерских. Ты был могущественным и купался в роскоши. Скучаешь ли ты по тем временам, мастер гильдии?

— Конечно, — ответил старик. — Псы с Марса своей глупой иерархией и культами порушили все, что можно было. Мы теперь уже не способны поставить штамп или закрутить болт, чтобы они при этом не следили за нами своими искусственными глазами и не вели подсчеты в механических мозгах. Объедки со стола — вот чем нам приходится довольствоваться. Им не хватает храбрости разделаться с нами окончательно, поэтому они разоряют гильдии, выжимают их досуха, чтобы в

конечном итоге мы сами распались, оставив им все богатства Киавара.

— И ты хочешь получить власть обратно, — поднажал Омегон. — Это понятно. Зачем тебе быть рабом далекого безразличного Императора и магосов Марса, когда твои залы наполовину опустели, на столы нечего поставить, а сокровища разграблены?

— Вот именно, — сказал Элоки. — Так я и думаю, советник. Нас запугали, сломили угрозой уничтожения, но Механикум совершил ошибку, оставив нас в живых. Мы отберем Киавар обратно. Этот мир строили сто поколений, и если потребуются еще сто, чтобы отвоевать его, то мы согласны на это.

— Так долго вам ждать не придется, — произнес Омегон. — Не пройдет и года, как гильдии вновь будут контролировать Киавар. У вас есть могущественный союзник, которого я здесь представляю. Вас готов поддержать сам Воитель, Хорус Луперкаль, спаситель Империума.

— Хорус? — благоговейно выдохнул мастер гильдии. Но затем в его голос

опять закралось подозрение. — А почему это Хоруса вдруг заинтересовал какой-то Киавар?

— Вскоре ты услышишь немало пугающих историй о Воителе, — сказал Омегон, проигнорировав вопрос. — Эту ложь будут распространять агенты Императора, чтобы сеять раздор между теми, кто сомневается в законности правления Терры. Но ты должен увидеть истину и остаться верным своим идеалам. Хорус собирает всех, кто страдает под гнетом Императора, дабы вместе сражаться во имя справедливости. У сотен миров по всей Галактике отобрали свободу, лишили самостоятельности вследствие неверно истолкованного ими Согласия. Хорус вернет вам свободу, но взамен он ожидает не просто поддержки от Киавара.

— Погоди, это звучит куда опаснее, чем раньше, — поднимаясь, сказал Элоки. — Не думаю, что мне нравится то, к чему ты клонишь. Почему ты упомянул о заинтересованности Хоруса? Неужели его волнует судьба Киавара?

— Расслабься, Арманд, — как можно спокойнее произнес Омегон. — Мы союзники, но нельзя забывать об осторожности. Император и Механикум пойдут на все, чтобы удержать власть. Ты ведь понимаешь, что я должен убедиться в искренности твоего стремления к свободе. Сбросить оковы Механикум непросто, ты должен отдавать себе отчет, что вам не избежать встречи с воинами Гвардии Ворона.

— Нам не победить в войне против Адептус Астартес, — сказал Элоки. — Ты ничего не говорил об открытом выступлении, советник. Думаешь, мы глупцы? Наша цель — захватить власть постепенно, а не силой вырвать ее у тех, кто отрицает наше право на самостоятельное правление. Мне совсем не нравится, к чему ты нас подводишь.

— Я ни в коей мере не собирался обманывать вас, — солгал Омегон, в глубине души получая удовольствие от манипулирования этим безвольным амбициозным человечишкой. Те же слова он говорил другим мастерам гильдий,

заставляя каждого из них чувствовать себя незаменимым, лелея их драгоценное эго. — Я раскрыл тебе эти сведения только потому, что доверяю тебе. Ты достаточно надежен, и я знаю, что ты сохранишь их в тайне даже ценой собственной жизни. Гвардия Ворона не будет представлять угрозы для истинных правителей Киавара. Скажу тебе, что недавно они понесли значительные потери. Уверен, ты и сам вскоре услышишь об этом из других источников.

Здесь он не лгал. Вести о действиях Хоруса распространялись по всей Галактике, и вскоре на Киаваре узнают, что половина легионов Астартес отвернулась от Императора. Лучше будет, если версию Хоруса услышат первой, тем самым поставив под сомнение правдивость всех дальнейших слухов и пропаганды. Часть их договора с Воителем состояла в том, что Альфа-Легион займется дезинформацией, набирая при этом для Хоруса новых сторонников. Альфарий и Омегон лучше всех подходили для подобных заданий. Во множестве

других миров оперативники и воины Альфа-Легиона уже начали сеять раздор между последователями Императора и внушать мысли о восстании тем, кому Астартес принудительно навязали Согласие.

— Я слышал, что на Освобождении почти никого не осталось, планету охраняет лишь несколько кораблей, — произнес мастер гильдии.

— Они попытались убить Воителя, и теперь их легион почти уничтожен. С твоей помощью мы довершим начатое и возвратим правление Киавароm тем, кто этого заслуживает.

— Не понимаю, — сказал Элоки. — Гвардия Ворона напала на Сынов Хоруса?

— Именно. Император, позавидовав могуществу и популярности Хоруса, решил лишить Воителя данных некогда полномочий и послал несколько легионов, чтобы заставить его сдаться. Но у Хоруса оказалось достаточно друзей, и вместе они уничтожили лакеев Императора. Гвардии Ворона удалось спастись лишь чудом, но их осталось совсем мало. Теперь пришло

время нанести последний удар. Если, конечно, ты поддерживаешь Хоруса в его борьбе за свободу.

Омегон умолчал о дальнейших перспективах, но услышал, как сердцебиение Элоки участилось, когда тот мысленно заполнил оставленные примархом пробелы. Туманный намек на расплату стоил для слабого человека десятка открытых угроз. Мастер гильдии мог представить себе наказание куда ужаснее всего, что смог бы придумать Омегон.

— Воитель будет уважать права гильдий? Он позволит нам восстановить старые порядки?

Омегон явственно почувствовал в голосе Элоки расчет, жадность и жажду власти. Примарх отлично знал, что хотел услышать мастер гильдии, но тот был слишком напуган, чтобы прямо спросить об этом.

— Власть Освобождения свергнут, а колония Ликей отойдет обратно гильдиям, — заверил Омегон. — Хорус дарует вам полную автономию от Терры

и Марса. Он даже не потребует вашей верности, только дружбы. Он лично спрашивал о тебе, мастер гильдии.

— Обо мне? Воитель знает про меня?

Омегон услышал слабый скрип за стенами хибары, почти заглушённый грохотом проезжавшей мимо грузовой машины.

— Сейчас появится еще один гость, — предупредил он Элоки. Мастер гильдии ощутимо нервничал, не зная, стоило ли ему беспокоиться. — Не тревожься.

Через пару секунд открылась дверь. На пороге появилась фигура, закутанная в черно-красную мантию. В глубине капюшона блестела золотая маска, из лицевой пластины торчали кабели и трубки, ведущие к узорчатой медной машине на груди новоприбывшего.

— Кто это? — прошипел Элоки, попятившись от гостя. Омегон бесшумно отступил в другой угол, чтобы мастер гильдии случайно не натолкнулся на него. — Ты предал нас.

— Я же сказал, не беспокойся, — произнес Омегон. — Не суди о нем по

внешнему виду.

— Меня зовут магос Унитракс, мастер гильдии, — зазвенел голос из-под маски. — Я здесь, дабы помочь вам сбросить тиранию Марса.

— Ты... ты же один из них! Механикум!

— И да, и нет, — спокойно ответил Унитракс. — Я из Ордена Дракона и подчиняюсь не Терре, а иной власти. С помощью моих единомышленников гильдии восстановят контроль над Киаваром.

Страх словно парализовал Элоки, он не мог выдавить из себя ни слова.

— Унитракс проследит, чтобы структура Механикум была разрушена изнутри, — медленно пояснил Омегон, чтобы мастер гильдии понял его. — Когда среди магосов произойдет раскол, гильдии смогут сбросить захватчиков. Ты нуждаешься в его помощи, Арманд. Поверь, тебе нужна его помощь.

— А что, если я не захочу заключать союз с этим существом? — пролепетал Элоки. — Может, довольно уже этой конспирации?

— Слишком поздно, — сказал Унитракс. — Механизм пришел в действие. Ты либо обретешь власть, либо будешь сокрушен вызванными нами силами. Гильдии вновь получат контроль над Киаваром и Ликеем. Захочешь ли ты стать одним из таких мастеров гильдии, для наших планов не имеет значения.

Осознав, что у него нет другого выхода, Элоки решительно кивнул, стараясь придать движению побольше бравады.

— Что ж, похоже, я не ошибся, доверившись тебе, советник, — сказал он. — Я так и знал, что дело здесь не просто в альянсе гильдий. Воитель может рассчитывать на мою поддержку.

— Отлично, я рад, что мы пришли к взаимопониманию, Арманд, — произнес Омегон, едва не расхохотавшись при виде пустого высокомерия человека. Он представил себе, с какой скоростью растут амбиции мастера гильдии, как он видит себя на аудиенции с Хорусом, возможно, как представляет себя властителем десятка миров. Но для

Омегона подобные стремления казались жалкими. — С твоей стороны будет разумным покинуть нас сейчас. Позже с тобой свяжутся.

— Да, хорошо, — сказал Элоки и аккуратно обошел Унираксa, чтобы добраться до двери.

— И еще одно, мастер гильдии, — вдруг произнес магос, когда Элоки уже собирался выйти.

— Да?

Унитракс протянул обтянутую белой перчаткой руку.

— Рад был познакомиться, — сказал магос.

Элоки что-то буркнул и пожал руку. В следующий миг он взвизгнул и отдернул ее, словно его ужалили.

— Гарантия твоего сотрудничества, мастер гильдии, — пояснил Унитракс и вытянул палец, на котором в тусклом свете блеснул кончик иглы.

— Что ты сделал? — панически спросил Элоки, разглядывая запястье.

— Нейротоксин, мастер гильдии. Он пока неактивен, не представляет угрозы.

Но если ты расскажешь кому-то обо мне или предашь нас, то не сомневайся, что агент-катализатор вскоре окажется внутри тебя — с воздухом, пищей, водой, да с чем угодно.

Побледневший Элоки перевел взгляд с места укола на магоса, а затем без слов вывалился из комнаты.

— Это было так необходимо? — спросил Омегон, решив на будущее не подходить слишком близко к магосу-отступнику. Возможно, Орден Дракона имел в своем распоряжении яд, способный подействовать даже на примарха. — Временами ты довольно далек от утонченности.

— Понадеемся, что в яде не будет нужды, но во всем есть свои плюсы, — ответил Унитракс. — Когда Орден Дракона придет к власти, надобность в гильдиях отпадет. Чтобы облегчить в будущем их свержение, основание лучше заложить уже сейчас. Пока я не ушел, у меня есть для тебя сообщение от генерал-фабрикатора относительно событий на Марсе.

— Уверен, что есть, — сказал Омегон. — Уверен.

Стены коридора были облицованы огромными плитами из темно-серого металла. Альфарий провел по одной из них рукой, сенсоры в перчатках передали на кончики пальцев ощущение гладкости ее текстуры. Крошечные тепловые детекторы подсказали, что стена холодная на ощупь. Ударив по плите кулаком, Альфарий увидел, как по ней во все стороны разбежались трещинки.

— Керамит, — сказал он. — Как наши доспехи.

— Ничего не трогай, — предупредил сержант Дор. — Только с разрешения примарха. Если что-то начнет стрелять, открывай огонь в ответ, но без приказа ни к чему не прикасайся.

— Есть, сержант, — сказал Альфарий, жалея о содеянном. В текущей ситуации за чрезмерное любопытство его вряд ли похвалят. Он вновь присоединился к группе легионеров, понимая, что привлек к себе лишнее внимание.

Отделение Дора шло первым, разделенное на две группы по пять человек. С Дором были Альфарий, Лукар, Велпс и Марко с мультителтой. Они преодолели уже около семидесяти метров перехода; в стыках между потолком и стенами были установлены светополосы, освещавшие легионеров ровным желтым светом.

— Только посмотрите, — вдруг произнес Лукар, указав на одну из керамитовых плит впереди. — Переключитесь на тепловое зрение.

Альфарий так и поступил, авточувства доспехов переключились на инфракрасный диапазон спектра, и на глаза опустилась красная пелена. За указанной Лукаром плитой он увидел переплетение ярких полос.

— Силовые кабели, — догадался Альфарий. — Сержант?

— Вижу, — ответил Дор и поднял руку, приказывая отряду остановиться. — Командор, впереди какие-то провода.

— Понял, — немедленно прозвучал напряженный голос Агапито. — Ждите приказа.

— Пройдите тридцать метров, сержант Дор, — раздался по воксу глубокий голос примарха. — Вы увидите закрытую дверь. Возле нее ждите дальнейших указаний.

— Принято, лорд, — ответил Дор, приказав отделению выдвигаться. — Следите за орудийными системами.

Они прошли всего пять метров, когда плита в потолке отъехала в сторону и из проема опустилось многоствольное орудие. Лукар среагировал первым, разрядив в него очередь из болтера, разрывные снаряды изрешетили гнезда кабелей. И низ посыпались искры, и орудие, слегка подергиваясь, безвольно повисло на манипуляторе.

— Если это самое худшее, что здесь есть, то сложностей не возникнет, — ухмыльнулся Лукар.

Словно в ответ на его похвальбу позади них раздался тревожный вскрик, за которым последовал треск лазерного выстрела.

— Не отвлекаться! — отрезал Дор. — Не наши проблемы. Продолжайте

движение.

Отделение направилось дальше, когда по коридору прозвучали грохот болтеров и характерный треск плазмагана. Как и говорил Коракс, они оказались в зале, чуть шире основного коридора, с единственной дверью в противоположной стене. Керамитовый портал был утоплен в стену из того же материала. Альфарий не увидел ручки или затвора, хотя тепловое зрение показало несколько кабелей, которые вели к дверному косяку.

— И что, мы просто будем ждать? — спросил Велпс, а затем недолго думая снял с пояса мелта-бомбу. — Может, прожжем дверь?

— Стоять! — крикнул Дор и предупредительно поднял руку, когда легионер шагнул к двери.

Альфарий оглянулся. Кроме как размерами зал ничем не отличался от ведущего сюда перехода. Безликость, идеальная однородность коридора встревожили его. Он был Альфа-Легионером и прекрасно осознавал дезориентирующую силу анонимности. В

таком месте заблудиться проще простого, а Альфарий не собирался сгинуть в этом единообразном, но смертельном клубке переходов и комнат.

— Наверное, стоит как-то отмечать наше передвижение, чтобы не заблудиться, — предположил он.

— Ты о чем? — не понял Дор.

Альфарий достал боевой нож и выцарапал на левой стене крест.

— Если мы увидим его, то поймем, что уже были здесь, — сказал он.

Они прождали несколько минут. Альфарий обернулся и увидел, что вторая половина отделения все еще находится в коридоре, в десятке метров позади. Исходящее от силовых ранцев тепловое излучение стало усиливаться, создавая в воздухе марево. Для теплового зрения Альфария воздухоотводы на ранцах легионеров казались белыми.

— Командор, мы выдаем высокую тепловую сигнатуру, — произнес Альфарий. — Примарх говорил, что у систем защиты есть тепловые регистраторы.

— Правильно мыслишь, — согласился Агапито. — Всем отделениям, перевести системы охлаждения на максимум. Уменьшить тепловую сигнатуру.

— Нет, тепловую сигнатуру не менять. — Голос Коракса прозвучал тихо, но напряженно. Альфарий понял, что примарх отслеживал переговоры всех отделений, что само по себе было значительной умственной нагрузкой. — Термальные сенсоры должны включиться. Вторая группа скоро выйдет на позицию. Их продвижение активирует первую трансформацию. Дверь перед вами откроется через две минуты. Приготовьтесь.

Коракс с закрытыми глазами стоял в зале с лифтами, полностью сосредоточившись на механизме Лабиринта и на расположении своих отделений. Он заблокировал входящие сообщения, кроме постоянного изложения хода событий по командной сети через бусинку вокса.

Словно взломщик, исследующий

сложнейший из замков, примарх прокручивал в уме взаимодействие вращающихся комнат, подъемных мостов, закрывающихся дверей и опускающихся сводов. Три группы уже разделились, боевые отделения двигались по новым переходам, активируя по пути трансформацию структуры. С каждым случайным изменением план Коракса разрастался, с каждым открывающимся или закрывающимся проходом обретал четкость. Он не мог предсказать всех действий Лабиринта, но мог оперативно реагировать на каждое изменение. Время любого шага должно быть выверенным, и примарх отрывисто отдавал необходимые приказы, направляя отделение туда, где оно было необходимо.

Коракс отстранился от грохота стрельбы и рокота могучих механизмов с огромными поршнями. Он не обращал внимания на ругань и предупреждения своих воинов. Его единственной целью был взлом замка.

Спустя двадцать три минуты на семидесятом метре Лабиринта Гвардия

Ворона понесла первые потери. Легионеру из группы Агапито попал в грудь лазерный заряд, выпущенный поднявшейся из пола автоматической турелью.

— У нас нет апотекария, — доложил сержант. — Матан выглядит неважно.

— Вы должны оставить его, сержант Каннор, — немедленно приказал Коракс. — Вернемся за ним позже. Веди отделение ко второй арке слева. Двери перед вами закроются через семь секунд.

— Матан едва дышит. Ему нужна помощь.

— Вы получили приказ, — хладнокровно сказал Коракс. Генотех — способ возродить Гвардию Ворона — был наградой куда более важной, чем одна-единственная жизнь. Промедление смерти подобно. Лабиринт уже готовился к смене конфигурации. Нерешительность могла обернуться проигрышем, и это делало все их потери напрасными. — Ведите отделение.

— Есть, лорд Коракс.

Примарх отвлекся на перепалку и едва не упустил возможность отправить

ведущее отделение Агапито по мосту, который мог подняться вверх, когда люди Арката вошли в комнату перед ними. Коракс быстро оценил ситуацию и решил, что время еще есть.

Скат впереди показался носителю специального оружия седьмого отделения Архульду Дэйну достаточно безобидным, хотя лорд Коракс предупредил, чтобы они действовали осмотрительно. Феррокритовая дорога поднималась на десять метров над уровнем пола и вела к круглой двери, походившей на вход в корабельный шлюз. Дэйн задрал голову и заметил такой же проем наверху, к которому по стене и потолку вела лестница.

— И как туда забраться? — спросил он, перехватив огнемет, пока остальные воины боевого отделения продвигались к мосту.

— Без понятия, — ответил сержант Кабэн. — Сосредоточиться!

Внезапно двойные двери, через которые только что прошло отделение, с

громким шипением захлопнулись. Пол под ногами Дэйна задрожал, раздалось характерное потрескивание.

— Стоять! — закричал легионер и застыл на полушаге.

Сержант Кабэн успел встать на мост, прежде чем повернуться.

— Что за... — Голос сержанта утонул в грохоте вращающейся по оси комнаты, и легионеры полетели в воздух.

Дэйна оторвало от пола, и он оказался в свободном полете. Керамит под ногами не позволил закрепиться с помощью магнитных фиксаторов на подошвах, и он поплыл в воздухе вместе с остальным отделением. Мимо него, планируя, к дальней стене пронесся сержант Кабэн.

Гвардеец Ворона приземлился в трех метрах над полом, который теперь стал стеной. Дэйн попытался дотянуться до перекладин лестницы, назначение которой для легионера прояснилось. Развернув огнемет, он выпустил короткую струю, чтобы подлететь к лестнице.

— Что ты делаешь? — требовательно

спросил Кабэн. Сержант приблизился к стене и вытянул руку, чтобы остановиться.

Дэйн пытался ухватиться за ближайшую ступень. Наконец его пальцы сомкнулись на металле.

Треск стал интенсивнее и перерос в пульсирующий вой. Дэйн торопливо оглянулся в поисках его источника. Лестница завибрировала от прошедшей между его пальцами энергии. Осознав свою ошибку, легионер стремительно убрал руку и оттолкнулся ногами от стены.

Молния дугой пробежала по лестнице, доспехам Дэйна и заземлилась по наружным кабелям на груди. Мышцы легионера свело спазмом, и он полетел через всю комнату, из доспехов посыпались искры, а плавящиеся герметизирующие элементы и закоротившие электросхемы воспламенились. Он почувствовал, как горит и трескается его плоть, но шок приглушил мгновенный прилив анестетиков, выработанных его телом. В голове вспыхнула невыносимая боль, казалось выворачивающая челюсти.

Продолжая вращаться, он потерял сознание, и последним, что он увидел, были снова поворачивающаяся комната и его товарищи, которые падали на пол.

— Поступили распоряжения, — сказал Дор и махнул болтером Марко и Альфарию, указывая на дверь. — Переключаю на канал отделения.

Альфарий и Марко с оружием наготове переступили через порог и оказались в огромном сводчатом зале. В десяти метрах от них пол обрывался темным провалом, трещиной в горной породе. Благодаря тепловому зрению Альфарий увидел в потолке характерный блеск силовых кабелей и еще не активированных огневых точек.

— Через тридцать две секунды к вашей позиции опустится мост, — раздался голос Коракса, транслируемый через вокс-установку сержанта Дора. — У вас будет сорок три секунды, чтобы пересечь его.

— Тут семь орудийных турелей, — доложил Марко. — Расположены

случайным образом. Нам видны только три из них. Придется вступить на мост, чтобы увидеть остальные.

— Укрыться негде, — добавил Альфарий. — Мы будем как на ладони.

— Ослепляющие гранаты, — ответил Коракс. — Они выведут орудия из строя на двадцать секунд.

— Недостаточно времени, лорд, — сказал Дор. — Ущелье по меньшей мере двести пятьдесят метров в ширину.

— Будете бежать, сержант, — прозвучал сжатый ответ примарха.

Альфарий хотел было возразить, но промолчал, как поступил бы, если бы приказ отдал его собственный примарх. Остальные, судя по всему, полностью доверяли решению Коракса, поэтому он не мог позволить себе не согласиться с ним.

— Я пойду первым, — сказал он. — Марко, сможешь попасть во вторую турель справа?

— От края пропасти? Да, — ответил Марко.

— Постой! — резко крикнул Дор, когда Альфарий уже снял с пояса ослепляющую

гранату.

Альфа-Легионер замер. Сержант сделал пару шагов мимо легионеров, оглядываясь по сторонам.

— Убери ее, пока не дойдем до моста, — сказал Дор, указав болтером во тьму, скрывавшую дальнюю часть комнаты. — Мы можем снять эти турели еще до того, как начнем переход.

По огромному залу прошел глубокий рокот, начала осыпаться пыль с острых сталактитов, которые наросли вокруг тяжелых клепаных балок, поддерживающих потолок. Из отверстия наверху стала опускаться металлическая конструкция, раскачиваясь на десятках цепей, каждое звено которых было размером с предплечье легионера.

— У вас сорок три секунды. — Голос Коракса звучал спокойно, почти равнодушно.

Дор скороговоркой выкрикнул приказы, и отделение стремительно приступило к действиям. Альфарий бросился к металлическим столбам, отмечавшим место, куда опустится мост. Его шаги

активировали сенсор, и из металлического потолка прямо у него над головой опустилась турель. Лукар тут же открыл огонь из болтера — и изрешеченный корпус турели изверг ураган искр.

Альфарий, полагаясь на свое отделение, не останавливался и на ходу вырвал из гранаты чеку. Его слух наполнил вой мультимелты за секунду до того, как еще одна турель исчезла в тумане расплавленного металла, закапавшего на доспехи Альфа-Легионера.

Наконец с громовым лязгом мост упал на опорные столбы и застер. Альфарий вплотную приблизился к нему, сапоги вздымали с решетчатого пола хлопья ржавчины.

— Тридцать пять секунд, — предупредил Дор, его слова почти затерялись среди грохота болтерного огня, на этот раз уже Велпса. Загорелась очередная турель.

Альфарий, что есть сил работая руками и ногами, побежал по мосту с ослепляющей гранатой наготове, благодаря доспехам каждым шагом он

преодолевал по три метра. Остальные легионеры с грохотом устремились следом. Альфарий напрягся, ожидая услышать характерный треск лазера.

— Справа, третий квадрант! — рявкнул Дор.

Альфарий не оглядывался, но услышал, как остановился Велпс. Из сумрака полыхнула красная вспышка, и в метре позади него оплавился пол. Болтер Велпса взревел — и защитная турель умолкла навеки.

— Граната! — крикнул Альфарий и метнул далеко вперед детонатор ослепляющего поля.

Сверкая красным, сфера полетела во тьму, когда еще одна турель открыла огонь. Луч оставил яркий след на сетчатке Альфария, прежде чем попал в настил моста прямо перед ним. Устройства управления турелью адаптировались и упреждали его движения — лишь мгновенная пауза для броска гранаты спасла легионера от прямого попадания.

Он пригнулся и побежал еще быстрее,

в дальнем конце моста взорвалась граната, окутав его вихревым облаком из серебряных частичек и разрядов электромагнитной энергии.

Системы управления защитой вновь адаптировались. Турели были ослеплены, но спустя миг после того, как огонь прекратился, они вновь принялись поливать пространство рубиновыми лазерными лучами. Заряд ударил мимо плеча Альфария, и он едва не выругался на родном языке, но слова застряли меж стиснутых зубов, когда он ворвался в ослепляющее поле.

Внезапно с лязгом ожили шестеренки и зашипела гидравлика. Мост под ногами Альфария содрогнулся, из-за чего легионер едва не перевалился через низкий поручень. Кругом искрилось ослепляющее поле, лишив его доступа к информации авточувств доспехов. Оглушенный и ослепленный, Альфарий изо всех сил оттолкнулся и прыгнул.

Казалось, он летел целую вечность, окутанный ослепляющим полем, не видя потрескивающих лазерных лучей, которые,

безусловно, сжигали все вокруг него.

Альфарий приземлился с гулким грохотом и, едва не поскользнувшись, припал на колено, отчего доспехи протестующе взвыли. Он стремительно поднялся и побежал дальше, надеясь, что остальные следуют за ним, а еще на то, что Коракс был прав и впереди их ждет арка или открытая дверь. Ослепляющее облако постепенно рассеивалось, глушащие и искажающие волны расползались во мрак.

Выйдя из созданного гранатой поля, вокс и авточувства Альфария вновь ожили. Вокруг него сверкали лазерные лучи, выбивая из пола фонтанчики расплавленного камня. Не было смысла уклоняться от безумных очередей, поэтому Альфарий лишь быстрее побежал по покатому полу. Перед глазами вспыхивали пятна света, в ушах раздавался приглушенный звон — системы доспехов восстанавливались после ослепляющего поля.

— ...ева сверху! — кричал Дор, появившись из рассеивающегося клубка энергетических разрядов. — Слева сверху!

Альфарий поднял болтер и заметил в инфракрасной дымке мигающий во тьме искусственный глаз турели. Тремя выстрелами он пробил корпус орудия, и в воздух взлетели обломки металла.

— Не останавливайся! — бросил Лукар, пробежав мимо Альфария и хлопнув его по плечу.

Альфарий взглянул вперед и увидел, как освещенный желтым светом проем постепенно исчезает под опускающейся тяжелой дверью.

Гремя доспехами, легионеры один за другим пролезали под дверь. Марко шел последним, немного отставая из-за веса своего оружия. Внезапно из потолка сверкнул красный лазерный луч и расколол броню на его правой ноге. Извернувшись, Марко попытался проскользнуть под закрывающуюся дверь, но безуспешно.

— Оставь его, — отрезал Дор.

Словно не услышав приказа, Альфарий инстинктивно отбросил болтер и обеими руками ухватился за ранец Марко. Он потянул изо всех сил и протащил легионера под дверью за миг до того, как

она с резонирующим гулом встала на место.

Они оказались в коридоре, как две капли воды похожем на тот, из которого они начали путешествие, с такими же гладкими серыми стенами без каких-либо отметок. Через десять метров переход резко сворачивал вправо.

— Сержант Дор, доложить о состоянии. — Судя по голосу, Коракс не сомневался, что его воины сумели преодолеть препятствие.

Дор бросил взгляд на отделение, линзы его шлема поблескивали в ярком свете единственной полосы на потолке.

— Мы прошли, лорд Коракс, — доложил он. — Но Марко ранен.

— Он может идти?

Вопрос оставался безответным, пока Лукар помогал Марко подняться. Легионер подобрал мультимелту и проверил силовые кабели, соединявшие оружие с ранцем.

— Я здесь не останусь, — напряженно ответил Марко. — Но не думаю, что смогу бежать.

— Идти может, — передал Дор слова легионера. — Какие будут приказы?

— Пройдите тридцать метров.

— Принято. Выдвигается, — ответил Дор.

В этот момент из-за угла раздались лязг и шипение. Перед отделением возникла странная помесь двуногой машины и небольшого танка с ногами-гусеницами из металлических звеньев, ее корпус имел форму турели с двумя многоствольными орудиями, угрожающе направленными прямо на воинов. В небольшом модуле на верхушке машины располагались сенсорные тарелки и искусственные глазные линзы.

Опешив от столь внезапного появления противника, легионеры могли лишь наблюдать за все быстрее разгоняющимися стволами. Коракс предупреждал о подобных устройствах, но пока им приходилось сталкиваться лишь со статичной защитой. Еще только поднимая болтер, Альфарий понимал, что не успевает.

В бок Альфария что-то врезалось,

отбросив его в сторону за миг до того, как машина-страж открыла огонь. Лукар в полете стрелял из болтера, приняв на себя орудийный огонь. Снаряды размером с кулак решетили его доспехи, разбрасывая во все стороны осколки керамита и куски покореженного металла.

Лукара отбросило назад, и он с расколотыми, изрытыми дырами и треснувшими доспехами повалился на пол. Альфарий открыл огонь, метя в сенсоры, и уничтожил линзы с антеннами.

От выстрела мультимелты Марко бок машины взорвался градом расплавленных осколков, обнажив дымящиеся платы и проводку. Секундой позже, когда турель развернулась к Марко, в дыру угодило несколько болт-снарядов Дора. Велпс разбежался и прыгнул, стиснув в руке мелта-заряд. Он уклонился от выстрелов стража, сбивших Дора с ног. Гневно выругавшись, Велпс стремительно прицепил заряд на магазин под орудиями и отскочил в сторону.

Машина исчезла в ослепительной вспышке света, от которой на дисплее

Альфария загорелись тепловые предупреждения, взрыв оказался куда сильнее, чем смог бы вызвать один мелта-заряд. В грудь и плечо Альфария попали осколки, но доспехи выдержали. Керамитовые стены коридора были покрыты трещинами и вмятинами.

— Самоуничтожился, — заметил Велпс; от огненного всполоха краска на его доспехах пошла пузырями. Выругавшись, он еще несколько раз выстрелил по дымящимся и подрагивающим останкам машины.

Альфарий посмотрел на Лукара, в неестественной позе лежащего на сером полу. Лицевая часть шлема Астартес превратилась в месиво, чеканный символ Гвардии Ворона на нагруднике был искорежен до неузнаваемости, из десятка пробоин в доспехах вытекала кровь.

— Похоже, сержант жив, — доложил Марко, склонившись над неподвижным телом Дора.

Сержант в ответ слабо поднял руку.

— Лукар погиб, — тихо произнес Альфарий. Гвардеец Ворона принял на себя

большую часть выстрелов и спас жизнь Альфарию. Взирая на окровавленные разбитые доспехи Лукара, Альфа-Легионер недоверчиво покачал головой. — Почему он оттолкнул меня?

— А почему ты вытащил меня? — спросил Марко, помогая Дору подняться.

Альфарий не знал, что ответить. Эти воины были Гвардейцами Ворона, его врагами. Он понимал, что его цель — уничтожать их, но по условиям задания ему также требовалось помочь Коракс отыскать содержимое хранилища. Это означало, что легионеры должны были оставаться в живых, чтобы проникнуть в санктум горы.

«Но это не единственная причина», — сообразил он. В конечном итоге им всем надлежало умереть, но Альфарий уважал своих товарищей по отделению — возможно, даже дружил с ними. Ему и думать не хотелось, были ли это отголоски воспоминаний, впитанные отофагией из материала погибшего воина, или же нечто куда более тревожное и проблематичное.

— Мы — боевые братья, — тихо сказал Дор и присел, чтобы положить руку на развороченное тело Лукара.

— Да, — произнес Велпс, прижав кулак к груди. — Боевые братья.

— Боевые братья, — прошептал Альфарий и отвел взгляд от мертвого легионера, не в силах справиться с тревожными мыслями.

Аркат с подозрением осмотрел канал впереди. Переход был длинным и узким, не более двух метров в ширину и около трехсот в длину, и внезапно сворачивал вправо. В пятидесяти метрах от них из стены выходил желоб и пересекал по диагонали весь коридор. Аркат приказал кустодиям остановиться и стал ждать указаний от Коракса. За три с половиной часа, прошедшие с тех пор, как Аркат вошел в Лабиринт, он проникся уважением к примарху и, возможно, стал ему немного доверять. Четыре раза предупреждения и приказы Коракса спасали его и группу от смертельных ловушек и атак. Всего несколько минут назад Аркат отскочил в

сторону как раз вовремя, чтобы избежать газообразного распыления кислоты, которое за пару секунд прожгло бы его доспехи.

По каналу неспешно тек ручеек темно-зеленая густая жидкость, уровень которой становился все выше.

— Думаю, переход будет затоплен, Коракс, — доложил Аркат.

— Это просто смазочная жидкость, — ответил примарх. — Она не опасна. Идите в конец перехода. Там будут три двери. Вам нужна та, что слева. За ней находится энергосистема — возможно, лазерная ловушка. Будьте настороже.

В последнем напутствии не было нужды — Аркат не терял бдительности с того самого момента, как вошел в смертельный Лабиринт. Он последовал указаниям Коракса, направив группу к повороту. Вдруг позади него кто-то вскрикнул, и он, обернувшись, заметил, как в потолке открылся люк. Из него вылетели три серебряные сферы, каждая не больше его кулака.

Первая тут же разлетелась

оплавленными осколками, пронзенная копьем кустодия Гания. Две другие взорвались сами по себе, засыпав Гания и Гвардейца Ворона возле него острой шрапнелью. От их доспехов пошел пар, когда кислотная смесь начала быстро прокладывать путь к плоти.

Ганий закричал — Аркат впервые услышал от кустодия такую реакцию на боль — и попытался отсоединить нагрудник. Легионер Гвардии Ворона повалился на землю с проплавленной в шлеме дырой, забрызгав пол кашицей из растворенных костей черепа и мозга.

— Ребра! — взревел Ганий и, сжав грудь, рухнул на колени.

Аркат действовал без раздумий, чтобы избавить Гания от невыносимой муки из-за плавящегося сердца и легких. Силовая алебарда полыхнула энергией, когда он взмахнул оружием и одним ударом отсек кустодию голову. Тело Гания повалилось на землю, эхо падения разнеслось по всему коридору.

— Вперед — левая дверь! — отрывисто бросил Аркат и махнул алебардой,

показывая направление.

Какое-то время он стоял над телом кустодия, ожидая появления новых сфер. Когда мимо него прошел последний Гвардеец Ворона, Аркат двинулся следом, напомнив себе о словах примарха, что содержимое хранилища обеспечит поражение Хоруса. Бросив последний взгляд на тело Гания, начавшее сворачиваться внутрь, когда кислота проела позвоночник, Аркат поклялся, что заставит Коракса сдержать обещание.

Глава девятая
ГЛУБИНЫ ТЕРРЫ НАСЛЕДИЕ НИКЕИ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРИМАРХОВ

До хранилища генотеха было рукой подать. Коракс попытался вспомнить что-то о внутренней защите, но в воспоминаниях Императора ничего подобного не нашел. Пройдя Лабиринт, Кораксу просто следовало открыть дверь хранилища и взять трофей.

— Готовь сервиторов, — приказал примарх Нексину. — Мы пройдем Лабиринт через две минуты.

Всего они потеряли двадцать три Гвардейца Ворона; семнадцать остались в Лабиринте, ожидая, пока их заберут; еще тринадцать получили ранения, но были способны двигаться дальше. Кустодес лишились троих воинов. Коракс запомнил их имена, но сейчас было не время скорбеть

об их гибели. Лабиринт еще не взломан.

Приказы продолжали слетать с губ Коракса непрерывным потоком, передвигая фрагменты головоломки туда, где они были необходимы. Он старался не думать о своих воинах как о живых существах из плоти и крови. С тех пор как Коракс отправил армию заключенных сражаться со стражами Ликея, он отдавал себе отчет, что из-за его приказов будут гибнуть люди. Пусть противник, которого примарх старался обыграть сейчас, и не осознавал себя — хотя в определенном смысле Коракс столкнулся здесь с хитростью самого Императора, — жертвы были все так же неизбежны. Миллионы, даже миллиарды последователей Императора погибнут, если Гвардия Ворона потерпит здесь поражение и не сможет остановить продвижение Хоруса к Терре.

Поэтому когда издалека доносился грохот болтеров, резким звоном раздающийся по вокс-сети, Коракс не позволял себе отвлекаться. Он думал лишь о поступающих докладах и приказах. Его

Астартес поклялись отдать свои жизни на службе ему и Императору, а считать, что это сражение было чем-то иным, примарху казалось тщеславным.

Ведущие подразделения уже преодолели две трети системы коридоров. Большая часть Лабиринта находилась под их контролем — координаты и маршруты отделений заставили механизмы Лабиринта принимать невыполнимые решения, что приводило к поломке двигателей, остановке поршней и заклиниванию механизмов.

Самая сложная часть была позади. Теперь Коракс четко видел вероятные конфигурации, оставшиеся на последнем отрезке пути. Победа над Лабиринтом стала уже только вопросом времени. Тем не менее примарх не был самоуверен. Лабиринт вполне мог изменить конфигурацию и бросить вызов, с которым Коракс доселе не сталкивался и которого не мог предвидеть. Жизни храбрых Гвардейцев Ворона и воинов Легио Кустодес все еще зависели от него.

Он направил несколько отделений к

поворотной платформе, которая открывала путь во внутреннюю часть горы. Отдав необходимые распоряжения, Коракс связался с Аркатом.

— Кустодий, ты должен провести своих людей в комнату справа от тебя, — произнес он. — Возможен массированный обстрел. Будьте готовы.

— Кустодес всегда готовы, примарх, — ответил Аркат. — Судя по принятым мною докладам, ты направляешь мою группу в самые опасные места. Ты желаешь нашей смерти, чтобы избавиться от посторонних глаз?

— Я не собираюсь этого делать, — беззлобно ответил Коракс. — Если бы я хотел избавиться от тебя, то уже давно бы так и сделал. Твои воины сражаются там, где сложнее всего, потому что они лучшие из тех, кто находится под моим началом. Вы превосходите моих легионеров, и по этой причине я поручаю вам самые тяжелые задачи. Гвардия Ворона в неоплатном долгу за оказанную вами помощь, которую я нахожу неизмеримо ценной и сделавшей это

испытание намного легче для всех нас.

Какое-то время кустодий молчал, ошеломленный словами примарха.

— Очень хорошо, — наконец отозвался он. — Сделаем, как вы сказали.

Внимание Коракса привлек вой гидравлики, когда к нему подошел Нексин со своими сервиторами.

— Хранилище открыто? — спросил магос.

— Почти, — подтвердил Коракс. Он просчитал кратчайший путь через Лабиринт к передовой группе и указал нужный проход. — Сюда. Следуй за мной.

Стоявший недалеко от Коракса Альфарий внимательно слушал разговор примарха с Аркатом, Агапито и техножрецом. Воины осматривали двери хранилища, преграждавшие дальнейший путь. Они были круглые, пяти метров в диаметре, сделанные из тусклого металла, которого Альфарий никогда прежде не видел. Массивные петли были высотой с космического десантника, на дверях не наблюдалось ни единого признака

запорного механизма: ни рунной панели, ни сканера, ни хотя бы замочной скважины. Рядом дымились остатки четырех орудийных турелей, которые поднялись из пола, едва подошли передовые отряды.

Альфарий внимательно слушал, как командиры обсуждают дальнейшие действия. Агапито выступал за мелтазаряды, но примарх сомневался, что они пробьют преграду. Магос настаивал, что путь внутрь им могли бы пробурить сервиторы.

Из укрощенного Лабиринта появлялись все новые отделения, некоторые несли с собой павших воинов. Коракс заверил Гвардейцев Ворона, что бой окончен. В какой-то момент Лабиринт охватили титанические судороги — по туннелям и залам прокатился скрежет металла, воздух наполнил дым от горящего масла. Это продлилось всего пару секунд, но Альфа-Легионер решил было, что на них сейчас обрушится весь комплекс.

Когда все стихло, Коракс спокойно заявил, что Лабиринт дал сбой и не в

состоянии ответить на их дальнейшие действия. Он отрядил поисковые группы за оставшимися в коридорах живыми и павшими собратьями, но Альфария вместе с его отделением и большей частью экспедиции направил ко входу в хранилище. Здесь Альфарий и наткнулся на командиров, застрявших у последнего препятствия. Их спор зашел в тупик.

— На бурение уйдет много часов, а может, дней, если оно вообще реально, — говорил Агапито. — Другого пути нет?

Прикрыв глаза, Коракс на миг о чем-то задумался, прежде чем ответить.

— Здесь психический замок, — сказал примарх, его плечи поникли от разочарования. — Его может активировать только разум Императора.

— Тогда нам следует довериться физическим средствам, — заявил Орландриаз. Магос указал на двух тяжелых сервиторов, возвышающихся над остальной группой. — Я подготовлю своих слуг.

— Есть и другой путь, — выпрямившись, промолвил Коракс, вновь

исполнившись уверенности. Он сперва посмотрел на Арката, затем его взор остановился на Альфарии. Мрачный взгляд примарха несколько встревожил Альфа-Легионера, но тот не подал виду. — Бальсар Куртури служит в твоем отделении?

— Да, лорд, — ответил Альфарий и бросил взгляд на названного легионера, который стоял в нескольких метрах.

— Когда-то он был членом библиариума, — продолжил Коракс.

Альфарий не подозревал, что Бальсар — псайкер. Слова примарха ошеломили его, но он знал, что Коракс не мог ошибиться. Альфа-Легионер кивнул.

— Да, лорд, был, — сказал Альфарий, не понимая, к чему ведет примарх, и приказал Бальсару подойти к командирам.

— Это неразумно, — отозвался Аркат и, подняв алебарду, встал между примархом и приближающимся легионером. — Разве вы не помните слова: «Горе тому, кто позабудет мое предупреждение либо нарушит данное мне слово. Он станет мне врагом, и я обрушу

ему на голову столько несчастий, что до скончания веков будет он проклинать день, когда отвратился от моего света». Так сказал Император.

— Никейский эдикт, — кивнул Коракс. — Я прекрасно помню эти слова, кустодий. Я своими ушами слышал речь Императора.

— Тогда ты понимаешь их значение: колдовство под запретом. Я не допущу этого, — произнес Аркат.

Коракс в задумчивости поджал губы, а после мягко положил руку на плечо кустодия и отодвинул того в сторону. Затем он посмотрел на стоявшего перед ним легионера.

— Бальсар, ты владеешь силами разума? — спросил примарх.

— Я был библиарием, лорд, это так, — ответил боевой брат. — Я не пользовался своими силами с тех пор, как библиариум по вашему приказу был расформирован, и поклялся больше не применять их.

— Кому ты дал клятву, Бальсар?

— Вам, лорд Коракс, — ответил легионер.

— А если я освобожу тебя от данной клятвы, ты сможешь ими воспользоваться?

— Мой лорд... я также поклялся не применять свои способности во имя Императора, — дрожащим голосом произнес Бальсар. — Вы приказываете мне нарушить клятву?

Слова задели Коракса, и он раздраженно скривился. Это продлилось лишь пару секунд, после чего лицо примарха вновь стало спокойным, а темные глаза сузились.

— Не бывать этому! — рявкнул Аркат, прежде чем Коракс успел хоть что-нибудь сказать. Вокруг него собрались остальные Кустодес, призванные неведомым Альфарию способом. — Эдикт Никеи нерушим.

Не обращая внимания ни на кого, Коракс вновь обратился к Бальсару.

— Ты никогда не испытывал «темных соблазнов»? — суровым и пренебрежительным тоном спросил примарх. — Чувствуешь ли ты их сейчас?

— Нет, мой лорд, я никогда не

испытывал искушений, ни темных, ни каких-либо еще, — сухо ответил Бальсар. — Моя жизнь самым печальным образом была лишена всяческих искушений с тех пор, как я покинул Терру.

— Я не допущу колдовства, только не на Терре, — произнес Аркат. Лезвие алебарды полыхнуло сияющим полем одновременно с оружием других Кустодиев. В ответ несколько десятков Гвардейцев Ворона стремительно подняли болтеры. Помедлив пару секунд, Альфарий также прицелился в кустодия.

— Ты говоришь о том, чего не понимаешь, — сказал Коракс, и выражение его лица было мрачным. — Император хранит Терру от сверхъестественных сил. Думаешь, он позволил бы подобное на своем мире?

— Я не вправе знать мысли Императора, а лишь слежу за исполнением его воли, — ответил Аркат. Он окинул взглядом окруживших его легионеров, а затем посмотрел на Коракса. — Колдовство под запретом.

— Так ты считаешь Императора

колдуном, кустодий, или, может быть, его регента, Сигиллита?

— Эдикт не распространяется на моих командиров, а лишь на Астартес, — заметил Аркат.

Кустодес и Гвардейцы Ворона молча смотрели друг на друга, крепче сжимая пальцы на спусковых крючках. Альфарий взглянул на Коракса, пытаясь предугадать следующий ход примарха. Если кустодии погибнут, ситуация может сложиться хуже некуда. Будет проведено расследование, которое может привести не только к приостановке изъятия содержимого из хранилища, но также и к разоблачению шпионов Альфа-Легиона. Не исключено, что Альфарий и сам погибнет в бою, так как он оказался слишком близко к Кустодес. Невозможно было понять, о чем думает Аркат, его лицо оставалось скрытым за золотой личиной шлема. Гвардейцы Ворона также казались безликими, но, судя по тому, как они держали оружие, воины были готовы пустить его в ход.

Только лицо Коракса оставалось

открытым. Примарх казался печальным, но не отводил взгляда от Арката. Коракс был безоружен, хотя Альфарий не сомневался, что примарх и вполне мог справиться с Аркатом и голыми руками. Ему вдруг стало интересно, какие «темные соблазны» одолевали сейчас примарха. Чтобы сразить Арката, достаточно единственного удара, а Гвардейцы Ворона уже успели окружить Кустодиев, хотя воины в золотых доспехах, умирая, способны забрать с собой многих легионеров.

— Отец, не оставляй нас, — прошептал Коракс, не желая, чтобы его слышали остальные. В словах, выцеженных сквозь стиснутые зубы, чувствовалось острое страдание.

Вдруг Альфарий что-то ощутил, движение или чье-то присутствие на границе сознания. На долю секунды он словно услышал отдаленные крики и вопли. Ему показалось, будто он попал в самое пекло ужасного сражения, и тело отреагировало так, словно он боролся за собственную жизнь, — оба сердца

стремительно застучали, ток крови ускорился. Коридор заполонили смутные очертания, гнетущая волна силы, которая словно тиски сжала череп Альфария. Судя по ошеломленным бормотаниям остальных, не он один почувствовал нечто подобное.

В двери что-то глухо щелкнуло.

Все взоры обратились к створкам, металл которых стал лучиться мерцающим от силы золотым светом. Дверь распахнулась, и, едва золотистое свечение угасло, внутри зажегся свет, озарив вестибюль с белыми стенами. Дальше была видна еще одна, меньшая дверь из серебристого металла, покрытая легкой изморозью. Закружились облачка пара, когда изнутри дохнул холодный стерильный воздух.

Собравшиеся воины в абсолютной тишине с недоверием смотрели на открывшийся проход. Смежив веки, Коракс коротко кивнул и зашевелил губами, хотя он говорил слишком тихо, чтобы его мог кто-то расслышать.

Альфарий взглянул на Бальсара и

заметил, как перед линзами его шлема танцуют золотые искорки энергии. От примарха это также не укрылось, поэтому он быстро встал между бывшим библиарием и Аркатом, чтобы кустодий ничего не заметил.

— Похоже, Император решил вмешаться, — произнес примарх, пристально глядя на кустодия.

Аркат и его воины оставались настороже. Коракс жестом велел Гвардейцам Ворона опустить оружие, и те неохотно подчинились. Примарх отвернулся от Арката, и через мгновение кустодий приказал своим людям поступить так же.

— Стоять! — вдруг крикнул Коракс, и все вновь схватились за оружие.

Нексин, стоявший позади примарха, сделал шаг к двери. Магос остановился и взглянул на нахмурившегося Коракса.

— Прошу прощения, лорд Коракс, — глубоко поклонившись, произнес тарсианин. — Идите первым. Я последую за вами.

Альфарий задержался на мгновение, в

то время как Коракс с остальными направились к хранилищу. Когда мимо него попытался пройти Бальсар, Альфа-Легионер остановил его.

— Это ведь была не воля Императора? — произнес Альфарий.

— Не понимаю, о чем ты, — ответил легионер. — Мне запрещено пользоваться своими силами. Меня никто не освобождал от клятвы.

— Но все же... — не унимался Альфарий. Маловероятно было, что Император решил лично вмешаться именно сейчас, ни разу не выдав своего присутствия за время путешествия через смертельные ловушки. Наверняка здесь постарался Бальсар. — На самом деле никакой это не Император, да?

Бальсар промолчал, и Альфарию не осталось ничего, кроме как последовать за примархом и командирами. Он не знал, соврал ли ему Бальсар, хотя в его голосе не чувствовалось и намека на ложь. Ему было неуютно от мысли, что псайкеры могут опять пользоваться своими способностями, и в равной степени

тревожно из-за того, что Император все время наблюдал за ними и по просьбе Коракса помог ему. Никакая ложь не спасет Альфария, если в его разуме захочет покопаться бывший библиарий, невзирая на все предосторожности, предпринятые псайкерами Альфа-Легиона для защиты от обычной проверки. Угроза психического обнаружения присутствовала всегда, но мысль о том, что подобный воин служит с ним в одном отделении, сильно встревожила Альфария.

Если библиарии вернутся, его задание намного усложнится. Ему придется следить не только за действиями и словами, но и за мыслями.

Главное хранилище представляло собой округлую комнату с высеченным в скале куполообразным потолком. Оттуда вело несколько выходов, но едва Коракс переступил порог, его внимание приковало к себе содержимое центрального зала. Он ничего не мог отыскать в памяти насчет защиты внутреннего санктума, если не считать мелькнувшего воспоминания о

последней мере предосторожности, — любое воздействие на внешнюю дверь привело бы к подрыву термоядерного заряда, заложенного под хранилищем. Возможно, именно благодаря этому воспоминанию примарх не решился резать дверь, хотя печальные последствия такого действия стали понятны ему только сейчас.

Впрочем, он тут же позабыл о едва не допущенном промахе, когда его опасения сменились удовлетворением, любопытством и благоговением. Здесь находилась лаборатория Императора, где на самом деле был создан Империум. Это было место рождения примархов.

Все внутри оставалось неприкосновенным, климатические регуляторы и стазисные поля поддерживали объект в первозданном состоянии. Воздух был чист, каждая поверхность начищена до блеска. В центре комнаты возвышалось огромное, пока отключенное устройство, усеянное кабелями и трубками, похожее на оборудование, которое Коракс видел возле

Золотого Трона Императора. Оно уходило под самый потолок, испещренное сотнями застекленных проемов, в которых были видны циферблаты и колбы, трубки с цветными жидкостями и сенсорные интерфейсы.

Кустодес и Гвардейцы Ворона под командованием Арката и Агапито рассредоточились и взяли под охрану остальные двери. Воспоминания Императора, касающиеся того, что находилось за ними, были расплывчаты, но Коракс смутно припоминал огромные генераторы, холодильные камеры, банки данных и множество залов с когитаторами.

Вокруг центрального устройства змеились толстые кабели, которые тянулись по выложенному плиткой полу к двадцати другим машинам, стоявшим вокруг него. Коракс узнал их с первого взгляда: инкубаторы примархов. Внутри он не увидел амниотических жидкостей, стеклянные колпаки были подняты. Там, где когда-то мигали лампочки, колебались тонкие иглы, пищали и гудели

наблюдательные системы, теперь царила безжизненность и тишина.

Магос Орландриаз тяжело задышал и что-то забормотал, с широко раскрытыми глазами переходя от одной машины к другой. Коракс улыбнулся, наблюдая за детской радостью, с которой техножрец изучал то одно, то другое устройство, останавливаясь, чтобы почтительно возложить руку на металлическую поверхность, или замирая и просто рассматривая очередное чудо.

На боковой стенке каждого инкубатора был нарисован порядковый номер. Коракс быстро отыскал «19», свою камеру. Едва приблизившись к ней, он понял: что-то не так. Инкубатор не был цел, его капсула отсутствовала, словно могила без гроба. Остался только корпус и внешний защитный купол: на дне скорлупы лежала груда отсоединенных кабелей и трубок.

Он вспомнил о потрескавшейся и разбитой машине, которую обнаружили под ледником. Многие годы, долгие, наполненные одиночеством годы он думал

о ней и ее назначении. Лишь после прибытия на Освобождение Императора примарх узнал, кто он на самом деле и почему пробудился на этой странной пустынной луне.

Коракс отчетливо помнил ту встречу. Он возложил руки на инкубатор, и воспоминания вернулись к нему.

— Сканер засек объект, движущийся к главному доку, — доложил Агапито из-за одного из сканирующих устройств. На юном борце за свободу были черные гитаны стража, куртку, довершавшую наряд, он выбросил, едва партизаны проникли в башню. На его груди рубцевался кривой порез, а левая рука висела на перевязи. — Судя по траектории, он идет на посадку, но определить, что это за корабль, невозможно.

Главная башня все еще была сильно повреждена после отгремевшего здесь боя. Сторонники Корвуса заняли пустующие посты, но оборудование работало на последнем издыхании, а люди, которым никогда не приходилось иметь дела ни с

чем подобным, управляли им скорее по наитию. То, что разбитый сканер смог обнаружить хоть что-то, уже можно было считать большой удачей.

Тела работавших здесь прежде людей вынесли, но решетчатом полу и пультах еще виднелись пятна крови — уборка после свершившейся революции занимала далеко не первое место в списке приоритетных задач Корвуса, пока на Киаваре оставались противники восстания. Множество экранов и клавиатур было разбито орудийным огнем, из пробитых в крупных устройствах дыр торчала проводка, но работа некоторой части техники, после того как над ней потрудились технически одаренные последователи Корвуса, была с горем пополам восстановлена.

Защитные установки, которые усеивали невероятно огромный шпиль главной башни стражей, находились в рабочем состоянии. По приказу Корвуса революционеры захватили их в целости и сохранности.

— Привести орудийные системы в боевую готовность! — объявил Бранн,

сидевший за пультом управления огнем. Как и брат, он был ранен, на щеке расцвела ссадина, светлая щетина была пропитана кровью.

В башне раздался грохот вращающихся огромных установок, направивших электромагнитные катапульты на приближающееся судно. Бранн бросил ожидающий взгляд на лидера повстанцев, и взъерошенные волосы упали на его юное лицо.

— Открыть огонь? — спросил Бранн.

— Нет, — ответил Корвус.

Он стоял возле бронированного окна в рубке управления, всматриваясь во мрак. Над луной поднимался Киавар, нависая над шахтами и подкрановыми путями за далеким горизонтом. Отсюда планета казалась такой же, как всегда, но Корвус знал, что под кроваво-красным пологом облаков царит хаос. Ему казалось, будто он до сих пор видит вспышки ядерных взрывов зарядов, которые его люди сбросили по гравитационному колодцу на лежащую внизу станцию, но это была лишь игра воображения.

Судя по всему, гильдии оказались сломлены. Все их контратаки на луну безжалостно отразили, и, оставшись без ресурсов Ликея, они начали грызться между собой, бросив друг против друга все силы городов-фабрик. Некоторые молили о перемирии, опасаясь новых ядерных обстрелов с орбиты, но Корвус не обращал на них внимания. «Пусть они перебьют себя сами», — думал он, разглядывая мир, который превратил в рабов не одно поколение людей.

Его отражение в толстом стекле накладывалось на восходящую сферу Киавара. Корвус был уже взрослым и ростом превышал любого взрослого мужчину. Он едва умещался в рубке управления на вершине Черной Башни. Те, кого Корвус освободил, звали его теперь Спасителем, он чувствовал их трепет перед его неослабевающим ростом. С момента первой встречи с заключенными Ликея минуло десять лет, но только теперь он позволил себе сполна насладиться торжеством.

Победа осталась за ним, бывшие

правители были низвергнуты.

— Судно все еще приближается, — нервным голосом напомнил Агапито. — Бранн, насколько точен прицел?

— Не волнуйся, брат, орудийные системы ведут его, — ответил Бранн. — Корвус, у нас осталась пара минут, чтобы открыть огонь, прежде чем судно окажется слишком близко.

— Мы не будем стрелять, — сказал Корвус, обернувшись к товарищам. — Возможно, это дипломатическая миссия с Киавара. К нам летит простой шаттл. В нем поместится не больше десятка человек, которые не представляют для нас серьезной угрозы. Пусть рота Восьмого Крыла встретит меня в главном доке.

Но было в шаттле и кое-что еще, что заинтриговало Корвуса. Пока судно выглядело как далекая золотистая искорка, но лидера революционеров не оставляло ощущение, что внутри его находились важные пассажиры. Это чувство давило на него — не как предостережение, а как нечто иное, чего он не мог объяснить. Корвус не сомневался,

что эти пассажиры не имели дурных намерений, хотя не знал, откуда в нем взялась подобная убежденность.

— Дайте знать, если что-то изменится, — сказал он, похлопав по громоздкому приемнику на поясе.

Пригнувшись, Корвус миновал покореженную дверь и вышел в коридор. Снаружи дверь сторожили несколько бывших заключенных с дробовиками наготове — ненужная предосторожность, но его последователи настояли на ней. Добровольные телохранители без приказа направились следом за командиром и вместе с ним зашли в клетку главного лифта Черной Башни.

Лифт с грохотом опустился на несколько десятков этажей, прежде чем достиг коридора, который вел к посадочному трапу главного порта. Не обращая внимания на спутников, Корвус торопливо зашагал по переходу, миновав по пути несколько групп рабочих, припаивавших металлические плиты поверх заплаток на стенах, на скорую руку поставленных после захвата башни.

Кругом разлетались голубые искорки, пока Корвус целеустремленно шел к порту.

На главной палубе его уже ждал Гаппион, один из его старших лейтенантов, вместе с сотней бойцов из роты Восьмого Крыла. Над ними на фоне беззвездного неба потрескивал желтый энергетический купол.

— Быстро вы... — отметил Корвус, взглянув на лейтенанта.

— А мы были неподалеку, — с тенью улыбки на губах ответил Гаппион. На левой половине его лица красовался огромный синяк, глаз отек, лоб пересекал порез. Полуседые волосы он носил коротко остриженными, но борода свисала едва ли не до пояса. На нем была серая тюремная спецовка, впрочем отмеченная пятью шитифтами на воротнике, которые сняли с формы офицеров безопасности. На некоторых все еще была кровь.

— Какое неожиданное совпадение, — сказал Корвус, бросив любопытный взгляд на Гаппиона.

Тот лишь пожал плечами и выкрикнул несколько приказов своим

людям, потребовав сформировать защитное оцепление вокруг посадочной площадки.

Они действовали как солдаты, подумалось Корвусу, пока он наблюдал за бывшими заключенными, занимавшими позиции на феррокритовой площадке. Еще пару лет назад они были бандитами и философами, ворами и пропагандистами. Теперь они превратились в его армию, хорошо обученную и отлично мотивированную. Он знал, что сыграл в прошедших событиях немалую роль, но, в свою очередь, Корвусу следовало благодарить того, кто наделил его подобным даром. Люди повиновались ему без тени сомнения, он обладал врожденным пониманием боя. Направить атаку или разработать стратегию было для Корвуса столь же простым делом, как умение дышать.

Кто-то из бойцов принялся указывать вверх, что-то при этом крича.

За границей силового барьера возникло судно, двойные плазменные следы ярко сияли на фоне темного неба. Когда

шаттл пересек преграду, Корвус заметил, что он имел форму огромной хищной птицы золотистого цвета с вытянутыми назад крыльями, словно у пикирующего ястреба.

Какой-то миг он висел в воздухе; тощь плазменных двигателей ослабла, когда пилот, чтобы приземлиться, переключился на антигравитационные турбины. Шаттл медленно сел в центре площадки, на внутреннем круге, отмеченном красной краской.

Корвус заглянул в кабину, но с удивлением обнаружил, что внутри никого нет. Вид пустого корабля вызвал в нем сомнения: возможно, он был начинен взрывчаткой — отчаянный акт мелкой мести одного из мастеров гильдий.

— Оружие к бою! — выкрикнул Таппион.

Бойцы как один подняли пистолеты, дробовики и лазерные винтовки, в свое время подобранные у мертвых стражей и вынутые из оружейных хранилищ.

В корпусе шаттла под правым крылом открылся люк, прямо напротив

Корвуса. Изнутри полился свет, и из корабля с лязгом выдвинулся трап. В лучах возникла тень и, прождав пару мгновений у входа, шагнула наружу.

Люди возбужденно зашептались между собой. Оружие задрожало в трясущихся руках, некоторые бойцы с лязгом стали ронять его на землю. Казалось, люди по собственной воле падали на колени, откладывая в сторону винтовки и склоняя головы. Некоторые бросались ниц, что-то почтительно бормоча.

Корвус посмотрел на Гаппиона. Лейтенант тоже опустился на колени. В его глазах стояли слезы, избитое лицо светилось от радости.

— Такой величественный!.. — восхищенно прошептал Гаппион. — Какая красота! Какое могущество!

Коракс в смятении перевел глаза на человека, который спускался по трапу. Тот показался ему ничем не примечательным, даже больше: настолько невзрачным, что Корвус не заметил в нем ни единой отличительной черты. Он был среднего роста, с темными волосами и

смуглой кожей. Телосложение он имел не крупное, но и не худощавое, а совершенно нормальных пропорций, не намного более плотное, чем у склонившихся перед ним изможденных людей. Он был облачен в свободные одежды из белого льна и без украшений, если не считать золотой цепи с кулоном в форме орла с распростертыми крыльями, сжимавшего в когтях молнию.

Глаза человека были столь же невыразительными, как и все остальное в нем: не синие, не зеленые, не карие, а скорее смесь всех цветов одновременно. Но было в этих глазах нечто, проникшее в самую душу Корвуса и коснувшееся его внутреннего «я». В них присутствовала мудрость и доброта, старость — смиренная, но одновременно приводящая в замешательство. И в то же время Корвус стал свидетелем явления полубога, излучающего золотое сияние и облаченного в белые одеяния, пылавшие внутренним светом. Он увидел строгое лицо с золотыми глазами, которые пронзали его до самой сути. Странник возвышался над преклонившими колени людьми, шагая по

ковру из негасимого пламени.

Корвус не мог совместить воедино эти два изображения. К нему приближался богоподобный, грандиозный властитель, но внутри его мерцал крошечный невзрачный человечек. Наконец, когда разум Корвуса уже был не в состоянии сопротивляться чарам, он увидел новоприбывшего так же, как его последователи, и мгновенно ощутил неудержимое желание склониться перед пришельцем.

Корвус попытался побороть это стремление. Он сражался за то, чтобы его люди больше ни перед кем не стояли на коленях. Способ, которым этот человек влиял на его людей, встревожил Корвуса. Прищурившись, он продолжал смотреть на него, не в состоянии определить, какое изображение было истинным, а какое всего лишь иллюзией, пока гость неспешно шагал по феррокритовой площадке.

— Кто ты? — наконец спросил Корвус. — Что ты сделал с моими людьми?

Человек бросил взгляд на повстанцев, которые с обожанием взирали на него, и

Корвусу показалось, будто он удивился. Его светлые волосы огненной волной разметались по плечам, когда он повернул голову. Корвуса захлестнула еще одна волна благоговения, и вновь командиру партизан пришлось постараться, чтобы не рухнуть на колени.

— Побочное действие, — промолвил человек, вновь сосредоточив внимание на Корвусе. Он уставился на лидера повстанцев пронзительным взглядом, его глаза теперь все время были золотыми, будто бездонные кладези света. Кожа лучилась силой, словно плоть его состояла из углей, спрятанных за тонкой бумагой. Корвус ощутил мимолетный трепет в груди и сжимающуюся в тугой узел тревогу, но это была лишь малая толика того, что испытывали его воины при виде их гостя. — Я — Император человечества. Я сотворил тебя.

После этих слов с глаз Корвуса словно упала пелена. Он увидел Императора таким, как когда-то, — наблюдавшим за растущим младенцем по ту сторону инкубатора. Тогда его лицо искажали

изгибы стекла, но черты угадывались безошибочно. Лидер повстанцев долго размышлял над лицом из своих первых воспоминаний, удивляясь, кому оно могло принадлежать. Теперь смутные образы превратились в четкое знание. Корвус вспомнил шум и свет, а также громогласные голоса вокруг, вспомнил прилив силы и чувство дезориентации, когда противоестественные силы похитили его из колыбели.

Теперь он безошибочно признал лицо своего отца, единственного человека, достойного нерушимой верности. Корвус почтительно опустился на колено, поняв, что гость сказал правду. Перед ним был Повелитель человечества.

— Как ты зовешь это место? — спросил Император.

— Когда-то оно звалось Ликеем, — ответил Корвус. — Теперь известно как Освобождение.

— Хорошее имя, — промолвил Император. — Пожалуйста, встань, сын мой. Нам нужно о многом поговорить.

Так они и сделали. Корвус оставил

людей и провел Императора в свои покои, на старый пост стражей на срединных уровнях Черной Башни. Он попросил принести еду и питье для своего гостя, стыдясь скудности пищи, которую мог предложить отцу. Император лишь отмахнулся от его беспокойства и присел на грубо сколоченную койку, служившую креслом для массивного командира повстанцев.

— Ты узнаешь меня? — спросил Император.

Выражение его лица было непроницаемым, но Корвусу почудился в голосе отца намек на удивление. Какая бы сила ни воздействовала на партизан, на Корвуса она оказывала не столь сильный эффект, поэтому человек перед ним явно был таким же, как и в его старых воспоминаниях.

— Ты такой же, как в моем сне, — ответил он.

— Как интересно, — сказал Император, после чего качнул головой и улыбнулся.

Они говорили о многом. Хотя Корвуса

распирало от вопросов об Императоре, о себе самом и об остальной Галактике, оказалось, что по большей части рассказывал он сам, отвечая на постоянные вопросы Императора о событиях на Освобождении и Киаваре. Корвус поведал ему обо всем, что знал из истории звездной системы, и о войне за свободу, которую вел последние годы.

Не переставая говорить, Корвус мерил шагами комнату, возбужденный и наполненный энергией. Император сидел на койке и иногда кивал, скорее понимающе, чем с одобрением. По правде говоря, он не пытался осуждать или одобрять его действия. Император внимательно слушал все, о чем рассказывал ему Корвус, временами задавая уместные вопросы о мельчайших деталях, желая узнать, чем живет его сын.

— Одного я не могу понять. — Наконец Корвус озвучил то, что терзало его с момента первого пробуждения. — Как я здесь оказался?

Настроение Императора

испортилось, его лицо опечалилось. Впервые он отхлебнул воды из стакана, который принесли еще несколько часов назад, взгляд его стал обеспокоенным.

— Существует иная вселенная, — произнес он. — Она находится подле нашей, является частью ее, но в то же время — отдельной. Она зовется варпом.

— Я знаю о нем, — сказал Корвус. — Мне не приходилось видеть его, но я слышал, что корабли с его помощью могут путешествовать к далеким звездам. Еще говорят, что в некоторых машинах из Киавара заключена энергия варпа.

— Это вселенная безграничной мощи, и, как ты и сказал, в нее можно попасть при помощи кораблей или разумов людей, которых мы называем псайкерами, — продолжил Император. — Как и наша Галактика, варп обитаем, в нем живут существа — не из плоти, но из мысли. Иногда они жаждут наших жизней, желая полакомиться душами смертных. Тебя и твоих братьев отобрали у меня обитатели варпа до того, как вы успели вырасти.

— Братья? — Корвуса немало взволновала эта перспектива, он тут же отложил все вопросы, которые появились у него после ответа Императора. У Корвуса было немало друзей среди заключенных Ликея, но он понимал, что отличается от них, а когда люди стали называть его Спасителем, исчезла последняя надежда на нормальные отношения. То, что существовали такие же, как он, люди, вдохнуло в Корвуса новые силы.

— Да, у тебя есть братья, — с улыбкой сказал Император. — Вас семнадцать. Вы — примархи, мое лучшее творение.

— Семнадцать? — непонимающе переспросил Корвус. — Я помню, что был номером девятнадцатым. Как так может быть?

Император поник, преисполнившись глубокой скорби. При следующих словах он отвел взгляд от Корвуса.

— Двое других, — сказал он, — это отдельный разговор.

— Где сейчас мои братья? Они с тобой?

— Тебя и других примархов похитили

силы варпа, разбросав по всей Галактике на противоестественных волнах. Вот как ты оказался под ледником на этой луне. Да, едва взглянув на тебя, я увидел, что выпало на твою долю, узнал о твоей жизни. Слух о тебе, о величественном создании, которое возглавляло восстание, разлетелся дальше, чем ты можешь себе представить, и именно он привлек мое внимание. Твоих братьев, тех, которых я нашел, также раскидало по отдаленным мирам. Как и ты, все они великие воины и лидеры. Это мой дар вам. Вы — самые лучшие полководцы, обладающие несравненным разумом и физическими способностями. Я сотворил вас из собственной генетической структуры как своих сыновей и командиров в Великом крестовом походе.

— Что это за поход? Скольких моих братьев ты отыскал?

— Большинство, — ответил Император. — У меня есть огромные армии воинов-Астартес. Так же как ты создан из меня, они — плоть от плоти твоей. Примархи — военачальники этих

армий, которые отвоевывают Галактику для человечества. Долгая Ночь, Эра Раздора окончились. Во мраке тлеют останки империй древности, слабые угольки человечества почти утонули в бездонной мгле. Великий крестовый поход раздувает пламя, дабы искоренить суеверия, принеся с собой Просвещение вместо невежества. С твоей помощью я объединю человечество, и оно будет править звездами.

Так много предстояло понять, но Корвус знал, что все сказанное — правда. Не только слова Императора казались преисполнены смыслом, но также сама описанная им концепция затронула куда более глубокие чувства внутри его. То, что он примарх, созданный, чтобы сражаться и командовать, объясняло многое, чего Корвус никогда в себе не понимал. На уровне самой своей сущности, закодированной в каждой клеточке тела, Корвус осознал свое истинное предназначение.

— Я присягаю тебе в верности, — произнес он, преклоняя колено перед

Императором. Корвус встретил взгляд Императора, и его охватила радость, которой он не ощущал даже после величайшей своей победы. — Я твой сын, твой примарх, и я повинуюсь твоей воле.

— Хорошо, — сказал Император. — Армия ждет тебя. Твои воины зовутся Гвардией Ворона, они герои, отличившиеся во многих кампаниях. Когда будешь готов, ты примешь командование своим легионом.

— Разве я уже не готов? — спросил Корвус, воспрянув было духом, но вновь разочарованный словами Императора.

— Пока нет, сын мой, — ответил Император. — Но вскоре ты присоединишься к братьям и займешь место подле меня во главе Гвардии Ворона. А пока расскажи мне о Киаваре. Каковы твои намерения?

— Принести мир на планету и ее луну, а также исцелить раны прошлого, — сказал Корвус. — С твоей помощью у меня все получится.

— Мир — самая сложная цель, — поучительно произнес Император. —

Победа, прекращение войны, разоружение врага — всего этого можно достичь с помощью оружия и упорства. Мир? Это уже нечто совершенно иное.

Корвус нахмурился, но медленно кивнул.

Император сделал еще один глоток, не отрывая взгляда от сына.

— Поведай мне еще. Расскажи о ранах, какие ты и твои сторонники нанесли этой планете, и о мире, который ты хочешь создать с моей помощью.

Среди легионеров, находившихся во внутреннем хранилище, витало ощутимое возбуждение. Альфарию многое пришлось повидать за время службы своему легиону — образы необыкновенных миров, которые он не забудет до самой смерти, и еще более необыкновенных врагов, — но обыденность окружающей обстановки только придавала ей загадочности. Это была обитель науки, лаборатория, в которой Император начал воплощать в жизнь свое видение Галактики.

Альфарий незаметно обошел круг

инкубаторов, пока не остановился возле номера «20». Последние, недооцененные, его примархи родились в этой конструкции из металла и стекла. Она казалась такой же, как все остальные, по ней и не скажешь, что внутри росли близнецы. Возможно, Император не намеревался создавать и Омегона, и Альфария. То, что они росли вместе, во многом повлияло на их странные узы и, наверное, на более худощавое телосложение по сравнению с остальными братьями-примархами.

Знали ли примогениторы Альфа-Легиона, куда отправляли своего агента? Определенно нет, подумал Альфарий. Кто мог знать, что это место до сих пор существует?

Все внутри пребывало в том же состоянии, как было оставлено десятилетия, даже столетия назад. Альфарию вдруг стало интересно, почему это место сохранили. Для каких целей? До него донеслось восхищенное бормотание магоса Орландриаза, получившего доступ к информационному терминалу в центральной колонне. Из кисти

техножреца выползли провода и подключились к нескольким разъемам под терцающей голографической рунной панелью. По широкому экрану побежали массивы символов, в глазах магоса отражался зеленый свет.

— Это... это восхитительно, — выдохнул техноадепт. — Здесь так много всего. Так много!

— Что ты нашел? — спросил Коракс, заглянув магосу через плечо.

— Я бы сказал — все. Генетические файлы на вас и ваших братьев. Больше века я изучал сплайсинг генов и манипуляцию ими, но понимаю здесь лишь малую часть данных. — Магос взглянул на Коракса своими странными глазами. — На анализ и расшифровку одних только базовых факторов уйдут годы.

— У нас нет в запасе такого количества времени, — сказал Коракс. — Хорус готовится к наступлению. Мне нужно что-то, чтобы восстановить Гвардию Ворона, а не плодить бесконечные тезисы и теории для твоих марсианских друзей.

— Конечно, конечно, — пробормотал Орландриаз. Какое-то время он еще суетился возле пульта, пока Альфарий запоминал услышанное.

Так, значит, Коракс намеревается воссоздать Гвардию Ворона. Альфарий не знал, возможно ли это, но если да, то полнокровный легион станет серьезной угрозой планам Воителя. Альфа-Легионера подобный вариант приводил в замешательство — Гвардия Ворона уже находилась на грани уничтожения, зачем нужно было позволять им спастись и пытаться ухватиться за эту соломинку?

Внезапно Альфарий понял, что в действие пришел куда более изощренный план, нежели просто уничтожение его приемного легиона. Просчитав вероятности, он сделал неизбежный вывод: то, что намеревался сотворить Коракс, хотел совершить и Альфа-Легион. Если агент сможет добыть и передать секреты генотеха своему примарху, Альфа-легион обретет главенствующее положение среди тех, кто восстал против Императора. Подобный план был не лишен смысла и

вполне объяснял причину, по которой Альфа-Легион перешел на сторону Хоруса. Воитель нанес первый удар по Императору, но в конечном итоге из теней появится Альфа-Легион, дабы занять принадлежащее ему по праву место.

Возглас магоса прервал ход его мыслей.

— Только взгляните!

Нахмурившись, Коракс наклонился ближе и проследил за манипуляциями Орландриаза.

— Тут мы видим производные цепочки, очаги ответвлений из материала примарха, которые Император использовал при создании первых Астартес.

Слова магоса услышали все присутствующие. Кустодии и легионеры обернулись к техноадепту, пока тот продолжал говорить скорее самому себе, чем остальным.

— Это же настоящий шедевр инженерии! — восхищался Орландриаз. — Столь изящная красота закодирована в этом строении и наполнена бесконечными

возможностями.

— Говори яснее, — поторопил Коракс. — Что ты обнаружил?

— Доказательство истинного величия Императора, свидетельство того, что он — Омниссия, — во всеуслышание объявил магос. — Новая жизнь из старой жизни. Изъятые, очищенные и улучшенные миллионы лет эволюции. Это ключ.

— Ключ к чему? Перестань говорить загадками, магос, — нетерпеливо отозвался Агапито. — Что тут такого важного?

— Нужно отыскать стазисную камеру, — заявил Орландриаз, отвернувшись от экрана. Увидев собравшихся вокруг него людей, он вздрогнул, словно совершенно позабыл о них. Техноадепт оглянулся, прежде чем обратиться к Кораксу. — Множество лет уйдет, чтобы найти то, что могло бы сразу вам помочь, лорд Коракс. Тем не менее где-то в хранилище есть стазисный контейнер, в котором содержится нужный нам секрет.

Слова магоса пробудили очередную

вспышку воспоминаний в голове Коракса. Он увидел пылающий серебристым светом цилиндр, заключенный в сетку из золотой проволоки. В мыслях, словно из ниоткуда, возникла нужная последовательность, и примарх тут же ввел код на голографе.

С каждой набранной руной на центральном пульте один за другим вспыхивали десятки огоньков. Когда Коракс нажал последнюю руну, огоньки загорелись все разом. На экране возникли новые сообщения о деактивации режима безопасности и открытии доступа к содержимому пульта. С шипением улетучивающихся газов на центральной колонне проступили линии, которые затем преобразились в створки, открывшиеся наружу и скользнувшие в ниши. Изнутри полился серебряный свет, как и помнил Коракс, оттуда выехала затысловатая проволочная колыбель. Внутри сетки находился узкий цилиндр полуметровой высоты. Суспензорные устройства удерживали его над сеткой, поэтому казалось, словно он парил на свету. Внутри его подрагивала иссиня-

зеленая жидкость, освобожденная из объятий стазисного поля.

— Вот настоящий секрет хранилища, — промолвил Коракс. Вокруг него собрались Гвардейцы Ворона, адепты Механикум и Кустодес, никто не мог оторвать взгляда от разворачивающегося действа. — Вот дар Императора.

— Что это? — прошептал Агапито.

— Источник нашего существования, командор. Живой генетический материал, из которого создали примархов.

Коракс не обладал опытом магоса-генетора, но по своим навыкам и воспоминаниям Императора он знал достаточно, чтобы понять всю важность открытия. Много лет назад Император объяснил ему, как он использовал генетический материал примархов для создания первых Астартес. Гвардейцы Ворона были генетическими сыновьями Коракса, так же как все остальные легионы Астартес являлись потомками своих примархов. Каждый из двадцати был лично создан Императором, каждый имел

свои сильные и слабые стороны. Сейчас Гвардия Ворона заполучила тот слепок, из которого произошли все двадцать примархов. Он был чистым, за неимением лучшего слова, не измененный последующими экспериментами Императора. Идеальный образец, из которого можно было извлечь генетическое семя для будущих Гвардейцев Ворона или же для создания совершенно нового поколения примархов.

— Вы ведь не хотите увезти этот образец с Терры? — вдруг спросил Аркат. — Я не магос, но даже мне понятно, что секрет генетического кода примархов ни в коем случае нельзя выносить из хранилища. Что, если он окажется в руках Хоруса?

— Сам Император направил меня сюда, — ответил примарх. — Я не нуждаюсь ни в твоем предупреждении, ни в соизволении. Император желает, чтобы я вернулся на Освобождение и с помощью этой технологии восстановил свой легион.

— Это так, лорд? — спросил Агапито. — В образце содержатся ключи к

будущему Гвардии Ворона?

— Да, — с улыбкой ответил Коракс. — Чистый источник генетического семени, даже больше. Если мы с магосом разгадаем его секреты, то сможем соединить его потенциал с генетическим кодом Гвардии Ворона. Человеку — будущему легионеру — приходится ждать юности, прежде чем начать имплантацию. Представьте себе поколение Гвардии Ворона, в котором объединены ускоренное взросление примарха, и способности легионера Астартес. То, на что в обычных условиях ушли бы поколения, теперь можно совершить за пару месяцев.

— Что насчет обучения? — отозвался Аркат. — Как объяснить им природу Просвещения? Легионер ведь не просто улучшенное тело. Его разум закален так же, как плоть. Процесс нельзя торопить, их обучение столь же важно, как и физические изменения.

— Я не говорил, что все произойдет мгновенно, — ответил Коракс, раздраженный пессимизмом кустодия. — Ты все еще не можешь понять всех

дарованных нам возможностей. Сейчас для имплантации генетического семени подходит только незначительный процент кандидатов. С помощью материала примарха это уже не будет проблемой. Мы сможем взять любого ребенка в самом раннем возрасте и ускорить его развитие, как в моем случае. Любого ребенка. Общий набор вырастет с нескольких десятков тысяч до миллионов.

— Но каждый примарх был собственноручно создан Императором, — возразил Агапито. — Труд многих лет величайшего разума человечества. У нас нет подобных ресурсов, как и времени.

— Вот поэтому мы не создаем новое поколение примархов, — отрезал Коракс, раздраженный сомнением своего командора, но тут же успокоился, вспомнив, что Агапито и остальные, возможно за исключением Орландриаза, не могли осознать всех технических деталей. — Техноадепт поможет мне выделить необходимые цепочки ДНК, и затем, используя полученную информацию, мы улучшим генетическое семя Гвардии

Ворона. Мы получим воинов куда более сильных, чем обычный легионер, но в то же время воспроизведенных в невиданных доселе масштабах.

— И я опять повторю, что такое оружие не должно покидать Терру, — продолжил настаивать Аркат. — Если бы Императору требовались подобные воины, он создал бы их сам. Но он создал генетическое семя легионов таким, какое оно есть, и не просто так. Или вы считаете, что сможете достичь того, чего не сумел Император?

Коракс обдумал слова кустодия. Не переходит ли он некие границы, мечтая о восстановлении Гвардии Ворона? Возможно ли сделать то, о чем он рассуждает? Примарх глубоко вздохнул, обдумывая ответ.

— Не спорю, Император создал генетическое семя с его ограничениями по веской причине, но Галактика изменилась, — произнес примарх. — Глупо считать, что Император предоставил мне доступ к этой лаборатории, не зная моих намерений. Он разрешил нам войти,

чтобы мы использовали ее содержимое. Император пожелал, чтобы мы раскрыли секреты его технологии и применили их для борьбы с Хорусом.

Аркат не нашел, что ответить, поэтому он отвернулся, не проронив ни слова. Теперь Агапито остался один, и он заговорил, не пытаясь скрыть тревогу в голосе.

— Не знаю, что правильно, а что нет, лорд, — начал командор. — Но Аркат прав насчет того, что это опасная затея. Мы не можем позволить разлететься вестям о существовании генотеха.

— И что ты предлагаешь? — спросил примарх. — Единственный человек в этой экспедиции, не принадлежащий к Гвардии Ворона или Кустодес, — это Орландриаз, а Сигиллит поручился за него.

— Если мы вернемся с технологией на Освобождение, это не останется незамеченным за пределами легиона, — сказал Агапито. — Чем меньше людей будет знать о ее существовании, тем лучше. Думаю, нам следует выучить здесь урок Императора. Нам потребуется

оборудование и техники для раскрытия генетических секретов. Если подобное место будет хорошо охраняться, оно привлечет к себе ненужное внимание. На Пикее еще остались сторонники гильдий, и, несмотря на все наши усилия, они могут узнать, что происходит в Шпиле Воронов. Нам ни в коем случае нельзя возбудить их любопытство.

— Твоя правда, командор, — согласился Коракс. — Я был так сосредоточен на извлечении генетического архива, что не подумал, где нам его позже разместить. Твой план не лишен достоинств, и я обязательно рассмотрю его.

— Так вы считаете возможным создание совершенно нового вида легионеров? — спросил Агапито с ноткой благоговения. — Таких же сильных, как мы, и за короткое время?

— Я не только считаю такое возможным, но ручаюсь за это, — сказал Коракс. — Хорус намеревается нанести удар, и нам следует его отразить. Не будь у нас средств подготовить легион к грядущей войне, нам не следовало бы

рисковать своими силами в подобной атаке. Император верит в меня, и я не подведу его. Гвардия Ворона сыграет свою роль в низвержении Хоруса.

— Не сомневаюсь, лорд, — произнес Агапито. — Что с кустодиями? Считаете, они будут мешать нам?

— Аркат сгущает краски, — ответил Коракс. — Он должен выполнять свой долг так, как считает нужным, но, думаю, он понимает, чего мы достигнем в конечном итоге. Полагаю, я сумел убедить его, что мы не представляем угрозы для Императора.

Покинуть хранилище было далеко не так опасно, как попасть в него. Изъяв содержимое внутреннего зала, включая драгоценную стазисную капсулу с материалом примарха, Гвардейцы Ворона погрузили все это на транспортировщики припасов и тяжелые сервиторы для перевозки на поверхность.

Они работали посменно, сопровождая вереницы контейнеров и ящиков по спящему Лабиринту к ожидающим на льду

возле входа шаттлам. Информационные кристаллы и блоки памяти тщательно упаковали в защитные коробки. Более крупные части оборудования, назначение которых знали только магос и Коракс, перевозились на гусеничных тележках, где раньше покоились боеприпасы и продовольствие для экспедиции. Внизу остались только инкубаторы и несколько силовых генераторов.

На то, чтобы доставить все на поверхность, у них ушла большая часть дня. За это время они послали сигнал ожидающему на орбите кораблю Гвардии Ворона. Десантные судна со «Мстителя» прибыли, едва последние подразделения вышли из хранилища вместе с самыми ценными сокровищами, за транспортировкой которых следили лично примарх, Орландриаз и Аркат.

Альфарий вместе с остальным отделением сержанта Дора опять переносили ящики на десантные корабли, пока командиры обсуждали, что делать дальше. Альфа-Легионер старался подслушать их разговор, хотя по его

обрывкам не узнал ничего, о чем не догадывался бы сам.

— Поосторожнее с этим, — предупредил Агапито, когда Альфарий взялся за ручки заиндевелого контейнера с одной стороны, а Велпс — с другой. Мигающий монитор энергоэффективности на боку контейнера указывал, что температура внутри была ниже нуля. — Если повредите стазисный генератор, то все наши усилия пойдут насмарку.

— Слушаюсь, командор, — ответил Велпс.

Они понесли груз к рампе ближайшей «Грозовой птицы», осторожно огибая снежные наносы. Альфарий молча поражался содержимому контейнера: материал, из которого были созданы примархи, а позже выведены воины Астартес, материал, превративший его в Альфа-Легионера.

В голову закрадывались странные мысли, пока он заносил контейнер в корабль. Сколько Император трудился над содержимым хранилища? Десятилетия?

Века? А может, целые тысячелетия? Император выжидал многие поколения, и когда заявил о себе, то стоял во главе Астартес, своих избранных воинов. Во время Великого крестового похода воины Альфа-Легиона сражались вместе с другими легионами, неоднократно наблюдая, как те воссоединяются со своими генетическими отцами, в то время как сами они продолжали воевать без своего примарха.

Альфарий помнил, как нашли его тезку, последнего из примархов. Событие было столь же радостным для Альфа-Легиона, как аналогичное для Лунных Волков, Железных Рук или Гвардии Ворона. Каждое из них праздновали все легионы. Но воссоединение с Альфарием оказалось не таким торжественным, и остальные примархи со своими легионами уделили ему мало внимания. Природа близнецов-примархов считалась тайной, о которой не следовало распространяться, и это сделало торжества весьма скромными. Альфария до глубины души оскорбило то, что про его легион забыли

все, кто уже нашел своих примархов. Их появление сочли запоздалым — мелкий пробел, который наконец-то заполнен. Они не понимали, чем это событие было на самом деле, — кульминацией Великого крестового похода, моментом вступления последнего примарха в армию Императора. Обретение Альфария стало вершиной планов Императора, а не простым прибытием запоздавшего.

С помощью Велпса Альфарий поставил стазисный контейнер в отсек под палубой. Они закрепили его ремнями и закрыли отсек палубной решеткой так, чтобы груз в безопасности добрался до орбиты.

— И чувствуешь ведь благодарность, да? — спросил Велпс, указав на контейнер.

— К кому? — не понял Альфарий.

— К Императору, — пояснил Велпс. — Я просто не могу понять, почему Хорус с остальными предали его. Император создал нас. В смысле, он буквально сделал нас теми, кто мы есть. Он дал нам оружие, доспехи и Галактику, которую надо покорить, после чего отпустил нас.

Он сделал нас будущим Галактики, и за это следует быть благодарным где-то там, в глубине души. Мы почти добились цели, почти закончили. Этот ублюдок Хорус — Император дал ему все, а тот отвернулся от него. Такому нет прощения.

Альфарий не спорил, хотя слова Велпса жалили его. Он ничего не мог сказать в защиту сделанного Альфа-Легионом выбора. Он и сам не до конца понимал, зачем близнецы-примархи присоединились к Хорусу, но верил, что те знают, как будет лучше для легиона.

— Уверен, в конце каждому воздастся по заслугам, — сказал он, дружески хлопнув Велпса по плечу.

Альфарий спускался по аппарели с тревожными мыслями. Экспедиция грузилась в шаттлы и десантные корабли. Сержант Дор с остальными ждали их недалеко от Агапито и Коракса. Едва Альфарий с Велпсом присоединились к своим, как к примарху подошел Аркат.

— Я говорил с Малькадором, — заявил воин, — и он согласен со мной. Я и мои Кустодес отправимся вместе с вами,

чтобы проследить за безопасной доставкой груза.

— В этом нет нужды, — возразил Агапито. — Ваше присутствие только вызовет подозрения. Кроме того, нам не нужна ваша помощь.

— Мой командор прав, пусть и ответил грубо, — согласился Коракс. — Группа Кустодес привлечет ненужное внимание, учитывая секретность груза.

— Или мы отправимся с вами, или не отправится никто, — сказал Аркат. — У вас нет выбора.

Коракс вздохнул и кивнул.

— Что ж, кустодий, твоя взяла, — произнес примарх. — Полетите с нами. Но имей в виду, на «Мстителе» не очень много места. Вам придется разместиться с моими воинами.

— Не проблема, — сказал Аркат.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно заметил Агапито. — Гвардия Ворона с радостью окажет вам такое же гостеприимство, какое Легио Кустодес проявили по отношению к нам.

Они разошлись, оставив Альфария со

своим отделением. Легионер бросил нервный взгляд на воинов в золотых доспехах, сопровождавших примарха. После изъятия содержимого хранилища Гвардия Ворона станет еще более бдительной, чем обычно.

Хлопок по наплечнику отвлек Альфария от размышлений. Сержант Дор указал на ближайший десантный корабль.

— Поднимайся на борт, — позвал Дор. — Мы возвращаемся на Освобождение.

Часть вторая
ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Глава десятая
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАСКРЫТИЕ ГЕНОТЕХА ЦЕЗАРЬ

Над просторами Освобождения господствовала игла километровой высоты, которая возвышалась из центральной части мастерских. Когда-то это была печально известная Черная Башня, цитадель стражников Киавара. Теперь же она звалась Шпилем Воронов. Десятки прожекторов на помостах пронзали бездонную пустоту, освещая транспортные пути и простирающиеся во все стороны шахтные копры. Оборонительные турели усеивали поверхность башни, или управляли поблескивающие линзы-сенсоры в бронированных гнездах, сгруппированных, подобно глазам мухи. «Грозовая птица» Коракса летела над гигантской древней

тюрьмой, направляясь к одной из восьми посадочных площадок, которые прилепились к Шпилю Воронов, будто серые грибы к черному сталагмиту, окруженные блеклым сиянием энергетических полей.

При беглом взгляде на скопление тюремных крыльев и караульные помещения стороннему наблюдателю могло показаться, будто лунные сооружения находятся в плачевном состоянии. Рокритовые опоры поддерживали здания, а металлические плиты покрывали их, словно заплатки одеяло, некоторые участки остались выжженными руинами, открытыми вакууму космоса. В свете звезд мерцали силовые купола, защищавшие многоэтажные тюремные корпуса, резервуары с топливом и рудные транспортные узлы.

Но это было обманчивое впечатление. Все повреждения, нанесенные Освобождению в ходе восстания и последующей контратаки гильдий, полностью устранили. Воздух не вытекал

ни из единой трещинки, ни одна из дверей не была разгерметизирована. По приказу Коракса шрамы были оставлены как напоминание о людях, погибших во имя освобождения луны-колонии от власти жестоких тиранов, — впрочем, не все шрамы, лишь те, которые не угрожали безопасности или обороноспособности.

Глядя в иллюминатор «Грозовой птицы», Коракс мог вспомнить каждый пролом или разваленное строение, словно те были ранами на его собственном теле. Вот десантный корабль пролетел над Восьмым крылом, где по-настоящему началось восстание. На некогда величественных Двенадцатых вратах, соединявших Восьмое крыло со Шпилем Воронов, остались следы от взрывов. Повстанцы заминировали врата, чтобы остановить стражников, хлынувших из центрального шпиля. Сейчас похожие на шрамы трещины были заделаны полосами темной пластпены. Нафрем Солт, тринадцатилетняя девочка, ценой своей жизни взорвала последний заряд и обрушила свод врат на прибывшие

подкрепления.

Седьмое крыло лежало в руинах. Выжженные камеры пустыми глазницами окон взирали во мрак. Здесь сгинуло четыре тысячи заключенных, их поглотило пламя, когда стражи взорвали главный газопровод. Коракс не сумел этого предвидеть и сейчас с грустью взирал на почерневшие камеры тюремного крыла. На то, чтобы извлечь из пепла останки, ушло больше года. Там в основном обитали дети и старики — Седьмое крыло было административным комплексом слабого режима.

Коракс взломал систему защиты, чтобы найти виновника, и спустя четыре дня выследил капрала Теода Норрука. Месть примарха была долгой, и, хотя этим не стоило гордиться, тогда она немного утешила его.

Лишь одно здание, соединенное с главным сооружением серебристым туннелем, могло соперничать со Шпилем Ворона. Оно было похоже на замок с высокой крышей и башнями по углам, сверкавшими в лучах заходящей звезды, —

замок, созданный из серебра и обсидиана, настоящее чудо имперского инженерного гения. Когда-то оно называлось первичным административным ядром, но обитатели луны именовали его Твердыней Податей. Позже Кораксу придется поговорить с теми, кто работает внутри, но сейчас его ждали более важные дела.

«Грозовая птица» миновала энергетический полог Высотного дока, и на миг взгляд Коракса заполонила желтая статика. Он отвернулся от окна, когда двигатели корабля взревели перед заходом на посадку.

— Вы уже знаете, что скажете им? — спросил Бранн, сидевший напротив примарха. — Думаю, новости вызовут сильные волнения.

— Еще нет, — ответил Коракс. — Не полностью. Им придется столкнуться с реальностью, это неизбежно.

— Главное, ничего не усложнять, — заметил командор рекрутов.

Коракс мысленно согласился, но промолчал.

Десантный корабль приземлился,

заскрежетав шасси по феррокриту.

— Вынужденное действие, — пробормотал Коракс, когда машина наконец замерла. Люк позади примарха с шипением открылся. — Я бы поступил так и без настояния Малькадора.

Они вышли из «Грозовой птицы» и быстро направились в Карнивалис, зал в основании Шпиля Воронов, где проходили крупные собрания легиона. Иногда его использовали для пиршеств, но в основном он служил реликварием. На стенах висели всевозможные трофеи — оружие, черепа, доспехи, знамена и даже куски стен и бронированных дверей из вражеских цитаделей. Они располагались без видимого порядка, по этому поводу литератор Сермис Икониалис как-то заметил, что зал похож скорее на гнездо сороки, чем ворона.

Сейчас тот вместе со ста пятьюдесятью шестью другими мужчинами и женщинами ждал здесь Коракса, вызванный примархом, когда «Мститель» вышел на орбиту. Вместе с Икониалисом и его приятелем-

итератором Локом Настурбрайтом прибыли все летописцы Освобождения. Едва примарх вошел в огромный зал, живописцы, поэты, пиктографы, скульпторы и журналисты посмотрели на Коракса со смесью опаски, настороженности и ожидания. Толпа казалась крошечной в таком необъятном помещении, люди сгрудились возле помоста с кафедрой в дальнем конце, поэтому Кораксу пришлось пройти весь Карнивалис. С легкостью перешагивая по четыре ступени за раз, примарх взошел на помост и повернулся к собравшимся летописцам.

— Вам нужно вернуться в свои покои, собрать вещи и приготовиться покинуть Освобождение, — произнес он. Объявление было встречено разочарованными выкриками, мольбами и недовольным гулом голосов. — Тихо! Я не закончил.

Толпа угомонилась, стоило Кораксу поднять руку.

— Забирайте все. Вы не вернетесь. Материалы, которые вы собирали для летописей, необходимо передать

командору Бранну. Вас и ваш багаж тщательно проверят, поэтому не пытайтесь пронести даже пару заметок или карикатурных набросков. Все нужно передать Бранну.

Это вызвало новый взрыв недовольства, которого Коракс ожидал. Он поймал на себе взгляд Икониалиса, который кивнул и повернулся к раздосадованным и обозленным летописцам. Итератор поднял руки, уняв гам.

— Умолкните перед благородным примархом, — произнес Икониалис; его громкий и четкий голос с легкостью угомонил затянувшееся бормотание и перешептывание. — Уверен, для этого есть веские причины. Не будем забывать, что мы находились здесь лишь благодаря милости лорда Коракса.

— Благодарю, итератор, — сказал Коракс, после чего скрестил руки на груди, обдумывая, что произнести дальше. Когда он в последний раз говорил с Малькадором, перед тем как «Мститель» покинул орбиту Терры, регент зачитал «Эдикт о

роспуске», который объявил о расформировании Ордена Летописцев и отправке всех творцов на Терру для подведения итогов. Сигиллит ясно дал понять Кораксу, чтобы тот не вдавался в подробности событий, которые недавно произошли в Империуме. Также он признал, что некоторые объяснения все же необходимы, и даже дал примарху перечень предпочтительных фраз для описания случившегося. Но Коракс не прислушался к советам Малькадора, решив рассказать все по-своему.

— Хорус восстал против Императора, — сказал он. Хранить ситуацию в тайне не имело смысла. По мнению Коракса, лучше было изложить летописцам сухие факты, чем позволить им собирать и преумножать сплетни. Он ожидал новую бурю удивления и возражений, но люди встретили его слова потрясенным молчанием. — Возможно, вы уже слышали, что Бранну пришлось покинуть Шпиль Воронов, а также то, что против Воителя на Исствааи отправили несколько легионов Астартес.

Бой окончился неудачно. Император собирает свежие силы, и Гвардия Ворона присоединится к ним. Мы не сможем вас здесь защитить, поэтому вам придется покинуть Освобождение и вернуться на Терру.

— Я прибыл с Ассири! — воскликнул бородатый мужчина в широкополом халате со следами краски. В отличие от воинов и слуг легиона Коракс даже не пытался запомнить имена большинства летописцев, считая их в лучшем случае источником беспокойства, а в худшем — раздражения и беспорядка. — И я не хочу на Терру.

Следом послышалось еще несколько схожих протестов.

— Это решать не вам, — сказал Коракс. — Мы не собираемся развозить вас туда, куда вам заблагорассудится. Вы все отправляетесь на Терру для сдачи отчетов чиновникам регента Малькадора. Без исключений.

— Зачем вам наши работы? — спросила молодая женщина с пиктографом на шее. — Мы годами собирали

материалы.

— Разведданные, — просто ответил Коракс. — Многие из вас общались с летописцами из других легионов, в частности Лунных Волков. Мы проверим собранный вами материал, чтобы взглянуть на восстание Хоруса изнутри.

При этом он умолчал, что летописцы сохранили не только достижения и хронологию побед Гвардии Ворона, но также информацию об обороне Освобождения. Коракс не мог допустить, чтобы корабль летописцев с подобными данными на борту захватили предатели.

— Насколько все плохо? — спросил Икониалис, его голос потерял свой обычный тембр, став приглушенным от волнения. — В смысле... у меня просто нет слов. Едва могу поверить в случившееся.

— Не буду тебе лгать, итератор. Близится война, подобной которой мы еще не видели. Война, что разорвет Галактику на части. Война между легионами Астартес.

Узник, ошеломленный своим

заключением, терпеливо ждал, одетый в неброскую серую одежду. Он сидел на простеньком стуле, который был слишком мал для него. Его держали в пустующем складе неподалеку от первого терминала у вершины Шпиля Воронов. После революции Коракс приказал навечно опечатать старые карцеры, и ради единственного легионера было бессмысленно открывать заброшенное крыло. В мире, где когда-то обитало около десяти миллионов заключенных, массивный воин выглядел нелепо в окружении металлических полок и шкафов; в углу кто-то забыл тряпку и ведро.

Агапито и Соларо стояли по обе стороны от закрытой двери. Командоры смотрели прямо перед собой, не бросая на узника ни единого взгляда. У Агапито это получалось исключительно благодаря огромному самообладанию, и он знал, что Соларо испытывает схожие трудности. То, что заключенный был еще жив, свидетельствовало о дисциплинированности легионеров, которые вернулись с Исстваана. Его

заключили под стражу и обращались с достоинством, какого не видали сами воины, когда они были узниками на Никее. Коракс объяснил им, что в том, чтобы заставлять других страдать так же, как они когда-то, нет чести.

Стоявший снаружи легионер объявил о прибытии примарха. Кораксу пришлось сначала разбираться с летописцами, но этот вопрос встал между примархом и его командорами сразу по прибытии на Освобождение. Агапито открыл дверь, не зная, что задумал его повелитель, и Коракс тут же шагнул внутрь, заполнив комнату собой. Дверь с глухим лязгом закрылась, и Агапито наконец позволил себе бросить взгляд на пленника и едва подавил отвращение.

Узника звали Царто Кхура, он присоединился к Гвардии Ворона после того, как в исполнение Никейского эдикта упразднили библиариев. Как и подобные ему во всех легионах, Кхура едва ли пользовался популярностью, его считали воплощением постороннего вмешательства, что очень раздражало

независимую Гвардию Ворона. Несмотря на это, Агапито никогда не имел ничего против самого воина и сражался бок о бок с ним в нескольких войнах.

Капеллан Несущих Слово посмотрел на вошедшего Коракса, на его лице появилось облегчение.

— Лорд Коракс, — сказал он, поднявшись и склонив голову. — Я рад, что вы прибыли уладить недоразумение.

— Молчать, — отрезал примарх, заставив капеллана вздрогнуть. — Сядь и молчи.

— Пока я был терпелив к вашим людям, но...

— Молчать!

Рев Коракса заполонил комнату, в ушах Агапито зазвенело. Кхура повалился на стул, едва не сломав его, ошеломленный яростью примарха.

— Ты — предатель, — сказал Коракс, его голос упал до зловещего шепота, более пугающего, нежели крик. — Ты — враг Императора.

Кхура открыл было рот, но тут же закрыл его, заметив, что примарх

нахмурился.

— Твой примарх — трусливый, коварный червь, — продолжал Коракс, наклонившись так, чтобы его лицо оказалось вровень с капелланом. — Твой легион — презренные отбросы, чьи лживые хвалы Императору ныне еще более пусты, чем прежде. Остальные ваши капелланы мертвы либо бежали.

Борясь с желанием опровергнуть обвинения, Кхура сжался на стуле, беззвучно шевеля губами.

— Почему ты не отправился на Исствааи? — потребовал ответа Коракс.

— Я там был не нужен, — сказал капеллан. — Мне следовало остаться здесь и продолжать обучение рекрутов легиона. Вы сами согласились с этим предложением, лорд.

— Складно поешь. Как удачно, что тебя там не было, когда твой легион открыл огонь по моим воинам.

— Что они сделали? — Кхура побледнел и непонимающе закачал головой. — Нет, это невозможно.

— Семьдесят пять тысяч трупов

Гвардейцев Ворона свидетельствуют об обратном, — прорычал Коракс. — Как долго вы планировали предательство, Царто? С тех пор как Император указал Лоргару на его место? Еще раньше?

— Я капеллан, посвятивший свою жизнь распространению Имперской Истины, — заявил Кхура. — Меня отправили на Освобождение согласно эдикту Малькадора, дабы проследить за исполнением воли Императора.

— Снова ложь! Лоргар послал тебя шпионить за нами, убедить моих воинов перейти на сторону Хоруса.

— Это неправда. Чем вы докажете, что я — не верный слуга Императора? Я был с вашим легионом с самой Никеи. Как я могу быть в ответе за действия своего примарха?

— Ты — Несущий Слово. Ты говоришь устами Лоргара. Это ваше темное кредо. Ты прикидываешься носителем Просвещения, хотя на самом деле ты — апостол измены.

— Вы не имеете права обви...

Коракс схватил Кхуру за горло и,

подняв капеллана в воздух, приложил головой о потолок.

— Лжец! Из твоих ублюдочных уст изливается только грязная ложь, сын Лоргара!

Агапито ступил вперед, но Соларо взял его за локоть, слегка качнув головой. Лицо Кхуры стало краснеть, когда примарх начал сжимать хватку.

— Это мой мир, мой легион, — прохрипел Коракс. — Ты оскверняешь его своим присутствием.

Раздался громкий треск, и жизнь исчезла из глаз Кхуры. Невнятно рыча, Коракс опустил труп обратно на стул. Примарх резко обернулся к двери и замер, как будто впервые заметив Агапито и Соларо. Его лицо было смертельно белым, глаза походили на черные провалы. Агапито взглянул в искаженное лицо примарха, и внутри его все сжалось.

— Киньте эту тразь в печь, — приказал Коракс. Он закрыл глаза и с трудом взял себя в руки, к его лицу прилила кровь. — Еще раз обыщите его покои. Если там есть что-то, что

связывает его с планами Хоруса, то я хочу, чтобы это нашли. Проверьте логи связи, узнайте, имел ли он сношение с Лоргаром или другими Несущими Слово в течение последнего года.

— Разве нам не следовало это сделать до казни? — спросил Соларо.

Агапито судорожно выдохнул, услышав в голосе другого командора раздражение.

— Зачем? — произнес Коракс.

— Чтобы найти доказательства его вины, как он и требовал, — сказал Соларо. Командор бесстрашно встретил взгляд примарха, уважительно сложив перед собой руки.

— Мы не можем рисковать, держа у себя предателя. Кроме того, я чувствую в нем скверну, теперь, когда знаю, что это такое, — объяснил Коракс. Он посмотрел на Агапито. — Ты видел, что стало с Несущими Слово на Исстваане.

— Я видел то, чего никогда не хотел бы увидеть, — ответил Агапито. — Несущие Слово были лишь одними из многих.

— Если ты этого не видишь, то я должен открыть тебе глаза, — сказал примарх. — Слишком долго мы хранили это в тайне. Такова была воля Императора, но это уже не важно. Он недооценил угрозу.

— О чем вы, лорд? — спросил Соларо. — Какая еще угроза?

Коракс удивленно моргнул и провел рукой по лицу. Едва он убрал руку, как во взгляде вместо невыразимого мучения появилось уже более осмысленное выражение.

— Ничего, я не... мое суждение затуманено, — сказал Коракс. Он открыл дверь и, переступив порог, обернулся. — Пришлите ко мне Бранна. Нам следует подготовить рекрутов.

Когда примарх ушел, Соларо удивленно взглянул на Агапито.

— О чем это он? — спросил командор.

— Должно быть, способность примарха, — ответил Агапито. — Я не чувствую ничего, кроме запаха пота мертвеца. Пойди отыщи Бранна, а я разберусь с телом.

После того как Соларо ушел, Агапито какое-то время смотрел на труп, размышляя над словами примарха. Соларо действительно был слеп, он не видел скверны, но Агапито знал, что Коракс имел в виду. У скверны было имя. Имя, которое он впервые услышал на Исстваане: Хаос.

В центре изуродованного города мерцало синее радиационное пламя, своим жаром обращая алое небо в пурпур. Руины простирались на десятки километров, их силуэты подобно сломанным зубам выступали на фоне зарева. Они горели уже почти целый век — предупреждение Киавару никогда не возвращаться к своему презренному прошлому. Место самого взрыва представляло собой оплавленный кратер, в одно мгновение произведенный зарядами, которые по гравитационному колодцу сбросили повстанцы. Обрубок орбитального лифта походил на покореженный нарост затвердевшего шлака, который указывал на Ликей, будто обвиняющий перст.

Здания, расположенные дальше, уцелели, хотя от некоторых остались лишь оплавленные груды обломков. Тут и там спорадически возгорались газовые карманы и прорванные трубопроводы, озаряя мертвый пейзаж ослепительно-яркими вспышками прометия и облаками пара, которые превращались в зелено-оранжевый туман, сильными порывами ветра рассеиваемый в грязном воздухе.

Крупных строений больше не осталось, яростный ветер продувал руины с ураганной силой, внося свою лепту в разрушения, причиненные взрывами ядерных бомб. Над пылающими реками из расплавленного феррокрита опасно раскачивались мосты, их металлический скрежет и стоны походили на жуткий крик посреди запустения. В разреженный воздух тянулись лестничные пролеты — все, что осталось от гигантских стратоскребов. Охладительные котлы литейных цехов превратились в радиационные озера, поваленные акведуки лежали в реках, которые скорее сочились, нежели текли по крутым ущельям,

бывшим когда-то улицами Наирхаба.

По ним ползла колонна бронетехники, гусеницами взбивая пыль и пепел. Машины были низкими и широкими, каждая на четырех отдельных гусеницах. Вокруг их клепаных корпусов завывал ветер, раскачивая антенны. Техника несла символы Механикум, но легионеры, видневшиеся в бронебашнях, свидетельствали о том, что это была всего лишь маскировка.

Пять машин двигались медленно, ведущий транспорт осторожно пробирался по обломкам, размалывая и дробя битый кирпич и феррокрит. Альфарий сидел за турелью ведущего радкраулера, сжимая спаренный тяжелый болтер. Радиационная зона не была совсем безлюдной. Его поразили разговоры о гильдейцах, которые скрывались в пустошах под защитой хрупких радкуполов и силовых укрытий. В свое время Коракс, стремясь как можно скорее присоединиться к Великому крестовому походу, поручил Механикум избавиться от пережитков старой власти. То, что техножрецы разыскивали

выживших гильдейцев спустя рукава, без сомнения, пошло Альфарию на пользу.

Только одно здание гордо стояло среди руин отгремевшей войны. Окутанное ядовитым туманом, оно возвышалось тремя этажами мощных, как у ангара, стен, отмеченных гербом Гвардии Ворона. Бронированные башни по углам батареями лазерных пушек следили за машинами.

— Приближается к Впадине Воронов, — доложил по воксу Агапито.

Это был тренировочный центр, который Гвардия Ворона использовала для военных учений в ядерной пустоши. Иногда сюда отправляли рекрутов для уничтожения лагерей сепаратистов, которые до сих пор влачили жалкое существование в сердце разрухи. Здесь Коракс решил разместить лабораторию, подальше от глаз Механикум.

Здание находилось в полнейшей изоляции и, учитывая, что вести о предательстве Хоруса достигли Киавара, Альфарий считал его хорошей маскировкой для лаборатории генотеха. Те немногие, кто мог что-то заметить,

не удивились бы возросшей активности.

Территория была обнесена стеною высотой в десять метров. Бронированные ворота скользнули в сторону, пропуская машины, а затем, когда внутрь заехал последний транспорт, затворились обратно. Радиационные датчики в доспехах Альфария изменили цвет с зеленого на предупредительный янтарный, когда они выехали на подъездной путь, сообщая о радиационном кармане. Альфа-Легионера не беспокоила личная безопасность. Даже без доспехов его измененное тело могло выдержать радиоактивное загрязнение в этом районе. В глубине пустоши все будет иначе — и, когда транспорт, вздрогнув, замер в тени Впадины Воронов, Альфарий вновь поразился, как здесь могли выжить диссиденты.

Под защитой укреплений станции Гвардейцы Ворона выгрузились и построились у своих машин, в то время как Коракс, Агапито и Бранн скрылись в здании. Гидравлические рампы в борту каждой машины опустились, и воины

начали переносить бесценный груз.

Еще когда легионеры поднялись на ударный крейсер, доставивший их на Киавар, Альфарий заметил кое-что интересное: в состав группы входили только те, кто принимал участие в экспедиции к хранилищу. Судя по всему, Коракс доверял тем, кто уже знал о генотехе. Сервов не было, лишь легионеры, наиболее доверенные слуги Императора. Единственным исключением были техножрец и сервиторы, которые имели жизненно важное значение для проекта. Альфа-Легионеру стало интересно, какую историю пришлось сочинить примарху, чтобы объяснить остальным Гвардейцам Ворона спуск на планету.

Секреты неизменно радовали Альфария. Коракс надеялся втайне восстановить свой легион, но тайны были излюбленным полем боя Альфа-Легиона. Гвардия Ворона оказалась на чужой для себя территории, и ей придется поплатиться за свою неопытность. Секретность создавала проблемы со связью, что в конечном итоге лишь

помешает Кораксу. Примарх оказался в сумрачном мире лжи, и он дорого заплатит за ошибку. Высокий уровень безопасности не особо беспокоил Альфария, ибо он стал одним из немногих доверенных воинов. Гвардия Ворона опасалась, что их тайну раскроют, и прикладывала все усилия, чтобы поддерживать маскировку, даже не догадываясь, что враг уже среди них.

Впадина Ворона оказалась куда больше, чем ожидал Альфарий. Строение уходило в землю еще на несколько уровней. Альфа-Легионер спускался за остальным отделением по рампе в подуровни, направляя перед собой моторизированную тележку. Большая часть здания была отведена под спальни — сейчас пустовавшие — для рекрутов и легионеров, которых отправляли сюда на боевую подготовку; остальные помещения занимали тренировочные залы и стрельбища.

— Куда ты идешь?

Альфарий замер, услышав голос Бранна. Оглянувшись, он увидел командора

рекрутов и его брата, стоявших у дверей, которые он только что миновал; за их спинами мерцали огни пультов управления.

— Простите, командор? — непонимающе сказал Альфарий.

— Твой контейнер помечен для лазарета, — продолжил Бранн. — Что ты здесь делаешь? У нас нет времени бездельничать.

— Ты заблудился? — улыбнувшись, спросил Агапито.

Беспокойство Альфария лишь усилилось, когда понял, что командоры ждут, чтобы он изменил направление и тут же направился в лазарет. Он понятия не имел, где тот находится! Альфарий принялся рыскать взглядом в поисках знака или отметки, которые указали бы верный путь. Ничего. Он с отчаянием перевел взгляд обратно на Агапито и Бранна.

— Можешь проехаться в лифте со мной, — раздался голос из коридора.

Альфарий быстро обернулся и заметил белые доспехи Винсента Сиккса, апотекария, которого он встретил после

внедрения в легион на Исстваане-V. Тот стоял позади Альфария в небольшом преддверии возле открытого лифта.

— Неплохая идея, — сказал Альфарий, облегченно вздохнув. Он включил мотор тележки и направил ее к ждущему апотекарию. Едва Альфарий остановил тележку на металлическом полу лифта, Винсент закрыл за ним дверь.

— Знаю, что ты чувствуешь, — сказал Сиккс и дернул рычаг, чтобы лифт поднялся на верхние уровни. — Самому кажется, будто был тут целых сто лет назад. С трудом вспоминаю, что где расположено.

— И то правда, — согласился Альфарий. Внезапно у него возникла мысль. — Не припоминаю тебя в экспедиции на Терру.

— А я оставался на «Мстителе», — сказал Сиккс. — Я теперь главный апотекарий, поэтому примарху не обойтись без моей помощи. Скажу честно: даже то немногое, что я увидел, уже выше моего понимания. Большую часть работы будет делать Нексин, техноадепт. Мне

отведена роль посредника.

— Почетная обязанность, — заметил Альфарий, — и большая ответственность.

— К которой я нисколько не готов, — безрадостно сказал Сиккс. — В зоне высадки братья-апотекарии понесли тяжелые потери. Похоже, мы были для предателей одной из основных целей. Оттуда выбралось лишь семеро наших, и, хотя я провел в апотекарионе всего пятнадцать лет, оказалось, что я прослужил там дольше всех. А теперь они хотят, чтобы я запустил весь проект.

— Не сомневаюсь, Коракс верит в тебя. — Лифт со скрежетом остановился, и Альфарий открыл дверь. — Мы все зависим от тебя, Сиккс. Ты нас не подведешь.

— Лазарет в той стороне. — Апотекарий указал направо.

— Спасибо, уже вспомнил, — произнес Альфарий. — Благодарю за помощь. Дай знать, если смогу чем-то помочь.

— Не сомневайся, я найду вам всем работу, — ответил Сиккс. — Если из сказанного Нексином хотя бы половина

окажется правдой, вам будет чем заняться. Восстановление легиона — дело сложное.

«Не настолько сложное, как его уничтожение», — подумал Альфарий, провожая взглядом апотекария.

Аккуратно сжимая электросварочный аппарат кончиками пальцев, Страдон Винальт другой рукой придерживал газоотводную перегородку. На кожу, уже испятнанную десятками ожогов, сыпались искры, но работа была настолько деликатной, что он не мог воспользоваться защитными перчатками. Незамеченная, боль тут же проходила.

Закончив работу, он отложил инструмент в сторону и откинулся на спинку стула. Из других мастерских доносился грохот пневматики и треск установок для микросварки. В воздухе витал густой запах керамитового адгезива: примитивные фильтрационные системы нижних уровней Шпиля Воронов не могли справиться с огромным объемом пара от работы оружейников.

Арториум Шпиля Воронов был оснащен куда лучше, чем на «Мстителе», и после возвращения на Освобождение работа продвигалась сравнительно быстро. Достаточно быстро, надеялся он. Из того, что Бинальт слышал о прогрессе с новым генотехом, — лорд Коракс сможет повести новый легион на войну уже через несколько десятков дней. Технодесантник покрутил форсунку по обеим осям, удовлетворенный плавным ходом сочленений. Взяв тряпку, он стер осадок с клапана патрубка для подвода горючего и опустил перегородку на место.

Бинальт прикрыл свою работу защитным чехлом и, поднявшись, заметил в дверях командора Агапито.

— Ты говорил, что хочешь мне что-то показать.

— Да, командор, — сказал он. — Идите за мной.

Он повел Агапито мимо открытых мастерских, где в свете флуоресцентных ламп и сварочных искр трудились другие технодесантники и их помощники. На стенах рядами висели наплечники и

усиленные поножи. Более полные комплекты доспехов хранились в залах арториума, где небольшая армия сервиторов с помощниками подсоединяла к отремонтированным доспехам силовые кабели и системы жизнеобеспечения.

— Сюда. — Бинальт указал на массивную противовзрывную дверь слева. Технодесантник ввел на панели код, и дверь поднялась, воя гидравликой. За ней находился испытательный полигон.

Когда они вошли, включился свет, озарив узкое пространство длиною в сотню метров, выкрашенное в белый цвет и покрытое тонкой сетью красных линий. В дальнем конце перед стеной, изрытой выбоинами и щербинами от выстрелов, стояли три комплекта доспехов. Бинальт повернулся к ящику справа и вынул болтер. Затем потянулся к коробке, стоявшей на полке под ним, достал оттуда снаряды и зарядил оружие, прежде чем протянуть его Агапито.

— Выстрелите в левый доспех, — сказал технодесантник. — Цельтесь в наплечник.

Агапито поднял болтер и прицелился. С кашляющим звуком оружие выстрелило, болт-снаряд на миг вспыхнул, пролетел через весь зал и врезался в левый наплечник пустого доспеха. Раздался еще один взрыв, эхо удара донеслось до двух десантников. По стрельбищу разлетелись осколки керамита, но, когда дым рассеялся, оказалось, что наплечник почти не поврежден.

— Это наш стандартный снаряд против доспехов четвертой модели, — произнес Бинальт. — Как видите, эффект минимальный.

— Да уж, это я вижу, — ответил Агапито.

— Но в Ургалльской резне изменники выкосили тысячи Астартес, — продолжил Бинальт. Слова звучали бесстрастно, но он с болью в сердце вспомнил картины гибели его братьев. Он чувствовал бессилие, когда снаряды его болт-пистолета едва царапали доспехи предателей, хотя их оружие беспощадно убивало Гвардейцев Ворона. — Я извлек фрагменты боеприпасов врага из доспехов

уцелевших легионеров.

Взяв у Агапито болтер, Винальт сменил магазин и протянул оружие обратно командору.

— Также мне удалось достать несколько экспериментальных снарядов, которые наши братья из Имперских Кулаков вывезли с Марса, прежде чем там началось восстание. У нас нет нужных мощностей, чтобы воссоздать их, но, полагаю, я изготовил их аналог.

Агапито прицелился и вновь выстрелил. В этот раз другой наплечник доспехов разлетелся вращающимися осколками и каплями расплавленного керамита.

— — — Мщение... — пробормотал командор. Он опустил болтер и взглянул на технодесантника. — Впечатляюще, но также сильно беспокоит. Получается, предатели получили доступ к технологиям Марса еще до Исстваана.

— Корни их предательства уходят глубоко, командор, — мрачно кивнув, согласился Винальт. — Но теперь у нас есть что им противопоставить.

Пожалуйста, выстрелите в доспех посередине.

На средней стойке находился доспех, который Винальт модифицировал с помощью мультипластин и усиленных наплечников. В этот раз после выстрела Агапито наплечник нагрелся и покраснел. Как и в предыдущем случае, выстрел сопровождался разлетевшимися во все стороны обломками, но когда звон стих, Гвардейцы Ворона увидели, что расколот был только внешний слой брони, внутреннее покрытие осталось невредимым.

Агапито молча разглядывал доспехи в дальнем конце зала. Он рассеянно протянул болтер Винальту, не отводя взгляда от поврежденных комплектов.

— В чем дело, командор? — спросил технодесантник. — Что-то не так?

— На Исстваане я убил по меньшей мере сотню космических десантников, — тихо произнес Агапито. — Они были такими же Астартес, как и мы. Никогда и помыслить не мог, что совершу подобное.

Командор резко покачал головой и

отвел взгляд от доспехов.

— Эта война просто так не окончится. Нужно свыкнуться с мыслью.

В темных небесах Тэриона грохотал гром, фиолетовое ночное небо раскалывали молнии, отблескивая в стеклянных стенах Великой консерватории. В десяти тысячах граней отражалась буря, яркая даже на фоне горящего внутри света.

Гиппоканты выдыхали пар, их клочковатая шерсть успела намокнуть, пока кучер гнал зверей сквозь усиливающийся дождь. Дорога впереди постепенно превращалась в поток, вода стекала по насыпи у границы деревьев, растущих вдоль подъездного пути до самого особняка. Кучер был закутан в дождевик, из-под которого мелькнули только глаза и нос, когда он обернулся к решетке в карете за его спиной.

— Почти на месте, префектор, — глухо сказал Пелон.

— Отлично, Пелон, — послышался отрывистый голос Валерия.

Слуга поднял отвороты плаща и

поправил хлястик на подбородке, не позволявший широкополой шляпе слететь с головы. Его одежда не предназначалась для подобной погоды, но Валерий решительно настаивал на том, что им следовало как можно скорее попасть в дом отца. Редкая в этих краях буря не позволила им отправиться самолетом, а дворянин Тэриона никогда в жизни не сел бы в газкарт, и в итоге не осталось иного варианта, кроме как воспользоваться традиционной каретой.

Широкие колеса с шипением проносились по лужам; Пелон притормозил, чтобы пересечь маленький мостик, переброшенный через исходящий паром ручей. Денщик управлял гиппокантами с помощью небольшого пульта на возвышении рядом с местом кучера. Он ловкими пальцами передвигал рычажки, и устройство направляло радиосигнал в камеры давления упряжи зверей, чтобы те либо наполнялись воздухом, либо спускали, направляя гиппокантов влево или вправо, понукая или, наоборот, замедляя.

Ворота впереди были уже открыты, и карета, не снижая скорости, проехала под аркой из серебра, выкованной в форме двух свившихся змей — герба Тэриона.

— Правь к западному входу, — приказал Валерий через громкоговоритель.

Пелон направил карету по гравию, когтистые лапы гиппокантов выбрасывали назад камешки, громко барабанившие по днищу. Денщик чуть притормозил и повел зверей шагом, пока дверца кареты не поравнялась с кирпичной дорожкой, ведущей к колонному входу в Великую консерваторию.

Несмотря на бурю, многие окна были распахнуты настежь. Вокруг рам Пелон заметил характерное мерцание погодных щитов. Сквозь дождь слышались звуки музыки и разговоров. Пелон притормозил и бросил оттяжки на спины гиппокантов, после чего развернулся в кресле и открыл замок. Дверь распахнулась, зашипев пневматикой. Пелон тут же достал из-под кресла огромный зонт и спрыгнул на дорожку в тот самый миг, когда Валерий

вышел из кареты.

— Похоже, вечеринка в разгаре, — заметил Валерий, шагая по мокрой дорожке. Пелон двигался рядом, стараясь не выпустить красно-белый зонт, превратившийся в парус на ветру.

— День рождения вашей племянницы, Низеллы, — ответил Пелон.

— Ах, она... — сказал Валерий. — Такая милая девочка.

— Уже не девочка, префектор, — заметил Пелон. Они дошли до небольшого крыльца, ведущего к входу. — Ей уже шесть. Настоящая женщина.

— Сколько это по-террански? — спросил префектор, поднимаясь по ступеням. — Не понимаю, почему ты используешь старый календарь, Пелон.

«Потому что до Согласия он исправно служил нам восемьдесят поколений», — подумал Пелон, но вместо этого ответил:

— Около семнадцати терранских лет, префектор.

— Как быстро летит время, — задумчиво сказал Валерий, когда они прошли под стеклянным навесом.

Слуги в ливреях взяли у Пелона зонт и без лишних слов сняли с Валерия промокшую верхнюю одежду. Они вели себя с непринужденностью людей, отслуживших в Когорте, и пуговицы-значки на лацканах только подтверждали это. Они ничего не спросили у новоприбывших и просто отступили в сторону, чтобы дать им пройти. То, что Валерий носил красный пояс тэрионской знати, было достаточным основанием находиться здесь. Неправомочное ношение красного цвета считалось преступлением на Тэрионе.

Утопая ногами в ворсистых коврах, Пелон пошел первым, по стеклянному своду у них над головами барабанил дождь. У дверей, ведущих в консерваторию, их ждали лакеи с золотыми подносами, на которых стояли спиральные бокалы с вином. Пелон взял один для своего повелителя, но префектор взмахом руки отказался от напитка и шагнул внутрь. Недолго думая Пелон осушил бокал и поставил его обратно на поднос под хмурым взглядом слуг. Денщика Валерия меньше всего волновало их неодобрение.

Будучи обычной домашней прислугой, в неформальной иерархии своего класса они стояли гораздо ниже помощника префектора.

Он проследовал за Валерием на почтительном расстоянии, пока префектор пересекал зал консерватории. Праздник был в самом разгаре. Нарядные женщины в украшенных драгоценностями париках кружились в танце с мужчинами в парчовой форме, расшитой золотыми галунами — вихрь искрящихся цветов и украшений. Висевшие на белом потолке люстры заливали все мягким синим светом, еще больше усиливая нереальность происходившего.

В стороне на небольшой сцене квинтет играл на охотничьих рожках и ринтарах, задавая медленной музыкой темп для танцующих пар. Даже те, кто не принимал участия в танцах, двигались в ритм с музыкой, делая грациозные шажки с каждым свистом и треньканьем.

Валерий нарушал этот ритм, торопливо шагая к спиральной лестнице, ведущей на галерею, с которой открывался

вид на весь зал. Префектор постоянно на кого-нибудь натыкался либо уклонялся в последний момент, его передвижение превратилось в череду неуверенных шагов, сопровождаемых извинениями. Пелон догнал своего повелителя и принялся помогать ему, подбирая сброшенные шляпы, упавшие ножны и трости, а также разглаживая примятые сорочки и рукава жителей по следам Валерия.

Внезапно путь им преградил человек с бочкообразной грудью, густыми бакенбардами и кустистыми бровями. Поверх синей формы он был перепоясан красно-черным поясом, указывающим на то, что он когда-то служил в Когорте, но уже не был кадровым офицером. Мужчина хлопнул Валерия по плечу, едва не сбив удивленного префектора с ног.

— Марк! — громогласно воскликнул мужчина, в котором Пелон узнал Раулия Табалиана, дальнего родственника правящей династии. Он значительно раздался вширь с тех пор, как Пелон видел его в последний раз приблизительно пять терранских лет назад.

— Извини, мне нужно срочно поговорить с отцом, — сказал Валерий, протолкнувшись мимо Табалиана. Тот недоуменно уставился на своих товарищей.

— Прошу прощения, советник Табалиан, моему повелителю срочно нужно обсудить некоторые дела с Цезарем, — торопливо извинился Пелон, поравнявшись с мужчиной. — Уверен, префектор вскоре к вам присоединится.

Появление Валерия вызвало настоящий переполох, который расходился вокруг него, будто круги на воде. Табалиан с несколькими товарищами последовал за ним к спиральной лестнице, и толпа выросла до десятка человек к тому времени, как префектор начал взбираться по кованым железным ступеням. Пелон пробирался сквозь толпу как можно аккуратнее, а затем что есть духу бросился по лестнице, пытаясь поспеть за повелителем.

Правящая семья Тэриона восседала на низких кушетках, с которых открывался великолепный вид на всю консерваторию, даже более чудесный, чем снизу.

Музыканты завершили партию, и полдесятка членов семьи Валерия встали, вежливо аплодируя.

— Смотри, отец, это же Марк! — раздался голос женщины, немного старше самого префектора, — его сестры Миании.

Все взоры обратились к нему, едва он вышел на украшенную балюстрадой галерею, зажав шлем под мышкой, и коротко поклонился.

— Цезарь, — произнес префектор, не отрывая взгляда от бархатистого ковра.

— Префектор, — таким же официальным тоном поприветствовал его отец.

Цезарь Валентин Валерий стал самым молодым обладателем этого титула, получив его всего в семнадцать лет — в шестьдесят по терранскому летоисчислению. Он казался еще более низкорослым и худым, чем его старший сын, был гладко выбрит, волосы имел светлые, редеющие, собранные в тугой узел на затылке. Его форму увешивали аксельбанты и награды, полученные в Когорте Тэриона на службе Императору и

Гвардии Ворона.

Цезарь протянул руку, три пальца которой, включая большой, были заменены механической аугментикой. Правое ухо также было протезом, мужчина стоял немного кривобоко на бионической ноге. Марк принял руку и слегка прикоснулся к ней губами, прежде чем выпрямиться.

— Добро пожаловать на Тэрион, сын, — объявил цезарь и крепко прижал к себе Марка.

— Дай и другим обнять его, — сказала Юлиана, жена цезаря. Она отняла Марка у мужа и тоже заключила сына в объятия, звучно поцеловав в щеку.

— У меня важные новости, — поспешно сказал Марк, отстраняясь от материнской ласки.

Пелон выглянул через перила балкона и увидел, что гости внимательно следят за тем, что происходит между членами правящей семьи, — бокалы остановились у самых губ, разговоры постепенно утихли.

— Выпей, Марк, — сказал Антоний, младший из двух сыновей цезаря. Он выглядел как более светловолосая копия

старшего брата, со шрамом от пули на правой стороне подбородка. — Почему ты такой мрачный?

— Да, сын, присядь и расскажи, что стряслось, — сказала Юлиана, взяв бокал вина со столика, закрепленного прямо на балюстраде. — Прошло так много времени.

— Хорус восстал против Императора.

Тихие слова префектора разлетелись по залу, и после них наступила абсолютная тишина. Внизу раздался звон металла и разбитого стекла, когда слуга от шока выронил поднос.

— Что ты сказал? — не понял цезарь. — Ты о чем?

— Сыны Хоруса — изменники, — повторил Марк. Дрожащей рукой он взял бокал из рук матери и осушил его до дна. Дальше он продолжал шепотом: — Воитель хочет свергнуть Императора. Многие легионы Астартес встали на сторону Луперкаля. Будет гражданская война.

— Здесь какая-то ошибка, — прошептала Юлиана. — Возможно, часть его легиона, но чтобы сам Хорус...

— Что с Гвардией Ворона? — спросил цезарь.

— Бессмыслица какая-то, — произнес Антоний. — Ты уверен?

— Все произошло на Исстваане, — сказал префектор, сжав зубы от одного только воспоминания. — Я видел, что случилось. Я и еще горстка людей — все, что осталось от Когорты Тэриона. Гвардия Ворона верна. Лорд Коракс отправил меня сюда. Легион почти уничтожен, и, похоже, предателям удалось истребить Саламандр и Железных Рук.

Цезарь осел на кушетку, его лицо стало белым как снег, рот раскрылся в немом шоке. Пелон услышал стук шагов и заметил, что некоторые гости направляются к выходу. Денщик осторожно потянул своего повелителя за локоть.

— Префектор, можно сказать?

— Помолчи, Пелон, — шикнул Марк, отдернув руку.

— Гости уходят, — заметил Пелон, указав на консерваторию. — Повелитель, слухи могут навредить.

— Твой человек прав, — сказал

Антоний. Он обернулся к цезарю. — Отец, если новости разлетятся, то вызовут истерию и панику.

Цезарь махнул своему главному советнику, трибуну Пеллису, и тот поднялся с кресла в дальнем конце галереи.

— Никому не покидать здания! — приказал Валентин. — Конфискуйте все переговорные устройства. Ждать моего официального заявления. Это касается и слуг. Пусть у каждого входа станут ветераны, никто не входит и не выходит, пока я не прикажу другого.

Пеллис кивнул и отошел. Цезарь уже оправился от шока и поднялся на ноги. Он бросил на Марка исполненный тревоги взгляд и стал ходить вокруг кушетки.

— Полагаю, Коракс отправил тебя воссоздать Когорту, — сказал он, и в ответ получил утвердительный кивок от сына. — Люди не проблема, мы отказывали добровольцам последние два года. Но после восполнения потерь нам понадобятся корабли.

— Натол Прим, там есть флот, — вмешался Антоний. — Старые корабли,

вернувшиеся с натолскими полками, но они сослужат хорошую службу, если ты отправишь весть местному совету.

— Да, и еще мы можем получить помощь мира-кузницы, как он там зовется?

— Некоторые из Механикум вступили в союз с Хорусом, — заговорил Марк, прежде чем цезарь получил ответ на свой вопрос. — Ты говоришь о Бета Корниксе, отец. Лучше сначала убедиться, на чьей они стороне, прежде чем обращаться к ним.

Цезарь застыл как вкопанный, ужаснувшись столь жутким новостям; выражение его лица едва не заставило префектора пожалеть о сказанном. Через пару секунд он пришел в себя и вновь принялся мерить комнату шагами.

— Тогда у нас будут проблемы с поставками оружия, — сказал Валентин.

— Кузницы Киавара покроют любой дефицит, — заметил префектор.

— Хорошо, хорошо. Первую волну набора Неллис начнет уже утром. С деталями будем разбираться, когда

отдадим необходимые приказы. — Цезарь остановился и вцепился в перила. Слуги вели гостей к главному зданию, направляя их, словно гиппокантов. Один из музыкантов громко возмущался, и, когда его выводили со сцены, он размахивал своей лирой, словно полковым знаменем. — Что еще нам нужно решить сейчас?

— Командующий, — строго сказала Юлиана, — вы не покинете Тэрион; только не теперь.

Цезарь разочарованно поник и кивнул. Пару мгновений он беззвучно шевелил губами, решая возникшую проблему, а затем улыбнулся и вновь посмотрел на Марка.

— Что ж, не будем загадывать слишком далеко, да, сын? — сказал правитель Тэриона, положив руку на плечо префектора. — Тебе известно о происходящем куда больше нашего. Ты сможешь возглавить Когорту.

— Это большая честь, отец, но я всего лишь префектор, — ответил Марк.

— Чепуха. Я здесь командую, поэтому назначаю тебя вице-цезарем. Полная

власть. Антоний займет место префектора.

Марк недоверчиво покачал головой, пару раз открывал и закрывал рот, но потом опомнился. Он упал на колено и, взяв руку отца, поцеловал ее.

— Я обязуюсь служить, — произнес он слова клятвы Когорты, — Императору превыше всех! За Тэрион и Просвещение!

Пелон подавил улыбку. Быть слугой префектора — это одно, но помощником вице-цезаря — совсем другое. Если ему повезет, а Пелон не видел причин, почему не заслужил толику удачи, он мог стать даже субтрибуном.

— Убедись, что покои твоего повелителя готовы, — сказала Юлиана Пелону. — Валерий не предупредил о своем прибытии, поэтому я понятия не имею, в каком они состоянии.

Кивнув, Пелон отступил в сторону. Даже будучи субтрибуном, ему придется заправлять постель. Пелону было приятно думать, что в жизни оставались вещи, изменить которые не смогло даже предательство Воителя.

Глава одиннадцатая
ВОЗРОЖДЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ НЕСАНКЦИОНИРОВАННАЯ ПЕРЕДАЧА ПОЯВИЛИСЬ СОМНЕНИЯ

Когда Коракс вошел в стерильное помещение новой лаборатории генотеха, писк машин и фоновый гул энергетических кабелей вызвали у него подсознательное чувство уюта. Жужжали центрифуги, сервиторы передвигались от одной рабочей станции к другой с образцами и пробами. Винсент Сиккс сидел у пяти экранов, изучая светящиеся таблицы данных и изображения спиралей.

У длинного стола, заставленного инфопланшетами и различным оборудованием, Нексин Орландриаз пристально всматривался в прозрачную панель, лениво барабаня пальцами по пустой реторте. Сиккс немедленно

обернулся, когда услышал звук шагов Коракса по выложенному плиткой полу. Орландриаз был слишком поглощен работой, чтобы заметить приближение примарха.

Спокойствие нарушалось грохотом металлических ног сервиторов и треском телепринтера, когда анализатор выплевывал последние результаты. При ближайшем рассмотрении становилось ясно, что комната застыла на грани между порядком и анархией. Участок Сиккса был аккуратным, прибранным и компактным, в то время как рабочее место магоса расползлось на несколько экранов и столиков, расположенных вокруг его высокого стула.

— Вы сообщили о серьезных трудностях, — сказал Коракс, остановившись рядом с Сикксом, чтобы посмотреть на дисплеи. — В чем дело?

— Сочетаемость, — оторвавшись от работы, ответил Орландриаз, расширенные зрачки магоса сузились, когда он сосредоточился на Кораксе. — Император каким-то образом упростил

материал примарха, чтобы создать шаблон легионера-Астартес, но возможных вариантов слишком много, чтобы проверить их все. Согласно моему математическому анализу нам понадобится пять лет беспрерывных исследований, чтобы сократить их к подходящему количеству для физических экспериментов.

Коракс удивленно взглянул на Сиккса.

— Прошло лишь двадцать дней, — сказал примарх. — Рановато признавать поражение, не находите?

— Генетический код примарха намного сложнее стандартного генетического семени Гвардейца Ворона, — пояснил апотекарий. — Для создания ветви легионера Астартес Император удалил лишь пару элементов изначальной информации и еще около десятка из кода Легио Кустодес, которые мы извлекли из терранского хранилища. Чтобы вычленить нужные нам мутации и способность клеток к самокопированию, а также имплантировать их в наше генетическое семя, нам необходимо

воссоздать генокод Гвардии Ворона в нужной последовательности. Для этого подходят миллионы последовательностей даже из одной ветви примарха, а нам предстоит выбирать из двадцати уникальных кодов примархов.

— Возьмем, к примеру, образец четыре, — произнес генетор майорис. — Мы смогли распознать по крайней мере шесть уникальных субкомплексов и белковых ветвей, направленных на усиление физической выносливости, которых нет в остальных образцах. В нем не хватает части улучшенных генов, они, судя по всему, увеличивают цитоархитектоническую структуру, отвечающую за развитие ноцицепторов и проприоцепторной функции. Похоже, этот изъян умышленный. Целый набор клеток генетического кода объекта шесть взят из источника нечеловеческого происхождения — возможно, собачьего. У объекта двадцать отсутствует набор усилителей, отвечающих за рост. В общем, нам удалось каталогизировать семьсот восемьдесят три различия между

образцами. То есть общий для всех образцов корневой материал, квинтэссенция примарха, за неимением лучшего термина, крайне незначительна в сравнении с тем, что я ожидал обнаружить.

— Понятно, — сказал Коракс.

В генетической манипуляции он разбирался достаточно хорошо, чтобы осознать проблему, с которой они столкнулись, но даже обширных познаний примарха было недостаточно, чтобы отыскать решение. Какое-то время он вглядывался в экран, запоминая разнообразные вращающиеся спирали клеток. Коракс рассматривал таблицы данных, но, вместо того чтобы читать их, просто запоминал, надеясь, что информация пробудит в нем воспоминания Императора.

Вспоминалось только чувство грусти.

Император старался мотивировать себя, чтобы снова повторить исследования, на которые у него ушли века. Все было разрушено... Чем именно — Коракс не знал.

Тут в воспоминаниях Императора зияла пустота. Примарх сосредоточился на том, что случилось после периода неведения.

В его сердце появилась надежда. Он зря отчаивался. Вместо того чтобы создать двадцать сверхчеловеческих воинов, он мог произвести тысячи, сотни тысяч солдат нового поколения. Каждый из них будет обладать лишь толикой силы примарха, это так, но благодаря их количеству это будет уже не важно. Коракс задержался на этом мгновении, в его воображении возникли ряды воинов в доспехах, приветственно воздевших кулаки и знамена. Он создаст армию. Нет, не просто армию — легион.

С этой мыслью он вновь принялся за работу. Не было нужды создавать легион из одной-единственной зиготы. Только на Терре обитали миллиарды людей. Согласно воспоминаниям, Император отбросил гигантское количество генетической информации примарха, которую счел излишней в новых планах. Он сосредоточил усилия на улучшении того, что ему удалось открыть в ходе работы

над проектом примарха, отсеяв способности и черты, которые можно было вывести лишь с момента рождения, и решив развивать те, что содержались в пригодных для имплантации генетических нитях.

Примарх ухватился за эти воспоминания и погрузился в них. Коракс отодвинул Сикикса в сторону и подтянул к себе сенсорный экран. Поначалу неуверенно, он принялся нажимать сенсоры, пробираясь через массу закодированной информации. Постепенно, когда воспоминания стали мелькать все быстрее и быстрее, движение его пальцев тоже ускорилось. Руки танцевали над экраном, Коракс погрузился в сложные схемы генов, отделяя исключенные Императором последовательности и белки, в мельчайших подробностях следуя по стопам своего создателя. Изображения и таблицы стали расплываться, пока примарх изолировал генетические фрагменты и сегменты повторяющихся клеток, некоторые отбрасывая в сторону, другие же передвигая в отдельный раздел.

Пять минут он работал с ошеломительной скоростью, увязывая подсознательные воспоминания с сознательными действиями. В какой-то момент Орландриаз встал рядом с ним, он смотрел на сплошной поток информации, неистово кивая и что-то бормоча себе под нос.

Глубоко вдохнув, Коракс остановился и выпрямился.

— Виртуозно! — восхищенно прошептал Орландриаз.

— Возможно, если бы вы уделили нам пару минут, мы смогли бы решить сразу всю проблему, — ухмыльнулся Сиккс.

— Если бы все было так просто, — произнес Коракс. Сам он ничего не сделал, а лишь воспользовался чужими воспоминаниями. Император не пытался создать то, что требовалось Кораксу, и поэтому у примарха не было знаний, которыми он мог бы воспользоваться. — У вас осталось для анализа всего семьдесят две генетические ветви.

— Постойте, пожалуйста, — сказал Орландриаз и взял Коракса за руку, когда

тот отвернулся.

Примарх раздраженно посмотрел на пальцы магоса, походя заметив, что ногти техножреца словно были сделаны из тусклой бронзы. Осознав свою ошибку, Нексин убрал руку и, прося прощения, склонил голову.

— Простите, лорд Коракс, — сказал магос. — Во время перерыва мы с главным апотекарием вступили в диспут, но к согласию нам прийти не удалось. Я хотел бы услышать ваше мнение по данному поводу.

— Какой еще диспут? — спросил Коракс, одарив Сиккса пристальным взглядом, и апотекарий, в свою очередь, хмуро посмотрел на своего коллегу.

— Я считаю, что ваши планы можно вывести на качественно новый уровень, — произнес магос.

— Это даже не обсуждается, — сказал Сиккс, резко взмахнув рукой. — Подобное противоречит всем нашим принципам.

— О чем вы? — не понял Коракс.

— Мы можем упростить себе задачу, если начнем проект изначальным

клеточным поколением, а не с помощью гибридизации существующего организма.

— Клонирование, — отрезал Сиккс. — Магос считает, что нам следует клонировать новых воинов, а не модифицировать генетическое семя для имплантации. Я напомнил ему, что этот процесс связан со многими сложностями, не говоря уже о проблемах в будущем.

— Твои аргументы иррациональны, — произнес Орландриаз, хмуро взглянув на главного апотекария. — Эмоциональны.

— Не следует отбрасывать все возможности, — сказал Коракс и поднял руку, чтобы успокоить Сиккса. Мимолетная мысль Императора всплыла в его сознании, философская точка зрения, к которой пришел его создатель после того, как у него отняли примархов. — Должен сказать, прямым клонированием можно воспользоваться лишь в самом крайнем случае, если не останется другого выхода. Магос, есть веская причина, почему Император не клонировал свои легионы из одной шаблонной клетки. В результате получившиеся легионеры были

бы идентичными. Без случайных мутаций в человеческой генетической структуре не будет возможностей для вариативности. Сила легионеров-Астартес в том, что они похожи, но не идентичны. Такие качества, как лидерство, интеллект и склонности к разным дисциплинам, делают нас такими гибкими и позволяют выполнять множество задач.

Даже примархов не создали одинаковыми. Император понимал важность изменчивости. Кроме того, есть еще один момент. Легионеры Астартес — воины человечества, которые во многом отличаются от простых людей и превосходят их, но легионеров всегда набирают из тех, кого им предстоит вести и защищать. Пусть легионер — неочеловек, но когда-то он был человеком. Легионер Астартес не просто орудие войны, но воплощение плана Императора, совершенный символ и пример остальному человечеству, к чему следует стремиться. На завоевание Галактики Император ведет именно человечество, а не выведенный в лаборатории новый вид.

— Спасибо, лорд, — сказал Сиккс, бросив косой взгляд на Орландриаза. — Намного точнее, чем я смог бы объяснить.

— Я понял вашу позицию и ее обоснование, — произнес магос. — Я согласен с вашим мнением.

— Приступайте к работе, — сказал Коракс. — Этот прекрасный символ был осквернен Хорусом. Я хочу, чтобы он засиял вновь.

После того как вошел примарх, за которым по пятам следовал командор Бранн, атмосфера в доке изменилась. Навар Хеф почувствовал, как возросло напряжение, и вытянулся еще сильнее. Он видел примарха воочию всего лишь второй раз. Первый раз был, когда его принимали в рекруты Гвардии Ворона. Теперь Коракс пришел сюда, всего через восемь дней после прибытия на Освобождение, чтобы проверить новое поколение рекрутов. Навар, как и остальные двести девяносто девять детей, не сводил глаз с примарха, пока тот шагал по галерее в дальнем конце отсека. То, что Коракс нашел для

них время, учитывая, сколько его одолевало забот, свидетельствовало об обстоятельности примарха.

Триста новициатов вытянулись по стойке смирно, группа худощавых юношей в черной одежде, с коротко подстриженными волосами и горящими глазами. Коракс кивнул собравшимся рекрутам, и Навар ощутил, как группу захлестнула волна гордости. Простой, непринужденный жест для примарха, но свидетельствовавший об оказанном им уважении — такой не смог бы повторить никто, кроме Императора.

Приказ роте рекрутов упаковать свои немногочисленные пожитки и собраться в Терминале Центрус Шпиля Воронов породил в прилегающих к великой башне блоках новициатов море слухов. Навар и многие другие придерживались мнения, что их отправят прямиком в бой. Он слышал, к сожалению из вторых рук, о потерях легиона на Иссваане-V и понимал, что Кораксу непросто будет смириться с этим. Другие поговаривали, что их эвакуируют на Терру, что Освобождение находится в опасности и

что вместе с ними отбывает весь легион. Конечно, Навару подобное казалось полной бессмыслицей. Он не сомневался, что Гвардия Ворона защищала бы свой дом до последнего человека.

Некоторые даже заявляли, будто историями об измене Хоруса просто испытывали их решительность, что слухи распространяет сам примарх, чтобы увидеть, кто из них достаточно смел и отважен, чтобы стать легионером. Последняя, самая незначительная группа нудила о том, что после затишья, последовавшего за уходом Бранна, обычная процедура набора изменилась и что просто начинается новый этап тренировок. Подобные заявления Навар, конечно же, не воспринимал всерьез — хотя Хеф знал, что был способным бойцом и в физическом отношении превосходил любого другого парня с Освобождения, ему было всего десять терранских лет, и он вместе с остальными считался слишком молодым для начала процесса усовершенствования.

То, что Коракс решил обратиться к ним лично, лишь укрепило Навара во

мнении, что происходит нечто из ряда вон выходящее. Он тут же отбросил праздные мысли, стоило примарху открыть рот. Коракс говорил тихо, но уверенно, голос был наполнен убежденностью и властностью. Его невозможно было не слушать, и Навар тут же позабыл обо всех слухах и перешептываниях.

— Вы доказали свою исключительность, доказали, что вы — лучшие и самые яркие из всех, кого может предложить человечество, — начал Коракс. — Каждое новое поколение Гвардейцев Ворона является хранителем традиций легиона, это будущие воины Императора. Но те, кто здесь собрался, станут кем-то большим. Вы воплотите образец Гвардейца Ворона и идеалы Освобождения, как никто прежде. Вскоре вы будете легионерами и должны гордиться этим. Но также вам предстоит взвалить на себя бремя, которого до вас не несло ни одно поколение.

Коракс облокотился на стальные перила и, закрыв глаза, склонил голову. Когда он вновь посмотрел на них, Навар

едва не утонул в бездонной черноте его глаз. Коракс продолжил, и благоговение в мальчике сменилось ужасом.

— Большая часть того, что вы слышали за прошедшие дни, — правда. Воитель, Хорус Луперкаль, предал Императора. Гвардия Ворона понесла тяжелые потери, и наша численность сильно сократилась. Вы станете первыми легионерами, с которых начнется наше возрождение, первым поколением, что будет сражаться во имя восстановления попранной славы. Ныне опасное время, не виданное ранее в истории легиона. Вас испытают, физически и духовно, как ни одного легионера до этого.

Примарх просветлел лицом, и показалось, будто вместе с ним засиял сам зал.

— Поверьте, вы не провалите испытаний. Ваша решимость и отвага не подведут вас. Став новициатами, вы уже доказали, что достойны нести знак Гвардии Ворона. Несведущие могут разглядеть лишь юные лица и неопытные сердца, но они не видят того, что вижу я.

Я вижу в вас ту же доблесть и честь, что и в юношах и девушках, сражавшихся вместе со мной за освобождение Ликея. Они — тот пример, к которому вы должны стремиться, пример, который вы должны превзойти. Если не верите мне, то посмотрите на старину Бранна. Я помню его еще младенцем, тянущимся к материнской груди!

Навар рассмеялся вместе с остальными; мысль о том, что седовласый командор когда-то был ребенком, одновременно развеселила и смутила его. Лицо Коракса вновь потемнело, и смех моментально стих.

— Испытания начнутся немедленно. Во время испытаний ваши настойчивость, выносливость и ответственность будут проверены самым тщательным образом, но это лишь небольшая разминка перед настоящими трудностями, ожидающими вас. Вы будете сражаться как Гвардия Ворона. Вы будете становиться сильнее. — Коракс воздел кулак. — Я приветствую вас, рекруты Гвардии Ворона! Ваш транспорт ждет! Вы покидаете Шпиль

Воронов новициатами, а вернетесь уже истинными Астартес!

— За Императора и легион! — воскликнул Бранн, повторив жест лорда.

— За Императора и легион! — закричал Навар вместе с остальными рекрутами, подняв кулак как можно выше и стараясь, чтобы его голос звучал как можно мужественнее.

Есть время для скрытности, но есть и время для насилия. С момента прибытия на Киавар Омегон использовал исключительно первое, но когда голова часового треснула в его пальцах, он испытал облегчение, едва ли не радость. Стряхнув с перчаток вязкое мозговое вещество и осколки черепа, Омегон переступил через дергающееся тело, а Руфан с Алиасом остановились, чтобы подобрать его. Альфа-Легионеры без лишних слов подняли труп и небрежно бросили останки в химический отстойник. Ядовитая жидкость забулькала и извергла метан, когда в нее погрузилось тело.

Заляпанными кровью пальцами

Омегон рванул прутья решетки сточного канала, изъеденный ржавчиной металл испачкал ладони. Развернувшись, примарх боком пролез в трубу, которая едва вмещала его бронированное тело. По дну рокритового канала сочилась тонкая струйка стоков, вонючая, но не представлявшая для Омегона опасности.

Алый свет, льющийся снаружи, здесь был слабым и тусклым. Омегон активировал фонари доспехов, из мощных излучателей вокруг его глазных линз вырвались два конуса желтоватого света. Трое воинов Альфа-Легиона осторожно направились вглубь, звук шагов глушился подошвами из похожего на резину материала. Наконец, пройдя сорок метров по постепенно поднимающемуся каналу, они остановились у следующей решетки. С новой преградой у Омегона возникло затруднений не больше, чем с первой, и спустя пару секунд он вошел в расположенную за ней комнату.

Комната была шестиугольной, потолок находился чуть выше, чем примарх мог дотянуться кончиками

пальцев, пол покрывал тонкий слой химических отходов, который беспрерывно пополнялся из труб, расположенных в каждой стене. Посмотрев вверх, Омегон удовлетворенно заметил, что информация Армана Элоки оказалась верной, — прямо в центре потолка был виден круглый люк. Здание некогда принадлежало гильдии Элоки, но теперь Механикум превратили его в переговорную станцию.

Алиас и Руфан приподняли Омегона, чтобы тот смог дотянуться до ржавого колеса. Оказав небольшое сопротивление, оно вскоре поддалось и легко завертелось в руках примарха. Наконец щелчок указал на то, что замок открылся. Омегон приподнял крышку, взялся за края люка и подтянулся, наплечники при этом заскрежетали о металл. Присев, Омегон оглянулся и полез в указанную Элоки сторону, пока двое воинов забирались следом за ним.

— Резак, — приказал Омегон и, не оглядываясь, протянул руку.

Руфан снял с пояса инструмент и вложил в ладонь Омегона. Резак походил

на тупоносый пистолет, но вместо магазина в нем были установлены два газовых баллона. Открутив клапан, Омегон нажал спусковой крючок, и из дула хлынуло белое пламя. Примарх поднял инструмент и описал им на металлическом потолке неполный круг. После этого он выключил резак и отдал его Руфану.

Отодвинувшись на пару шагов, чтобы освободить себе больше места, Омегон лег на спину и ударил по потолку ногами. Металлический круг отлетел и с грохотом упал на пол этажом выше. Примарх поднялся на ноги и проверил небольшой альков, в который они проникли. Из десятков контуров и переключателей вилось и перекрещивалось множество проводов. За пару секунд примарх проанализировал конфигурацию и составил план действий. Не было такой системы связи, к которой он не смог бы получить доступ, а даже по стандартам Механикус содержимое алькова считалось грубой поделкой.

Открыв панель на правом наруче,

Омегон вытянул пару проводов и вставил их в нужные разъемы. Затем он активировал собственную систему связи и быстро просканировал частоты, пока не засек требуемый сигнал. Настойчивый писк в ухе усилился, и примарх оглянулся по сторонам, после чего переставил и заменил несколько реле, чтобы получить четкий сигнал. Установленные на крыше тарелки развернулись, нацелившись на Освобождение.

— Код «Эффрит», гидра-семь-омега, — проскрежетал искусственный голос.

Взяв приемник, примарх улыбнулся — услышанные слова подтвердили то, на что он так надеялся. По крайней мере одному легионеру удалось внедриться в Гвардию Ворона.

— Доступ к криптоканалу, тхеру гаили нурун, — произнес Омегон. Слова представляли собой бессмысленный набор звуков, понятный только близнецам-примархам. — Гаион сакрит кесс.

Канал на несколько секунд заполонил шум статики, пока устанавливалось соединение с крошечным, окутанным

теневым полем спутником, который Омегон оставил на орбите Освобождения. Устройство было размером с кулак, похожее на простой мусор, но оно могло обнаружить, расшифровать и записать любой сигнал в узкой полосе частот, известной лишь Альфа-Легиону. Омегон мог также оставлять на нем сообщения, к которым получали доступ другие Альфа-Легионеры. Это было превосходное средство связи, которое обеспечивало анонимность отправителя и принимающего, и, поскольку доступ к нему можно было получить с расстояния в несколько сотен тысяч километров, их местоположение оставалось неизвестным.

— Лорд Эффрит, говорит Альфарий, — началось сообщение. Омегон опять улыбнулся. Пусть это звучало тщеславно, но подобная ситуация не переставала забавлять его. — Проникновение прошло успешно. Цель опознана как генетические данные примарха. Местоположение — Впадина Воронов. Жду приказаний.

Передача закончилась. Омегон ожидал чего угодно, но только не этого.

Коракс получил доступ к проекту примарха? Омегон тут же представил себе последствия — как риски, так и преимущества подобного плана. На миг Омегону захотелось изменить цель задания. Если Гвардия Ворона сумеет восстановить легион, под угрозой окажется быстрая победа Хоруса, а также конечное искоренение Изначального Уничтожителя. Самым разумным вариантом стало бы уничтожение технологии, прежде чем Коракс разгадает ее секреты.

Но тем не менее Омегон не мог заставить себя так поступить. Кажущаяся опасность была лишь одной стороной медали. В то же время открывалось множество преимуществ в случае, если Альфа-Легион похитит эту технологию. Омегон не сомневался, что у Коракса был большой шанс раскрыть загадку генетического семени примархов, определенно больший, чем у Альфа-Легиона, даже с помощью Ордена Дракона.

На данный момент было бы лучше, чтобы Гвардия Ворона продолжила свои

изыскания. Когда обнаружат что-то ценное, секрет можно будет похитить, а Гвардию Ворона — уничтожить. Если открытие окажется таким значительным, как представлял Омегон, оно ознаменует новое начало для Альфа-Легиона. Секрет примархов был трофеем, достойным любых рисков.

Что бы ни делал Альфа-Легион, у него всегда существовал запасной план, которому можно было следовать, дополнительная цель, которой можно было достичь. В случае с Гвардией Ворона Омегон и Альфарий решили, что вначале они отнимут у нее терранскую технологию, а затем уничтожат сам легион, не позволив известиям об этом просочиться к Императору и Хорусу. Киавар перейдет на сторону Воителя, и в конечном итоге Гвардия Ворона продолжит существование, но роль мертвого легиона будут играть уже сами Альфа-Легионеры. Когда Омегон достигнет всех трех поставленных целей, масштаб неразберихи будет невообразимым. На миг Омегон замер,

улыбнувшись при мысли об этом.

Примарх настроил соединение и переключился на передачу.

— Код «Эффрит», омега-семь-гидра, — произнес он. — Ты — Контакт-Один. Тебе назначен субканал альфа-три. Ожидай приказов.

Разрывая соединение, Омегон вдруг заметил кое-что, чего не ожидал увидеть. Проверив догадку, он убедился, что чутье его не обмануло. Сигнал на криптоканал исходил из источника в Гвардии Ворона с тройной защитой.

В том, что сигнал поступил из Шпиля Воронов, не было ничего странного. Но вот то, что он пришел по командному каналу самого высокого уровня доступа, оказалось неожиданным.

— Звукоизоляция была бы нелишней, — пожаловался Сиккс, пока шел между рядами клеток в западном вестибюле. Его шаги заглушала какофония криков, рыков, воплей и визга. — Не хотелось бы, чтобы рекруты услышали этот гам.

— Уверен, я смогу добыть у одного из

коллег-магосов звукопоглощающее поле, — ответил Орландриаз, идущий рядом с апотекарием.

— Исключено, — категорически отозвался Сиккс. — Примарх ясно дал понять: никаких контактов с киаварскими Механикум. Одно твое присутствие может указать, чем мы тут заняты. Это должно оставаться тайной.

— Печальная ошибка, — заметил техноадепт. — Не считая технологии, которую мы вывезли с Терры, наша лаборатория оборудована исключительно бедно.

— Думаешь, ресурсы Гвардии Ворона так ограниченны? — удивился Сиккс, едва не остановившись. — Ты понимаешь, что мы десятилетиями имплантировали генетическое семя в рекрутов?

— Да, и системы, которые вы используете, остались на прежнем уровне, — ответил Орландриаз. — Уверен, что даже без данных примарха смог бы увеличить вашу производительность на десять, а может, даже на пятнадцать процентов.

— У нас тут не мануфакторум, Нексин. Создание легионеров не производственная линия.

— Но станет ею, когда мы закончим работу.

Апотекарий не успел ответить, поскольку дверь в дальнем конце коридора открылась и вошел командор Агапито. По выражению его лица Сиккс понял, что лорд Коракс не очень хорошо воспринял их последний доклад.

Командор Когтей быстро зашагал по коридору, его ботинки громко звенели о стальное покрытие. Из ближайших клеток донеслось рычание и фырканье.

— Можете ничего не говорить, командор, — сказал Сиккс, когда Агапито поравнялся с ними. — Лорд Коракс хочет более впечатляющих результатов?

— Надеюсь, есть хотя бы незначительные подвижки, о которых я мог бы доложить? — спросил Агапито. Он посмотрел на клетку слева от себя и с отвращением покачал головой. — Он хочет... нет, это не вполне описывает его настроение. Он требует, чтобы вы

оставили эти бессмысленные испытания и начали работать над улучшением формулы для рекрутов.

— Бессмысленные? — Орландриаз стиснул кулаки, и его губы раздраженно скривились. — Уверен, примарх разозлится еще больше, если первая группа легионеров превратится в таких...

Он махнул рукой на длинные ряды клеток. За решетками сидели и бродили туда-сюда самые разные млекопитающие и рептилии. Происхождение некоторых из них было невозможно определить, они походили на бормочущие, уродливые комки плоти. Тела большинства увивали огромные мускулы, у других из чешуи или меха торчали костяные наросты. У нескольких обнаруживались дополнительные конечности, лишние глаза, огромные зубы или увеличенные позвоночники.

Покрытая зеленой шерстью мышь размером с собаку бешено бросалась на прутья клетки, выпуская и втягивая обратно когти, из нижней челюсти торчали клыки. В другой клетке

угрожающе свернулась двуглавая змея, ее хвост был увенчан кривым шипом. Из клеток смотрели и рычали деформированные чудовища, с хищным любопытством наблюдая за легионерами и техножрецом.

— Использование зверей Коракс считает ошибкой, — заметил Агапито. — Он не рассчитывает, что вы будете имплантировать новое генетическое семя прямо в рекрутов, да и Бранн этого не допустит. С другой стороны, вживление генетического материала примарха нечеловеческим носителям не принесет успешных результатов.

— Тогда мы в тупике, — сказал Сиккс. — Как нам убедиться, что генетическое семя действует, если не можем испытать его на органических носителях? Информационное моделирование не даст нам требуемых результатов.

— Это уже не моя забота.

— Нам придется вернуться к базовому анализу клеток, — произнес Орландриаз, не сводя глаз с ящерицы с массивными

плечами и наростами на позвоночнике. — Тогда мы сможем устранить больше аномальных реакций.

— Но мы ничего не сможем поделать с умственным воздействием и поведенческими побочными эффектами, — сказал Сиккс.

— Агрессия легионеру нисколько не повредит, — заметил Орландриаз.

— Оставим бездумную жестокость Пожирателям Миров, — ответил апотекарий. — Нам нужны дисциплинированные, обученные воины.

— Что мне передать лорду Коракcу? — спросил Агапито. — Он ждет от меня новостей о прогрессе и четкого плана по решению насущных проблем.

Сиккс и Орландриаз переглянулись. Апотекарий вздохнул и кивнул, соглашаясь.

— Я усыплю этих уродов и займусь изучением процесса разрушения клеток, — сказал Сиккс. — Это даст нам немного новой информации, которую можно будет использовать в моделях.

— Я вновь начну базовые клеточные эксперименты с модифицированным

генетическим семенем, — добавил Орландриаз.

— Сколько вам понадобится времени? — спросил Агапито. — Я понимаю, что вам нельзя допускать ошибок, и буду поддерживать вас всем, чем смогу, но примарх нетерпелив. Каждый день приближает момент, когда Хорус атакует Терру.

— Когда мы достигнем успеха, время перестанет играть роль, — произнес Орландриаз и указал на существ в дальнем конце коридора. — Там находятся результаты наших операций, проведенных с момента передачи вам последнего доклада. Мы вживили в детеныша генетический шаблон с намерением определить время, необходимое для полного созревания генетического семени.

Звери в клетках были уже совсем взрослыми, у некоторых просматривались следы мутаций, но другие ничем не отличались от обычных представителей своего вида, за исключением размеров. Агапито удивленно покачал головой.

— Вы предоставили доклад лишь

сорок часов назад, — изумился командор.

— Тридцать семь целых и три десятых часа назад, если быть точным, — тонко улыбнувшись, поправил его Орландриаз. — Учитывая больший период взросления особи мужского пола, на прохождение всего процесса уйдет от семидесяти до восьмидесяти терранских часов.

Агапито опять покачал головой, на этот раз с улыбкой.

— Потрясающе! Восемьдесят часов, чтобы превратить мальчика в легионера? По крайней мере, лишь телом.

— Не только физиологически, командор, — заметил Сикис уже с большим оптимизмом. — После завершения процесса наши рекруты будут обладать умственными и физическими задатками, которые намного превышают все, что мы видели раньше. Они станут быстро учиться. Небольшое дополнение к материалу примарха. Новые легионеры будут готовы с самого начала.

— Просто отличные новости, — сказал Агапито. — Конечно, их необходимо

сообщить Кораксу. Используйте столько времени, сколько понадобится на завершение работ с генокодом. Без идеального образца продолжать нет смысла. Не могу дождаться вестей о вашем успехе. Если все, что говорит примарх об увеличении набора, правда, то у нас появится неиссякаемый источник рекрутов. Я сообщу лорду Кораксу о ваших открытиях.

— Да, командор, — сказал Орландриаз.

Агапито и Сикис кивнули другу, а затем командор оставил их. Апотекарий с техножрецом молчали, пока за Агапито не закрылась дверь.

— Я рад, что командор верит в нас, — произнес магос. — Его брат не так сильно одобрял проект.

— В легионе он считается убежденным традиционалистом, — отвлеченно ответил Сикис, все еще глядя на закрывшуюся дверь. — Он и Бранн трепетно относятся к наследию Освобождения и вдалбливали это в меня и остальных с самых первых дней, как мы стали новиатами. Полагаю, гибель

стольких воинов на Исстваане изменила его мнение на этот счет.

— Боюсь, он может слишком преувеличить наши успехи, рассказывая о них вашему примарху, — сказал Орландриаз. — Нам стоит ускорить изыскания.

— Согласен, — ответил Сиккс. — Если мы вскоре не достигнем ощутимых подвижек, нетерпение лорда Коракса только усилится. Я никогда не считал его суетливым, но он решительно настроен начать процесс восстановления.

— Невзгоды часто приводят к отчаянию, — сказал Орландриаз.

— Не всегда! — отрезал Сиккс, обернувшись к техножрецу. Он вспомнил слова, которые как-то сказал примарх во время долгого отступления из зоны высадки. — Мы — Гвардия Ворона. Освобождение родилось благодаря решимости и упорству. Борьба — наша пища, а невзгоды — лучший союзник. Атаковать, отступить и снова атаковать. Таково наше кредо, сущность легиона. Гвардия Ворона не отчаивается,

когда обстоятельства складываются не в нашу пользу. Мы становимся только опаснее.

Шлепки босых ступней по выкрашенному в черный цвет рокриту пробудили в Альфарии воспоминания, пока он наблюдал за тем, как рекруты бегут кросс по главному залу. Он знал, что воспоминания принадлежали не ему — их заблаговременно извлекли библиарии Альфа-Легиона, — но они были чрезвычайно яркими, приходили краткими вспышками: сцены и эпизоды длиною всего в пару секунд. Его обучение шло в Шпиле Воронов, а не на Киаваре, но он прошел те же тренировки, что и эти юноши.

— Взять оружие! — рявкнул Бранн с помоста в другом конце зала. — Построиться для учебной стрельбы.

Рекруты рванулись к ящикам в центре помещения и принялись доставать из них обычные автоматические винтовки. Это было тренировочное оружие, весом и формой похожее на болтер легионера — без улучшений, дарованных

генетическим семенем, даже взрослый человек не смог бы тренироваться с настоящим болтером легионера Астартес. К топоту ног добавились щелчки вставляемых магазинов.

Рекруты собрались перед Бранном группами по пять человек. Командор взмахом руки приказал отделениям выстроиться рядами. Тяжело дышащие дети подняли оружие, прицелились в керамитовые плиты-мишени у дальней стены и открыли огонь. Комната наполнилась грохотом выстрелов и лязгом падающих гильз.

Постреляв пару секунд, первая группа отошла в сторону, уступив место второму отделению. Один из рекрутов не смог совладать с магазином своего оружия, после чего подошел к Альфарию.

— Я не могу вставить его, сержант, — сказал мальчик, и его лицо скривилось от злости. Он посмотрел на Альфария — глаза новициата были вровень с нижним краем нагрудника легионера. — Крепко застрял!

— Успокойся и попробуй снова, —

произнес Альфарий. — Как тебя зовут, новициат?

— Хеф, сержант, — ответил рекрут. Он вновь попытался отсоединить магазин, потные руки скользнули по гладкой поверхности винтовки. — Навар Хеф.

— Дай посмотрю, — сказал Альфарий, протянув руку.

Взяв оружие, он быстро проверил его и затем отдал обратно Хефу.

— Патрон не до конца покинул патронник. Взгляни.

Покраснев, новициат сам проверил оружие. Он вручную вынул гильзу, а затем отсоединил магазин.

— Десять штрафных кругов, — сказал Альфарий. — Боевой темп. Бегом!

Сжав оружие, рекрут помчался в другой конец зала, с его бритой головы слетали капли пота. Альфарий услышал, как тот отсчитывает ритм между судорожными вдохами. В мальчике чувствовалась невинность и преданность. Хеф был хорошим рекрутом.

Глупо, что ему придется погибнуть с остальной Гвардией Ворона.

От этой мысли Альфарию стало не по себе. По правде говоря, он почувствовал тревогу. Он не знал точно, как назвать чувство, от которого все внутри у него сжималось при виде того, как новициаты продолжают упражняться с оружием. Вина? Ничего подобного Альфарий прежде не испытывал, и это чувство нисколько ему не понравилось. Он прокашлялся от волнения и наказал еще пару рекрутов, которые решили присесть в конце строя. После его слов мальчики резко вскочили на ноги.

Такая бессмысленная растрата жизней. Коракс и командоры никогда не присоединятся к Альфа-Легиону, но эти юноши-новиаты стали бы идеальным пополнением для легиона. Их гибель казалась несколько чрезмерной.

Альфарий не знал, откуда в нем подобные сомнения. Он винил во всем свои ложные воспоминания. В последние дни они усилились. Он четко видел, как впервые вышел из Впадины Воронов в ядерную пустошь, но не мог вспомнить ничего, что произошло после того, как он покинул двор.

Его преследовали имена братьев-легионеров, Гвардейцев Ворона, которые полегли на Исстваане. Другие временами вспоминали о них, и всякий раз перед мысленным взором Альфария вспыхивали их лица, на губах возникала улыбка от наполовину забытой шутки, или вспоминался миг боя рядом с названным воином.

Он подумал, что ему нужно сосредоточиться. Он не Гвардеец Ворона, он — Альфа-Легионер. Его примарх не Коракс, он клялся в верности Альфарию и Омегону. В своей мудрости близнецы-примархи присоединились к восстанию Хоруса, и следовало верить, что для этого у них были веские причины. Падение Гвардии Ворона и захват генотеха послужат высшей цели.

Сосредоточившись на этой мысли, Альфарий подавил воспоминания, которые поднимались из глубин его улучшенного мозга. «Я — Альфарий, — сказал он себе. — Я — Альфарий».

Спускаясь по рампе «Грозовой птицы»,

Бранн с удивлением заметил, что в доке его уже ждет диспетчер Эфрения. Она без слов передала командору инфопланшет, едва тот подошел к выходу из отсека. Из-за огромных потерь на Исстваане — как легионеров, так и простых людей — диспетчера перевели из офицеров стратегиума «Мстителя» в командный центр на вершине Шпиля Воронов.

— Что там? — спросил Бранн. — Меня ждет примарх.

— Информация о передаче данных, командор, — ответила Эфрения. Диспетчер на секунду взяла у него планшет, дважды нажала экран и вернула обратно Бранну. — По вашему приказу мы отслеживали логи связи, к которым имел доступ капеллан Несущих Слово как с Освобождения, так и через сеть Киавара. Нам удалось обнаружить несколько аномальных передач.

— Аномальных? — не понял Бранн. Перед ним, скрипя поршнями, начала открываться огромная дверь в следующий отсек. Командор остановился и взглянул на диспетчера. — Поточнее, пожалуйста.

— Частоты и каналы принадлежат не Механикум и не легиону, командор.

— Ничего удивительного, — сказал Бранн, направляясь дальше. — В системе немало кораблей торговцев, Имперской Армии и неидентифицированных судов.

— У передач сигнатура легионеров-Астартес, — терпеливо продолжила Эфрения.

Бранн опять остановился и уже пристальнее изучил содержимое планшета. Диспетчер была права: записанные передачи имели шифр и структуру модуляции легионеров-Астартес.

— Все сообщения короткие, командор, — продолжила Эфрения. — По моему мнению, нарочно сжатые.

— Погоди-ка, я узнаю этот код приемоответчика, — вдруг сказал Бранн, пальцем выделив одну из строчек.

— Да, командор, это шифр доступа Шпиля Воронов, — кивнула диспетчер. Ее голос зазвучал тихо, когда она продолжила: — Поэтому я пришла напрямую к вам. Это канал командора

Агапито.

— Понятно, — сказал Бранн. Новости встревожили его, но он уверил себя, что брат сможет дать внятное объяснение. Но это пока не раскрывало загадку остальных передач. — Что с другими?

— Некоторые — ликейские частоты безопасности, еще две поступили через неиспользующиеся гильдейские сети, командор. Источник определить невозможно, но они с Киавара.

— Без сомнений, диссиденты, — сказал Бранн.

— Значительный скачок в информационном потоке, командор. Ранние сообщения, обнаруженные на этих частотах, были спорадическими и плотными. В новых наблюдается уже устойчивая схема. Думаю, это может означать, что старые гильдии пытаются восстановить былое влияние.

— Хорошая работа, — сказал Бранн. — Теперь за этим прослежу я. Пока особо волноваться не о чем. Прежде чем сообщить лорду Кораксу, я проведу собственное расследование.

— Как пожелаете, командор, — поклонившись, сказала Эфрения.

— Постой, — произнес Бранн, когда диспетчер уже развернулась, чтобы уйти. — Свяжись с командором Агапито и скажи, что я буду ждать его в своих покоях через час.

— Да, командор.

— И установи слежение за каналом командора Агапито. Дай знать, если найдешь что-то странное.

— Да, командор. Это все?

— Возвращайся к своим обязанностям.

Эфрения направилась к двери, оставив Бранна наедине с тревожными мыслями. За этим определенно стояли сторонники гильдий с Киавара. Угроза возникла не в лучшее время, но не представляла значительной опасности. Достаточно будет проинформировать Механикум.

Он сделал шаг, а затем остановился, прошипев проклятие. Если он предупредит Механикум об усилении активности диссидентов, те проведут зачистку радиационных пустошей или по меньшей

мере усилят наблюдение и охрану всей территории. Это приведет к пристальному изучению Впадины Воронов — повороту событий, которого лорд Коракс любыми силами пытается избежать.

Бранн задумчиво почесал подбородок. Он был уверен, что диссиденты не представляют военной угрозы для лаборатории, но время они выбрали не самое подходящее. Судя по такому количеству передач из-за пределов звездной системы, вполне вероятно, что посланные Хорусом подстрекатели нарочно разжигали старые проблемы, чтобы держать Гвардию Ворона в напряжении.

Но это были лишь догадки, и ему понадобятся более веские доказательства, прежде чем сообщать о них примарху. Лорд Коракс был целиком занят проектом генотеха, большую часть времени проводя во Впадине Воронов вместе с Сикксом и техножрецом. Даже на Освобождении примарх в основном изучал результаты исследований, ни на что не обращая внимания, за исключением неотложных вопросов.

Размышляя над возникшей проблемой, Бранн вдруг понял, что опаздывает на встречу с Кораксом. Командор спрятал инфопланшет и торопливо зашагал по коридору, надеясь, что примарх не заметит его отсутствия.

Глава двенадцатая
ССОРА БРАТЬЕВ
ШЕСТАЯ МОДЕЛЬ
ПОЯВЛЕНИЕ РАПТОРОВ

Бранн, сидя в низком кресле в своих покоях, разглядывал инфопланшет, лежавший перед ним на столе. Легкий стук по металлической переборке предшествовал появлению Агапито. Бранн бросил взгляд на своего брата и жестом указал ему на диван напротив.

— В чем дело, брат? — спросил Агапито, оставшись стоять. — Лорд Коракс рассказал о значительных подвижках в генопроекте. Мы должны сопровождать его во время посещения Впадины Воронов.

— Да, я слышал, — подтвердил Бранн и взглянул на цифровой хронометр на столе рядом с инфопланшетом. — У нас мало времени.

— Ты чем-то озабочен, — произнес Агапито и улыбнулся. — Неужто звание

командора рекрутов оказалось тебе не по плечу?

— Мне приходится постоянно вставать между Сикксом и этим магосом, а примарх все время требует новостей. Но я хотел поговорить о другом. — Бранн протянул брату инфопланшет с выделенной на нем информацией о передаче. — Как ты можешь объяснить это?

Агапито взглянул на экран и нахмурился. Затем посмотрел на Бранна и опять на инфопланшет.

— Это мой командный канал, — сказал Агапито.

— Знаю, — ответил Бранн.

— Но такого кода передачи я не припоминаю. Какой-то сбой в системе?

— Ты мне скажи, брат.

Резко взглянув на Бранна, Агапито кинул планшет на стол.

— Зловещие слова, Бранн, — медленно сказал командор. — Я слышу в них обвинение.

— Просто интересно, — ответил Бранн. — Назовем это любопытством.

Скажи, почему по твоему каналу иногда шли передачи не на частоте легиона?

— Без понятия, брат, — сказал Агапито. — Если хочешь мне что-то предъявить, то так и скажи, а то твои грубые намеки начинают утомлять.

Бранн встал и встретился взглядом с братом. Скрестив на груди руки, он посмотрел на Агапито, пристально изучая его лицо. Командор Когтей выглядел действительно смущенным и расстроенным.

— Так тебе нечего сказать? — наконец произнес Бранн.

— Нет, — ответил Агапито, его голос прозвучал враждебно. — В чем конкретно ты меня подозреваешь?

Глубоко вдохнув, Бранн обдумал следующий ход. Вполне вероятно, что Агапито действительно ничего не знал о передаче, а это создавало еще большую проблему — кто-то незаконно получил доступ к командной сети. Бранн представить не мог, что из этого хуже.

— Хорошо, — сказал он. — Я попрошу Эфрению изучить передачу более

внимательно. Возможно, все дело в сбое.

— Уверен? — спросил Агапито. — А не хочешь бросить меня на Красный Уровень для дознания с пристрастием?

Бранн гневно зарычал, уязвленный подобными словами. Во времена киаварского правления на Красном Уровне находились карцеры. То место пользовалось дурной славой, и одна мысль о пытках, которым там когда-то подвергались заключенные, до сих пор выводила Бранна из себя.

— Прости, брат, я не хотел, — извинился Агапито и протянул руку. Немного подумав, Бранн пожал ее.

— После Исстваана я перестал тебя понимать, брат, — признался Бранн. — Это меня беспокоит.

— Не стоит, — сказал Агапито и ухмыльнулся, хотя от Бранна не укрылось, что улыбка далась ему с трудом. — У тебя и так полно забот, а тут еще я.

— Да, так и есть, — сказал Бранн, еще раз взглянув на хронометр. — Лучше нам облачиться в доспехи, примарх скоро будет в доке.

— Можешь поговорить со мной, брат, — произнес Агапито. — Насчет рекрутов, если нужно. Из-за всех проблем с реорганизацией я не могу уделить им столько внимания, сколько хотелось бы.

— Как дела у Когтей?

— Хорошо. Лучше, чем могло бы быть, учитывая обстоятельства. Иногда возникают проблемы с дисциплиной, но ничего такого, с чем бы я не справился. В последнее время им несладко пришлось.

— Не давай им послаблений, брат, — произнес Бранн, указав Агапито на дверь. — Иначе все только усугубится.

Провожая Агапито взглядом, Бранн снова и снова прокручивал в голове вопрос, которого так и не осмелился задать: «Зачем ты врешь мне, брат?»

Коракс ожидал в вестибюле лазарета Впадины Ворона, чувствуя что-то среднее между предвкушением и дурным предчувствием. По одну сторону комнаты стояли ряды шкафов, на противоположной стене висели полки, забитые медицинскими инструментами. С

металлических лавок убрали все оборудование, и теперь они служили в качестве кресел. Четыре дня прошло с тех пор, как примарх дал разрешение на первую имплантацию. Винсент Сиккс был осторожен в действиях, но Орландриаз решительно настаивал на том, что они готовы к следующему этапу.

Вместе с примархом были Агапито и Бранн. Словно чувствуя его настроение, командоры по большей части хранили молчание, хотя от Коракса не могло укрыться возникшее между ними напряжение. Примарх был уверен, что дело в разногласиях относительно генопроекта.

Скрежет двери привлек к себе внимание всех присутствующих. Коракс резко втянул воздух, но облегченно выдохнул, когда в комнату вошли Соларо и Алони. Они коротко поздоровались и присели возле других командоров.

— Будем надеяться, все сработает, да? — спросил Алони.

— Терять и так особо нечего, — произнес Соларо. — Если не сработает, мы окажемся там же, откуда начинали.

— Сработает, — заявил Коракс. Все свободное время он проводил за манипуляциями с генетическим семенем, объединяя свои познания и обрывки воспоминаний Императора с научными исследованиями Сиккса и Орландриаза. Примарх изучил каждую генетическую последовательность и пермутацию и не сомневался, что главному апотекарию и техножрецу удалось найти решение.

После заверения примарха командоры продолжили ждать в тишине. Агапито было нервно забарабанил пальцами по наколеннику, но, встретившись с хмурым взглядом Бранна, тут же прекратил. Кораксу хотелось лично проследить за ходом последнего этапа имплантации, как Император наблюдал за созданием примархов, но его габариты не позволили ему оставаться в стерильной палате, где проходила операция.

Дверь опять открылась, и в вестибюль вышел Винсент Сиккс. Апотекарий был одет в хирургический халат с подолом, заляпанным кровью. Он стянул перчатки и засунул их в карманы

на животе.

— Как они? — спросил Коракс, вставая.

— Пройдемте, и увидите сами, — ответил Сиккс.

Коракс последовал за апотекарием к двери, и командоры двинулись следом. Оказавшись в главной операционной, примарх поразился тому, как тут холодно. Он вспомнил, что рекрутов ввели в непродолжительное криобиотическое состояние во избежание спонтанной репродукции клеток — этап процесса, который, как надеялся Коракс, уже не будет применяться для следующей группы рекрутов. Холод исходил от девяти обнаженных до пояса человек, которые стояли рядом с кроватями у одной из стен. На них были широкие штаны и мягкие ботинки, от нагревающихся тел исходил пар.

Все девять в физическом отношении были одинаковы, ростом и размахом плеч не уступали легионерам. Черты их лиц еще отличались, что позволило примарху узнать каждого рекрута, которым незадолго до этого он желал удачи перед

трансформацией. На их телах отсутствовали волосы, кожа была бледной — почти альбиносы, как и их примарх. Он обратил внимание на темные глаза у всех рекрутов. Не такие черные сферы, как у него самого, но куда темнее тех, что были даже у поздних поколений Гвардии Ворона.

На телах рекрутов виднелись идентичные следы хирургического вмешательства, хотя швы уже стали едва различимы. Их расположение с первого взгляда узнал бы любой легионер Астартес, как и изменение пигментации кожи на груди и плечах.

— Они получили черные панцири? — спросил Соларо.

— У них есть весь набор улучшенных органов, как и у вас, командор, — сказал Орландриаз, возникнув позади. — Черный панцирь придется имплантировать как прежде, ведь это главным образом искусственная конструкция.

— А все остальное было выращено естественным путем? — спросил Бранн.

Он шагнул к новым легионерам, пристально их разглядывая. Рекруты

вытянулись по стойке смирно, уставившись прямо перед собой и никак не реагируя на внимательные взгляды командоров.

— Да, — ответил Сиккс, жестом приказав одному из рекрутов — Коракс помнил, что его зовут Хальвар Диаро, — выйти вперед. — Когда процесс будет отлажен, некоторые имплантаты генетического семени больше не понадобятся. Они служат лишь для того, чтобы подготовить тело для более поздних пересадок, и не имеют непосредственного назначения после созревания.

— Что насчет прогеноидов? — спросил Соларо. — Они так же быстро дозревают?

— Да, — хмыкнув, ответил Орландриаз. — Тем не менее в них также отпадет надобность, когда мы завершим работу. После создания модифицированного генетического семени мы сможем воспроизводить его непосредственно из исходного материала. Нам больше не придется ждать его дозревания в человеческом теле, как это

принято сейчас.

— Мы сможем создать столько комплектов генетического семени, сколько захотим, — пояснил Сиккс. — Их количество будет ограничено только числом рекрутов.

Коракс почти не слушал расспросов командоров относительно способностей и физических улучшений рекрутов. Его полностью поглотил процесс созерцания девяти человек, он удивлялся самому факту их существования. Примарх знал каждую клеточку их тел лучше, чем Шпиль Воронов, но все же видеть рекрутов во плоти было настоящим чудом. Они казались превосходными образцами Астартес.

— А где десятый? — вдруг спросил Агапито, прервав любование Коракса.

Примарх удивленно посмотрел на двух творцов проекта. Сиккс и Орландриаз переглянулись. Главный апотекарий вздохнул.

— Крошечный порок сердца, микроскопический, но из-за ускоренного роста клеток он расширился, — объяснил

Сиккс. — Такое случилось бы даже с обычным генетическим семенем.

— Этого можно избежать, — добавил техножрец. — Тщательное экранирование поможет решить проблему.

— Я думал, весь смысл как раз в том, что нам удастся снизить критерии отбора рекрутов, — заметил Агапито.

— Со временем так и будет, — сказал Коракс. Он подошел к вышедшему вперед рекруту и положил руку ему на плечо. Примарх перевел взгляд обратно на командоров. — Следующим этапом станет имплантация цепочек в ретроактивное генетическое семя. Благодаря вживлению улучшенного семени все генетические слабости и физические недостатки сойдут на нет.

Присутствующие обменялись взглядами, пытаясь осознать смысл сказанного Кораксом: почти неограниченный источник легионеров.

— Если мы этого добьемся, если передадим генетическое семя другим верным легионам, то всего за пару месяцев войска Императора будут намного

превосходить предателей по численности, — продолжил примарх, встретившись взглядом с Диаро. — Эти девять — первые из тысяч, а когда мы закончим, то и десятков тысяч. Именно поэтому нам нужно приложить все усилия, чтобы задержать атаку Хоруса на Терру. Лишь выиграв для Дорна время, мы и сами успеем восстановиться после потерь Исстваана.

Командоры стали ходить вокруг рекрутов, изучая их со всех сторон. На миг Коракс ощутил укол беспокойства, поняв свое отношение к новым Гвардейцам Ворона. Они были не просто экспериментальными образцами, вехами на пути восстановления — они были настоящими Астартес.

— У меня вопрос, — обратился примарх к Диаро, пригнувшись так, чтобы оказаться вровень с глазами воина. — Отвечай честно.

— Да, лорд Коракс, — отозвался рекрут, его голос был глубоким, немного хриплым.

— Как ты себя чувствуешь?

Диаро оглянулся на недавно созданных легионеров, и те улыбнулись. Один из них первым ответил на вопрос:

— Я чувствую себя хорошо, лорд Коракс. Сильным, здоровым.

— К бою готовы? — спросил Бранн.

— Да, командор, — ответил Диаро и ударил кулаком по мускулистой груди. — Готовы убивать предателей.

Вызов по внутренней связи оторвал Коракса от изучения докладов относительно последних испытаний новых легионеров. Он остановил поток информации на трех экранах и включил приемник.

— Лорд Коракс, в комнате управления необходимо ваше присутствие, — раздался голос Эфрении. Примарху показалось, будто она едва сдерживает смех. — У нас ситуация, в которой может потребоваться ваше вмешательство.

— Пожалуйста, выражайся яснее, — сказал Коракс и потянулся к стакану с водой, стоявшему на краю металлического стола. Внезапно он осознал, что не

выходил из кабинета уже больше двенадцати часов.

— Мы обнаружили два корабля Имперских Кулаков, которые идут к Освобождению, лорд, — объяснила Эфрения.

— Доложи, когда узнаете, что им нужно, — ответил примарх. Он отпил воды, смакуя ее, словно хорошее вино. — Командор смены сам не справится?

— На смене командор Бранн, лорд, — произнесла Эфрения, из последних сил скрывая веселье. — Корабли Имперских Кулаков находятся под командованием капитана Норица. Разговор между ними накаляется.

Коракс вздохнул, выключил экраны и поднялся на ноги.

— Ладно, скоро буду, — сказал он. — Проследи, чтобы Бранн сгоряча не натворил чего-нибудь вроде открытия огня.

— Да, лорд, пригляжу, — сказала Эфрения.

Пригладив густые волосы, Коракс размял плечи и хрустнул пальцами. Прошло шесть дней после имплантации

генетического семени в первых рекрутов, и, прежде чем перейти на следующий уровень, ему требовалось обработать множество генетических данных и отчетов о физиологической проверке. Какой бы ни оказалась причина прибытия Норица, она в лучшем случае была несвоевременна, а в худшем — подозрительна. Неужели Дорн прислал своего человека следить за Гвардией Ворона?

Примарх дошел до лифта и поднялся на самую вершину Шпиля Воронов. Когда он оказался в зале управления, то услышал через вокс голос капитана Норица. Бранн стоял над пультом связи, сжимая в латной перчатке вокс-аппарат.

— Ваши протоколы безопасности бессмысленны, командор, — возражал Нориц. — Я не понимаю этих проволочек.

Эфрения, стоявшая у пульта управления огнем в другом конце комнаты, встретилась с Кораксом взглядом. Примарх подошел к ней, когда Бранн ткнул пальцем в кнопку ответа.

— Вы не можете войти в

орбитальное пространство Освобождения без должной авторизации, капитан, — ответил командор. — Выполните протокол, и мы продолжим.

— Командор Бранн требует, чтобы Имперские Кулаки покинули орбиту и запросили разрешение для сближения, — сказала диспетчер.

— Я уже объяснил причины, по которым не могу так поступить, — произнес Нориц. — Вы ставите под угрозу срыва все наше задание.

— Бранн! — резко произнес Коракс. Командор стремительно обернулся, явно не заметив прибытия примарха. — Объяснись.

— Имперские Кулаки не послали сигнал приветствия, когда вошли в систему, лорд, — сказал Бранн. — Согласно нашим протоколам, им следует находиться у Киавара и запросить разрешение на сближение. Сейчас Шпиль Воронов уже в пределах досягаемости их орудий.

Коракс пересек комнату и отодвинул Бранна от пульта, забрав у него передатчик.

— Капитан Нориц, лорд Коракс на связи, — заговорил он. — Почему вы не объявили о своем приближении к Освобождению?

— Как я уже объяснил командору Бранну, лорд Коракс, мне бы хотелось свести к минимуму сведения о нашем прибытии, — после короткой паузы сказал Нориц. — Приветствие с дальнего расстояния объявило бы о нашем появлении, словно хор сирен. Нам следует срочно с вами поговорить. У меня сообщение от лорда Дорна и Сигиллита.

— Командор Бранн прав, — сказал Коракс. — Пожалуйста, отойдите на сто тысяч километров и приготовьте корабли для приема абордажных партий. Командор Бранн лично с вами встретится, чтобы услышать то, что вы хотите сказать. Если он сочтет нужным, то разрешит вам приблизиться к Освобождению и отправить делегацию в Шпиль Воронов.

Нориц ответил после длинной паузы.

— Как пожелаете, лорд Коракс, — произнес капитан Имперских Кулаков. — Судя по всему, мне следует считать

командора Бранна наделенным абсолютными полномочиями?

— Безусловно, — ответил Коракс. — Если не хотите привлекать к себе внимания, лучше встаньте на орбите так, чтобы Освобождение оказалось между Киаваром и вашими кораблями. Связи на дальнем расстоянии не будет до тех пор, пока командор Бранн не разберется в ситуации.

— Вас понял, лорд Коракс.

Коракс обернулся к Бранну и увидел у того на лице самодовольное выражение. Тем не менее оно сразу сменилось раскаянием, едва командор заметил злость в глазах Коракса.

— Я мог бы ожидать такого поведения от простого офицера, но ты — командор и должен служить для всех примером, — отрывисто произнес Коракс. — Ты будешь вежливо себя вести с капитаном Норицом, во всем с ним сотрудничать и оказывать необходимую помощь.

— Так точно, лорд, — сказал Бранн, глядя на палубу. На краткий миг он поднял

глаза, но затем быстро отвел их в сторону. — Вынужден признать, я слишком рьяно следовал процедуре. Но в свою защиту скажу, что они нарушили наши границы, и я говорил им то же, что и вы.

— Ты вынудил меня поддержать отданное тобой распоряжение, Бранн, — раздраженно бросил Коракс. — Я не собираюсь отменять приказ своего командора перед другим легионом, но я не согласен с тобой. Больше не позволяй личным чувствам влиять на службу. Я возвращаюсь в свои покои, чтобы продолжить работу. В следующий раз ко мне обращаться только с полным докладом о том, что здесь понадобилось Имперским Кулакам.

— Понял, лорд, — сказал Бранн, после чего отвернулся и подозвал диспетчера Эфрению. — Пусть в Доке Альфа подготовят «Громовой ястреб».

Коракс смотрел, как командор покидает комнату управления, и на миг его охватило беспокойство. Что-то тучило Бранна, что-то между ним и Агапито. После возвращения с Исстваана у

них обоих появились проблемы с дисциплиной, а поведение во Впадине Воронов граничило с антипатией друг к другу. Коракс решил обязательно выяснить причину их разногласий, а если будет необходимо, подыскать новых командоров.

Но, несмотря на тревогу, Коракс решил, что дело может подождать. Генопроект стоял у него на первом месте. Когда появится следующее поколение Гвардии Ворона, примарх вернется к решению прочих проблем. Ему уже не терпелось приступить к массовой имплантации, он был раздражен тем, что пришлось ждать результатов еще нескольких тестов. За пару секунд Коракс вновь погрузился в размышления, как очистить генотех, позабыв о командорах.

Возвращаясь в покои, примарх без устали твердил себе — нужно оставаться терпеливым. Одно необдуманное действие могло уничтожить все плоды тяжких трудов. Успокоившись, он вновь уселся за стол и, включив экраны, погрузился в изучение потоков информации.

Внутри «Гневный авангард» разительно отличался от кораблей Гвардии Ворона. Он больше напоминал крепость, чем звездолет, стены покрывали металлические пластины с выгравированными на них изречениями и феррокритовые плиты, на которых были высечены символы и девизы Имперских Кулаков. Каждый коридор был укреплен контрфорсами, арочные двери усилены огромными заклепками, переборки сделаны из позолоченных решеток.

Все это не казалось Бранну чересчур показным — в отличие от убранства кораблей Детей Императора, на которых ему пришлось путешествовать, — но царящая вокруг эстетика показалась ему искусственной и помпезной. Гвардейцы Ворона, которые выросли в тюремных камерах, предпочитали украшениям функциональность, и даже после победы Освобождение было обставлено мебелью и отделано в минимально необходимой степени.

Командор прошел за Норицом по центральному проходу до большого лифта.

Недалеко от них, чуть позади, следовало отделение Гвардии Ворона, а за ними, в свою очередь, шагали десять Имперских Кулаков. Помня слова Коракса, Бранн не выказывал своего неудовольствия и позволил Норицу проявить свою власть.

Лифт спустился к ним, воя электродвигателями, а не лязгая и грохоча, как в Шпиле Воронов. Внутри оказалось достаточно места для всех легионеров, поэтому Гвардейцы Ворона и Имперские Кулаки встали в нескольких метрах друг от друга.

Они не могли отличаться сильнее: сыны Коракса, в черных, покрытых заплатами доспехах, и воины Дорна, величественные, в желтом и сверкающе-золотом. Имперские Кулаки построились в ряд, прижимая болтеры к груди; Гвардейцы Ворона собрались группой, закрепив болтеры на бедре, скрестив руки или держа их на поясах.

— Как дела на Терре? — спросил Бранн, пытаясь нарушить каменную тишину.

— Укрепления еще возводятся, —

просто ответил Нориц.

Бранн ждал, но капитан продолжал молчать. Командор взглянул на Имперских Кулаков.

— Твои легионеры отлично выглядят, — сказал он, пытаясь быть приветливым. — Легион может гордиться ими.

— Нам повезло не попасть в бой на Иссваане, — ответил Нориц. Он окинул взглядом Гвардейцев Ворона. — Само собой, что после такой катастрофы про некоторые стандарты придется забыть.

Глубоко вдохнув, Бранн не повелся на приманку.

— Мы готовы сражаться, несмотря на наш внешний вид, — произнес он.

— Не сомневаюсь в этом, командор, — отозвался Нориц. — Я не хотел сказать ничего обидного о готовности или умении Гвардии Ворона. Ваш арториум проявил недюжинную изобретательность, применив такие модификации.

— Мы приспосабливаемся, как всегда. «Припрячь немного соли для каши» — так у нас говорят.

— Интересная поговорка, — заметил Нориц. Модуляция внешних эмиттеров доспехов стирала из голоса все эмоции, но Бранну показалось, будто он уловил в нем веселье. — Хотя я не понимаю ее смысла.

— Ты явно не родился в тюрьме, — сказал Бранн.

— Нет, не родился, командор. — Лифт, вздрогнув, остановился, и двери раздвинулись в стороны. Доспехи Бранна зафиксировали вакуум, после того как из лифта вытек весь воздух, взметнув шнуры, свисавшие с наплечников Норица. — Надеюсь, теперь вы понимаете, почему я настаивал на полных доспехах.

Они шагнули во тьму, в пустоте их шаги были беззвучными, свет из лифта отбрасывал длинные тени на пол из неокрашенного металла.

— Вакуум — лишь мера предосторожности, — продолжил Нориц, ведя их вглубь. У легионеров автоматически активировались фонари доспехов. Оглянувшись по сторонам, Бранн оценил размеры помещения, стены которого находились от них самое

теньшее в тридцати метрах. — Мы хотели, чтобы груз прибыл в нетронутом состоянии.

— Груз? — переспросил Бранн.

На его вопрос тут же был получен ответ, стоило свету упасть на фигуру в нескольких метрах впереди. Он резко остановился, застигнутый врасплох.

Подошли остальные легионеры, и в свете фонарей возникло несколько рядов доспехов. Голый металл и керамит, тускло-серый и серебряный — цвета брони. Куда бы командор ни повернул голову, отовсюду на него смотрели безжизненные личины. В комнате находилось около двух десятков доспехов, закрепленных на стойках, которые были приварены к полу.

— «Марк-шесть», — сказал Нориц. — Последняя модель с Марса.

Бранн промолчал и подошел к ближайшему ряду пустых доспехов. Они показались ему смутно знакомыми, на первый взгляд они мало чем отличались от доспеха «Марк-IV», который носил он сам. При ближайшем осмотре командор Гвардии Ворона заметил незначительные

отличия в форме пластин и пайки, утолщенные гибкие сочленения, укрепленные поножи, прикрывающие колени. Самым заметным новшеством оказался усиленный штифтами левый наплечник и форма шлема.

— Боюсь, они все еще нуждаются в отладке, — заметил Нориц. — Лорд Дорн пожелал, чтобы их доставили вам как можно быстрее. Они изготовлены мастерами, опытные образцы серии. Вы станете первым легионом в Империуме, у которого появится «Марк-шесть».

— Благородный жест, — ответил Бранн. Он провел рукой по покрытому заклепками наплечнику. — Мы два года проводили боевые испытания их прототипов во время кампании в Скалландском секторе. Вижу, они решили проблему с брюшным покрытием, о котором мы докладывали.

— Большинство улучшений, предложенных вашим легионом, были успешно внедрены, — с легкой завистью сказал Нориц. — Защита у него не лучше, чем у четвертой модели, но внутренние

системы более совершенны. Внешние кабели, которые вы видите, дублируются запасной проводкой в броне, не ослабляя при этом защиты и не добавляя дополнительного веса. Авточувства также улучшены. В частности, слуховые и обонятельные датчики куда более чувствительны. Без сомнения, вы будете рады узнать, что маскировочные свойства этих доспехов намного превосходят любой другой тип.

Бранн кивнул.

— Вы называете их «Марк-шесть». А что случилось с «Марком-пять»?

Нориц указал на легионеров Гвардии Ворона.

— Массовое их производство на Марсе еще не началось, поэтому эти доспехи единственные из доступных. На другом нашем корабле находится тысяча пятьсот комплектов, не считая тех, что стоят здесь. Из-за отсутствия надежных линий снабжения с легионами Механикум обозначили все нестандартные или временные типы доспехов как «Марк-пять». Из-за острого дефицита запасных

частей к «Марку-четыре» информация о многих импровизациях, сделанных вашим арториумом после резни в зоне высадки, была передана другим легионам. Ваши легионеры уже имеют Марк-пять, командор.

— Но почему мы? — спросил Бранн. — Я благодарен вам за это, но вы преодолели дальний путь, чтобы оказать подобную помощь.

— Это в знак признания ваших заслуг в испытании доспехов, а также потому, что вы нуждаетесь в них сильнее всех. Вам оказана большая честь. «Марк-шесть» уже известен как доспехи «Корвус».

Бранн рассмеялся и пальцем указал на коническую личину шлема.

— Это потому, что мы Гвардия Ворона, а у этих доспехов есть клюв? — сказал он. — Сомнительная честь!

— Они названы в честь вашего лорда и в знак благодарности за вашу помощь при тестировании прототипов, — произнес Нориц, обращаясь ко всем Гвардейцам Ворона. — Лорд Коракс настаивает на том, чтобы Гвардия Ворона навязала

Хорусу бой. Лорд Дорн послал эти дары вашему легиону в знак поддержки и помощи в вашем начинании.

— Ты считаешь, что мы их не заслуживаем? — спросил Бранн, уловив настрой капитана. — По твоему мнению, им бы нашли лучшее применение Имперские Кулаки на Терре?

— Наоборот, — сказал Нориц. — Если бы я поставил свои желания превыше долга, то, так же как и вы, напал бы на мятежников. Но мне приказано доставить груз и вернуться к легиону.

После замечания капитана воцарилась тишина. Он жестом приказал группе возвращаться в лифт. Бранн удивленно размышлял над словами Имперского Кулака. Позади них закрылись двери лифта, и кабина вновь наполнилась воздухом. Вздрогнув, лифт пошел вверх.

— Наверное, попасть на Освобождение оказалось непросто, — начал Бранн. — Учитывая варп-штормы и прочее.

— Навигация все еще остается опасной, это так, — согласился Нориц. — По правде говоря, флот седьмого легиона,

который Дорн ранее отправил на...

— Значит, вам предстоит долгий путь обратно.

— Так и есть, командор. Чувствую, вы на что-то намекаете, но пока не пойму, на что именно.

— Сколько у тебя с собой легионеров? — спросил Бранн, взглянув на отделение Имперских Кулаков.

— Сто пятьдесят, — ответил Нориц. — Не пойму, как это повлияет на продолжительность нашего путешествия.

— Сколько, по твоему мнению, Имперских Кулаков защищает Терру?

— Когда я покинул систему, во дворце базировалось около сорока тысяч воинов, — произнес Нориц. Он хмыкнул. — Похоже, я понял вас, командор. Сто пятьдесят легионеров стали бы хорошим подспорьем к паре тысяч ваших воинов.

— Я бы сказал, что мы нуждаемся в вас больше, чем лорд Дорн на данный момент, — сказал Бранн. — Со связью у нас и так проблемы. За исключением нескольких коротких сообщений мы почти ничего не слышали о Терре с самого

начала штормов. Как бы ни старались астропаты, они не могут пробиться сквозь помехи. Ты не сможешь подтвердить изменение приказов от командования своего легиона.

— Знаю, вы считаете Имперских Кулаков упрямыми, командор, но мы не испытываем отвращения к инициативе, — сказал Нориц, протянув руку. — Если лорд Коракс согласен, я с радостью перейду под начало Гвардии Ворона.

Бранн взглянул на протянутую руку и крепко пожал ее.

— Рад, что ты согласился, капитан, — произнес Бранн. — К счастью для тебя, ты перейдешь под командование Агапито, а не мое.

— Несмотря на наши прежние расхождения во взглядах и личные отношения, командор Бранн, мне бы не составило труда служить под вашим началом. Невзирая на ужасные обстоятельства, вы спасли лорда Коракса и остатки своего легиона с Исстваана. Такое достойно всяческого уважения и похвал. Командор, вы — Герой Империума.

— Я? — рассмеялся Бранн. Вместе с ним засмеялись другие легионеры, как Гвардейцы Ворона, так и Имперские Кулаки. Командору казалось, будто на Иссваане он всех подвел. Важнейшая битва в истории легиона, а он пропустил ее. Он со своими людьми оказался отделенным от остальных воинов и от уз, которые связывали воедино весь легион, терранцев и рожденных на Освобождении. То, что Нориц столь высоко отозвался о нем, заставило Бранна впервые посмотреть на себя с другой стороны. — Если я уже стал Героем Империума, то следует придумать какой-то новый титул для того, кто убьет Хоруса.

— Им станет Русс, — произнес воин из почетной стражи Гвардии Ворона. — Просто дайте ему время. Когда вмешаются Космические Волки, все быстро закончится.

— Может, первыми до него доберется ты, — раздался голос второго легионера.

— Сангвиний, — сказал Нориц, заставив всех умолкнуть. — Сыны Фенриса сейчас далеко — вероятно, до сих пор

разбираются с последствиями гибели Просперо. Как бы я ни уважал ваш энтузиазм, Гвардии Ворона не сравниться силой с Лунными Волками. Нет, когда Кровавые Ангелы узнают об измене, Сангвиния ничто не удержит. Лорд Дорн зовет его Ангелом Смерти, и я не могу представить, что Фулгрим, Пертурабо, Лоргар либо кто-то еще захочет оказаться между Хорусом и местью Ангела. Им будет Сангвиний, помните мои слова.

Бранн потянулся к поясу и снял с него кольцо с двумя огромными ключами. Потускневшие, исцарапанные и погнутые — ключам по меньшей мере было несколько десятков лет.

— Я взял их с первого стражника, которого убил во время освободительной войны, — произнес Бранн. — Если Сангвиний уничтожит Хоруса, они твои.

— Пари? — спросил Нориц.

— Назовем это так, — сказал Бранн. — Что поставишь?

Нориц посмотрел на своих легионеров, услышав от них слова ободрения.

— Хорошо, — согласился Нориц. Он снял золотой щиток с правого наплечника и показал Бранну. На нем было выгравировано одно-единственное слово: «Нарандия». — Моя первая боевая награда, полученная за убийство вожака орков. Если Русс доберется до Хоруса первым, она твоя.

Жест был встречен похлопываниями и возгласами одобрения Гвардейцев Ворона.

— Я буду приглядывать за тобой, чтобы ты прожил достаточно долго и смог вручить мне свою блестящую медальку, — довольно сказал Бранн.

— А я за вами, командор, — ответил Нориц, хлопнув по нагруднику Бранна. — Всегда мечтал заполучить связку ржавых ключей.

Возвращая ключи обратно в сумку, Бранн искренне надеялся, что один из них окажется прав. Но если Хорус достигнет Терры, все значительно усложнится.

Агапито медленно барабанил пальцами по металлическому столу. Он

не сводил глаз с лога связи, разгневанный одной-единственной выделенной строчкой данных.

Кто-то взломал его личный шифр и поставил дело под угрозу. Он догадывался, кто это мог быть, и уже сузил круг подозреваемых до нескольких человек, легионеров, которые привлекли его внимание своим странным поведением. Но у него не имелось веских доказательств, которыми можно было бы обосновать подозрения, а только неопределенность, изводившая его.

Бранн внимательно следил за каждым его действием, и Агапито казалось, будто его загнали в ловушку. Пока брат не догадывался, о чем именно нужно спрашивать, но его расспросы привлекали ненужное внимание. Бранн следовал за ним неотступно, выискивая малейшую зацепку. Его неосторожное расследование могло случайным образом все раскрыть, чего ни в коем случае нельзя было допустить. Не раньше, чем у Агапито появится возможность сделать ход.

Вокс-вызов прервал ход его мыслей. Он выключил дисплей и активировал приемник.

— Командор Агапито, мне нужно кое-что с вами обсудить.

Он узнал голос кустодия Арката. После прибытия на Освобождение большую часть времени Кустодес держались обособленно, разместившись на срединных уровнях Шпиля Воронов, где некогда обитали теперь уже уничтоженные роты. Временами они ходили с проверками в арториум, доки и другие охраняемые территории. Естественно, подобное доставляло мало удовольствия, но Коракс согласился предоставить кустодиям свободный доступ по всему Освобождению, невзирая на протесты Агапито. Единственное, чего удалось добиться командору, это запрета для Кустодес посещать Впадину Воронов. Примарх оберегал генотех и его секреты так же рьяно, как когда-то своих последователей во времена восстания.

— Я у себя, кустодий, — сказал Агапито. — Может поговорить здесь.

— Хорошо, командор, уже иду.

Агапито почувствовал любопытство, думая о том, что станет темой их разговора. Для Кустодес стражи было нехарактерно общаться с легионом подобным образом. Он задался вопросом, был ли тут замешан Бранн, и у него вновь испортилось настроение. По крайней мере, проект генотеха и новых рекрутов оказался успешным. Вскоре у Бранна не останется времени для других забот. Как командор рекрутов, он будет безвылазно находиться во Впадине Воронов.

Тренировка казалась бессмысленной, но Альфарий не хотел привлекать внимания, показывая это. Он пригнулся, немного развел руки и стал медленно обходить рекрута. Шагнув влево, он краем глаза заметил Коракса и Бранна, наблюдавших за тем, как они с Каддианом примеряются друг к другу.

Недавно аугментированный Каддиан выглядел соответственно: был выше, но не настолько широкоплечим, как Альфарий, с мускулистыми руками и решительным

взором. Он мог обладать физическими качествами легионера, но не мастерством и опытом. Альфарий заметил, что Гвардейцы Ворона любили пари, поэтому поспорил с сержантом Дором, что победит Каддиана за две минуты. На кон они поставили десять дней ухода за доспехами. Альфарий размял пальцы, на секунду представив, как сержант начищает его доспехи.

На воинах были лишь свободные черные штаны, поэтому Альфарий не мог ни за что ухватиться, чтобы сделать бросок. Альфа-Легионер рванулся, пытаясь сцапать Каддиана за запястье, но рекрут в долю секунды оказался на два шага дальше, и Альфарий промахнулся. Лицо рекрута выражало полную сосредоточенность, взгляд метался между руками, ногами и лицом Альфария, пытаясь предугадать следующее движение.

Альфарий вновь начал двигаться по кругу, спиной ощущая ожидающие взгляды остального отделения. Все молчали, в зале царила полная тишина, не считая шлепков босых ног бойцов.

Каддиан сделал шаг в сторону и ударил ногой, пытаясь сбить Альфария. Тот успел подпрыгнуть, одновременно сместив вес, чтобы толкнуть противника плечом. Приземлившись, он снова оттолкнулся ногами, но, вместо того чтобы врезаться в Каддиана, лишь прошил воздух. Удар ногой в спину заставил Альфария пробежать по инерции еще пару шагов.

Когда он развернулся, ему пришлось тут же поднять руки и блокировать серию нацеленных в голову ударов. Альфарий в ответ попытался врезать Каддиану ногой в живот, но тот ловко увернулся, и удар лишь скользнул по бедру рекрута. Каддиан потерял равновесие, и, желая развить успех, Альфарий вновь попытался схватить его. Он вцепился в левую руку рекрута и тут же провернул ее, стараясь повалить противника на пол.

С невиданной прежде Альфарием гибкостью и силой Каддиан выгнулся дугой и потянул схваченную руку вверх, оторвав противника от земли. Затем Каддиан стремительно упал на пол, перевернулся и

бросил Альфария через спину, заставив легионера разжать хватку, чтобы превратить падение в кувырок.

От последовавшего удара Альфарий растянулся на полу и был атакован так быстро, что не успел увидеть, когда Каддиан успел подняться. Легионер откатился вправо и вскочил на ноги. И как раз вовремя, чтобы его подбородок встретился с носком ноги Каддиана.

Рухнув на рокрит, Альфарий еще и хорошенько приложился головой. Он тут же откатился в сторону, когда нога рекрута опустилась туда, где только что находилось горло Альфария. Почти мгновенно Каддиан ударил его другой ногой по ребрам, выбив из легких легионера весь воздух.

Следующий удар Альфарий предвидел и вывернулся так, чтобы обеими руками схватить Каддиана за ногу, прежде чем рекрут успеет врезать ему в живот. Вскакивая на ноги, Альфа-Легионер одновременно дернул вверх, пытаясь повалить Каддиана на пол.

Точно рассчитав время, Каддиан

воспользовался захватом Альфария в качестве опоры, рванувшись вверх и врезав ему коленом в грудь. Альфарий рухнул на землю, но не разжал хватку. Отпустив одну руку, легионер заехал Каддиану в бок, но в ответ рекрут ударил его локтем в скулу. Наконец, вырвав ногу из хватки, Каддиан развернулся и уселся на горло Альфария, прижав его к полу. Задыхаясь, Альфарий встретился взглядом с противником и увидел в его глазах ярость. Рекрут размахнулся, целясь Альфарию в лицо.

— Хватит! — сквозь грохочущую в ушах кровь расслышал он приказ командора Бранна.

Каддиан с легкостью вскочил на ноги и отступил в сторону. В голове Альфария звенело. Пару мгновений потолок то пропадал во тьме, то вновь приобретал четкие очертания, прежде чем боль не поутихла.

К нему подошел сержант Дор и протянул руку, чтобы помочь подняться. Раздраженный Альфарий проигнорировал ее и встал самостоятельно. Он бросил

злобный взгляд на Каддиана, который ответил ему вежливой улыбкой. Позади него ухмылялись остальные восемь рекрутов.

Все еще приходя в себя после поражения, Альфарий вернулся к своему отделению, стараясь не обращать внимания на самодовольный взгляд Дора. На очередной поединок вызвали еще одного рекрута и легионера.

Альфарий встал неподалеку от Бранна и Коракса, поэтому смог подслушать, о чем они говорят.

— Реакция и сила выше, чем у взрослого легионера, — сказал Бранн. — В жизни не видел ничего подобного.

— Но это хорошо только для поединка без доспехов и оружия, — ответил Коракс. — Их преимущества станут не такими явными, когда им выдадут силовые доспехи.

— Я размышлял над этим, лорд, — произнес Бранн, не отрывая взгляда от сражающихся воинов. — Новые доспехи шестой модели... они намного превосходят все, что есть у нас, за исключением

нескольких доспехов ручной работы у офицеров, но и те находятся в плачевном состоянии. Мы не сможем дать новым бойцам опыт и мастерство ветеранов, но новые доспехи с их более совершенными системами намного бы упростили задачу.

— Я подумал о том же, — произнес примарх. — Это не просто рекруты, они — начало чего-то нового для легиона. Я уже приказал Сикксу организовать еще сто имплантаций. Если все пойдет по плану, то через пятьдесят дней у тебя будет укомплектованный боевой отряд. Похоже, титул командора рекрутов не в полной мере отражает твою роль.

Бранн взглянул на своего лидера.

— Когда вы давали мне титул, то сказали, что это и будет боевое соединение, лорд.

— Им нужно имя, — сказал Коракс. — Мы не можем продолжать звать их рекрутами, но не будет правильным, если их поглотят Когти Агапито.

— У меня есть предложение, — сказал Бранн.

— Так поделись им, командор.

— У нас есть Когти, Ястребы и Соколы, лорд. Думаю, мы должны стать Раптораами.

— Раптораами? — Коракс улыбнулся и положил огромную руку на плечо Бранна. — Да, прекрасно подойдет. Быстрые охотники. Теперь ты — командор Раптораов. Я извещу Агапито, Соларо и Алони.

Легионер, который сражался с Раптораом, с рыком растянулся лицом на полу с заломленной за спину рукой. Раптор обхватил его шею и потянул на себя, выдавив из легионера болезненный рев.

— Хватит! — крикнул Бранн.

«Раптораы, — подумал Альфарий, осматривая ряд воинов, которые радостно закивали товарищу, когда тот вернулся в строй. — Если Коракс не ошибается и Раптораы через пятьдесят дней будут готовы к бою, Омегона следует известить об этом». До сих пор Альфарий не подал ни единого доклада, но из-за таких новостей стоило рискнуть. Что бы ни задумал примарх Альфа-Легиона, ему придется действовать быстро, если он не хочет

позволить Гвардии Ворона возродиться.

Казалось, Коракса полностью удовлетворило увиденное. Альфарий наблюдал, как он направился к выходу. Прежде чем открыть огромные двери, примарх остановился и задумчиво оглянулся. Он нахмурился, но это было проявление не гнева, а беспокойства. Это продлилось лишь пару секунд, и Альфарию оставалось только догадываться, о чем же думал примарх, наблюдая за юными Рапторами.

Визор стражника треснул, засыпав хозяину глаза осколками армированного транспекса. Человек с криком отшатнулся — и Корвус одним ударом пробил ему грудь, оборвав его вопли. Позади него раздался грохот автоматического оружия, и он почувствовал острую боль в спине. Бросив взгляд через плечо, Корвус увидел трех человек на сторожевом посту, выдвинутой оборонительной позиции, которая прикрывала подступ из Второго крыла к автомобильной стоянке. Огонь усилился, и по бледной коже Корвуса захлестал

очередной ливень пуль, которые плющились и падали на пол вокруг него.

Лидер повстанцев нагнулся и выхватил из рук мертвого стража винтовку. Предохранитель для его пальца был слишком мал, поэтому Корвус без раздумий вырвал его. Оружие на самом деле было крупнокалиберным, но в его руках оно казалось детской игрушкой. Корвус обернулся и прицелился в первого человека на заставе, которая находилась приблизительно в двухстах метрах, поэтому он чуть приподнял ствол, приняв во внимание слабую мощность винтовочных пуль. Орудие из заставы вновь выплюнуло очередь — и изрытая следами пуль стена позади Корвуса рассыпалась градом обломков, задевших его левую руку.

Он нажал на спусковой крючок.

Стрелявший человек рухнул на свое оружие, в его левой щеке прямо под визором было пробито отверстие. Палец спазматически сжался, и орудие, крутанувшись на станке, выпустило очередь в пол.

Корвус вновь выстрелил, и следующая пуля угодила в горло заряжающему, который оказался открыт из-за того, что орудие развернулось. Третий человек обернулся и бросился наутек. Едва ли не сразу его сбила с ног пуля, которая попала ему между лопаток и расколола позвоночник.

— Держи, — сказал Корвус, заметив, как возле него пробежала безоружная Дельфа, и протянул ей винтовку. Лидер повстанцев кивнул в сторону тела. — У него на поясе есть запасные магазины.

Первая волна почти достигла ворот. Стражи закрылись изнутри, думая, будто находятся в безопасности за тремя слоями стали и феррокрита. Тут они заблуждались.

Корвус взял с пояса радиопередатчик.

— Константин, открой запор.

— Да, Коракс, — раздался ответ.

Корвус просил последователей называть его по имени, но все больше и больше людей начинали обращаться к нему, используя почетное обращение. Если повстанцы действительно считали его

спасителем, то Корвус решительно настроился доказать, что это так, и не подвести их ожиданий.

Увидев брошенный дробовик, Корвус тут же поднял его. Бой грозил стать жестоким и кровавым. Он выхватил из-за пояса нож — по правде говоря, это был парадный меч полковника службы безопасности — и быстро опередил толпу, которая текла по широкому коридору к воротам. Если повстанцам удастся захватить ангар, то они завладеют техникой, способной перемещаться в безвоздушном пространстве. Из-за своего стратегического преимущества ангар стал одной из приоритетных целей Корвуса.

— Разблокировка через пять секунд, Коракс, — доложил Константин.

— Вперед! — воскликнул лидер партизан, дробовиком указав на ворота.

Корвус остановился всего в десятке шагов от ровной поверхности ворот. Если заряды, установленные им во время последней вылазки, обнаружили, он будет выглядеть очень глупо.

Сквозь металл донесся слабый треск взрывов. За пару секунд Коракс оказался у рычага затворного механизма. Тело человека, опустившего его, лежало у ног повстанцев. Если все прошло по плану, то замок должен быть открыт. Корвус с легкостью дернул рычаг вверх. В этот момент он понял, что оказался прав.

Взревели сирены, замигало аварийное освещение, ворота начали подниматься.

— Оружие к бою! — заорал Корвус, перекрикивая оглушающий грохот огромных механизмов.

Ворота успели подняться всего на полметра, когда с другой стороны ударил град пуль, разрывая колени и ноги повстанцев. Человек двадцать разом рухнули на пол, крича от боли и держась за оторванные конечности. Остальные заключенные бросились врассыпную, чтобы избежать той же участи.

Взгляд Корвуса упал на Ленсу. Девушка лежала на боку, левая ступня висела на одних лишь сухожилиях. Ее глаза встретились с взглядом Корвуса, и она затерла. Девушка перестала кричать и

слабо улыбнулась.

В следующую секунду в нее угодило еще несколько пуль, сорвав половину лица и оставив на теле глубокие раны.

Корвус с ревом бросился на пол и перекатился под поднимающейся дверью. Он вскочил на ноги перед двумя солдатами, стоявшими за тяжелым стаббером, лафет-треногa которого была опущена на всю возможную длину. Дробовик Корвуса изрыгнул заряд, в клочья разорвав бронежилет ближайшего стража. Второй потянулся к кобуре и выхватил пистолет, пока Корвус вгонял в патронник следующий патрон.

Стражник в отчаянии принялся жать на спусковой крючок, но пули просто отскакивали от груди Корвуса. Наконец пистолет несколько раз подряд пусто щелкнул, и на лице человека проступил ужас. Внезапно его руку и плечо прошила очередь, и страж в брызгах крови кубарем покатился по полу.

Второй стабберный расчет разворачивал свое оружие на лидера повстанцев. Бросив дробовик, Корвус взял

стаббер и ногой сбил треногу. Он перекинул патронную ленту через руку и прицелился в оставшихся стражников. На них Корвус израсходовал три короткие очереди, он стрелял осторожно, чтобы не повредить другой тяжелый стаббер.

Врата поднялись еще на полтора метра, под ними пролазило все больше повстанцев. Корвус послал Бранна, Агапито и Стракена за вторым тяжелым стаббером.

— Вперед! — закричал Корвус. — Вперед!

Глава тринадцатая
НАДЕЖДА КОРАКСА ГИДРА КОНТАКТ-ДВА ПУТЬ К ПОБЕДЕ

Очередь, извивающаяся вдоль одной стены коридора и возвращающаяся обратно вдоль другой, сделала шаг вперед. Навар Хеф заглянул в открытую дверь слева, чтобы узнать о происходящем. Рекруты — пока им не позволяли называть себя Рапторами — строились перед командором Бранном. Возле командора стоял сержант Нестил с коробкой, накрытой черной материей. Каждый рекрут по очереди опускал руку в коробку и доставал шестигранную гайку. Некоторые оказывались черного цвета, другие — белого.

Те, кто вынимал белую гайку, вздыхали и отходили в сторону. Счастливчики, которым выпала черная — каждый третий рекрут, — направлялись в комнату. Это были те, кому в скором

времени предстояло пройти трансформацию.

Навар видел, как новые Рапторы тренируются в зале. Они были воодушевлены даже больше, чем легионеры, которых Навару приходилось видеть в своей жизни. Он помнил каждого парня из первой девятки, когда они были еще мальчиками — всего пару недель назад. Теперь они тренировались вместе с легионерами, а также учились обращаться с болтерами и тяжелым вооружением.

Так близко! Если Навар вытащит черную гайку, то войдет в следующую группу рекрутов, которым предстоит стать Рапторами. Ожидание было мучительным, очередь еле ползла, мелкими шагами отступая от двери, а затем возвращаясь обратно. Когда Навар добрался до конца коридора, к двойным дверям, которые вели в столовую, он осознал, как близко от него конец очереди. За ним оставалось не больше двадцати рекрутов.

Его руки дрожали от возбуждения, во рту пересохло.

Между Наваром и командором Бранном стояли всего пятеро рекрутов. Первый из них достал белую гайку — неудача. Оставалось еще четыре. Рекрут, который шагнул вперед — светловолосый парень по имени Моло, на несколько лет старше Навара, — был командиром его отделения. Навар затаил дыхание, когда Моло засунул руку в коробку, зажмурив один глаз, словно боясь увидеть то, что ему выпало.

Черная гайка.

— Повезло тебе, Моло, — прошептал Навар, и тот в ответ подмигнул ему.

— На этом все, — сказал Бранн, выйдя в коридор.

— Командор? — спросил Навар, и все внутри у него сжалось от разочарования.

— Это была следующая сотня, — объяснил Бранн. — Возвращайтесь в спальни и готовьтесь к тренировке в час Убывания.

Бранн зашел обратно в комнату и закрыл за собой дверь, оставив поникших рекрутов одних. Навар чувствовал себя так, словно ему только что зарядили

между ног, и ноющий тугой узел в нижней части живота говорил о том же. Он не вошел в первую девятку. И не станет одним из второй сотни.

— Не переживай, — сказал Каол, похлопав Навара по плечу. — Пусть мы и не первые, но Рапторами мы все равно будем. Неделю можно и подождать.

Неделя казалась Навару вечностью.

Примыкавшая к командному залу личная комната управления Коракса представляла собой квадратное помещение десяти метров в поперечнике, все стены которого были заставлены экранами и аналитическими устройствами. Технический персонал и жужжащие сервиторы занимались работой у пультов, сопоставляя потоки данных вращающихся звездных карт и постоянно изменяющихся информационных сводок.

Бранн, Агапито, Соларо и Алони сидели за стеклянным столом в центре комнаты, возле них стоял Коракс, сжимая в руке портативный терминал. В углу, отдельно от остальных, безмолвно сидел

Аркат, которого примарх пригласил сюда исключительно из вежливости. Бранн только что закончил читать доклад по трансформации второй группы Рапторов. Во время операции умерли двое. Как и после первой волны, результат имплантации был ошеломляющим.

— Сикис говорит, что создал генетическое семя еще для двух тысяч человек, хотя во Впадине Воронов одновременно мы можем проводить имплантацию всего двум с половиной сотням рекрутов. Он просит, чтобы мы перенесли всю работу в Шпиль Воронов.

— Пока это невозможно, — ответил Коракс. — Что с новыми доспехами?

— Испытания почти завершены, — сказал Бранн. — Рапторы быстро учатся использовать усовершенствованные системы. У меня подготовлены пять тысяч доспехов в цветах легиона. Осталось завершить формирование отделений, прежде чем передать в арториум необходимую символику.

— Я набросал список потенциальных кандидатов в сержанты, — произнес

Агапито, активировав сенсорный экран перед собой. — Пусть Рапторы и хорошо подготовлены, но им нужно выделить кого-нибудь из Когтей для обучения премудростям командования.

— Согласен, — подтвердил Коракс. Он взглянул на список. — Хорошие воины, я оставлю окончательное решение за вами. Соларо, что с бронетехникой?

— Могло быть и лучше, — ответил командор. — Со времени нашего возвращения арториум получил три партии с Киавара, в основном «Рино», но нам катастрофически не хватает тяжелой бронетехники. Надеюсь, вы не собираетесь дать Хорусу танковое сражение.

— Мы будем атаковать пехотой, — произнес Коракс. Взмахом руки он вывел на стол изображение звездной карты, отображавшей сектор вокруг Освобождения. Красный круг выделил звезду почти на краю экрана и увеличил ее.

— Нарсис? — спросил Алони. — Это наша цель?

— Мы собрали данные нескольких

отчетов навигаторов, которые были поблизости, — рассказал Коракс. — Варп-штормы еще бушуют, но турбулентность вокруг Нарсисской системы почти стихла. Учитывая близость планеты к нескольким тирам-кузницам, а также к ресурсам Аграпы, Чопикса и Спартуса, полагаю, повстанцы смогут использовать Нарсис как плацдарм для атаки сектора.

— Идеальная крепость, — вспомнил Бранн. — Дети Императора привели Нарсис к Согласию и возвели на нем Идеальную Цитадель.

— Типичное высокомерие фулгрима, — бросил Алони. — Идеальных крепостей не существует. Но тем не менее нам не хватит тяжелой бронетехники для осады.

— Как и времени, — согласился Коракс. — У меня есть план по захвату Идеальной Цитадели, но дело не в этом. Мне нужно знать, готовы ли Рапторы к бою.

— Теоретически — да, — подтвердил Бранн. — Но их пока не испытали в настоящем бою. Учения и стрельбы — это одно. Пламя войны — совсем другое. Мне бы

очень не хотелось, чтобы их перестреляли в первом же бою за Идеальную Цитадель.

— А как насчет Круциакса? — спросил Соларо. Он перевел изображение на другую звездную систему, гораздо ближе к Освобождению. — Небольшая лунная база в мертвой системе. Построена Несущими Слово, — вероятно, станция слежения. Мы можем проверить Рапторов и заодно перекрыть один из разведывательных каналов предателей в секторе.

Бранн, почесав подбородок, взглянул на изображение. Коракс кивнул.

— Как быстро? — спросил примарх.

— Скольких бы вам хотелось проверить? — сказал Бранн.

— Первых пять сотен, — ответил Коракс. — Настоящая битва, а не тренировочная схватка. Ожидаю, что Рапторы будут сражаться независимо от Когтей, Соколов и Ястребов. Они — наше передовое ударное подразделение.

— Десять дней на завершение процесса имплантации, еще десять на подготовку и вооружение, — подсчитал Бранн. — Неизвестно, за сколько мы туда доберемся:

по меньшей мере пятнадцать дней, учитывая состояние варпа.

— Хорошо, — сказал Коракс. — Ты поведешь Рапторов в рейд на Круциакс. Я буду вас сопровождать, чтобы лично наблюдать за их действиями. Что тебе еще нужно подготовить?

— Только сержантов, — ответил Бранн, бросив взгляд на Агапито. — А так мы готовы.

— Я подберу новых командиров и через два дня отправлю их во Впадину Воронов, — предложил Агапито.

— Вам потребуется разведка, — сказал Соларо. — Если нужно, я могу выделить свои отделения.

— Мы будем полагаться на орбитальные данные, — ответил Коракс. — Это лишь небольшая стычка. Группировка отправится на «Мстителе», чтобы не рисковать потерей всей флотилии в варпе. Мы ударим по Несущим Слово, уничтожим станцию и отступим. Только и всего.

— Понял, лорд, — сказал Бранн.

— Уверены? — спросил Коракс, по очереди взглянув на командоров. — Наша

главная цель — Нарсис. Я хочу быть готовым к полномасштабной атаке гарнизона Детей Императора через пятьдесят дней. Мы как можно скорее должны нанести ответный удар по предателям.

— А Император одобрил ваши планы? — вдруг спросил Аркат, поднимаясь с кресла. — На какую поддержку вы рассчитываете?

— Мы не можем установить контакт с Террой, — сказал примарх. — Император даровал нам право действовать самостоятельно, позволив забрать генотех из хранилища. На другие войска надеяться не стоит. Будет только Гвардия Ворона. Не знаю, как обстоят дела у остальных легионов, поэтому мы должны полагаться только на себя.

— Мои кустодии будут сопровождать вас на Нарсис, — сказал Аркат. — По возможности мы доставим пленных Детей Императора на Терру.

— Это уже другой вопрос, — произнес Коракс. — Главная наша задача состоит в том, чтобы уничтожить Идеальную

Цитадель и ее гарнизон. Если Нарсис перейдет в руки верных Императору войск, это значительно ослабит наших врагов.

— Это ваше право как командира, примарх, — сказал Аркат. — Но помните, пусть сейчас вы сражаетесь в одиночку, другие также ведут войну.

— Я не забываю о них, — произнес Коракс. — Именно ради них Гвардия Ворона и лезет в пасть зверя.

Кислотное облако сократило видимость до ста метров и уже начало растворять краску на доспехах Альфария. Он осторожно шел вперед, обходя лужицы едкой жидкости. Все в зоне радиационного заражения имело красноватый оттенок, тени разрушенных зданий впереди казались черными пятнами на фоне багрового неба.

Писк радиационного датчика был настойчивым, но спокойным, достаточно низким, чтобы доспехи не начали закачивать в кровь нейтрализующие препараты. Рециркулируемый воздух, которым он дышал, был немного затхлым, но еще вполне пригодным для дыхания,

несмотря на запах антисептиков.

Поставив ногу на изъеденные ржавчиной обломки рельсовой дороги, Альфарий бросил взгляд вправо, где с оружием наготове продвигалось его отделение. План в уголке его глаза показывал, что они находились в семистах пятидесяти метрах от маяка Впадины Воронов, а до границы патрулирования осталось пятьсот метров.

Обогнув расплавленную кучу шлака, некогда бывшую вагонеточным составом, отделение быстрым шагом пересекло погрузочную площадку. Нетрон шел чуть впереди остальных, в одной руке сжимая болтер, в другой — аускик. Периодически легионер повторял, что контакта не обнаружено.

Патрулирование было стандартной процедурой проверки периметра, но после успеха с набором Рапторов Альфарий увидел новый смысл в приказах командора Бранна. Они были плохим предзнаменованием, указывающим на то, что руководство Гвардии Ворона могло узнать о готовящемся мятеже Омегона.

Зону патрулирования увеличили на пятьсот метров, охватив теперь и окраины заброшенного транспортного узла.

Через сто метров, когда отделение стало спускаться в провал, образованный обрушением подземных туннелей и переходов, облако сгустилось еще больше. Осторожно шагая по разбитому феррокриту, Альфарий вдруг что-то почувствовал. У основания черепа появилось слабое, но настойчивое давление, угнездившееся в выемке в позвоночнике, откуда когда-то изъяли прогеноидные железы.

Он сразу понял, в чем дело, и резко вдохнул. Микроскопический имплантат, встроенный ему в хребет, зафиксировал чрезвычайную передачу. Где-то в радиусе сотни метров находился передатчик Альфа-Легиона.

— Двигаться вправо, дистанция пятьдесят метров, — приказал Альфарий, направив отделение по другому маршруту. — Нетрон, просканировать здание в семидесяти метрах справа.

Альфарий продолжал идти в прежнем

направлении, удаляясь от остальных легионеров. Подергивание в шее становилось все более настойчивым. Посмотрев в сторону воинов, он заметил лишь едва различимые тени в губительном тумане и решил, что они тоже уже не видят его.

Он замер и сосредоточился на сигнале. Шагнув влево, Альфарий почувствовал незначительное ускорение темпа. Легионер осмотрелся и заметил неподалеку опору линии электропередач, поваленную и смятую, словно она была сделана из мокрой бумаги. Еще раз оглянувшись и уверившись, что за ним никто не следит, он направился к опоре. Тиканье в черепе становилось все быстрее и быстрее.

Альфарий поспешно осмотрел мусор у основания поваленного столба, но не заметил ничего необычного. Хорошо, что глазу здесь не за что было зацепиться. Значит, чтобы использовать узловую станцию, ему не понадобится сперва искать ее. Опустившись на колени, он открыл панель на правом наруче и

отключил датчик отделения.

— Сержант, теряем ваш сигнал, — немедленно доложил Галлид, вокс-канал шипел от сильных помех.

— Все в порядке, радиационный карман, — спокойно ответил Альфарий. — Продолжайте проверку, я сейчас к вам присоединюсь.

С этим словами он активировал приемник-передатчик ближнего радиуса действия — небольшую антенну, торчавшую из тыльной части перчатки.

— Код «Эффрит», омега-девять-гидра, — раздался приглушенный электроникой голос приемоответчика. — Контакт-два. Докладывайте. Действие незамедлительное. Готовьтесь к получению приказов.

— Код «Эффрит», гидра-девять-омега, — произнес Альфарий. — Контакт-два, понял вас. Обозначение нового подразделения — «Рапторы». Генотех очень стабильный. До первой операции Рапторов двадцать три дня. Цели пока ничего не угрожает, но уже составлен план увеличения. Жду приказов.

Громкий треск несказанно удивил Альфария, поскольку с ним установили соединение.

— Контакт-два, говорит Эффрит. Подтвердите статус развития Рапторов.

— Эффрит, Гидра Контакт-два. Масштаб имплантации возрос. Полный технологический прогресс неизбежен. Превращение врага в военную угрозу в пределах семидесяти дней. Приказы?

Наступила продолжительная пауза, затем раздался треск ответа. Альфарию стало интересно, ожидал ли его повелитель подобные новости.

— Доклад принят, Контакт-два. Приказываю оставаться на месте.

Связь с шипением прервалась, и Альфарий вернул передатчик обратно. Ответ немного встревожил его. Несмотря на многослойное искажение, Альфарию в голосе Омегона послышалось колебание, словно он удивился такому повороту событий.

Альфарий пока мало что мог сделать, и приказ оставаться на месте означал, что ему следовало не

предпринимать попыток завладеть генотехом, не вмешиваться и не препятствовать процессу набора. Он надеялся, что у его примарха есть план, который тот был готов воплотить в жизнь. Если нет, то Гвардейцы Ворона вскоре полностью восстановят свой легион.

— Посадка через пять... четыре... три... два... одну.

«Громовой ястреб» ощутимо содрогнулся, вздымая вокруг себя фонтаны щебня и песка. Бранн уже поднял раму крепления и направился к штурмовой рампе. Остальные тридцать Рапторов быстро построились позади него, их недавно выкрашенные доспехи блестели в боевом освещении отсека, болтеры сверкали свежей смазкой.

— Второй удар повредил восточную оборонительную турель, поэтому можете выгружаться, — сообщил пилот.

Рампа боевого корабля быстро опустилась, и в отсек хлынул резкий синий свет. Авточувства Бранна отфильтровали яркое сияние, когда

командор спрыгнул на продуваемую ветрами дюну.

— Стандартное построение, Коррон — левый фланг, Нал — правый, — отрывисто приказал Бранн.

Рапторы быстро развернулись веером, их доспехи казались темными пятнами на фоне светло-серой пустыни. По одному отделению выдвинулось на фланги, еще одно направилось за Бранном. Перед ними под скалистым утесом притаилась станция слежения, ее плоская крыша была утыкана тарелками и сенсорными антеннами.

Над головами легионеров просвистели три ракеты, взорвавшись на западной оконечности станции, слева от Бранна. Во все стороны разлетелись обломки рокрита, падая на засыпанный песком двор.

— Брешь пробита, третье подразделение — вперед, второе — оказывать огневую поддержку, — отдал приказ командор.

Ветер постоянно перемещал пласты песка, из-за чего идти следовало с предельной осторожностью. Вздымая

серые клубы, тяжелые легионеры хлынули вперед, целясь в приземистое здание. Сверху донесся рев плазменных двигателей, и над ними пролетел еще один «Громовой ястреб», ведущий огонь из лазерных пушек по надежно защищенным ставням окнам в южной части станции. Когда десантно-штурмовой корабль Бранна взлетел, чтобы прикрыть легионеров, поднятый им песчаный вихрь моментально скрыл из виду Рапторов.

— Цели на пятнадцать градусов, третье окно! — взревел Бранн, заметив бронированные фигуры в одном из разбитых окон.

Секунду спустя из здания открыли болтерный огонь по отделению сержанта Нала. Воины Коррона начали стрелять в ответ, осыпав станцию градом болтерных снарядов и плазменных выстрелов. Бранн дал команду сопровождавшему его отделению открыть прикрывающий огонь, пока Нал со своими легионерами мчался к защитникам.

— Отвлеките их! — отдал команду Бранн, поднимая комби-болтер.

Два ствола одновременно полыхнули, поливая снарядами оконный проем и покореженную раму. Грохот болтеров усилился, к нему присоединился громогласный рев роторной автопушки Кавина. Тяжелые орудийные снаряды принялись вырывать целые куски пласткрита из стены.

Внезапно Бранн осознал, что сейчас он в первый раз стреляет в других легионеров-Астартес. Как и Рапторы, он не сражался на Исстваане, поэтому с гордостью разделил этот момент со своими рекрутами. Командор задался вопросом: насколько же все продумал Коракс, когда поставил его во главе Рапторов? Тот, кто не прошел резню в зоне высадки и последующее спасение, испытывал трудности в общении с легионерами, которые были на Исстваане. Но между ним и его новыми бойцами такие различия отсутствовали.

Эта атака не просто демонстрировала способности Рапторов, но была шансом доказать Агапито и остальному легиону, что он готов вести

войну с предателями, как любой другой воин, видевший гибель своих братьев на Исстваане-V.

— Судя по тепловому сканированию, враг сосредоточился для отражения атаки с юга. — Коракс говорил медленно и спокойно. Примарх решил не участвовать в операции, предпочитая следить за ходом боя со «Мстителя» на орбите крупнейшей луны Круциакса. Сам газовый гигант виднелся сейчас лишь как огромное кроваво-красное полукружие за иззубренной горной грядой позади станции слежения.

— Удерживать позицию, оттягивать весь огонь на себя! — приказал Бранн.

Его группировка совершила посадку на самом видном месте и атаковала первой, но их штурм был лишь отвлекающим маневром с целью завлечь Несущих Слово в одну часть здания. Тем временем с противоположной стороны, с невидимых защитникам вершин утесов, к ним приближалась вторая группа.

В правую руку Бранна угодил болтерный снаряд. Осколки керамита забарабанили по груди и визору шлема.

Командор заметил в двухстах пятидесяти метрах открытую дверь, из которой вели фланговый огонь по трем его отделениям облаченные в красные доспехи Несущие Слово. Один из легионеров Нала рухнул в песок. Еще один упал секундой позже, его развороченный ранец засверкал энергетическими дугами.

Перехватив оружие в левую руку, командор сделал десяток выстрелов в дверной проем. Кавин развернул автопушку даже раньше, чем Бранн успел выкрикнуть приказ. Снаряды забили по скрывавшемуся за дверью отделению, сразив одного Несущего Слово и заставив других нырнуть обратно в укрытие.

Бранн взглянул на вторичный экран хронометра: до основной атаки оставалось двадцать две секунды.

— Усилить огонь! Отвлеките их! — прокричал он.

Рапторам предстояло доказать, что они соответствуют стандартам Гвардии Ворона. Собственно, как и самому командору.

Вершину эскарпа усеивали камни, но они нисколько не мешали легионерам, быстрыми прыжками несущимся по склону. Отделение сержанта Дора входило в состав гарнизона Впадины Ворона, поэтому его временно прикрепили к Рапторам на почетных основаниях. Так вышло, что Альфарий сейчас спускался к аванпосту Несущих Слово вместе с другими Гвардейцами Ворона.

Он испытывал странное чувство, почти такое же удивительное, как когда примарх приказал им открыть огонь в зоне высадки. Им сообщили, что они поддержат брошенный Хорусом вызов Императору, но Альфарию все равно казалось непривычным стрелять в воинов другого легиона. Но нет, тогда это не шокировало его, наоборот, он почувствовал себя освобожденным. Десятилетия в тени великих свершений других легионов взрастили в нем обиду, о которой он даже не подозревал, до тех пор пока впервые не нажал пусковой крючок.

Тогда его поглотила жажда мести, но сейчас Альфарий мыслил вполне

прагматично. Несущие Слово вещали о своей верности столь громко, проводили свои литургии и давали обеты с такой гордостью, что, наверное, именно их мятеж стал наиболее неожиданным и недостойным истинных легионеров. Альфарий всегда считал, что они слишком уж ревностно заявляли о своей преданности имперской цели, и, когда они присоединились к Хорусу, он нисколько не удивился.

Несущие Слово считались союзниками Альфа-Легиона, как и другие легионы, которые объединились, чтобы уничтожить войска Императора, но это не означало, что Альфарию должны были нравиться напыщенные фанатики-предатели. Он с легкостью мог представить, как они воздают хвалу Хорусу, так же как когда-то кричали о праведности Императора. Из всех легионов, которые принимали участие в резне, именно Несущих Слово Альфарий считал самыми большими лицемерами.

— Приготовиться к спуску, — произнес сержант Дор.

Они приближались к краю обрыва. Сквозь песчаную бурю неслись двести Рапторов и двадцать бывших Когтей.

Рапторы представляли собой странное зрелище из-за похожих на клювы личин и новых доспехов, придававших им сходство с хищными птицами. Альфарий уже достал чертежи доспехов шестой модели и только ждал возможности передать их Омегону. Не исключено, что его находка была не такой уж значительной, принимая во внимание то, как глубоко Хорус проник в ряды Механикум, но, какой частью этой информации Воитель соблаговолит поделиться с Альфа-Легионом, оставалось под большим вопросом.

Отделение справа от Альфария первым достигло края утеса. Не останавливаясь, легионеры нырнули в песчаную бурю. Альфарий затаил дыхание и рванулся следом за ними в разреженный воздух. Крыша здания лежала в двадцати трех метрах под ними, что не представляло собой значительной проблемы для полностью бронированного

легионера даже при обычной силе тяжести, а луна Круциакса имела лишь две трети стандартной терранской гравитации.

Альфарий приземлился на покрытую выбоинами рокритовую крышу, подняв облака пыли. Псевдомускульные фибросвязки доспехов сжались, по правой линзе шлема потекли системные сводки.

— Мелты! — крикнул Дор, снимая с пояса заряд.

Альфарий последовал примеру сержанта и закрепил мелта-бомбу на крыше, установив таймер на три секунды.

Альфа-Легионер отбежал на полдесятка шагов и, приготовив болтер, в другую руку взял осколочную гранату. Полыхнув белым пламенем, мелта-заряд проплавил в рокрите метровую дыру. Долю секунды спустя взорвалась бомба Дора, расширив проем. Рапторы вокруг них поступали аналогично, вскрывая бреши по всей крыше. Недолго думая, Альфарий забросил в пробоину гранату и, услышав, как она взорвалась, перехватил болтер в обе руки и прыгнул следом.

От удара плитка у него под ногами пошла трещинами. Пыль стояла столбом, пол усеивали куски рокрита, хрустевшие при каждом шаге. Единственным источником света служил проем над головой, из которого внутрь прорывался резкий синий свет. Оглянувшись, Альфарий понял, что попал в короткий коридор, с обеих сторон заканчивающийся арочными дверьми. Он сделал шаг вперед, целясь перед собой, и позади него приземлился сержант Дор. Альфарий повел болтером вправо, когда чуть поодаль распахнулась дверь, но расслабил палец, узнав в сумраке характерный силуэт Раптора.

Впереди послышался лай болтеров, заставив Альфария действовать. Пока остальное отделение спускалось за ним, он с Дором направился к арке, из ближайшей боковой комнаты к ним вышли еще пять Рапторов.

Внезапно в дверях появилась фигура. В кружащейся пыли было невозможно отличить друга от врага, и Альфарий просто прицелился в него. Воин сделал к ним пару шагов, и в просвете блеснули

багровые доспехи. В легионере было нечто странное, какая-то сгорбленность, сильно встревожившая Альфария.

Дор открыл огонь первым, а спустя секунду к нему присоединились и Рапторы. Несущий Слово отшатнулся из проема, во все стороны полетели куски доспехов.

— Вперед! — закричал Дор, срываясь на бег. — Зачистить помещение!

Альфарий последовал за сержантом через дверь, крепче сжав палец на спусковом крючке. Едва переступив порог, он направил оружие влево, на пару легионеров, присевших у расколотого подоконника. Первым же выстрелом Альфарий пробил ранец ближайшему воину. Затем он прицелился чуть выше и попал в вычурный шлем другого Несущего Слово.

Или, по крайней мере, так вначале показалось Альфарию.

Легионер повалился на бок, из треснувшего черепа хлынула кровь. То, что Альфарий поначалу принял за богато украшенный шлем, на самом деле оказалось деформированной головой. Изо лба

Несущего Слово торчал небольшой рог, клыки выступали вниз к подбородку. Кожа его была цвета бронзы, а кровь, текущая из дыры в черепе, — черной и густой.

Альфарий, выругавшись от отвращения, выстрелил еще раз — и уродливая голова Несущего Слово разлетелась на куски. Второй Несущий Слово развернулся и выстрелил Альфа-Легионеру в живот, развороти проходивший там кабель и искусственные мышечные связки, из которых выплеснулась струя белой жизнеобеспечивающей жидкости.

Мимо Альфария промчался один из Рапторов, на ходу ведя огонь из болтера, и на груди Несущего Слово расцвело несколько кровавых кратеров. Предатель схватил свой болтер как дубинку, но Раптор стремительно отразил удар собственным оружием, а затем несколько раз локтем ударил по шлему врага. С такой же ошеломляющей быстротой Раптор сделал подсечку и еще одним ударом в голову свалил предателя на пол.

Поставив ногу на грудь Несущего

Слово, Гвардеец Ворона принялся всаживать в него болт за болтом, из-за чего поножи Раптора покрылись брызгами крови.

— Не останавливаться! — приказал Дор, махнув в сторону закрытой двери в дальнем конце комнаты.

Оглянувшись, Альфарий увидел, что Гвардейцы Ворона пока не понесли потерь. Всего он насчитал пять погибших предателей, у одного воина были такие же звериные, искаженные черты лица, как у того, которого он убил ранее.

— Не стоит задумываться, — заметил Дор, угадав мысли Альфария. — Импульсное сканирование показало, что двумя уровнями ниже находится реактор, почти под нами. Поищем лестницу.

Но Альфарий не мог не задуматься над увиденным. Слухи ходили уже давно. Скорее не слухи, а солдатские байки. Бывало, что потерянные корабли выходили из варпа с экипажем, полностью извращенным некой ужасной силой. Каждый легионер, который провел в варпе определенное время, мог поведать историю

о странном сне или гнетущем чувстве. Иногда в первые секунды после пробуждения во время варп-путешествия Альфарий видел ужасающие вещи, а командование легиона никогда прямо не отрицало, что в варпе кто-то обитает. Уродливые лица двух Несущих Слово напомнили Альфарию те смутные видения, и он задался вопросом, что же происходит с легионерами Астартес, которые приткнули к Хорусу.

Следующий коридор привел их в обеденный зал, который протянулся по всей ширине здания, почти на семьдесят метров в длину. Когда они подошли, перестрелка была в самом разгаре. Воздух полнился летящими снарядами, яркими следами прометия и плазменных разрывов, отражающимися от стальных столов и стеллажей. Рев болтеров и звон попаданий оглушал. Несущие Слово занимали позиции за перевернутыми столами перед кухней в дальнем конце зала и перестреливались с двумя отделениями Рапторов, зажатыми у двойных дверей напротив Альфария.

Град выстрелов приветствовал

сержанта Дора, когда тот ворвался в комнату, паля из болтера в автоматическом режиме. Перевернув один из столов, сержант укрылся за ним; вокруг него во все стороны разлетались куски металла, на доспехах расцветали вспышки от болтерных попаданий.

Рапторы без колебаний ворвались в зал. Первого сшибло с ног плазменным сгустком, который прожег его нагрудник и испепелил внутренности. Братья тут же отомстили за павшего, изрешетив стрелка Несущих Слово; его доспехи и стеклянный шкаф позади разорвало шквалом выстрелов.

— Третье отделение, обход с фланга! — выкрикнул приказ один из Рапторов, который подскочил к столу с гранатой в руке. Он забросил гранату за стойку, отделявшую зал от кухни. Оттуда вырвались языки пламени, вызвав цепь вторичных взрывов из-за развороченной электропроводки.

Облаченные в черное Рапторы, не открывая огня, ринулись с обеих сторон зала. Очереди Несущих Слово скосили еще

двух легионеров, но остальные продолжали бежать, не обращая внимания на потери.

— Не тормози, старик! — рассмеялся один из Рапторов, промчавшись мимо сержанта Дора.

— Наглый ублюдок! — прорычал Дор и, перескочив через упавший стол, тут же начал стрелять из болтера. — Огневая поддержка!

Альфарий боком пробрался в зал и разрядил пять выстрелов в Несущего Слово с плазмаганом, расположившегося за тележкой, заставленной кувшинами для воды. Сосуды разлетелись осколками и брызгами, Несущий Слово нырнул обратно в укрытие, на свежей красной краске доспехов было заметно несколько отметин от прямых попаданий. Остальная часть отделения бросилась вглубь зала и заняла огневые позиции, болтерные снаряды заколотили по металлической стойке и столам, за которыми укрывались предатели.

Обнажив боевые ножи, Рапторы атаковали Несущих Слово, сосредоточившихся в дальнем конце зала.

Альфарий увидел, как одного из легионеров разорвало слаженным вражеским огнем за миг до того, как его собрат по отделению перескочил стойку и метким выстрелом попал в визор Несущего Слово. Раптор взмахнул ножом и перерезал глотку предателю, когда его левый наплечник раскололся в буре керамитовых осколков от болтерного снаряда.

Несущие Слово не ожидали от Рапторов такой скорости и ярости. Легионеры в черных доспехах хлынули между стеллажами и шкафами кухни, разя предателей болтерами и ножами.

По команде Дора отделение рванулось вперед, готовое прикрыть Рапторов в случае, если их оттеснят. Но в этом не было нужды. Альфарий видел, как три Раптора забили болтерами Несущего Слово. Еще одного предателя бросили на оголенную взрывом гранаты проводку — и по его дергающемуся телу заструлись искры и электрические разряды.

Последний раз Альфарий видел нечто подобное во время атаки Пожирателей Миров на Саламандр в зоне высадки. Это

было безжалостное побоище, он даже не представлял, что подобное возможно. Сражение в обеденном зале было куда менее масштабным, но смертоносная эффективность Рапторов впечатляла не меньше.

Он вообразил бьющихся перед ним сверхлюдей в цветах Альфа-Легиона, разрывающих Ультрамаринов или Темных Ангелов. Они сражались с неудержимостью и яростью в сочетании с необычайной скоростью и меткостью. И это были всего лишь рекруты. Альфарий представил, как Альфа десантируется на Терру с пятьюдесятью тысячами подобных воинов, закаленных в битвах, наделенных хитростью и умениями, которым их обучил примарх.

Такую силу уважал бы даже Хорус. Внезапно Альфарий понял, насколько важным стало его задание и почему он пока не получил приказ уничтожить генотех. Ему предстояло не избавить вселенную от Гвардии Ворона — от него требовалось усилить Альфа-Легион.

Наконец, когда в стальных стенах

отзвенело эхо предсмертного крика последнего Несущего Слово, в зале воцарилась тишина. Альфарий двинулся к двери впереди, пока Рапторы проверяли, все ли предатели мертвы, вонзая ножи им в шеи.

— Новый приказ! — рявкнул Дор. — Реактор заминировали. Мы уходим. «Громовые ястребы» эвакуируют нас в точках семь-шестьдесят и семь-девяносто. У нас одна минута. Выдвигаемся!

— И это все? — вырвалось у Альфария. — Так быстро?

— Ударить и отступить, ты же знаешь правила, — ответил сержант. — Нам поставили задание уничтожить станцию. Через пятьдесят секунд ты его выполнил.

Рапторам не нужно было повторять дважды. Отделения слаженно отступали из кухни через обеденный зал. Альфарий двинулся следом, все еще оглядываясь по сторонам в ожидании контратаки.

— Враг уничтожен? — спросил он.

— Будет, когда взорвется реактор, — рассмеялся Дор. — У нас мало времени.

Они бросились по коридору, через который прошли раньше, и выскочили в выбитые окна. Поток легионеров в черных доспехах хлынул в песчаную бурю и исчез из виду. Альфарий невольно позавидовал Гвардейцам Ворона, наблюдая за тем, с какой скоростью они растворялись в пыли, — так же быстро, как и появились из нее. Шагая по дюнам, Альфарий оглянулся, песчаная буря уже скрыла здание. Локатор зафиксировал впереди сигнал снижающегося «Громового ястреба». Десантно-штурмовой корабль с открытой рампой приземлился на дюну, подняв еще больше песка.

Едва Альфарий достиг рампы, как земля у него под ногами заходила ходуном. Взойдя на борт корабля, он оглянулся и увидел, как в мглистом мареве вспухает красный шар пламени. Пару секунд спустя их захлестнул мощный порыв ветра, сыпанув песком в открытый отсек «Громового ястреба».

— Мы загружены под завязку, — объявил пилот по внутренней связи. — Очистить рампу.

Дор выскочил из пылевого облака и, схватив Альфария за руку, забрался в отсек.

— Задание окончено, — объявил Коракс по основному вокс-каналу. — Победа за нами. Гвардия Ворона доказала, что врагам больше не стоит ее игнорировать. Рапторы продемонстрировали свою ценность и впервые заслужили боевую славу. Борьба против Хоруса началась.

Когда «Громовой ястреб» стал резко набирать высоту, Альфарий сел в кресло и опустил раму фиксатора. Бой продлился не более десяти минут — десять минут, которые могли изменить ход всей войны.

Во Впадине Воронов царило ликование, когда из последнего челнока «Мстителя» выгружались воины. Даже гибель четырнадцати бойцов не смогла испортить настроение рекрутам Гвардии Ворона, хотя Бранн был несколько опечален. Список потерь был куда длиннее, чем он считал приемлемым, учитывая то, что в основном наступлении принимало участие четыреста легионеров против

всего лишь немногим более пятидесяти Несущих Слово. Впрочем, на самом деле командора тревожило совсем другое. Коракс едва обмолвился об операции и после краткой победной речи на все оставшееся время путешествия в варпе уединился в комнате управления Бранна, так и не дав командору возможности озвучить свои сомнения.

Пока Рапторы расходились по спальням, Бранн и Коракс отправились обратно в Шпиль Воронов сообщить о выполнении задания остальным членам командования легиона. Когда они зашли в комнату для инструктажей, командоры уже ждали их. Вокруг все еще кипела бурная деятельность, персонал легиона собирал всю доступную информацию о Нарсисе и Идеальной Цитадели. Соларо, Агапито и Алони сидели за столом, словно гигантские статуи посреди беспокойного моря людей.

— Аванпост на Круциаксе уничтожен, — объявил Коракс, войдя в комнату. — Рапторы, пусть и оказались немного бесхитростны с тактической

точки зрения, проявили себя даже лучше, чем ожидалось, и победа символизирует возрождение Гвардии Ворона.

— Стопроцентный успех? — спросил Соларо.

Вместо ответа Коракс посмотрел на Бранна.

— Я бы так не сказал, — произнес командор Рапторов, встретив взгляд примарха. — Мы понесли неоправданные потери.

— Со временем они научатся, — сказал Коракс. — Их ретивость поубавится.

— Они безрассудные, а не ретивые, — сказал Бранн, садясь за стол. — Хотя любой бой — это риск, они много раз шли на него, когда не было такой необходимости, что стоило не только ценных жизней, но и потенциально угрожало успеху задания.

— Если мы бросим их на Идеальную Цитадель в подобном состоянии, их быстро вырежут, — сказал Агапито. — Мы изучили о ней всю доступную в архивах информацию, и картина вырисовывается не самая радужная. Скорее всего, с тех пор

как Дети Императора вступили в союз с Хорусом, они еще больше укрепили Нарсис. Там не место для необдуманных действий.

— Рапторы станут только частью наших сил, — произнес Коракс, нахмурившись от раздражения. — Вы слишком строго судите их за слабую дисциплину во время первого боя. Они знали, что их проверяют, и хотели проявить себя. Помню, как вы с Бранном в детстве пытались поразить меня своей храбростью.

— Верно подмечено, лорд, — отозвался Агапито. На секунду показалось, что он искренне раскаивается, но затем командор покачал головой. — Но есть ощутимая разница между двумя маленькими узниками и несколькими ротами транслюдей, бронированных и вооруженных лучшим из всего доступного. Им следовало поразить нас решимостью и дисциплиной, а не фанатизмом. Внимание к долг...

— Ты считаешь, что они не готовы? — перебил его Коракс. — Ты похож сейчас на одного из капелланов Несущих Слово, голословно вещающих о долге и

дисциплине. Мы вступили в войну, которая решит судьбу Империума! Я ожидаю, что каждый мой воин будет вести себя достойно и пойдет на все ради победы.

На пару секунд в комнате воцарилась неловкая тишина, Коракс отвернулся, сжав зубы от гнева. Когда он вновь взглянул на командоров, то уже сумел взять себя в руки.

— Рапторы научатся дисциплине, — произнес он. — Со временем, когда их станет больше, мы распределим их по всему легиону, как ранее простых рекрутов, и ветераны помогут укрепить их дух. Не забывайте, что какую-то сотню дней назад все они были детьми. На вашу трансформацию ушли годы, за это время в вас вбивали терпение и дисциплину. Бранн, если тебя это так беспокоит, то приложи дополнительные усилия, чтобы обучить своих воинов всему необходимому, потому что у нас нет в запасе нескольких лет для проверки их навыков и выковывания боевого духа.

— Так точно, лорд, как пожелаете, — произнес Бранн. — Еще несколько вылазок в

радиационные пустоши немного успокоят их.

— Когда ты выдвигаемся на Нарсис, лорд? — спросил Соларо. — Даже учитывая Рапторов, ты можем собрать максимум пять тысяч легионеров.

— Я собираюсь штурмовать Идеальную Цитадель с вдвое большим количеством, — сказал Коракс. — Сикис и Орландриаз получили распоряжение увеличить масштаб имплантации.

— Еще пять тысяч Рапторов? — едва ли не с ужасом спросил Агапито. — Но у нас осталось всего пятьсот новициатов, пригодных для имплантации. Где нам взять новых рекрутов?

— На Освобождении и Киаваре, — ответил Коракс. — Как я уже говорил, новое генетическое семя позволит нам с одинаковым успехом набирать более молодых и менее пригодных кандидатов.

— Простите за непочтительность, лорд, но это бессмысленно, — сказал Агапито. — Буквально только что ты обсуждали незрелость Рапторов, которые несколько лет обучались и изучали

традиции легиона. Брать неопытных детей, чтобы превратить в суперсолдат, кажется несколько опрометчивым решением.

— У нас нет другого выбора, — произнес Коракс, больше не гневаясь на критику Агапито. — Я понимаю твои опасения и сам обдумывал их во время обратного пути с Круциакса, но из-за предательства Хоруса мы оказались в коридоре, из которого есть лишь один выход. Или мы начнем создавать больше Рапторов и увеличим набор рекрутов, или придется забыть об ответном ударе по войскам Хоруса. Пока перед нами стоит простой вопрос цифр, и они говорят не в нашу пользу.

— Я бы хотел заявить о своем несогласии, — высказался Агапито.

Командор посмотрел на Коракса, а затем демонстративно перевел взгляд на Бранна, на его лице читалось раздражение, граничащее с отчаянием.

Бранн понимал позицию брата, но он лично видел, на что способны Рапторы, даже неопытные. Пять тысяч подобных

воинов были бы невероятно мощным оружием. Кроме того, это также был вопрос лояльности примарху. Странное поведение Агапито после Исстваана дало Бранну повод сомневаться в искренности мотивов, которыми руководствовался его брат, возражая против плана Коракса. Возможно, он боялся, что Когти утратят былую честь и престиж. Скорее всего, Агапито задевало то, что примарх явно отдавал предпочтение Рапторам — в доспехах и оружии — в обход их.

И у него была еще одна причина согласиться с примархом, куда более личная. Боевые действия на Круциаксе не стерли сомнений, которые Бранн испытывал, не попав на Исствааан. Они доказали лишь то, что ему, более чем кому-либо другому, следовало искупить свою вину в глазах Гвардейцев Ворона, которые там сражались. Огромное число Рапторов превратит его в ключевого командора на Нарсисе, что даст ему возможность проявить себя куда лучше, чем во время обычного рейда на отдаленный аванпост.

— Необходимо, — произнес Бранн, — дать возможность стать Гвардейцем Ворона всем, кто пожелает. Мы вели войну ради того, чтобы освободить жителей этой звездной системы. Гвардия Ворона вела Великий крестовый поход в сотнях миров, дабы принести такую же свободу остальным людям. Теперь им пришло время ответить на наш зов и отплатить нам за наши старания.

— Вы не объявите о всеобщем призыве? — спросил Соларо.

— Нет, — ответил Коракс. — Так я не поступлю. Не думаю, что мы будем испытывать нехватку в добровольцах.

— Новости об этом далеко разлетятся, — сказал Агапито, крепко вцепившись в край стола. — До сих пор нам удавалось держать в тайне наши планы, а также то, что мы восстанавливаем силы. Если вы начнете набирать рекрутов в таких масштабах, новости вскоре дойдут до предателей, и они незамедлительно отправят армию, против которой нам будет не выстоять. Неожиданность — наше лучшее оружие, но после громких

заявлений мы его лишимся.

— Для врага будет слишком поздно, — произнес Коракс. — Мы ударим так быстро, что у них не останется времени на подготовку. Имплантацию оставшихся во Владине Воронов рекрутов стоит начать со всей возможной поспешностью. Бранн организует массовый прием добровольцев, а мы проведем последние приготовления для атаки на Нарсис.

— Что насчет оружия и доспехов? — поинтересовался Соларо. — Сейчас мы создаем Рапторов быстрее, чем доспехи шестой модели.

— Мануфакторумы Киавара уже начали изготавливать продукцию на основе привезенных капитаном Норицем шаблонов, — ответил примарх. — Что касается оружия, наши арсеналы рассчитаны на восемьдесят тысяч человек. Пара тысяч болтеров не проблема, невзирая на потери, понесенные на Исстваане.

— Транспортировка? — спросил Алони, вздохнув как человек, который понял, что уже проиграл битву. — «Мститель» и

уцелевшие корабли не смогут принять на борт так много воинов.

— Возьмем все доступные транспорты, — сказал Коракс. — Нам сгодятся любые корабли, которые могут запускать «Громовые ястребы» и «Грозовые птицы». Какие бы проблемы вы ни предвидели в будущем, мы их решим. Гвардия Ворона будет готова атаковать Нарсис через двадцать пять дней. Я прождал достаточно и дольше не собираюсь. Мы уже начали контратаку, теперь пришло время осознать это и нанести такой удар, который заставит их понервничать.

— Так точно, лорд, — сказал Агапито, его ответ подхватили другие командоры. — Будет так, как вы прикажете.

Засев в облученных руинах, которые окружали Впадину Воронов, Омегон следил за укрепленным зданием через оптические умножители. Контакт-три, доложивший с Освобождения, предупредил о росте активности на базе Рапторов. Судя по количеству транспортов и шаттлов,

курсировавших в последние несколько дней, Коракс с головой погрузился в исполнение своих замыслов. Механикум и слуги Гвардии Ворона в противорадиационных костюмах пристраивали к комплексу сборные здания, в результате чего Впадина Воронов увеличилась почти вдвое.

Омегон раздумывал над возможными вариантами действий, но ни один из них его не устраивал. Наиболее очевидным было приказать оперативникам уничтожить генетический проект уже сейчас, прежде чем количество Рапторов увеличится еще больше. Но примарху это казалось едва ли не поражением, учитывая, насколько близко он подобрался к заветному трофею.

Вскоре повстанцы окажутся готовы атаковать Впадину Воронов армией из нескольких тысяч человек. Еще пятьдесят Альфа-Легионеров были всего в трех днях пути на борту «Беты», которая скрывалась среди пылевых облаков за Киаваром. Им предстояло возглавить штурм. Сейчас главная проблема состояла

в том, чтобы точно выбрать время. Если он выступит слишком рано, пока повстанцы не успели полностью подготовиться, его воинов перебьют безо всякого толка. Если он атакует слишком поздно, то не справится с возросшим числом Рапторов.

Единственная надежда состояла в быстром и решительном захвате генотеха, а затем уничтожении всего остального. Но чтобы его план увенчался успехом, ему понадобится еще десять дней.

Хруст камней под ногами заставил Омегона резко развернуться с болтером наготове. Среди обломков внизу пробиралась худая, закутанная в мантию фигура — магос Унитракс. Омегона немного встревожило, что техножрец не нуждался в защите от радиации и загрязнения. Приглядевшись, он заметил, что зеленоватое лицо Унитракса было наполовину сгнившим, плоть под капюшоном удерживалась лишь с помощью металлических имплантатов.

— У меня есть для вас решение, — произнес магос. С этими словами он

пошарил иссохшей рукой в мантии и извлек из складок небольшой контейнер размером с гранату. — Генетический вирус, изготовленный на основе полученной от ваших оперативников информации. Если один из ваших агентов смешает его с генетическим шаблоном, который использует Гвардия Ворона, то значительно приостановит их прогресс.

Омегон присел, под его весом захрустел мусор. Взяв контейнер из рук Унитракса, он внимательно его осмотрел. Тот тихо гудел в миниатюрном стазисном поле, но во всем остальном походил на обычную флягу, которыми пользовались Гвардейцы Ворона.

— И как он действует? — спросил примарх. — Зараженное генетическое семя для нас бесполезно.

— Как действует? — переспросил магос. Он неловко кашлянул и отвел взгляд. — Точные последствия пока неизвестны, но они определенно серьезные. Когда генотех попадет в наши руки, удалить вирус из генетических нитей будет довольно легко.

— Очевидный ход, который к тому же вызовет у Коракса подозрения, — сказал Омегон, перебрасывая контейнер из руки в руку. — Он уже и так значительно усилил охрану Впадины Воронов. Я не могу допустить, чтобы они вообще закрыли доступ к зданию.

— В первую очередь они станут подозревать самих себя, — произнес Унитракс. — Вирус мутирует изнутри и будет выглядеть как непредвиденный побочный эффект процесса имплантации. Если только они не станут целенаправленно искать вирусную инфекцию, то не обнаружат ничего, что нельзя было бы объяснить случайной, но вполне допустимой мутацией генетического материала.

— Я подумаю над этим, — сказал Омегон. — Что нужно сделать моему агенту?

Унитракс достал крошечный кристаллический осколок, размером не больше ногтя.

— В инфочипе содержатся необходимые инструкции, — сказал магос. —

— Передайте его своему оперативнику вместе с вирусным контейнером, он сможет получить к нему доступ через любой терминал во Впадине Воронов. Также прикажите ему уничтожить кристалл и контейнер сразу после завершения задания.

— Естественно, он уничтожит его, мы же не дилетанты, — произнес Омегон. Он бросил еще один взгляд на контейнер и потянулся за инфочипом, после чего закинул их в поясную сумку и надежно застегнул ее. — Как дела у Ордена Дракона? Они будут готовы действовать по моей команде?

— Мы готовы, — ответил Унитракс. — Мы установили контакт со сторонниками в правящей верхушке Киавара. Когда ваши гильдейские отбросы выступят, мы приступим к выполнению нашей части договора.

— Гильдии следует еще немного подбодрить, и они сделают все, что я им прикажу, — произнес Омегон. Примарх посмотрел через искореженное окно на силуэт Впадины Воронов и положил руку

на сумку с генетическим вирусом.

Контакт в Гвардии Ворона обязательно получит его. Ждать осталось недолго.

Глава четырнадцатая
ДИВЕРСИЯ
РОЖДЕНИЕ ЛЕГИОНЕРА
ОТРАВЛЕННОЕ СЕМЯ

По коридорам Впадины Воронов разнесся вой сирен. Альфарий как раз находился во временном арториуме, обучая уходу за доспехами несколько отделений Рапторов.

— Угроза нападения, всем собраться в главном зале! — резко крикнул он, поднимая со скамьи шлем.

— Это часть тренировок, сержант? — спросил один из Рапторов, когда они строем стали выходить из комнаты.

— Нет, все по-настоящему, — ответил Альфарий, зная, что на сегодняшний день ничего подобного не планировалось. Угроза нападения могла означать только реальную опасность для Впадины Воронов, и ему точно была известна ее причина.

Пока остальные воины подтягивались в точку сбора, Альфарий свернул в

казармы своего отделения. Они пустовали, его легионеры уже отреагировали на призыв к оружию. Альфа-Легионер присел возле своей кровати и достал из-под нее видавшую виды металлическую коробку. Бросив быстрый взгляд на дверь, он поднял крышку и принялся рыться в содержимом — там были запасные болтерные магазины, смазка, краска, небольшие детали доспехов, пара клыков и другие трофеи воина, роль которого он играл, а также несколько фляг и коробок. Наконец его доспехи зафиксировали слабую дрожь стазисного поля контейнера, в котором находился генетический вирус. Спрятав его в поясе, Альфарий закрыл коробку и ногой задвинул ее обратно под кровать.

Он запомнил инструкции, как ввести вирус в генетический шаблон, после чего уничтожил инфокристалл в крематории Впадины Воронов. Сорвавшись на бег, он прокрутил в памяти нужные данные и снял с пояса болтер, когда добрался до главного зала. Стоявший на помосте Бранн одарил опоздавшего Альфария хмурым взглядом. Альфа-Легионер поднял руку, извиняясь, и

присоединился к своему отделению.

— Как я сказал, — продолжил Бранн, — сенсоры периметра обнаружили значительное неопознанное движение в секторах три и пять. Патруль уже отправлен. Командам арториума занять оборонительные турели. Отделениям с первого по четвертое — погрузиться в «Рино» арториума для быстрого ответного удара. Отделениям с пятого по двенадцатое — зачистить остальной периметр. Всем, кого я не назвал, направиться к воротам Дельта и Гамма и приготовиться к контратаке.

Бранн замер и склонил голову набок, из его передатчика донеслось тихое жужжание связи. Командор кивнул.

— Патруль-один, вас понял, — сказал он, взглянув на собравшихся Рапторов. — Подтверждено присутствие по крайней мере сотни антиимперских боевиков. Похоже, они собираются для атаки у главного железнодорожного депо и у руин счетного дома. Ждите дальнейших приказов. Вы — воины Гвардии Ворона. Сражайтесь за Императора и Коракса!

— За Императора и Коракса! — воскликнул Альфарий вместе с остальными и ударил кулаком по нагруднику.

Омегон идеально выбрал время для отвлекающего удара. Альфарий со своим отделением проводил занятия в арториуме и отвечал за оборонительные турели и защиту Впадины Воронов. Он приказал воинам приступить к выполнению возложенных на них обязанностей, пока остальные Рапторы направлялись на позиции.

— Диэта, проверь новые здания, — приказал он одному из своих легионеров. — Среди рабочих могли быть диссиденты. Кто знает, какой подарок они нам оставили.

— Мы провели тщательную проверку всех зданий сразу после их ухода, сержант, — возразил Диэта, явно не желая браться за такое трудоемкое и ненужное на первый взгляд дело.

— Возьми с собой Калдена, — сказал Альфарий, ткнув пальцем в другого легионера.

— Я же должен охранять лазарет! — произнес Диэта.

— Я присмотрю за ним, идите уже, — отрезал Альфарий. Двое Гвардейцев Ворона быстро отдали честь и побежали к выходу.

Альфарий направился к генохранилищу, расположенному в медицинском крыле. Прибыв на место, он обнаружил на кроватях нескольких новициатов, не старше десяти стандартных терранских лет, за ними пристатривали Винсент Сиккс и магос Орландриаз. Возле них стояло несколько помощников с подносами, заставленными фиалами и разнообразными хирургическими инструментами.

— Нужно очистить помещение, — сказал Альфарий.

— Исключено, — возразил Сиккс. — Этим мальчикам только что ввели антиген для имплантации. Их нельзя перемещать, нужно успеть ввести им генетическое семя, пока не наступил клеточный шок.

— Ну, если это так важно, — произнес

Альфарий, поняв, что апотекарий с техножрецом будут слишком заняты операцией, чтобы обращать на него внимание. — У вас достаточно генетического семени?

— Да, — ответил Сиккс. — У нас все подготовлено.

— Хорошо, тогда я запру остальное в центральном хранилище, — сказал Альфарий.

— У тебя нет права доступа, — заметил Сиккс. — Я схожу с тобой. Орландриаз может начать и без меня.

Предложение ошеломило Альфария, и ему пришлось быстро искать выход из положения.

— После блокировки комплекса коды изменятся, — сказал он, нацепив на себя маску бесстрастия. — Никакого риска для протоколов безопасности, поэтому не вижу смысла отвлекать тебя от столь важного процесса.

— Он прав, — произнес Орландриаз. — Не думаю, что комплексу грозит серьезная опасность. Не стоит зря терять время.

Сиккс кивнул и снял с шеи цепочку, на

которой висел двухконечный цифровой шип. Апотекарий бросил цепочку Альфарию, и тот с легкостью поймал ее.

— Проверь, чтобы внутри не осталось моих помощников, когда будешь закрывать, — сказал апотекарий, отвернувшись к ближайшей кровати. — Код командного переопределения — пета-орфей-ипсилон.

— Благодарю, — ответил Альфарий и быстрым шагом направился в сторону камеры. Перед ним распахнулась герметичная дверь, открыв путь во внутренние покои.

Он быстро сориентировался благодаря имевшемуся у него описанию и отыскал запечатанную стазисную камеру, в которой должен был находиться генетический шаблон. Он вставил цифровой ключ в замок на двери и произнес код переключения. Запоры с громким щелчком задвинулись в пазы, закрыв ему путь к трофею.

Альфарий быстро снял с пояса взломщик паролей — хитроумное устройство из специального комплекта,

который он хранил с момента внедрения. Вставив цифровой ключ Сиккса в один из портов считывателя, он запустил определитель кода и вскоре считал все последовательности, содержавшиеся в металлическом устройстве.

Крошечный считыватель данных на взломщике кодов показал все, что ему требовалось знать, и Альфарий поднес цифровой ключ к стазисному хранилищу. Вставив ключ, он активировал гололитический дисплей. Альфарий посмотрел на считыватель и ввел нужную последовательность. Из комнаты раздалось шипение выходящего воздуха, и пара поршней со скрипом распахнула перед ним дверь.

Внутри, посреди извивающихся кабелей, находился цилиндр высотой в половину его роста, вокруг которого клубились облака сверхохлажденного воздуха. И вновь цифровой ключ открыл замок на цилиндре-хранилище. В нем затерцал свет, явив Альфарию гласситовую капсулу размером не больше болтерного снаряда, зависшую в воздухе

между двумя суспензорными устройствами. Внутри в суспензии бледно-синей жидкости плавала спираль генетического материала, едва различимая даже для глаз Альфария.

Пару секунд он просто завороженно смотрел на нее, поражаясь, как в чем-то настолько крошечном могла таиться такая невероятная мощь. Жизнь, высшая трансчеловеческая жизнь содержалась в этой частичке материала размером с молекулу. Перед ним парила возможность создавать целые легионы неудержимых воинов. Все, что ему требовалось сделать, — бросить эту гласситовую капсулу на пол, и Гвардии Ворона придет конец. Но у его примарха был куда более грандиозный план. Эта секретная формула могла превратить Альфа-Легион в неодолимую силу. Поглощенный этими мыслями, Альфарий понял, что за выбор стоит перед ним. То, что он сейчас сделает, может решить исход войны Хоруса с Императором, определить судьбу всей Галактики.

Заслужил ли Хорус подобный дар?

Чем таким мог обидеть его Император, что для отмщения Воителю потребовалась эта война? Альфарий понимал, что в восстании были замешаны куда более могущественные силы, но ни одна из них сейчас не обладала такой властью, как он.

Он тихо рассмеялся, завороженный грандиозными возможностями. Примарх дал ему понять, что судьба Альфа-Легиона была связана с Хорусом — на благо самому легиону и всему человечеству. Альфарий осознавал, что примарх никогда бы не сказал подобного, если бы не знал наверняка, что так оно и есть.

Отбросив размышления, Альфарий достал капсулу из суспензорного поля и поискал взглядом генокодер, как указывалось в инструкции. Он стоял на одном из рабочих столов — огромное устройство с несколькими приемными отверстиями размером с генетическую капсулу, соединенное с анализаторами.

Альфарий включил генокодер и поместил шаблон в один из разъемов. Введя последовательность команд, он

активировал кодирующий механизм. Когда устройство с урчанием стало оживать, Альфарий взял контейнер с вирусом и открыл его. Внутри лежал почти идентичный гласситовый фиал. В нем, постоянно меняя цвета, безумно искажаясь и скользя по внутренней стенке фиала, бешено извивалась газообразная смесь, которая словно пыталась вырваться на свободу. Почему-то ему вспомнилось описание варпа, которое он слышал от навигаторов: «непостоянный и беспокойный».

Подавив отвращение, он вставил вирус в другую нишу-приемник и опустил крышку.

Его пальцы застучали по клавиатуре, и вскоре генетический шаблон и вирус смешались в кодирующей машине. Альфарий замер, ощутив дрожь, которая сотрясла Впадину Воронов, — оборонительные турели открыли огонь. Времени осталось мало. Сиккс или один из орудийных расчетов вскоре заметят его длительное отсутствие, либо примарх сможет отразить атаку, и режим

изоляции отменят.

Он торопливо ввел нужную последовательность и подождал еще пару секунд, пока устройство гудело в глубинах генокодера. Наконец сигнал объявил о завершении работы, и фиал с шипением выдвинулся наружу.

Альфарий вернул генетический шаблон обратно в стазисную камеру, после чего закрыл контейнер. С помощью взломщика кодов он зашел в информационные логи и стер все свидетельства своего вмешательства. Это было не настолько безопасно, как полное стирание, но у него не оставалось времени для подобных предосторожностей. Учитывая масштабы имплантаций, для обнаружения аномалии понадобится глубокое сканирование, во время которого все операции придется остановить. Такой поворот событий был маловероятным, поскольку Коракс хотел, как можно скорее создать побольше Рапторов.

Вернув все на положенные места, Альфарий вышел из комнаты. Сикс и техножрец как раз оперировали одного из

пациентов. Не привлекая к себе внимания, Альфарий оставил цифровой ключ на полке и выскользнул за дверь.

Оказавшись в коридоре, он бегом направился к третьей турели, где ему следовало командовать огнем орудия.

Хрип автолегкого и отрывистый перестук измерительных игл звучали странно успокаивающе. Навар Хеф чувствовал себя отделенным от тела — состояние, вызванное коктейлем препаратов и гипнотическим внушением. Он метался между бодрствованием и неглубоким сном, едва осознавая, что происходит вокруг, в мимолетных мгновениях ясности он убеждался, что Винсент Сикс и его помощники всегда находились рядом, все время следя за его самочувствием.

Навар испытывал боль, но благодаря похожему на транс состоянию она ютилась в крошечной частичке разума, никак не влияя на ход его мыслей. Хефу казалось, будто его тело пылает изнутри и снаружи, но в то же время его разум

оставался холодным как лед.

Органы смещались и увеличивались, кости утолщались и удлинялись, клетки дублировались и мутировали. Ему снилось, будто он — тенетоль, висящая в коконе на помосте одного из тюремных крыльев. Тело Навара изменялось, став наполовину твердой субстанцией, из юноши он превращался в трансчеловеческое существо, легионера Астартес.

Время текло незаметно. Иногда Навар испытывал приливы энергии или состояние агонии, временами чувствовал, как конечности или внутренности проходят процесс имплантации. Ощущения ограничивались лишь его разумом, само тело оставалось скованно параличом, не дававшим ему кричать или стеяться. Свисавшие на проводах лампы тетнели и становились невыносимо яркими, их свет пробивался даже сквозь закрытые веки. Он задавался вопросом: отмечали они ход дней и ночей или это его тело так реагировало на внутренние изменения?

Сильнее других чувств он испытывал

радость, неизменное восторженное ощущение становления настоящим собой.

Оставленный наедине со своими мыслями, будущий Раптор представлял, каким станет в конечном итоге. Он почти не ощущал стремительного увеличения веса, не чувствовал, как грудь, руки и ноги покрывались мышцами. В какой-то момент Навар понял, что его сердцебиение обрело иной ритм, знакомая пульсация в горле сопровождалась теперь вторичным биением, учащенным, но более слабым. Он вдохнул и попробовал воздух на вкус. Запах пота и антисептика, озона и начищенного металла оседал на его языке и улучшенных ольфакторных рецепторах.

Даже его мозг изменялся. Словно на расстоянии он наблюдал, как в сером веществе формируются новые строения и извилины. Постепенно до него дошло, что в его организме не осталось наркотиков. Его тело поддерживалось взаимодействием недавно появившегося каталептического узла и стазис-мембраны.

Именно тогда он понял, что процесс завершился. Навар с усилием заставил себя

очнуться от полудремы, мысли и чувства тут же прояснились. Окружающая обстановка сразу наполнилась жизнью — он услышал шорох ног обслуживающего персонала, вой сервиторов магоса Орландриаза, почувствовал запахи крови и адреналина, увидел мерцание света.

Он сел, внезапно осознав, что ужасно голоден. Несмотря на то что ему вводили внутривенно белки и питательные вещества, тело израсходовало все запасы жира, подпитывая процесс роста.

Навар усмехнулся, поняв, что его ноги достают до края кровати. Когда он ложился на нее пару дней назад, они едва достигали двух третей длины простыни. Хеф поднял руку и сжал пальцы в гигантский кулак, под затвердевшей кожей перекатились костяшки. Он напряг мышцы руки и поразился их силе, ему вдруг захотелось раздавить что-нибудь в своей хватке.

— Тебе следует пройти в реабилитационную, — произнесла санитарка, у которой все, кроме глаз, было скрыто под капюшоном и маской. Навар

заметил серые крапинки в синеве ее радужки, каждый тончайший капилляр в белках. В ее зрачках он увидел собственное отражение — обнаженный великан, лежащий на окровавленных простынях. Ее дыхание пахло карумалом — сахаросодержащей смесью, которую добавляли в пищу Гвардейцы Ворона и их сервы для кратковременной подпитки активной деятельности. Мешки под глазами и морщины красноречиво говорили об усталости.

— Пожалуйста, следуй за мной в реабилитационную, — повторила она, взяв Навара за руку. Навару показалось, что она едва не пробормотала слова, хотя нормальный человек услышал бы обычный голос.

Он свесил ноги с кровати и встал. Навар на миг опять испытал наслаждение, возвышаясь над женщиной. Она оказалась поглощенной его тенью, и Навара охватило чувство превосходства. Но санитарку это ничуть не смутило, ведь за последние дни ей пришлось иметь дело с десятками Рапторов. Она без лишних слов

развернулась и направилась к двойным стеклянным дверям. Навар слышал ее мягкую поступь и шорох халата так ясно, словно она была в тяжелых ботинках и пластинчатых доспехах.

В горло Навару что-то попало, и он закашлялся. Санитарка указала на металлическое ведро, висевшее на крюке рядом с дверью. От него ужасно воняло.

— Тебе нужно удалить из легких отмершую ткань, — сказала она.

Навар выплюнул в ведро плотный ком, после чего сделал глубокий вдох и убедился, что все в порядке. Женщина распахнула двери, за которыми оказались ряды скамеек с лежащей на них одеждой. Несколько десятков Рапторов уже плескались в длинных желобах, смывая с себя сгустки крови и застарелый пот.

Некоторые оборачивались и ухмылялись Навару, и тот улыбался в ответ. Если он правильно понял, через пару дней они станут его боевыми братьями, повзрослевшими и готовыми к бою.

— Спасибо, — сказал он женщине-

санитару и присоединился к остальным Рапторам.

Пустой топливный бак прогнулся от удара Омегона, оглушительный звон разнесся по заброшенному грузовому терминалу Наирхаба, притаившемуся посреди радиационных пустошей Киавара. Взревев, Омегон посмотрел на небо, виднеющееся сквозь прорехи в металлической крыше, — в красную высь, затянутую облаками, уткнулись остовы кранов, с которых свисали цепи от лесов и помостов, словно лианы в промышленных джунглях. Вытащив кулак в латной перчатке из рваной дыры, проделанной им в бочке, примарх Альфа-Легиона направил убийственный взгляд на магоса Унитракса.

— Как ты можешь это объяснить? — гневно спросил Омегон. Он положил ладонь на эфес цепного меча, пальцы другой руки сжались на рукояти болтера, закрепленного на поясе. — Еще одна группа Рапторов без проблем прошла трансформацию, и пока ни единого признака твоего вируса.

— Наверное, ваш оперативник допустил ошибку, когда пытался ввести его в генетический шаблон, — ответил Унитракс, посмотрев на примарха спокойным, холодным взглядом. — Возможно, он нарушил целостность вирусного кода.

— Он в точности следовал твоим инструкциям, — ответил Омегон. — Вины моего оперативника здесь нет.

— Вирусный агент приведет к мутации генетического семени, если процедура была выполнена правильно, — стоял на своем магос.

— Это неприемлемо, — произнес Омегон, пытаясь успокоиться, чтобы вновь обрести ясность мышления. В том, кого следует винить, он разберется позже. Сейчас ему необходимо было придумать новый план, и желательно поскорее. — Возможно, вирус еще неактивен? Какую блокировку ты внедрил в него, чтобы не дать ему выйти из-под контроля и не стать заразным?

— Вирус самый обычный, сам по себе безвредный, — сказал Унитракс. Он пожал

плечами, и из-под одеяний показалась третья, механическая рука, подражая жесту органических конечностей. — Он — лишь переносчик, в котором содержится вредоносный элемент.

— И что это за вредоносный элемент? — спросил Омегон. — Ему требуется время для активации?

— Он основан на варпе. Частичка имматериального, которая приобрела устойчивую форму, — тихо ответил магос.

— Варп-технология? Она же крайне нестабильна, — резко отозвался Омегон. — Почему ты использовал именно ее?

— Не столько варп-технология, сколько нечто более изначальное, примарх, — произнес Унитракс. — Вирусный агент основан на видоизмененной крови демона.

— Что? — взревел Омегон, схватив техножреца за мантию. — Ты подверг моего оперативника порче Хаоса?

— Синтетическое соединение использует минимальное ее количество, — спокойно ответил Унитракс, нисколько не

испугавшись гнева примарха. — У демонов нет крови как таковой, это просто эвфемизм. В ней содержится толика демонической силы, но одно ее присутствие уже является мощным мутагеном. Если вирус правильно смешать с генетическим шаблоном, произойдет порча.

— Что ж, похоже, это не сработало, — заметил Омегон.

Отпустив магоса, он принялся мерить шагами пол, а затем резко замер, почувствовав раздражение из-за подобного проявления беспокойства. Наконец примарх принял решение и уставился на Унитракса тяжелым взглядом.

— Орден Дракона готов к действиям? — спросил он.

— Только прикажите, — ответил магос.

— Хорошо, — сказал Омегон. — Мы оттягивали достаточно долго — пришло время начать заключительный этап проекта. Я организую небольшое столкновение для наших друзей из Гвардии Ворона, а ты тем временем начнешь

переворот. Внимание Коракса будет сосредоточено на Впадине Воронов, и он не заметит твоих приготовлений, пока не окажется слишком поздно.

— Отлично, примарх, — согласился магос. — Если от вас не поступит иных распоряжений, мы свергнем храмовый совет через три дня.

— Хорошо, — произнес Омегон. — Корабли седьмого и девятнадцатого легионов все еще стоят на высокой орбите возле Ликея. Я незаметно выведу «Бету» на ближнюю орбиту и высажу своих воинов, если ты сможешь обеспечить защиту и секретность согласованного места высадки.

— Доки Звездопада принадлежат Ордену Дракона. Вашим войскам ничего не грозит.

Омегон взмахом руки отпустил магоса, сразу позабыв о нем. Гильдии не выступят, пока не получат явственную поддержку Хоруса, а для этого требовалось, чтобы Орден Дракона восстал против Механикум. Поэтому сейчас Омегону придется найти небольшое

войско, чтобы привлечь внимание Коракса и вынудить его усилить защиту Впадины Воронов, — вот меры, которые ему потребуется предпринять для прикрытия действий своих легионеров.

У него имелась на примете идеальная кандидатура, чья верность была нерушимой с первых дней революции, человек, который без колебаний жертвовал жизнями последователей ради спасения своей шкуры. Омегон смонтировал устройство защищенной связи и отправил сигнал. Спустя пару минут соединение было установлено.

— Приветствую, советник Эффрит. Арманд Элоки на связи.

Химические облака были плотнее всего, что когда-либо видел Альфарий. Он уже начал подумывать, что повстанцы могут создавать и контролировать их. По его мнению, густой ядовитый газ совсем не случайно окутал Впадину Воронов всего за пару часов до атаки.

Вместе с остальным отделением он стоял на восточном укреплении,

отслеживая цели. Радиационные осадки создавали помехи в работе авточувств, независимо от того, какую часть спектра он использовал. Иногда то один, то другой воин отделения выпускал в густые облака несколько болтерных снарядов — по завихрениям, которые могли быть вызваны передвижением врагов, или по более темным участкам тумана.

Справа от Альфария четвертая турель непрерывным потоком извергала снаряды из макропушки, дальние здания расцветали взрывами, которые воспламеняли газовые полости и оставляли в грудах обломков воронки пятидесяти метров в диаметре. Из вспомогательных укреплений доносился рев тяжелых болтеров и пулеметов, бесполезно прошивавших очередями непроглядный туман.

— Воздушная поддержка недоступна, — раздался по вокс-сети голос командора Бранна.

Это Альфария нисколько не удивило. Без «Громовых ястребов» и «Грозовых птиц» Гвардейцам Ворона придется

патрулировать пешком либо в «Рино», что сделает их уязвимыми для любой неожиданной атаки. Для легиона, который по праву гордился своей стратегической гибкостью и мобильностью, Впадина Воронов оказалась ловушкой.

Перегнувшись через парапет, Альфарий разглядел груды тел, которые остались после первой волны, — десятки изувеченных трупов, сраженных залпами Гвардейцев Ворона. Если Омегон организовал это нападение, чтобы захватить Впадину Воронов, оно было чрезвычайно слабым. Альфарий просто не мог поверить, что длительная подготовка примарха могла увенчаться чем-то настолько бесцельным, хотя, с другой стороны, ему не поступало никаких инструкций. Все, что Альфарий мог делать, это стоять на стене и играть роль верного легионера Гвардии Ворона. Поступить иначе попросту означало выдать свою тайну.

— Южные ворота открываются, прикройте колонну, — произнес Бранн.

По приказу сержанта Дора Альфарий

вместе с отделением приблизились к четвертой турели, чтобы иметь возможность простреливать слепые пятна под высокой башней. Вокруг ничего не наблюдалось — ни единой цели, по которой можно было открыть огонь. Где-то вдалеке проносились лазерные лучи, энергетические разряды, после которых в ядовитом тумане оставались пламенеющие следы. Повстанцы явно не прекратили атаки.

— Оставайтесь начеку, — приказал сержант Дор. — Они что-то замышляют. Будьте готовы.

Навар Хеф сидел во втором «Рино» колонны на узкой скамье, сжимая в руках болтер. Транспорт дико трясло на неровной поверхности радиационных полей, но благодаря доспехам он почти не ощущал качки.

— Быстрое развертывание, тридцать секунд! — резко крикнул сержант Кальд. — Проверить оружие!

Навар быстро осмотрел болтер и гранаты, затем расстегнул застежку на

ножнах боевого ножа и бросил беглый взгляд на магнитные фиксаторы запасных магазинов на поясе и бедрах. Все было в порядке, как тогда, когда он садился в транспорт.

— Приготовиться!

Кальд и остальные девять Рапторов поднялись и повернулись к заднему люку. Толчки «Рино» стали продолжительнее, но гиростабилизаторы в доспехах шестой модели «Корвус» помогали Навару сохранять равновесие. БТР стремительно затормозил, и Навар невольно сделал шаг назад.

Вдоль люка взорвались шарнирные болты, и рампа упала на землю. Навар выбежал четвертым и сразу свернул вправо вместе с тремя другими воинами отделения. Едва ли не мгновенно он заметил движение в дверях поваленного здания впереди и без колебаний открыл огонь. Болтерный снаряд нашел свою цель — из проема в брызгах крови вылетела оторванная рука, обмотанная похожими на бинты одеждами.

— Враг в двадцати пяти метрах,

второй сектор, — на выдохе доложил Навар.

Отделение тут же перестроилось и открыло плотный огонь по разрушенному зданию, снаряды оставляли инверсионные следы в ярко-красных миазмах и дыры размером с кулак в рокритовых стенах.

— Отставить! — приказал Кальд. — Первое звено, выдвигаемся. Второе звено — защита с фланга.

Навар был во втором звене, поэтому остался на месте и продолжил наблюдать за территорией справа от себя. Сержант повел свою группу из пяти человек к руинам, черные доспехи легионеров растворились в густой дымке.

Они почти исчезли из виду, находясь не более чем в двадцати метрах от ближайшей разрушенной стены, когда сумрак пронзил свет. С лестничного пролета, который вел в подвал, вырвалась молния и заискрилась на Рапторе-ведущем. Его тело взорвалось вместе с доспехами, забросав кровавыми ошметками костей и керамита остальных легионеров. Во время

тренировок Навару никогда не рассказывали ни о чем подобном.

— Клянусь Императором, это же штурмовая пушка! — воскликнул Кальд. — Массированный огонь! Уничтожить здание!

Переключив болтер в автоматический режим, Навар опустошил остаток магазина в сторону врага, треск разрывов был едва различим на фоне ураганного огня, которым легионеры накрыли лестницу. Позади Навара начала стрелять турель «Рино» на дистанционном управлении, разрывая все вокруг огнем из комбиболтера. Вставив новый магазин, Навар ощутил, как оба сердца перешли на боевой ритм, накачивая тело адреналином, и, когда нервная система начала реагировать в ответ, ему показалось, будто время вокруг замедлилось.

На миг его авточувства приглушились. Когда зрение восстановилось, Хеф заметил, как огненный след плазмы пронзил туман. Ракета, выпущенная из «Рино», прошла

всего в метре от него, вызвав перегрузку систем доспехов. Она разорвалась над укрытием боевиков, накрыв лестницу и стену огненно-белым прометием.

— Отходим к «Рино», — приказал сержант Кальд спокойно и уверенно. Ведущая группа начала отступать, когда прометий постепенно стал превращать рокрит в груду горящего шлака. — Командор Бранн, столкнулись с гильдтеховым оружием. Возможно, у нас проблема.

Возвращаясь обратно, один из выживших Рапторов первого звена внезапно пошатнулся. Сперва Навар подумал, будто тот просто оступился, но затем Раптор рухнул на колени, его начало дико трясти, болтер выпал из рук. Навар не видел, чтобы по ним кто-то открыл огонь, и первым делом подумал, что это очередной неизвестный гильдтех, о котором сержант их не предупредил. Стоило ему задуматься о подобном, как Навар услышал по вокс-каналу отделения рычание и, обернувшись, увидел, как другой Раптор, справа от него, упал на одно

колено и его голова начала безумно дергаться вперед и назад.

У Навара стиснуло грудь. Это напомнило ему страх, который он испытывал до трансформации, хотя сейчас никакого ужаса он не чувствовал. Внезапно жгучая боль пронзила позвоночник — и из горла Навара вырвался болезненный вскрик. Он пытался бороться с желанием упасть; казалось, будто ему кто-то раздробил ноги и тазовую кость.

— Хеф? Ластар? Девор? — Навар не узнавал голос, в нем ощущалась паника, которой он никогда не ожидал услышать от Гвардейца Ворона.

Раптор осознал, что стоит на коленях, и, подняв глаза, увидел склонившегося над ним Кальда. Сержант резко оглянулся по сторонам. Грудь Навара сжало еще одной волной агонии, мышцы начало крутить, и Раптор упал на спину. Он не сумел подавить рвущийся из него вопль. Внутри шлема была кровь.

— В «Рино»! Все в «Рино»! — закричал Кальд.

Сержант схватил Навара за руку и

поволок его в бронетранспортер.

— Я могу... сам!.. — взревел Навар, с трудом поднимаясь на ноги.

Пошатнувшись, он сделал всего пару шагов и свалился на рампу. От удара его охватила новая вспышка боли.

— Штаб, штаб! — Голос Кальда по воксу был почти не слышен из-за пульсирующей в ушах Навара крови. — Требуется срочная эвакуация. Все Рапторы вышли из строя. Повторяю, все Рапторы непригодны к дальнейшим действиям.

— Знаю, — раздался напряженный ответ Бранна. — Подобное происходит в большинстве отделений. Помощь не придет. Доставь их во Впадину Воронов как можно быстрее.

Навар почувствовал, как его заносят в «Рино», и разглядел отметки сержантского шлема. Его бросили на пол поверх другого Рапторa — судя по обозначениям на наплечнике, это был Девалия. Навар смотрел, как тот принялся срывать с себя шлем. Через пару секунд застежки треснули, и, стянув

шлем, Раптор яростно отбросил его в сторону.

Навар уставился в нечеловеческие глаза, почти полностью покрасневшие от прилива крови за исключением зрачков, которые превратились в черные точки. Его охватил ужас, когда он заметил, как под стремительно чернеющей кожей легионера пульсируют вены и мышцы. Деваллия заорал, и из десен во рту высунулся второй ряд заостренных зубов. На нагрудник закапала едкая слюна, шипя и прожигая керамит.

Бронетранспортер задрожал, оживая, и Навар перекатился на спину. Теперь он посмотрел на сержанта Кальда, сидевшего у открытой рампы; тот, положив руку на шлем, непонимающе качал головой.

— Сержант... — Слова давались ему с трудом, — казалось, рот стал слишком мал для разбухшего языка. Он протянул к Кальду руку и заметил прорвавшие кончики перчаток длинные когти. — Сержант? Что со мной?

Какое-то время Кальд просто смотрел на него, не зная, что ответить.

Затем он придвинулся ближе и сжал в ладонях его деформированную руку.

— Будь сильным, боец, — произнес Кальд. — Помни, кто ты. Ты — Гвардеец Ворона.

Часть третья
МОНСТРЫ И МУЧЕНИКИ

Глава пятнадцатая
СЧАСТЛИВЧИКИ
ДВОЙНАЯ ВЕРНОСТЬ
ЛЕГИОНЕРЫ РАСКРЫЛИСЬ

Омегон просто хотел выиграть немного времени, но, присев у приемника под искореженными опорами поваленного виадука, примарх с удовлетворением слушал раздираемое статикой сообщение, переданное по криптоканалу. Плохое качество сигнала было связано с блокировкой связи, введенной в Шпиле Воронов. Именно от таких действий и зависел успех плана Омегона, хотя это и означало, что передача сообщений сильно усложнится. Весть поступила от Контакта-три, который ничего не знал о действиях других Альфа-Легионеров.

Омегон вновь прокрутил запись, настроив приемник, чтобы получить как можно более четкий сигнал. Доклад все еще звучал тихо и отрывисто, только благодаря опыту и сверхчеловеческому

слуху примарх мог разобрать отдельные слова и фразы в белом шуме, царившем на всех частотах. «...массовая деградация последней группы... деградировавшие, словно звери... наибольшее воздействие на последних рекрутов... Коракс приказал... почти тысяча порченых... мутация подозревается из-за ошибки в воспроизведении генов для полномасштабной имплантации. Сикко прячет... крики и ревы, будто звери в клетках. Генотех охраняют теперь сильнее, но доступ все еще возможен. Похоже, там... угрозы заданию нет. Жду...»

В конечном счете жертва гильдии Элоки оказалась ненапрасной. Для основного плана ее выживание или успех атаки роли не играли. Нападение гильдии и подстегнувший ее к этому Орден Дракона были всего лишь средствами, необходимыми, чтобы получить доступ к Впадине Воронов. «Бета» выдвинется на позицию, пока Орден Дракона готовился нанести последний удар. Его оперативники досконально знали свои роли в завершающей фазе всей операции. Омегон

выключил приемник и разобрал его, обдумывая последние части плана. Завтра, через двадцать девять терранских часов, Альфа-Легион сделает свой ход.

На несколько часов боль стихла, оставив Навару лишь сильное жжение в теле и костях. Он сидел в углу камеры, не в силах смотреть на Марлса, Карво, Дортарана, Бенну и еще два десятка Рапторов, находившихся вместе с ним. Судя по всему, им еще повезло, хотя Навар совершенно не чувствовал себя удачливым, разглядывая черные как смоль когти.

Ему пришлось увидеть нескольких из наиболее пострадавших, которых Сиккс с помощниками торопливо уводили в карантинную зону, быстро созданную в недрах Впадины Воронов. По словам апотекария, это была лишь временная мера, поскольку он вскоре обязательно блокирует в генетическом семени мутировавшие нити. Хотя Навар недолго прожил на свете, но распознать ложь все же мог, пусть даже Сиккс лгал не только Рапторам, но и самому себе. Он слышал

приглушенные вопли и крики наиболее изменившихся братьев и не мог позабыть то, что ему пришлось повидать. Некоторых Рапторов согнуло почти вдвое удлинившимися позвоночниками, других скрутило неконтролируемым мышечным ростом, их конечности искривились и разбухли. Кожу разорвали костяные наросты, сквозь губы пробились клыки, у всех были такие же налитые кровью глаза, как и у Навара.

В детстве ему никогда не снились кошмары. Жизнь в тени Шпиля Воронов лучше любых материнских слов убеждала, что никакие монстры не причинят ему вреда. Но все же вид дегенерировавших Рапторов пробуждал нечто в самых темных закоулках его воображения, вызывая первобытное отвращение и страх, которые не могли искоренить даже дисциплина и выучка Астартес. И то, что он был одним из этих монстров, только усиливало его ужас. Мозг и тело Навара больше не могли испытывать страх с точки зрения обычного человека, но в самой глубине души он ощущал тревогу, не

в состоянии выразить словами свои опасения. Казалось, он не мог сформулировать нужную мысль, не мог определить понятия, необходимые, чтобы озвучить свой ужас.

Навар поднялся, чтобы немного ослабить давление на крестец, откуда помощники Сиккса удалили ему рудиментарный хвост. У него болели колени и бедра, увитые слишком крупными связками и сухожилиями. Он обошел кругом комнату, в которой не было ничего, кроме тонких тренировочных матов, заменявших им кровати, — лучшее, что пока мог предложить Рапторам легион. Навар подошел к двери, и до его слуха долетели голоса. Двери не запирали. Где-то вдали отсюда самых звероподобных Рапторов поместили в клетки, в которых Сиккс и Орландриаз раньше держали подопытных животных. Их нельзя было оставлять на свободе, хотя ни один из них не вел себя агрессивно по отношению к другим Гвардейцам Ворона.

Голоса становились громче, и Навар узнал глубокий тембр примарха. Он позвал

других, чтобы те встали и подошли ближе. Разговаривали чуть дальше по коридору, возле входа в лазарет.

— ...Уверен, проблема в генетическом шаблоне, — услышали они, как Орландриаз отвечает на какой-то вопрос Коракса. — В процессе репродукции клеток мы не могли допустить ошибку.

— Тогда почему с первыми пятью сотнями Рапторов ничего не произошло? — спросил Коракс.

— На каком-то этапе мы все же ошиблись. Наверное, во всем виноват масштаб воспроизведения.

— Если только дегенерация не проникла в исходный материал, — заметил Сиккс.

— Он же находится в стазисе, как он мог измениться? — возразил Орландриаз.

— Постепенно, — ответил Коракс. — Его ведь доставали из стазиса для копирования нового генетического семени. Возможно, после каждого извлечения он понемногу деградировал, так медленно, что мы просто ничего не замечали.

— Это свидетельствует о том, что

порок наследственный, — предположил Сиккс. Он прокашлялся, прежде чем продолжить, явно испытывая неловкость за то, что ему предстоит сказать. — Порок не в самом генетическом семени Гвардии, с момента создания его проверяли не один раз.

— На что ты намекаешь? — спросил Коракс.

— Что-то не так с информацией примарха, — сказал Орландриаз так спокойно, словно обсуждал плохую погоду.

— Или с нашими расчетами, — быстро добавил Сиккс. — Характерные признаки и деформации, которые мы можем наблюдать, по-своему устойчивые. Отнюдь не случайные.

— Я не смог этого определить, — задумчиво произнес Орландриаз.

— А я увидел, — сказал Коракс. — Нам известно, что в информации примарха содержатся некоторые элементы нечеловеческих организмов. Схожие нити закодированы в каждом генетическом семени. Своими особенностями легионеры Астартес в определенной степени обязаны

характеристикам других видов, которые Император ввел в генетическое семя. Чешуя, рога и прочие наросты показывают: то, что раньше сдерживало их появление, сохраняя равновесие, сейчас прекратило функционировать. Судя по частоте проявления этих признаков, я бы предположил, что самое сильное воздействие они получают во время боя. Похоже, эти изменения были вызваны чем-то в усиленном метаболизме Астартес.

— От одной лишь мысли об этом мурашки бегут по коже, — произнес Сикке. — Знать, что в каждом из нас скрыт потенциал для подобной трансформации.

— Не у всех, — заметил Коракс.

— Прошу прощения, лорд, я не...

— Я не о наследии примарха, — продолжил Коракс. — Как ты сам сказал, стандартное генетическое семя Гвардии Ворона стабильно. Но мы сделали нечто, что его дестабилизировало. Если вычленить причины, то, возможно, нам удастся найти способ обратить вспять изменения в генетическом материале.

— Это возможно, — согласился

Орландриаз. — Я проведу новые тесты, чтобы сравнить первых Рапторов с последними, и посмотрю, удастся ли найти в них существенные различия.

— Я постараюсь расположить их со всеми удобствами, — добавил Сиккс. — Если мы не сможем...

— Сможем! — оборвал его Коракс. — Они — Гвардейцы Ворона и заслуживают того, чтобы мы приложили все усилия к решению возникшей проблемы. Сообщайте мне обо всем. Мне нужно вернуться в Шпиль Воронов, чтобы обсудить с командным советом атаку на Впадину Воронов.

— Вы опасаетесь, что нам может угрожать что-то еще? — спросил Сиккс.

— Мы истребили боевиков, поэтому непосредственной угрозы нет. Но тем не менее запрещенное гильдтеховское оружие игнорировать никак нельзя. Лучше, чтобы нас не отвлекали, пока мы решаем проблему с генетическим шаблоном.

Звуки разговора стихли, а затем раздался щелчок закрывшейся двери лазарета. Навар обернулся к остальным.

— Вы слышали лорда Коракса? — спросил он. — Он найдет способ сделать нас прежними.

Некоторые Рапторы улыбнулись, другие лишь печально покачали головами. Навар вернулся обратно в свой угол и сел, не обращая внимания на боль в крестце. Примарх считал, что способ существует, а он обладал блестящим умом. Почувствовав облегчение, Навар прислонился к стене, закрыл глаза и попытался вздремнуть.

Обсуждение между командорами и Кораксом затянулось на несколько часов. Бранн, последний из членов совета, с облегчением покинул командную комнату после того, как примарх подробно расспросил его о нападении мятежников, и с тревогой в сердце вернулся обратно во Впадину Воронов, чтобы следить за возведением укреплений. Примарх ни в коем случае не хотел изменять время атаки на Нарсис. Если Рапторов нельзя будет включить в состав сил, участвующих в нападении, Гвардии

Ворона придется изменить стратегию. Сам же Бранн хотел взять для захвата Идеальной Цитадели всех доступных воинов, поэтому и отправился во Впадину Воронов, чтобы поторопить Сиккса и Орландриаза.

На полпути к лифту в док Альфа его встретила диспетчер Эфрения. В руке у нее был инфопланшет, что совсем не обрадовало Бранна.

— На секунду, командор, — сказала Эфрения.

— Пройдись со мной, — ответил Бранн, миновав ее.

— Мы обнаружили несколько странных сигналов, командор, — сообщила она.

Бранн замер.

— Канал командора Агапито? — тихо спросил он.

— Нет, командор, не в этот раз, — ответила Эфрения и протянула Бранну инфопланшет. — В повседневном трафике легиона обнаружилось несколько закодированных сообщений. Их скрыли в инфопульсации между Шпилем и

Впадиной, прикрепив к ним, чтобы обойти блокировку связи. Похоже, они исходят из нескольких мест на Киаваре.

— Значит, мы поняли, как гильдейцы общаются между собой? Хорошая работа. Мы можем остановить их?

— Уже сделано, командор. — Эфрения чувствовала себя уязвленной. — Одной из расшифрованных передач оказалась загрузка стандартной подпрограммы из лазаретного ядра во Впадине Воронов. Во время расшифровки сплетенных кодов стало ясно, что лог ядра был взломан. Сначала к логу получили доступ, а затем всю информацию о проникновении грубо стерли.

— Доступ к этому логу имеют всего несколько человек, — произнес Бранн. — Кто же это сделал?

— Судя по цифровым маркерам, командор Агапито, — тихо сказала Эфрения. Она подошла ближе к Бранну, хотя тот с легкостью мог услышать ее шепот. — Я собиралась рассказать лорду Кораксу, но, так как вы уже здесь, подумала, что вы сами захотите во всем

разобраться.

— Благодарю, диспетчер, — ответил Бранн. — Я разберусь.

Командор развернулся и направился обратно к центральному подъемнику, который шел на всю длину Шпиля Воронов. По какой бы причине Агапито ни получил доступ к инфологам генотеха, это не объясняло, зачем он хотел скрыть свои действия. Командор тихо закипал, направляясь к личным покоям брата. Не постучав, он толчком открыл дверь, готовый с ходу потребовать от Агапито разъяснений.

Комната была пустой, ни единого признака, что Агапито вообще возвращался сюда после командного совета. Бранн активировал вокс.

— Управление Шпиля, можете найти командора Агапито?

— Секунду, командор.

Бранн с нетерпением принялся мерить шагами гостиную Агапито. Ему на глаза попался планшет, лежавший на подлокотнике дивана, и командор подобрал его. Активировав устройство, Бранн вывел

на экран последнее открытое изображение. Оно повторяло файлы, которые вручила ему Эфрения всего десять минут назад.

Его коммуникатор запищал.

— Командор Агапито запросил пилота и «Грозовую птицу», командор, — ответил ему офицер в комнате управления. — Курс проложен на Впадину Воронов.

— Когда? — резко спросил Бранн.

— Два с половиной часа по терранскому стандарту, командор.

Бранн отключил связь и бросил оба инфопланшета на пол.

— Что ж ты делаешь, брат? — спросил он у пустой комнаты.

Через два часа Агапито окажется во Впадине Воронов. Бранн выбежал из комнаты, направляясь в Альфа Док, где его уже ждал «Громовой ястреб».

Монотонно пищал сканер, каждый импульс сопровождался изменением изображения на экране перед Альфарием. Он развернулся в кресле и проверил аудиоприборы, но услышал только

завывание ветра. После атаки в орудийной башне постоянно дежурили расчеты, Альфарий со своим отделением был здесь с самого рассвета. Ничего не происходило, ни единого признака активности мятежников за последние двадцать часов.

Под Альфарием затрещало кресло, когда он откинулся на спинку и заложил руки за голову. В комнате управления позади него сержант Дор чистил болтер, разложив на панели ткань и инструменты. С ними также был Марко, следивший за станцией связи.

— Время для визуальной проверки, — бросил Дор, не отрываясь от занятия.

Альфарий без слов поднялся и направился к укрепленной двери. Он ввел код безопасности, створка выдвинулась вперед и скользнула в сторону. Альфа-Легионер вошел в шлюз и закрыл за собой дверь. Затем снял с пояса шлем и надел на голову, прежде чем открыть внешний замок. Внутрь ворвался ветер, принеся с собой едкую вонь загрязненного воздуха.

После того как Альфарий вышел на бастион, он посмотрел на Впадину

Воронов. Прожекторы на башнях и стенах прочесывали местность, лучи вязли в тумане, не осветив и ста метров. Он заметил бронированные фигуры, которые патрулировали стены под ним, их глазные линзы напоминали ярко-желтые точки в сумраке. Сняв с плеча болтер, Альфарий прошелся по бастиону, скрытый тенью гигантской двуствольной пушки на вершине башни.

С помощью усиления авточувств он осмотрел ворота, двери арториума и другие точки входа. Гвардейцы Ворона неустанно патрулировали либо стояли на страже. Для усиления гарнизона из Шпиля Воронов выслали тысячу Когтей, которые заняли место Рапторов, подвергнувшихся генетическому искажению.

Альфарию больно было смотреть на зараженных легионеров: некоторые корчились в муках, и все они стали искаженным подобием Астартес. Милосерднее было бы убить их. Когда придет время, Альфа-Легион дарует им быстрое избавление от мучений. Гвардейцы Ворона были врагами, но

Альфарий в последнее время стал уважать воинов Освобождения, с которыми ему приходилось делить все тяготы и невзгоды.

Он продолжил обход, направившись на внешнюю сторону башни, чтобы осмотреть радиационные пустоши. Из сенсорных отчетов Альфарий уже знал, что ничего там не увидит, но Гвардия Ворона с подозрением отнеслась к гильдтеху и решила ничего не пускать на самотек. Возможно, мятежники владели чем-то, что могло замаскировать их от сенсорного сканирования. Смотреть было не на что, кругом простиралась пустошь из сровненных с землей зданий и изрытых воронками скал.

Альфарий зашагал к двери, чтобы закончить обход турели, но резко остановился на углу и посмотрел вдаль. В пяти километрах к северо-востоку из тумана, словно пальцы тонущего человека над поверхностью воды, выступали окраины Наирхаба. На крышах мигали посадочные огни, между которыми иногда проносились габаритные светлячки

бронированных дирижаблей.

Альфарий уже собрался отвернуться, когда заметил в сумраке у основания одной из башен мерцание. Туман озарила череда вспышек. Спустя пару мгновений полыхнул дирижабль, искореженные обломки гондолы рухнули на город. Через несколько секунд Альфа-Легионер услышал приглушенный, но различимый треск тяжелых орудий, разнесшийся над Впадиной Воронов, а за ним грохот взрыва корабля.

Он ошеломленно наблюдал за тем, как из нескольких небоскребов в центре города вырвался трассирующий огонь, а потом новые взрывы раздались в жилых кварталах Набрика. Поначалу Альфарий подумал, что мятежники начали новую атаку, направленную теперь против Механикум, но затем произошло сразу несколько событий.

Одну из высоких башен сотрясли два мощных взрыва, разорвав ее почти надвое. Верхние этажи начали сминаться и разваливаться, посыпавшись на улицы огромным облаком огня и обломков. Первым делом Альфарий подумал, что

это бомба, но его удивление только возросло, когда на фоне растущего столба пламени показалась гигантская фигура. Высотой она была под девяносто метров, правая рука оканчивалась массивной многоствольной пушкой, левая — невероятно огромным орудием, сиявшим синим блеском плазменных генераторов. Ее бронированный корпус усеивали турели, которые вели по городу лазерный и орудийный огонь. Титан типа «Император»! Наблюдая, как «Император» изверг из плазменного аннигилятора шар полыхающей синей энергии, Альфарий услышал по воксу крик Марко:

— Тревога, всем занять позиции! Непосредственная угроза!

— Активирую оборонительные орудия, — сообщил Дор.

Слова сержанта утонули в грохоте макропушки над головой Альфария. Его накрыло ударной волной после выстрела сдвоенных стволов, на визоре полыхнули янтарные и красные предупредительные иконки. Пара снарядов размером с танк с визгом унеслась вдаль, разорвавшись в

нескольких километрах от Впадины Воронов.

Одновременно со звуком взрывов в черепе Альфария раздалось тиканье, двойная пульсация, отличная от той, которую он ощущал раньше. Он моментально понял, что это означает. Омегон активировал функцию отслеживания. Имплантат теперь реагировал на такие же устройства других Альфа-Легионеров.

«Началось», — с бешено колотящимися сердцами подумал Альфарий. Альфа-Легион сделал свой ход. Ему нужно выйти на позицию и встретиться с остальными.

Увеличив разрешение, Альфарий увидел четыре колонны пехоты и техники, вьющиеся через руины, куда попали выстрелы, огибающие пламя и поднимающийся дым от двойных взрывов. Там были транспорты и танки, их сопровождали бронированные шагоходы высотой в двадцать метров. Один из «Псов войны» — шагоходы определенно были разведывательными титанами — был окутан мерцающим куполом пурпурного и

черного, когда его пустотные щиты упали под обстрелом макропушек. Еще два «Пса войны» подняли оружие и открыли ответный огонь. Снаряды второй орудийной башни с воем понеслись от Впадины Воронов и врезались в металлическое тело титана.

Альфарий бросился на рокритовый пол за миг до того, как все вокруг него накрыло орудийным огнем, засыпав каменными осколками и фрагментами усиленной пластальной арматуры из башенной стены. Из тумана сверкнули два белых луча, пробив бронированный корпус макропушки.

Альфарий поднялся на ноги и ринулся к двери, когда его осыпало бурей искр и летящих сверху горящих обломков, плюющихся и колотящих по доспехам. Он резко распахнул внешнюю дверь и ворвался внутрь, захлопнув ее за собой как раз перед тем, как бастион, где он стоял еще пару секунд назад, изрешетило залпом снарядов.

— Норд и Фалько погибли, — ввел его в курс дела сержант Дор. — Пушка выведена из строя. Отходим к

центральному комплексу, тут мы уже ничего не сделаем.

Башня задрожала от новых попаданий, когда шлюз перешел в режим фильтрации. Пару секунд Альфарий нетерпеливо ходил по отсеку, ожидая, пока откроется внутренняя дверь. Башня погрузилась во мрак, озаряемый лишь искрами на разбитых пультах. Дор и Марко стояли возле лестницы, соединявшей уровни башни.

— Что с остальными? — спросил Альфарий, бросив взгляд на лестничный пролет наверху. Автоматические системы огнетушения уже наполнили орудийный отсек белым пыльным дымом.

— Мертвы. Уходим! — приказал Дор, направившись к лестнице. — Точка сбора на четвертой станции.

Альфарию ни в коем случае нельзя было попадать на главный сбор. Согласно инструкциям примарха, ему следовало добраться до центральных ворот.

— Давай. — Альфарий указал Марко следовать за Дором.

Гвардеец Ворона повернулся спиной к Альфарию, и Альфа-Легионер, обнажив боевой нож, ударил ботинком под колено Марко и одновременно вонзил нож ему в шею. Пилообразное лезвие рассекло плоть, едва не обезглавив Гвардейца Ворона.

— Почему стоите? — крикнул Дор снизу.

Альфарий опустил труп Марко на пол и снял с пояса гранату, после чего подошел к перилам.

— Лови! — крикнул он, бросив гранату.

Дор инстинктивно поймал ее. Лишь через секунду он понял свою ошибку, граната выпала у него из рук, но было слишком поздно. Взрыв сбил сержанта с ног, бритвенно острые осколки пронзили его доспехи. Альфарий знал, что одна граната не могла убить легионера, и перепрыгнул через перила, выхватывая болтер.

Он приземлился на площадку, когда Дор сумел подняться на одно колено и достать цепной меч. Из лопнувшей трубки на доспехах с шипением вырывался газ, маслянистая смазка псевдомускульных

фибросвязок смешивалась с кровью, текущей из живота сержанта. Первый болт Альфария угодил в левую часть шлема Дора, где находилось устройство связи, чтобы не дать ему послать предупреждение. Дор взревел и прыгнул на Альфария, но тот ушел в сторону за миг до того, как вращающиеся зубья цепного меча отсекли бы ему руку. Он сделал несколько выстрелов — и грудь сержанта прошили болты, отбросив его обратно на пол. Альфарий стремительно последовал за ним и еще одним болтом прострелил глазную линзу покореженного шлема Дора. Уже поврежденный шлем раскололся на части, когда болт взорвался внутри, заляпав металлический пол кровью и мозговым веществом. Задержавшись на миг, чтобы подобрать цепной меч из мертвых рук Дора, Альфарий направился вниз.

Подняв взгляд на колоссальную фигуру «Магнус Касеи», когда титан типа «Император» низверг еще одну миниатюрную звезду в центр города,

Омегон почувствовал слабую тревогу. Он знал, что Орден Дракона владеет громадными ресурсами, но до сих пор не понимал, насколько сильное влияние они оказывали на Механикум Киавара. Примарх ожидал, что они как-то отвлекут магосов, спровоцируют внутреннюю борьбу между храмами. Но Орден Дракона развязал самую настоящую гражданскую войну.

Улицы были забиты бегущими от разрушения техно-жрецами и чиновниками Механикум. Сервиторы с пустыми лицами бродили по городу, не в состоянии осознать происходящее, бездумно глядя на взрывы и пламя. Тут и там солдаты в отражающих костюмах отгоняли толпу подальше от мест боев, заставляя их покинуть зону обстрела. Сервиторы-преторианцы — получеловеческие боевые машины, размерами превосходящие самого Омегона, — следили за исходом, держа наготове роторные пулеметы, лазерные пушки и акустические разрушители.

В город хлынули войска гильдий, тысячи воинов в бронированных костюмах

климатической защиты. Сквозь рев огня и панические вопли бегущих людей прорывался отдаленный треск лазерного огня и грохот тяжелого оружия. Кое-где начало рваться дорожное полотно, когда с окраин открыли огонь минометы-кроты.

Вопли и крики только усилились, когда «Магнус Касеи» поднял ногу и сделал шаг по длинному бульвару между двумя дымящимися жилыми блоками. Небо над городом прочертили следы кораблей, и оборонительные турели на его укрепленном, усеянном зубчатыми бойницами корпусе открыли огонь.

Бегущие гражданские создавали Омегону идеальное укрытие. Он вышел из дверей кузницы и слился с толпой, его голова была обмотана толстым шарфом, гигантское тело скрыто под тяжелой одеждой. Свои доспехи примарх утопил в химическом отстойнике в пустошах — сейчас его лучше всего защитит скрытность.

Смешавшись с потоком людей, он следовал вместе с ними туда, где бульвар превращался в огромную площадь. Толпа

начала расти, а вместе с ней — паника. Отделения солдат Механикум — скитариев — перекрывали все выходы, отгоняя беженцев электрожезлами и предупредительными очередями из автоганов. На перекрестках разместились передвижные орудийные платформы, их кибераугментические расчеты были готовы к любой неожиданности.

Омегону было достаточно массы тела, чтобы прокладывать путь сквозь толпу по направлению к одной из дорог, ведущих на площадь. Отпихнув плечом какого-то техножреца, примарх подошел к кордону скитариев. Путь ему преградил командир роты, пластины его панцирных доспехов были покрыты чеканкой в виде рун Механикум. Офицер посмотрел на Омегона искусственными глазами, в линзах которых отражалось пламя, лижущее облакоскреб за спиной примарха.

— Капитан Вертц из Когтей, дайте пройти, — резко сказал Омегон, не дав офицеру возможности заговорить первым. — Мне нужно доложиться во Впадине Воронов.

— Да, сэр, — ответил офицер и дал знак своим людям отодвинуть баррикаду, которая перекрывала всю улицу. — У Литейной арки собирается колонна из шестого района, чтобы ответить на запрос вашего примарха. Вы можете присоединиться к ним.

— Благодарю за информацию, — произнес Омегон, обойдя командира скитариев. Он действительно был благодарен за эти сведения, которые намного облегчат ему следующую фазу плана.

Он побежал, направляясь через весь город к границам радиационных пустошей.

Грохот осыпающейся кладки объявил о разрушении еще одной турели. Главное строение Впадины Ворона содрогнулось от попадания, замерцал свет, и завизжали сирены. У Агапито не было времени задуматься о происходящем, пока он бежал по лестнице к арториуму. На следующей площадке он столкнулся с отделением Рапторов, устанавливавших на треногу мультилазер. За последние несколько дней

он провел большую часть своего времени с капитаном Норицом, советуясь с ним относительно основной оборонительной стратегии, которой придерживались Имперские Кулаки. В голове Агапито крутились сведения о соотношении потерь, особых зонах поражения и взаимосвязанных схемах развертывания.

— Не туда ставите! — резко бросил Агапито. — Если враг проникнет так далеко, мультилазер погоды уже не сделает. Переместите его на южный трансепт для подходящего сектора обстрела.

— Так точно, командор! — ответил сержант отделения, пока Агапито торопливо проходил мимо.

«Кроме того, — подумал он, — если все пойдет не по плану, мне понадобится путь для отступления».

Когда Агапито оказался в арморіуме, там никого уже не было, лишь несколько сервиторов вокруг бродило, перетаскивая боеприпасы на поддон погрузчика. Они не обратили на пробежавшего командора никакого внимания. Услышав впереди

голоса, Агапито поспешно шагнул за тишень тира. Неподалеку раздался звон шагов по металлическому полу, который затем стих вдали. Когда воины ушли, Агапито вновь появился в главном коридоре и посмотрел по сторонам, не следит ли кто за ним. Если его увидят, то, несомненно, попросят взять на себя командование вместо отсутствующего Бранна, такую задержку он не мог себе позволить. Командор не знал, сколько у него осталось времени, но каждая потраченная впустую секунда могла привести к потере шанса.

Альфарий уверенно зашел в сторожку и обнаружил там несколько других Гвардейцев Ворона. Большинство из них были Когтями; батареями лазерных пушек, прикрывающих дорогу, управляло отделение Рапторов. Здесь явно находилось слишком много легионеров, чтобы расправиться с ними так же, как с Дором и Марко.

В дверях началась небольшая суматоха, когда внутрь вошел сержант

Нестил в сопровождении двух воинов своего отделения.

— Активировать посадочные маяки, — приказал сержант. — Подкрепления уже в пути. Будьте готовы открыть субврата, чтобы впустить их.

Подавив раздраженное рычание, Альфарий отошел подальше от массивных створок главных ворот. Его задачей было захватить ворота и открыть путь воинам Альфа-Легиона, но чем больше сюда стекалось Гвардейцев Ворона, тем безрассуднее казалось ему это задание. Имплантат в черепе бешено тикал, подсказывая, что где-то рядом находится еще один Альфа-Легионер — возможно, в бастионе самих врат. Альфарий не мог рисковать, выдав себя прямо сейчас.

Под руководством Нестила легионеры открыли засовы на меньших воротах, встроенных в огромные плиты из окованного адамантием феррокрита. Гидравлические поршни настежь распахнули замаскированную дверь, открыв вид на посадочную площадку между воротами и внешней стеной. Скоро в

сторожке будет не протолкнуться, поэтому Альфарий направился к лестнице, ведущей на наблюдательную галерею, проходившую над самими вратами. Там он оказался в компании еще пятерых Гвардейцев Ворона, сидевших в люльках за счетверенными болтерами, установленными вдоль внешней стены галереи.

Не обращая на них внимания, Альфарий выглянул в пластальное окно метровой толщины. В красноватой мгле виднелась реактивная струя заходящего на посадку корабля — он узнал очертания «Громового ястреба», — за которым в сотне метров следовал еще один. Приземлившись, черный десантно-штурмовой корабль опустил рампы, и из него попарно выбежало несколько отделений легионеров. Едва спустился последний Гвардеец Ворона, пилот включил двигатели и поднялся обратно в воздух. Едва первая волна подкрепления направилась к открытым воротам, сел второй «Громовой ястреб». Альфарий растерянно уставился на две шеренги

бронированных черных фигур, бегущих к воротам. Второй десантно-штурмовой корабль поднялся, в то время как первый развернулся в нескольких сотнях метрах от стены. Что-то казалось странным в маневре «Громового ястреба», пока Альфа-Легионер наблюдал за его приближением.

Используя авточувства, он приблизил изображение боевого корабля и с удивлением заметил, что запорные рычаги на ракетах были подняты. «Громовой ястреб» заходил на атакующий курс. Альфарий бросился назад к лестнице. Четыре практически одновременных взрыва наполнили галерею осколками и пламенем, ударная волна выбросила Альфария в дверь, и он покатился вниз по лестничному пролету.

В голове звенело, но Альфа-Легионер все же сумел подняться на ноги, услышав грохот болтеров. На секунду вокс взорвался предупреждающими криками, прежде чем его вырубило оглушительным шумом статики. К лестнице внизу попятились двое Гвардейцев Ворона, один отстреливался из болтера, другой поливал

горящим прометием из огнемета какого-то невидимого врага в главных воротах.

Альфарий прицелился и точным выстрелом свалил Астартес с огнеметом. Его товарищ удивленно обернулся, целясь из болтера в Альфа-Легионера. Прежде чем он успел открыть огонь, из двери вырвался шар плазмы и угодил ему в бок, втиг испепелив половину тела. Сжимая болтер в одной руке, трофейный цепной меч — в другой, Альфарий принялся медленно спускаться по ступеням, не сводя глаз с двери. Достигнув земли, он остановился и услышал, что звуки боя стихают вдали. Выставив перед собой болтер, Альфарий шагнул через арку. Тиканье в его голове было почти непрерывным.

Внезапно он увидел, как по луже горящего прометия на него несется сержант Нестил, по его нагруднику и левой руке стекало пламя.

Альфарий поднял цепной меч и прыгнул на сержанта, стараясь ударить в горло. Нестил вовремя заметил атаку и успел увернуться, поймав цепной меч на

предплечье, чтобы перевести удар на наплечник. Монотолекулярные зубья с визгом вгрызлись в краску и керамит.

— Гидра! — проорал Нестил, поднимая комбиболтер.

— Эффрит, — мгновенно произнес Альфарий вторую часть пароля.

Он остановился на середине взмаха и опустил цепной меч. Нестил также убрал оружие.

— Нестил? — поразился Альфарий, не в силах поверить, что сержант-ветеран действительно был Альфа-Легионером.

— Я — Альфарий, — ответил сержант. — Орт?

— Я — Альфарий.

— Как и я, — раздался позади них голос. — Какое совпадение!

Оба легионера обернулись.

— Вы? — сказал Нестил, недоверчиво покачав головой. — Один из нас — командор?

Глава шестнадцатая
БОМБАРДИРОВКА КИАВАРА ОГРАБЛЕНИЕ МЕСТЬ СИККСА

«Громовые ястребы» и «Грозовые птицы» уже вылетали из Высокого дока, когда Коракс вышел на посадочную площадку. Диспетчеру Эфрении приходилось бежать, чтобы поспевать за его размашистыми шагами и сообщать ему всю информацию, которая поступала из комнаты управления.

— Сражение локализировано в двух городах, лорд, — запыхавшись, выдохнула она, прижимая к уху вокс-аппарат. — Верховный магос Делтиари говорит, что мобилизовал для ответного удара Легио Виндиктус. На защиту Впадины Воронов движется колонна корпуса скитариев. Мануфакторум по производству шестой модели подвергся массированному удару, но

пока держится. Верные гильдиям войска осадили Кузницу Прим и собираются занять старое гильдейское здание в Сантрикс Тертии. Капитан Нориц со своими людьми уже на борту «Гневного Авангарда» и запрашивает разрешение присоединиться к контратаке на Киавар... минутку, лорд, принимаю прямую передачу из Впадины Воронов. Передаю.

Она протянула приемник Кораксу, едва тот остановился у рампы «Грозовой птицы».

— Командор Бранн? — спросил он. — Докладывай.

— Говорит Винсент Сиккс, лорд, — раздался голос апотекария. — Командор Бранн пока не прибыл. Командоры Агапито и Соларо уже здесь, но я ни с кем из них не могу связаться.

— Понял, — сказал Коракс, решив пока не раздумывать над тем, куда мог отправиться Бранн и чем были так заняты двое других командоров. — Какова обстановка?

— Лорд, по нам ведет огонь титан типа «Пес войны», а также несколько

мобильных артиллерийских платформ. Думаю, наша оборона прорвана, но подтвердить этого не могу. Что мы должны делать?

— Что ты имеешь в виду? — резко спросил Коракс. — Защищать Впадину Воронов!

— Генетический шаблон, лорд, — объяснил Сикс. — Нам нельзя допустить, чтобы его захватили гильдейцы. Кто знает, кому они передадут его потом?

Коракс, еле сдерживаясь, промолчал, оценивая ситуацию.

— Если мы уничтожим генетический шаблон со всеми результатами исследований, то приговорим около тысячи легионеров к жалкому существованию, — задумался примарх. — Только с помощью шаблона мы сможем повернуть вспять эффект генетического заражения.

— Понимаю, лорд, но можем ли мы им рисковать?

— Тебе придется действовать на собственное усмотрение, главный апотекарий, — сказал Коракс. — Запечатай комплекс имплантации и организуй охрану

из легионеров. Установи заряды и приготовься в случае необходимости уничтожить генетический шаблон и все, что с ним связано. Тебе придется принимать решение самому, когда риск станет слишком велик. Я буду во Впадине Воронов через полтора часа.

— Вас понял, лорд, — произнес Сикис. — Мы сделаем все, чтобы защитить его.

Отключив связь, Коракс отдал приемник Эфрении. Ее слова затерялись в реве «Громового ястреба», который взлетал недалеко от них.

— Что ты сказала? — переспросил Коракс.

— Командор Агапито, лорд, — повторила диспетчер. — С командором Агапито связано несколько потенциальных нарушений протоколов безопасности. Я сообщила о них командору Бранну. Это может быть связано с тем, что командоры недоступны.

— Нет времени слушать объяснения, — сказал примарх, ступив на рампу. — Отошли приказ Соларо взять их обоих под стражу.

— Вас поняла, лорд, — подтвердила Эфрения. — Я прослежу, чтобы всю важную информацию направляли прямиком на канал вашей «Грозовой птицы».

— Я в тебе не сомневаюсь, — сказал Коракс, обернувшись и положив руку ей на плечо. Ее постаревшее лицо озарилось улыбкой. — Мои командоры могут преследовать собственные цели, но я всегда могу положиться на тебя, Настури.

Он взбежал по рампе, приказывая пилоту взлетать. Опустив специально сделанную для него раму фиксатора, примарх посмотрел в иллюминатор. Двигатели «Грозовой птицы» зарычали, машина вздрогнула и оторвалась от черной посадочной площадки.

Десантный корабль развернулся и стал удаляться от Шпиля Воронов, открыв вид на Киавар. Коракс с подозрением уставился на планету. Гильдии вернулись обратно, словно шип, который он оставил гноиться в плоти. Коракс так хотел улететь отсюда, так хотел принять мантию примарха и присоединиться к Великому крестовому

походу, что недооценил их упорства. Он казнил себя за собственную непредусмотрительность, а еще за то, что совершенно не ожидал подобного хода. Должно быть, они прознали о предательстве Хоруса и сочли это идеальной возможностью вернуть себе власть.

Примарх вспомнил времена далекого прошлого, когда он мог закончить все раз и навсегда.

— Мы не можем позволить им атаковать снова, — возражал Реквай. — Они способны отправить еще тысячи солдат, не считаясь с потерями. Не важно, что у нас есть армия людей, готовых сложить за это головы, нам попросту не сравниться с ними. Киавархцы будут приходить вновь, вновь и вновь, пока всех нас не перебьют или не загонят обратно в камеры.

— Хотелось бы мне никогда не думать об этом, — сказал Корвус, разглядывая Киавар через широкое окно офицерской столовой. Диваны были

раскромсаны и залиты кровью, резные лакированные столы и шкафы изрешечены пулями и следами лазерного огня. — Это слишком опасно. Там, на планете, обитают миллионы людей, которые трудятся под гнетом гильдий так же, как и мы, и которые против нас ничего не замышляли.

— Коракс, Реквай прав, — заметил Натиан. Субкомандор Второго крыла развалился на диване, на его груди балансировал графин чистого спирта. Он сел, глотнул из хрустальной бутылки и ткнул пальцем в Киавар. — Ублюдки заслужили это.

— Я никогда не говорил этого! — взвился Реквай. — Я говорил не о том, что они заслужили подобное, а лишь о том, что это будет самый быстрый способ принести мир.

— Ты пьян, — сказал Корвус и пересек тремя быстрыми шагами комнату, чтобы выхватить графин из рук лейтенанта. Он поставил его на порванную бархатную обивку стола для шаросилка, митоходом заметив, что в одной из луз лежит

отрезанный палец.

— Но я не дурак, — заметил Натиан. — Убей всех ублюдков, чтобы не осталось никого, с кем сражаться. Вот вам и мир.

— А вы как думаете? — спросил Корвус, бросив взгляд на Бранна и Агапито. Братья сидели за столом, который был завален картами киаварских городов.

— Не знаю, получится ли, — сказал Бранн. — Как мы доставим их на поверхность?

— Первые заряды мы сбросим по гравитационному коридору на Наирхаб, — ответил Корвус, но затем остановился, решив не развивать мысль. — Не важно. Я решил, что мы не можем сделать это.

— Тогда нам лучше опять подготовить оборонительные лазеры, — сказал Агапито. — Последняя бомбардировка отрубила подачу энергии к огневым точкам, которые защищают Четвертое и Пятое крылья.

— Мы спустимся туда и падем смертью храбрых! — крикнул Натиан, воспользовавшись возможностью ужикнуть

графин и сделать еще один глоток.

— Если до этого дойдет, — сказал лидер повстанцев. — Каждый из нас готов пойти на жертву.

— Мы должны это сделать, Корвус. — Внимание всех присутствующих обратилось к Эфрении, которая за время спора не проронила ни слова. Она сидела на полу с перевязанной ногой, положив ее на обломки столика. — Если мы не победим, Ликей никогда не станет свободным, как и Киавар. Тебе нужно победить, Корвус. Если ты погибнешь, надежда на победу умрет вместе с тобой. Тысячи, десятки тысяч, даже сотни погибнут, но миллионы станут свободными.

Корвусу непросто было сделать выбор. Не имелось никаких гарантий, что план сработает, и что за смысл в разрушении Киавара, обрекающем его население на медленную смерть от жажды и голода, если это не принесет победы?

— Нужно сломить мощь гильдий, — настойчиво сказал Реквай.

Корвус неохотно кивнул. Другого выбора не было.

— Прекрасно, — сказал Натиан. — Пора выдвигаться, нечего терять время.

— Все уже подготовлено, — признался Корвус. Он сел на освобожденный Натианом диван, вытянув длинные ноги на обожженном ковре. — Турман и Первое крыло погрузили пять ядерных зарядов в десантные шаттлы. Системы управления наведены на Наирхаб, Толдриан Магна и Хаес. Мне нужно лишь отдать им приказ.

Эфрения, застонав от боли, поднялась на ноги и проковыляла через всю комнату. Наконец она остановилась, опустилась на пол возле Корвуса и положила руку ему на колено.

— Время не сделает этот приказ более легким, — сказала она, ласково заглянув ему в глаза.

Вздохнув, Корвус махнул Агапито, который достал рацию из кармана куртки и бросил ее через всю комнату. Корвус с легкостью поймал ее и переключил на передачу.

— Турман, говорит Корвус, — медленно сказал он. — Запускай шаттлы.

Командир партизан выключил рацию

и выронил ее на пол. Он обернулся, чтобы посмотреть в окно. Спустя пару минут во мраке, отделявшем Ликей от Киавара, появятся десантные корабли.

— Вот дерьмо! — пробормотал Натиан, плюхнувшись в кресло. Он поднял графин в сторону Корвуса. — Значит, мы действительно собираемся победить?

— Бранн, встань у главного передатчика, — приказал Корвус, рассматривая красноватую сферу Киавара. Над континентом под названием Гаррус занималась заря. Корвус представил тысячи людей, которые только шли на первую рабочую смену, тысячи, которым эту смену закончить уже не суждено. Не было смысла скрывать содеянное, хотя Корвус знал, что вместе с виновными сгорят и невинные. — Когда взорвутся заряды, я хочу, чтобы ты отправил по всем гильдейским каналам одно сообщение.

— Без проблем, — ответил Бранн. — Что передать?

— Скажи гильдейцам, что за века порабощения на Ликее скопилось тысяча триста двадцать ядерных зарядов. Я

использовал только пять.

Облака, проносившиеся мимо «Грозовой птицы» алыми обрывками, скрывали лежавший внизу Киавар. Коракс прибудет во Впадину Воронов менее чем за полчаса, но примарху они казались вечностью. Он обеспокоенно сжал кулак, раздраженный тем, что в последнее время происходило с Гвардией Ворона. Имперская Истина стремилась искоренить суеверия, да и сам Коракс никогда не считал себя суеверным, но сейчас ему казалось, будто его легион прокляли с момента высадки на Исстваане.

Коракс поправил себя. Они выжили на Исстваане, тогда как другие легионы пали. Благодаря решимости и отваге Гвардия Ворона выстояла, и она переживет нынешние невзгоды. Звонок коммуникатора, встроенного в подголовник кресла, нарушил ход его мыслей, сообщив о передаче на командной частоте.

— На связи, — сказал он, отвернувшись от иллюминатора. — Коракс слушает.

— Лорд Коракс, говорит Бранн.

— Во имя Императора, где тебя носит? — прорычал примарх. — Впадина Воронов в опасности.

— Лорд Коракс, вам нельзя приземляться во Вра...

Еще один звонок оборвал ответ Бранна, и Коракс услышал голос Эфрении.

— Лорд, мы зарегистрировали направленный сигнал на Впадину Воронов с орбиты, — торопливо доложила диспетчер.

— Источник?

— Он с «Мстителя», лорд!

— Подтверждаю, лорд, — сказал Бранн, когда два канала слились воедино.

— Что? — не понял Коракс.

— Потому что я сейчас на борту «Мстителя». Я загрузил четыре циклонные торпеды и нацелил их на Впадину Воронов, лорд.

Коракс не мог поверить в услышанное. У него ушла пара секунд, чтобы понять.

— Зачем тебе это, командор? — спросил примарх, его голос был холодным как лед.

— Если существует вероятность, что гильдейцы завладеют генотехом, я уничтожу весь комплекс, — тихо ответил Бранн. — Лорд, нам и раньше приходилось принимать непростые решения, чтобы защитить легион.

— На поверхности Гвардейцы Ворона, командор, — произнес примарх, тщательно подбирая слова. — Ты откроешь огонь по своему легиону?

— Только в силу необходимости, лорд, — просто ответил Бранн. — Пожалуйста, не приземляйтесь во Впадине Воронов, это лишь все усложнит.

— Ты будешь мне указывать, командор? — прошипел Коракс. — Это угроза?

— Нет, лорд, мольба, — сказал Бранн. — Если вы приземлитесь во Впадине Воронов, я не открою огонь, но тогда мы можем потерять геносемя.

Коракс кулаком пробил переборку под портом.

— Почему ты не ждал моих инструкций? — потребовал он.

— Я боялся, что вы запретите мне,

лорд, — ответил Бранн. — Желание восстановить Гвардию Ворона целиком поглотило вас, оно мешало вам принимать взвешенные решения.

Коракс поднял раму фиксатора и встал, закипая.

— Корвус, ты знаешь меня много лет, я всегда был верен тебе, — зазвучал в приемнике голос командора. — Если нужно, ты найдем другой способ выжить. Пожалуйста, не садись во Впадине Воронов. Легион, Император и Империум нуждаются в том, чтобы ты оставался живым. Я жду твоих приказов.

Слова проникли сквозь пелену гнева примарха. Это был тот самый голос, который оставался с ним в час спасения Ликея и рождения Освобождения. Голос, который спокойно передавал его приказы на полях сотен сражений. Голос, который приветствовал его после ужасов Исствааана. Голос, которому он доверял.

Коракс тяжело выдохнул, пульс его участился, мысли пребывали в сумятице. Ему вспомнилось лицо, искаженное ненавистью, с наполненными злобой

черными глазами, лицо жертвы темных страстей. Лицо Конрада Курца, Ночного Призрака, которого ему следовало сразить. Он мог позволить любви к легиону уничтожить его, так же как ненависть уничтожила Курца.

— Хорошо, командор, — произнес он. — Оставайся на позиции и жди моих распоряжений. Если Впадине Воронов суждено быть разрушенной, это случится по моему приказу.

Сикс не знал, как именно ему поступить, поэтому начал процесс блокировки, но пока полностью не завершил протокол. Ему следовало доставить из арморіума несколько термальных зарядов, а все отделения сейчас защищали куртину. Соларо и Агапито все еще были недоступны, поэтому апотекарий оказался в затруднительном положении — покинуть ли ему лазарет, чтобы самому достать взрывчатку?

Он решил, что пока лазарету ничего не угрожает, потому можно рискнуть

добраться до него. Закрыв внешнюю дверь командным ключом, Сиккс торопливо направился к лифту. Клетки на этаже не оказалось, поэтому он принялся дергать подъемный рычаг. Внезапно двери распахнулись, и апотекарий удивленно отступил назад, лицом к лицу столкнувшись с командором Соларо. С ним была пара легионеров, их черные доспехи блестели в синем сиянии обнаженного силового меча командора.

— Как раз вовремя! — сказал Сиккс. — Командор, мне нужно...

Соларо без лишних слов вонзил меч в грудь Сиккса. Из горла апотекария потекла кровь, превратив его удивленный возглас в бурлящий гнев из алых пузырей. Соларо вытащил меч, и Сиккс рухнул на пол.

— Возьмите цифровой ключ, — бросил Соларо, направившись в коридор.

Один из легионеров присел возле беспомощного Сиккса и сорвал с шеи цепочку. Когда апотекария поглотила тьма, последней его мыслью было сожаление о совершенной им ужасной

ошибке.

— Почему стоим? — спросил Нексин Орландриаз, распахнув верхний люк краулера.

Техножрец повернулся в бронебашне, чтобы осмотреть колонну танков и транспортов в тумане позади него. Кислотный воздух обжег легкие, но его модифицированное тело могло справиться с подобным уровнем загрязнения.

Корпус скитариев состоял из двух тысяч кибернетически улучшенных воинов, ехавших в восьми бронированных мобильных крепостях «Доминатор», еще пятьсот маршировали по обе стороны колонны. Рядом с бронированными левиафанами двигалось еще несколько небольших разведывательных краулеров, скрытых среди разнообразной техники, собранной для обеспечения дополнительной защиты: боевые танки Имперской Армии «Леман Русс», «Фальчионы», «Хищники», которые предназначались Гвардии Ворона, а также три тяжелых шагохода типа «Железный ангел», чьи корпусы

ощетинились противопехотными орудиями.

— Застряли несколько преторианцев! — крикнул сержант-баллистик с борта четырехместной самоходной штурмовой установки. Он ткнул пальцем через плечо, где из тумана вышли огромные фигуры.

Размерами каждый из них превышал легионера. Выращенный в баках для единственной цели, каждый из десятка боевых сервиторов был вооружен цепным оружием, ракетными установками и мультилазерами. Некоторые виды оружия крепились на бронированных подвесках, другие заменяли конечности или были вживлены либо приварены к искусственной плоти преторианцев. Рядом с ними шагали геракли, еще один вид выращенных в баках гигантов, закутанные в плотные робы с надвинутыми на головы капюшонами. Одежду покрывали символы Механикум, груди и плечи защищались керамитовыми пластинами. Геракли несли многоствольные пушки и тяжелые лазеры с той же легкостью, как скитарии свои лазганы. Один из геракли остановился

возле краулера Орландриаза и уставился на магоса скрытыми в тени капюшона глазами. Остальные также замерли и посмотрели на него.

— Десятник! Пусть они идут дальше! — крикнул Орландриаз.

Человек в тяжелом комбинезоне и в шлеме с визором выкрикнул приказ, и сервиторы неуклюже зашагали вперед. Они находились всего в полукилометре от Впадины Воронов. Орландриаз встретил колонну у двухкилометрового оцепления, чтобы сопроводить в безопасную зону. Пара титанов «Псы войны» обстреливали западную куртину, разрывая рокрит из болтеров «Вулкан» и турболазеров. Артиллерия грохотала почти непрерывно, ревущие взрывы медленно разваливали прочный внешний корпус главного комплекса. Новых зданий Орландриаз не видел, но густые столбы дыма, которые поднимались оттуда, где они некогда стояли, не сулили ничего хорошего.

Сев обратно в командирское кресло, Орландриаз выкрикнул приказ в металлическое ухо сервитора-водителя.

Краулер рванул вперед, а затем забуксовал, гусеницы бессильно месили вязкую грязь. Магос стянул капюшон и надел наушники.

— Полковник Куерштандт, отправьте пять «Доминаторов» к позициям повстанцев, — сказал магос.

— Я пошлю также танки, за стенами от них все равно не будет никакого толку, — ответил командир скитариев. — А как насчет остальных?

— Они пройдут через ворота в центральный двор. Я пробую связаться с командором Гвардии Ворона, но пока никто не отвечает. Тем не менее наше сообщение приняли и послали обратный сигнал о безопасности дальнейшего продвижения.

— Вас понял, магос, — произнес Куерштандт. — Я лично возглавлю контратаку против этих проклятых Омниссией изменников.

— Конечно, — ответил Орландриаз. — Незамедлительно, полковник. Мы не должны позволить гильдейцам попасть во Впадину Воронов.

Двое замаскированных Альфа-Легионеров охраняли дверь, пока Соларо, Нестил и Орт собирали все, что относилось к проекту генотеха. Орт и Соларо проверили архивы базы данных и скопировали на кристаллические чипы тысячи файлов, пока Нестил с помощью ключа Сиккса проник в санктум генетического шаблона.

Он точно знал, что делать, открывая стазисную камеру. У него до сих пор остался стазисный контейнер, в котором когда-то находился генетический вирус и куда он сейчас положил гласситовую колбу с материалом примарха. Теперь он выглядел иначе, стал более темным и плотным.

— Удалить все, — произнес Соларо, достав из разъема в главной базе архива информационный кристалл. — Ничего не оставлять.

Орт принялся ходить от пульта к пульту, включая программы очистки, а Нестил стал собирать предметные стекла из микроанализатора, запихивая их в поясную сумку. Соларо активировал

терминал и ввел код командного доступа.

— «Громовые ястребы» еще на посадочной площадке, — сказал он. — Там будет точка нашей эвакуации. Остальные легионеры сформировали оцепление, чтобы не позволить скитариям добраться до нас. Когда мы прибудем на место, остальные отступят по отделениям, и сразу убираемся отсюда. Я дам сигнал «Бете» выходить на орбиту для нашей встречи.

— То, что ты притворяешься командором, еще не делает тебя главным, — усмехнулся Нестил.

— А у тебя есть план получше? — резко спросил Соларо. — У нас нет времени для игр.

— Успокойся, — произнес Нестил. — Гвардия Ворона понятия не имеет, что ты здесь. Просто пройдем до главных ворот, стараясь не привлекать к себе внимания.

В ухе Нестила затрещала вокс-бусинка.

— Эффрит-гидра-омега. Всем контактам доложить о прогрессе, — раздался искаженный и приглушенный

голос примарха.

— Контакт-три докладывает, — сказал Орт. — Все три контакта встретились с группой поддержки. Задание выполнено. Ищем путь отступления.

— Легион может гордиться вами, — произнес примарх. — Вы опередили график, поэтому поручаю вам последнее задание.

— Мы готовы, — сказал Орт.

— Гвардия Ворона перенесла склад генетического семени во Впадину Воронов, чтобы ускорить процесс имплантации, — прозвучали слова Омегона. — Он расположен в хранилище рядом с лазаретом.

— Да, верно, — сказал Нестил, повертев цепочкой с цифровым ключом Сиккса на пальце. — У нас есть ключ-код. Что от нас требуется?

— Уничтожьте все. Отключите стазисное поле и уничтожьте все генетическое семя. Я хочу, чтобы Гвардия Ворона больше не сумела оправиться от этой атаки.

— Вас понял, — ответил Соларо.

— Но прежде обеспечьте безопасность

генетических данных. Передайте их кому-то из группы поддержки, пусть он оставит их в оружейном шкафчике в восточном конце северного коридора. Я пришлю за ними еще одного оперативника.

— Еще одного? — не понял Орт. — Но все мы здесь.

— Это уже не твоя забота, легионер. Выполняйте приказ.

— Как пожелаете, лорд, — сказал Соларо.

Он взял с ближайшего стола коробку и, открыв крышку, вытряхнул на пол длинные шприцы.

— Кладите все сюда, — поторопил он. — Вы слышали примарха.

Впадина Воронов вздрогнула от очередного взрыва — и с потолка посыпалась пыль. Навар с остальными сидели скрючившись в кругу посреди комнаты, при каждой встряске поднимая глаза. Им приказали оставаться здесь, но их выводило из себя ничегонеделание, когда на Впадину Воронов напали.

Удар по двери привлек внимание

Рапторов. Навар встал и жестом приказал другим приготовиться.

— Осторожно, — предупредил Кхарво, сверкнув заостренными зубами.

Навар кивнул и поднял когтистую руку, готовый ударить. Другой он взялся за дверную ручку, хотя из-за когтей ему далось это нелегко. Открыв дверь, он тут же отступил в сторону, когда в комнату ввалилось окровавленное тело.

— Это же Винсент Сиккс! — воскликнул Навар, присев на колени возле раненого главного апотекария.

Из раны на груди текла кровь, пропитывая белый халат. Какой-то миг безумный взгляд Сиккса метался по потолку, пока вокруг него собирались остальные Рапторы.

— Предатели, — прошептал Сиккс. — Лазарет. Защитите... защитите генетическое семя.

Покрытой запекшейся кровью рукой он оттянул ворот, под которым оказался черный нательник. На поясе находилась кобура с болт-пистолетом. Навар понимающе кивнул и достал оружие.

— Нет... — тяжело сказал Сиккс. Он откашлялся кровью и слабо указал на внутреннюю часть одежды.

— Там карман, — заметил Кхарво и потянулся внутрь. Он достал оттуда треугольную металлическую пластину с отчеканенным на одной стороне гербом Гвардии Ворона. — Это командный ключ.

Лицо Сиккса исказилось от боли, но он заставил себя приподняться на локте.

— Оружейные шкафчики, седьмой отсек, — сказал апотекарий. — Достаньте заряды.

— Мы пришлем кого-то за тобой, — пообещал Навар, поднимаясь.

— Генетическое семя! — прошипел Сиккс. — Ваше будущее!

— Мы защитим его, — сказал Бенна, держа Сиккса за плечо своей чешуйчатой рукой. — Будь сильным.

Рапторы вышли в коридор, впереди шагал Навар с болт-пистолетом. Они приблизились к следующей двери и открыли ее. С импровизированных коек на них смотрели еще пятнадцать деформированных Рапторов.

— Хеф, возьми с собой пятерых и принеси оружие, мы соберем остальных братьев, — сказал Бенна, который до имплантации был командиром отделения. Он указал на дверь, ведущую в лазарет. — Кхарво, стой на страже.

Рапторы разделились без лишних возражений, Навар взял у Кхарво цифровой ключ. Он с радостью размял ноги, бросившись по коридору вместе с Марлсом, Гхоро, Тандрадом, Микой и Халой. Когда они добежали до двери, под ними прокатал мощный взрыв, за которым последовал грохот падающей кладки.

— Похоже, обрушилась вторая орудийная башня, — сказал Мика. — Нам лучше поторопиться.

Толкнув дверь, Навар огляделся по сторонам и затем посмотрел в коридор перед ним, крепко сжимая пистолет Сиккса обеими руками. У арки, ведущей к погрузочному отсеку над арториумом, он заметил Гвардейца Ворона. Легионер удивленно обернулся и вскинул болтер.

— Все в порядке, — сказал Гхоро, поднимая руки. — Рапторы! На лазарет

напали.

— Берегись! — закричал Марле, врезавшись в Гхоро, когда легионер вдруг открыл огонь.

Болт задел Марлсу руку, разорвав кость и плоть чуть ниже плеча. Навар без раздумий выстрелил в ответ, и первый снаряд попал легионеру в грудь, из-за чего следующий выстрел предателя угодил в стену позади Гхоро и Марлса. Следующие два раскололи наплечник легионера, заставив того покачнуться.

Легионер прицелился в Навара, и время как будто замедлилось. Раптор почувствовал, как по телу пробежал холодок, когда он прицелился в лицо легионера и вновь спустил курок. Он почувствовал отдачу и одновременно заметил дульную вспышку болтера легионера. Навстречу друг другу понеслись два пылающих снаряда.

Болт Навара попал долей секунды раньше, пробив решетку шлема, прежде чем взорваться. Мгновением спустя его бок пронзила боль — ответный выстрел вырвал кусок плоти у него из груди,

оставив в сросшихся ребрах осколки раскаленного белого металла.

Навар пошатнулся, но Мика и Тандрад успели его поймать. Он взглянул на рану, дыру размером с кулак прямо под грудной мышцей на левом боку.

— Проверьте его! — резко сказал Гхоро, ткнув пальцем на упавшего легионера.

— Почему он стрелял? — спросил Марле. — Что происходит? Если это наши легионеры, как нам узнать, кто на нашей стороне?

— Просто идем в лазарет, — произнес Гхоро. — Сикс сказал, что они там. Придется рискнуть. Вперед за оружием, а я помогу Навару.

Навара передали в руки Гхоро, который опустил его на пол и прислонил к стене.

— Все не так уж плохо, — ухмыльнувшись, заметил Гхоро.

Навар посмотрел вниз. Рана уже зарубцевалась, клетки Ларратана в крови затянули ее почти мгновенно. Боль перешла в тупой зуд, когда в кровеносную

систему хлынули другие вещества.

— Похоже, быть монстром не так уж плохо, — сказал Навар. Он жестом попросил Гхоро помочь ему встать, чувствуя, как силы возвращаются к нему.

Другие Рапторы вернулись через пару минут, попарно неся пластальные ящики с оружием и боеприпасами, сумки с гранатами и прочим снаряжением, перекинутым через плечи. Открыв один из ящиков, Рапторы достали из него болтеры и по нескольку магазинов, обвязав патронташи вокруг бедер и рук.

Чувствуя себя уже лучше и почти забыв о ране, Навар открыл другой ящик. В нем находились мелтаган и несколько запасных цистерн со сжатым газом.

— Я возьму его, — быстро сказал Гхоро и схватил оружие.

Он посмотрел на других, словно ожидая возражений, но времени на споры у них не было. Закрыв ящики, Рапторы направились обратно к камерам, где их уже ждали остальные.

Глава семнадцатая
АТАКОВАТЬ, ОТСТУПИТЬ, СНОВА АТАКОВАТЬ ОТСЕЧЬ ГОЛОВУ ПРАВДА

Похоже, ни одного командора не было на месте, но Гвардейцы Ворона справедливо славились своей независимостью и инициативностью. Сержанты без приказов старших офицеров самостоятельно организовали отделения для обороны Впадины Воронов. Бальсар Куртури оказался в сводном отделении с семью другими легионерами, которыми командовал сержант Кабэн. Сейчас они брели по окутанным туманом радиационным пустошам к месту атаки. Над головой то и дело свистели макроснаряды уцелевших орудийных башен, им отвечала артиллерия, лазерный огонь и плазменные заряды вражеских титанов, сопровождающих колонну.

Радиация искажала работу авточувств Бальсара, из-за густого тумана он почти ничего не видел и не мог воспользоваться тепловым или широкоспектральным сканированием. Бывший библиарий отключил сенсоры доспехов, решив довериться собственному усиленному зрению. В сумраке вокруг него вырисовывались смутные тени воинов в черных доспехах, хотя благодаря транспондерам их местоположение отражалось на схематической карте на визоре Бальсара. Сержант Кабэн шел впереди, и именно его потрескивающий от помех голос первым раздался в воксе:

— Движение — пятьдесят метров впереди и правее. Рассредоточиться вправо на тридцать метров. Дружественных сил здесь нет, при визуальном контакте огонь на поражение.

Бальсар забрался на груду шлака, озираясь по сторонам. Как просто было бы сейчас открыть иное зрение, высвободить потенциал разума, чтобы обнаружить врага, а затем с не меньшей легкостью испепелить его психическим ударом.

Соблазн воспользоваться своими силами стал почти неодолимым.

В легионе больше не осталось капелланов, которые бы следили за соблюдением Никейского эдикта, и Бальсар вспомнил слова Коракса на пороге хранилища. Положение дел изменилось, и против предателей следовало использовать все доступное оружие. Бальсар до сих пор не мог понять, что тогда произошло. Он явственно почувствовал связь с психическим замком на двери, невыразимо прекрасным и непреодолимым. Его словно изнутри подтолкнули использовать свои силы, и если бы Бальсар решился поведать кому-то о случившемся, то сказал бы, что им руководил сам Император. Ему казалось, будто на пару мгновений его мыслями управлял кто-то другой, и, памятуя о сложности печатей на двери, Бальсар не сомневался, что самостоятельно снять их он бы не сумел.

Если тогда решил вмешаться Император, что казалось вполне вероятным, тогда почему бы Бальсару не

воспользоваться своими силами сейчас?

В тумане слева от него возникла тень. Гвардеец Ворона подавил желание прощупать ее с помощью мысли. Вместо этого, он поднял болтер и тремя снарядами прошил фигуре грудь.

— Враг! — предупредил он по воксу. — Минус один.

Он открыл огонь по другим силуэтам, решив для себя, что не ему оспаривать решение Императора.

В тамбуре царил жуткий холод, стены были покрыты ледяной коркой. Пятеро Альфа-Легионеров, притворявшиеся Гвардейцами Ворона, охраняли коридор, пока Орт с Нестилом отключали генераторы стазисного поля в главном хранилище. Соларо стоял рядом с цифровым ключом, беззаботно ковыряясь пальцем в покрывавшем клавиатуру льду.

— Почему так медленно? — спросил Соларо, заглянув Орту через плечо.

Другой легионер у открытой панели силового реле покачал головой.

— Это действительно необходимо? —

спросил Орт.

— Примарх ясно выразился, — ответил Соларо. — Просто отключи его.

— Даже не знаю, — продолжил Орт, отойдя от реле. — Одно дело — вывести Гвардию Ворона из войны. Другое — полностью ее уничтожить. Когда Хорус победит Императора, нам ведь понадобятся союзники для восстановления Империума.

— Ты идиот, — бросил Нестил, выдергивая трансформаторный переключатель. — Гвардия Ворона никогда не станет служить Хорусу, особенно после Исстваана. Коракс слишком упрям. Когда ты победим, они просто исчезнут, как всегда делают, и продолжат борьбу. Ты хочешь годами озираться, думая, когда Гвардия Ворона придет за нами?

— Мы видели, что мутаген сделал с Рапторами, — заметил Орт. — Это скверна, неестественность. А Несущие Слово? Мы видели их на Исстваане, а я к тому же еще и на Круциаксе. Не думаю, что за этой войной стоит только Хорус, — здесь замешано кое-что похуже. Вы

знаете, о чем я.

Нестил обернулся, сжимая в руке пучок проводов.

— Тогда они еще глупее, — произнес он. — Я знаю, о чем ты говоришь, все мы слышали речь Коракса. Нравится или нет, но войны было не избежать, и нам следовало выбрать сторону. Лучше оказаться на стороне победителей, нежели проигравших. Войскам Императора нанесен тяжкий удар на Исстваане. А ведь это мы могли оказаться между Несущими Слово и Железными Воинами. Радуйтесь тому, что близнецы-примархи сделали верный выбор.

— Уже слишком поздно что-либо менять, — сказал Соларо. — То, что решили совершить Несущие Слово, — их проблемы, нам до них больше нет дела. Пусть забавляются своим колдовством. В конечном итоге оно погубит их, а мы будем смеяться последними.

— Кроме того, — произнес Нестил, вернувшись к работе, — с помощью генотеха Альфа-Легион станет тем, кто сохраняет баланс сил. Мы. Не Лоргар, не

Ангрон и даже не Хорус.

Орт ничего не ответил, он подошел обратно к защитной панели и принялся отключать кабели.

— Что это было? — вдруг спросил Нестил, посмотрев на дверь.

Соларо также услышал выстрел, прозвеневший на фоне непрерывной канонады.

— Возможно, тупым гильдейцам все же удалось преодолеть куртину, — произнес Орт.

— Нет, это было внутри, к тому же неподалеку, — сказал Соларо.

Внезапно из коридора раздался рев болтеров.

— Продолжайте работать! — крикнул он, направившись к выходу.

Охранявшие их Альфа-Легионеры стреляли в правый коридор. Оттуда в ответ с визгом неслись болтерные снаряды. Достав болт-пистолет и силовой меч, Соларо вышел из комнаты и увидел, как с пробитыми доспехами падает один из легионеров.

Со стороны лазарета на них шла

группа уродливых воинов, прячась за опорами, выступавшими из переборок каждые пару метров. Соларо увидел десятки наполненных яростью глаз, лица, изуродованные рогами, клыками и бивнями. Некоторых из нападавших покрывала красная или зеленая чешуя, другие представляли собой чудовищные нагромождения мышц, бугрившихся под одеждой.

Все воины были вооружены, и град болтерного огня только усилился, когда из двери в конце перехода и комнат, соединенных с лазаретом, хлынули новые нападавшие. Снаряд рикошетом чиркнул по наплечнику Соларо, выбив осколки керамита.

— Отставить! — резко крикнул он, нырнув обратно в хранилище. — Мы опоздали. Пора уходить.

Орт и Нестил схватили болтеры, отложенные в сторону, пока они работали с силовым реле, и встали позади Соларо, который приблизился к двери и сделал пару выстрелов в приближающихся Рапторов.

— Мы вас прикроем, — сказал один из Альфа-Легионеров, загнав в болтер новый магазин, когда опора, за которой он прятался, содрогнулась от взрывов.

— Бегом! — рявкнул Соларо, взмахнув силовым мечом. — Пока нас не отрезали.

Трое диверсантов выскочили в коридор и, не оборачиваясь, бросились прочь от Рапторов. Соларо рискнул бросить взгляд назад, лишь когда они достигли дальних дверей. Осталось всего двое Альфа-Легионеров, самоотверженно вставших между отступающими собратьями и Рапторами. Тем не менее Гвардейцы Ворона также понесли потери — в коридоре лежала по меньшей мере дюжина тел.

— Идем к посадочной площадке, — сказал Нестил, когда перед ними с шипением открылась дверь.

Едва они переступили порог, Орт развернулся и выстрелил в панель управления, и дверь с грохотом опустилась.

— Теперь они нас точно не догонят, — сказал он.

— Ты бросил там наших воинов, — произнес Нестил.

— Они погибнут в бою, — заметил Соларо, свернув вправо. — Нужно выбираться отсюда.

Альфа-Легионеры помчались по верхнему уровню в сторону лестницы у главных ворот, которые, как надеялся Соларо, еще удерживали их братья. Перепрыгивая по три ступени зараз, они поспешили вниз по лестнице, направляясь к караульному помещению. Спустившись, легионеры остановились и осмотрелись по сторонам. Во дворе за воротами стояло несколько Гвардейцев Ворона, хотя было непонятно, настоящие ли это сыны Коракса или те, кто выдает себя за них. Ворота охраняли несколько сервиторов-преторианцев с горсткой воинов-геракли Механикум.

— Сюда, — сказал Орт, указывая болтером на помещение охраны в восточной башне.

— Теперь спокойно, — шепнул Соларо. — Не нужно спешить.

Защитники ворот не обратили

внимания на троих Гвардейцев Ворона, идущих к сторожке, но Соларо все равно испытал облегчение, когда они скрылись из виду.

— И куда дальше? — спросил Нестил.

— Галерея разрушена, — ответил Орт. — Наши «Громовые ястребы» постарались на славу. Мы сможем оттуда спрыгнуть.

— Не уверен, что стоит оставлять здесь генотех, — вдруг сказал Соларо. — Что, если другой оперативник не сможет изъять его?

— Поздно возвращаться, — произнес Нестил. — Мы сделали как приказано. Нужно эвакуироваться.

Соларо согласно кивнул, и они направились к внутреннему лестничному колодцу. От верхнего этажа остались засыпанные обломками руины, среди которых лежали осколки разбитого стекла. Туман снаружи вновь сгустился, но, поднявшись на груду искрошенного феррокрита, Соларо разглядел на посадочной площадке две громоздкие тени.

— Как я и думал, «Громовые ястребы»

еще здесь, — сказал он, пряча силовой меч и пистолет. Альфа-Легионер ухватился за перекрученную пластелевую арматуру, торчащую из обломков стены, и перелез через разрушенную галерею. — Пошли.

В нескольких метрах от земли им пришлось прыгнуть, но поблизости не оказалось ни одного Гвардейца Ворона. Вой и грохот падающих артиллерийских снарядов перемежался громогласной стрельбой макропушек, но гильдейцы, похоже, атаковали Впадину Воронов с противоположной стороны. Небеса рассекали «Грозовые птицы» и «Громовые ястребы», из всех орудий обстреливая колонну врагов. Соларо заметил поднимающееся над куртиной синее пламя — очевидно, из поврежденного плазменного реактора «Пса войны».

Чем ближе они подходили к первому «Громовому ястребу», тем большее беспокойство испытывал Соларо. Он активировал вокс-канал, чтобы вызвать пилота, но ему никто не ответил. Приблизившись к машине почти в упор, он сквозь туман увидел, что кабина

расстреляна, а в корпусе зияли несколько дыр.

— Будем надеяться, что другой уцелел, — сказал Нестил, пройдя под правым крылом «Громового ястреба».

— Надежда — слабость, — раздался позади них голос. — Она — первый шаг на пути к разочарованию. Будь вы Гвардейцами Ворона, то знали бы это.

Соларо развернулся, доставая на ходу оружие. На краю посадочной площадки стоял легионер в черных доспехах. На плече он держал лазерную пушку, направленную на Альфа-Легионеров, от оружия вился кабель к блоку питания рядом с воином. Одной ногой он опирался на восьмиугольный контейнер с металлической рукояткой по всей его длине. На небольшом дисплее у ноги Гвардейца Ворона последовательно мигали огоньки.

— Все кончено, — произнес воин. — Вам не уйти. «Гневный авангард» и «Триумф» скоро начнут блокаду планеты.

Теперь, когда Соларо узнал голос, он смог взять себя в руки.

— Агапито? Это же я, Соларо! Что ты делаешь? — крикнул он в ответ.

— У тебя может быть его лицо, но ты не тот Соларо, которого я знал, — сказал Агапито, целясь в лжекомандора. — Я понял это по твоему поведению.

— Агапито, ты совершаешь ошибку, — произнес Соларо, вложив пистолет обратно в кобуру. — Видишь? Давай без резких движений.

— Что не так с его поведением? — спросил Орт, взглянув на других легионеров.

— Насчет тебя ничего не могу сказать, Орт, или как там тебя зовут. К несчастью для всех вас, твои товарищи замаскировались не так хорошо, как считали. Нестил, как ты узнал «Фалангу»? Гвардия Ворона никогда не вела совместных боевых действий с крепостью Имперских Кулаков. И, Соларо, у кого еще был доступ к моим командным кодам и кто мог воспользоваться моим личным каналом? Это точно не Бранн и не Алони.

— Ты здесь один, — сказал Соларо. —

Чего ты хочешь?

— Ты не сражался за Освобождение, Соларо, — сказал Агапито, потопав ногой по контейнеру. Он указал лазерной пушкой на устройство. — Странно, что ты не узнал ядерный заряд. Пятьсот килотонн — более чем достаточно, чтобы уничтожить Впадину Воронов со всеми предателями. Вам не скрыться с генотехом. Если вы хотя бы попытаетесь, я здесь все разнесу.

— Ты этого не сделаешь, — произнес Нестил и, крепче сжав болтер, отступил назад.

Соларо вдруг услышал характерный гул и оглянулся. В тумане возникли двадцать воинов в золотых доспехах, вдоль лезвий их алебард мерцали силовые поля. Кустодес отрезали Альфа-Легионерам путь к воротам.

— Сколько из вас стали предателями? Что вам предложили изменники? — прорычал Агапито. — Что пообещал вам Воитель за голову нашего примарха?

— Нашего примарха? — насмешливо

бросил Орт. — Ты ничего не знаешь о нашем п...

Соларо одним взмахом меча рассек глотку глупцу, прежде чем тот успел еще что-либо сказать. Альфа-Легионер рухнул на землю, испустив последний вздох, окрасив кровью кислотные лужицы.

— Отвечайте! — взревел Агапито. — Говорите все, что знаете, и вам дарую быструю смерть. Если же нет, уверен, лорд Коракс сделает для вас исключение и откроет Красный уровень. Местных пыток не выдержит даже Астартес.

Альфа-Легионеры переглянулись, и, хотя из-за шлемов они не видели лиц друг друга, краткие кивки подсказали, что они о чем-то договорились.

— А с чего ты взял, что возьмешь нас живьем? — прорычал Соларо.

Резким выпадом он пронзил сердце Нестила, в то время как сержант спустил крючок и всадил болтерный снаряд в шлем Соларо. Они повалились друг на друга, а затем рухнули на землю, единые в смерти.

Немногочисленных гильдейцев,

оказавшихся между Впадиной Воронов с одной стороны и наступающими войсками Механикум — с другой, оттеснили обратно в радиационные пустоши. Прибывшее из Освобождения подкрепление без устали преследовало противника, мстя за павших, а Имперские Кулаки под командованием капитана Норица присоединились к Гвардии Ворона. Битва затянулась до самой ночи, небо то и дело озарялось взрывами и лазерным огнем. Прибывшие титаны из Легио Виндиктус смогли остановить Орден Дракона, хотя во время сражения целые районы города превратились в руины, где среди обломков лежали горы мертвецов с обеих сторон. В небеса поднимался дым от тысяч пожаров, затмевая звезды и луны. Воздушные суда Механикум сбрасывали зажигательные бомбы и плазменные заряды на гильдейские здания, в которых все еще держался Орден Дракона, пока Легио обстреливал их снарядами и лазерными лучами. Впадину Воронов по приказу Коракса окружили, Рапторы и кустодии убили нескольких тнимых Гвардейцев Ворона, которые

пытались сбежать под прикрытием творящейся вокруг неразберихи. Наконец, когда генотех был уже вне опасности, примарх приказал командору Бранну, держа торпеды «Мстителя» наготове, прибыть на поле боя.

Возле руин главных ворот его встретили Агапито и Аркат в сопровождении телохранителей из числа верных воинов, чтобы сопроводить его к примарху.

— Я требую объяснений, командор, причем немедленно, — произнес Коракс, когда они прошли через обломки ворот.

— Ситуация очень сложная, лорд, — ответил Агапито. — Впадина Воронов надежно защищена, но насчет внутренней угрозы я не уверен. При подсчете погибших в бою мы обнаружили более тридцати легионеров, которых нет в наших списках.

— Диверсанты! — прорычал Коракс. — Предатели в цветах Гвардии Ворона.

— Что с Соларо и остальными? — спросил Агапито. — Почему они предали нас?

— Не думаю, что они действительно

так поступили, — сказал Аркат. Агапито и Коракс непонимающе посмотрели на кустодия. — Вы стали жертвами гнусного обмана. Моему Легио прекрасно известны способы, с помощью которых противник может проникнуть в любую организацию. Наша первейшая обязанность — пресекать подобные попытки. Полагаю, только один легион способен на подобную хитрость.

— Альфа-Легион! — вновь прорычал примарх. — Это вероломство — дело их рук!

— Соларо долгое время находился рядом с нами. Если он и другие — это замаскированные воины Альфа-Легиона, как узнать, кто остался верен нам? — спросил Агапито.

Это был сложный вопрос, но Коракс уже знал ответ на него.

— Мои настоящие сыны будут иметь мою метку, — ответил примарх. Они дошли до зала, где выжившие Гвардейцы Ворона по приказу примарха сложили оружие и стояли под надзором Кустодес и первого поколения Рапторов. — Моя генетическая информация сокрыта в

каждой клеточке их тел, тогда как у диверсантов генетический код другого примарха. Пусть Винсент Сиккс проверит генетические маркеры каждого легионера на сходство с генокодом Гвардии Ворона.

— Сиккс погиб, лорд, — произнес Агапито. — Он умер, защищая генетический проект.

— Что с Орландриазом? — спросил Коракс. — Он выжил?

— Техноадепт сейчас в лазарете, оценивает нанесенный урон, — ответил Агапито.

— Вы же не собираетесь продолжать проект? — удивился Аркат. — Учитывая случившееся. Мы едва не упустили предателей с генетическим материалом. Риск слишком велик, я не могу этого позволить.

Коракс остановился, задетый за живое словами кустодия. Он взглянул на Рапторов в иссеченных доспехах, которые без колебаний и жалоб сторожили своих боевых братьев.

— А что будет с теми Рапторами, которые пострадали из-за наших ошибок? —

поинтересовался Коракс. — Разве мы обречем их на жалкое существование?

— Избавим их от страданий, — сказал Аркат. — В каждом из них хранится семя того, чем вы здесь занимались; возможно, в их изуродованных телах есть то, чего вы пытались достичь. Они — такая же угроза, как информация, которая находится в генетическом хранилище.

— Нет! — возразил Агапито. — Мы не можем их просто так убить! Разве это награда за ту службу, которую они сегодня сослужили легиону?

— Агапито прав, — сказал Коракс. — Я не могу их хладнокровно убить. Пусть у Рапторов звериный облик, но сегодня они доказали, что у них сердца Гвардейцев Ворона.

Примарх задумчиво потер лоб. Не было ли глупостью считать, будто он мог исправить содеянное над Рапторами? Он покинул Терру с уверенностью в том, что сможет восстановить Гвардию Ворона, и, несмотря на все случившееся, необходимость противостоять Хорусу не исчезла.

Коракс в сопровождении Агапито и Аркаты вышел из зала и направился в лазарет. У каждого лифта и лестницы стояли Рапторы, в тусклом аварийном освещении характерные контуры доспехов выдавали их с головой. Троица двинулась по северному коридору, миновав запертые оружейные шкафчики, отмеченные гербом Гвардии Ворона. Возле одного из таких металлических ящиков стояли на страже двое геракли, их многоствольные пушки отслеживали примарха и его спутников, пока те проходили мимо. В тени одного из великанов аколит Механикум возился с поясом на одежде. Из-за того что гарнизон Гвардии Ворона находился под стражей, а подкрепления вступили в бой с гильдейцами в радиоактивных топях, защиту Впадины Воронов обеспечивал Орландриаз со своими союзниками.

— Если здесь замешан Альфа-Легион, мы должны предполагать, что они намеревались не просто уничтожить свой трофей, — сказал Аркат, когда они дошли до лифта, ведущего в лазарет. — Если вы продолжите эксперименты, то рано или

поздно привлечете внимание Хоруса.

Коракс снял с пояса портативный вокс и открыл командный канал.

— Интересно, что думает на этот счет командор Рапторов? — сказал примарх. — Бранн, ты слышал наш разговор?

— Так точно, лорд, — прозвучал голос Бранна по коммуникатору. — До последнего слова. Хотя Агапито и кустодий говорят правильно, я все же придерживаюсь иного мнения. Если мы продолжим исследования, возможно, нам удастся спасти Рапторов. С другой стороны, сколькими рекрутами нам придется ради этого пожертвовать? Лорд, я считаю, нам стоит навсегда забыть об этой возможности. Если мы хотим восстановить Гвардию Ворона, то делать это следует способом, который мы знаем и которому доверяем.

— Разумные слова, командор, — согласился Коракс. Группа зашла в лифт, примарху пришлось нагнуться, чтобы не удариться головой о потолок. Когда кабина вздрогнула, он уже принял решение. —

Сейчас наше положение ничего кардинальным образом не изменит. Мы сделали все, что могли, но наших усилий оказалось недостаточно. Генетический проект будет немедленно свернут, а все результаты исследований, до которых не добрался Альфа-Легион, — уничтожены.

— Как быть с Рапторами? — напомнил Агапито. — Они ни в чем не виноваты.

— А я их ни в чем и не обвиняю, — ответил примарх. — Я не могу — и не буду — убивать их. Их приняли в воинское братство легионеров-Астартес, и они разделят ту же судьбу, что и остальные, — с честью погибнут в бою против врагов Императора.

— Вы все еще намереваетесь напасть на предателей? — спросил Аркат. — Ваш легион практически уничтожен, примарх.

— Атака Нарсиса начнется, как и было запланировано, — ответил Коракс. — Эти события только доказывают то, что Гвардии Ворона нельзя расслабляться. Мы живем боем, а не раздумьями. Сейчас, больше чем когда-либо, мы нуждаемся в

победе, чтобы укрепить дух и выковать новое братство в легионе. Слишком долго мы были разделены на тех, кто родился на Терре, и тех, кто создал Освобождение, на тех, кто выжил на Исстваане, и тех, кто нас спас, на ветеранов и Рапторов. Такого больше не будет. Мы — Гвардия Ворона, и мы покажем Империуму, что мы едины.

Они нашли магоса Орландриаза в лазарете. На койках лежали раненые, в основном Рапторы, которые сражались с диверсантами без доспехов. Несколько десятков кроватей занимали неподвижные тела, их лица были скрыты под окровавленными простынями. Коракс остановился рядом с одним из Рапторов с перебинтованной грудью.

— Легион в неоплатном долгу перед тобой, легионер, — произнес примарх. Он знал в лицо и по имени каждого своего воина, Рапторы также не были исключением. — Ты ведь Хеф, верно? Навар Хеф?

— Так точно, лорд Коракс, — сказал Навар и скривился, попытавшись сесть.

Коракс жестом приказал ему лежать.

— Я просто рад, что смог пригодиться вам.

— И все еще можешь, — ответил Коракс. Он повысил голос, обращаясь ко всем раненым: — Кто из вас полагает, что способен сражаться?

Раздался хор криков и радостных возгласов.

— За Императора и Гвардию Ворона! — прокричал Агапито, воздев кулак.

— За Императора и Гвардию Ворона! — в один голос ответили Рапторы.

Коракс кивнул и прошел во внутренний санктум, где встретил Орландриаза, который как раз говорил о чем-то с Аркатом.

— Кустодий сказал, что вы хотите провести генетическое тестирование всех легионеров, лорд, — произнес магос. — Я смогу начать его через пару часов.

— И оно выявит всех подставных Гвардейцев Ворона? — спросил Агапито.

— Уверен, ни один легионер не сможет скрыть свою истинную природу, командор.

Отладив терморегулятор, Катон

Юлиаксис присел, прислонившись спиной к стене. Опустив металлические створки, служившие ему вместо век, он задался вопросом, когда же его освободят от утомительной обязанности управлять геракли. Немые чудовища едва ли были достойной компанией для ученого.

Вдруг звуковой детектор уловил движение одного из подчиненных. Открыв глаза, Юлиаксис увидел прямо перед собой геракли. Ученый взглянул в тень под капюшоном и с удивлением заметил, что в ответ на него смотрят наполненные разумом глаза.

— Какого...

Гигантский геракли врезал оружием под подбородок Юлиаксису, одним ударом перебив тому гортань и сломав шею. Другой геракли просто смотрел, удивленный поведением собрата.

Закрыв дверцу шкафчика, внутри которого лежало тело аколита, Омегон спрятал в полы одежды коробку с генетической информацией. Вновь примерив неуклюжую походку геракли, он спокойно миновал северный коридор и

направился к воротам.

Как же сильно его одолевал соблазн пристрелить проходившего мимо него Коракса, но подобный триумф был бы скоротечным. Альфа-Легион лучше других понимал, что зачастую величайшие победы остаются невоспетыми. Лучше незаметно ускользнуть, выполнив задание, чем привлечь к себе внимание, поддавшись жажде острых ощущений.

Впадина Воронов кишела войсками Механикум, поэтому у Омегона ушла всего пара минут на то, чтобы смешаться с другими геракли. Вскоре он оказался за внутренним двором, направляясь на охоту за выжившими гильдейцами. Едва вокруг сопровождавшей их группы скитариев сгустился туман, у основания его черепа началось равномерное тиканье, указывавшее, что в пятистах метрах от него находится боевой корабль с «Беты». Пришло время оставить Киавар. Он получил то, за чем пришел.

Раздались панические крики, когда Омегон открыл огонь, несколькими длинными очередями сразив двух геракли

и их поводырей-скитариев. Оставив их тела в тумане, примарх растворился во мгле, направившись к ожидающему его транспорту.

Глава восемнадцатая
КРЫЛЬЯ ВОРОНА ХОРУС ПОЛУЧАЕТ ТРОФЕЙ НАРСИС

В Карнивалисе царила мрачная атмосфера, ряды легионеров безмолвно провожали взглядами шагающего к помосту Коракса. Агапито, Бранн, Алони и Нуран Теск, новый командор Ястребов, стояли по обе стороны кафедры, покрытой гравированными воронами. Присутствовали все Гвардейцы Ворона, включая изуродованных Рапторов, которые еще могли сражаться. Арморіум модифицировал подаренные доспехи модели «Корвус», усилив их в необходимых местах, прорезав отверстия для рогов и спинных наростов, а также приспособив сочленения и застежки для искривленных конечностей.

В рядах Гвардейцев Ворона провели

чистку — когда Орландриаз начал генетическое тестирование, воины, которые притворялись Гвардейцами Ворона, попытались сбежать или покончить с собой. Опираясь на знания о геносемени примархов, Коракс смог подтвердить, что диверсанты были из Альфа-Легиона. В их крови, костях и плоти была метка Альфария, и они были обречены независимо от своих действий.

Под почтительные кивки командоров примарх взошел на помост. Коракс был облачен в полный комплект доспехов, одна рука заключена в перчатку с молниевыми когтями, переживщую схватку с Лоргаром и Курцем, в другой же он сжимал силовую плеть, которой пользовался с сокрушительным эффектом во время отступления на Исстваане. Он поднял обе руки, показав оружие собравшимся Гвардейцам Ворона.

— Астартес покорили Галактику для Императора... — начал было он, но запнулся, стоило ему взглянуть на ряды своих воинов.

Неужели это последние дни Гвардии

Ворона? Ведет ли он их в последний бой? Примарх тяжело сглотнул, вспомнив о лишениях, с которыми ему пришлось столкнуться еще в бытность лидером ликейских повстанцев. Тогда задача казалась невыполнимой, но все же он победил. Он не поддастся страху — ни перед своими врагами, ни перед тем, кем может стать. Коракс начал снова:

— Астартес покорили Галактику для Императора. Мы были сотворены его руками, изваяны во плоти его волей, нам вручили лучшее оружие и доспехи, которые изобрело человечество. Но Великий крестовый поход стал возможен не благодаря нашему оружию и нам. Это вера. Вера в нашу цель, в распространяющуюся Имперскую Истину придавала нам уверенность превыше всяких убеждений и отчаянной храбрости врагов. Вера в командиров и в самих себя дарила нам силы преодолевать все преграды. Вера и доверие стали такими же жертвами войны, как павшие на Исстваане и во Впадине Воронов. Тяжело смириться с тем, что Воитель Хорус, магистр войны,

избранный самим Императором, стал отступником. Сложно принять то, что наши братья по оружию, легионеры Астартес, осквернили Имперскую Истину и предали свои обеты. Но все же вера и доверие останутся нашим величайшим оружием.

Я всегда учил вас, что надежда бессмысленна. Есть лишь действия и их последствия. Я до сих пор придерживаюсь этого кредо. Для Гвардии Ворона не существует надежды. Мы будем поступать так, как сочтем нужным, и принимать последствия. Нам нанесли не один, но целых два тяжелых удара. Первый был подлым, но открытым. Второй — стелым, но скрытым. Ни засада на Исстваане, ни предательство в самом легионе не сумели уничтожить нас, мы извлечем урок и станем сильнее. Не в нашем характере склонять головы. Мы не будем сидеть сложа руки, в то время как изменники пытаются свергнуть Императора.

Сегодня Хорус и его союзники поняли, что Гвардию Ворона пока рано списывать

со счетов. Сегодня мы взойдем на борт кораблей и принесем войну нашим врагам, как множество раз до этого. Кое-кто из вас был со мной с самого начала, когда в этом самом зале проливалась кровь людей, стремившихся к свободе от угнетателей. Другие оставили Терру с Императором, дабы выковать новую империю среди звезд. Иные же не могут гордиться таким наследием, ибо вам посчастливилось попасть в легион уже в более поздние времена. А некоторые впервые испытали вкус боя лишь во Впадине Воронов.

Это не важно. Мы все — Гвардия Ворона. Мы — воины. Император будет судить нас не по наградам и похвалам, но по шрамам. Слова эти не банальность, но реальность того, кто мы есть на самом деле. Мы живем, чтобы сражаться в битвах Императора, и мы умираем, дабы принести Императору победу.

Коракс сделал паузу и взглянул на группу воинов в желтых доспехах, стоявших рядом с Гвардейцами Ворона, — Имперских Кулаков капитана Норица. Его взгляд скользнул по кустодиям Арката.

— Хорус стремится на Терру и к Дворцу Императора. Многим предстоит отдать свои жизни ради их защиты, и сейчас мы приветствует их за такую жертвенность. Но не в наших принципах стоять на стенах, ибо мы — тень, которая убивает, скрытая смерть, которую никто не ждет. Хорус и его трусливые союзники полагают, будто они в безопасности. Гвардия Ворона докажет, что это не так. Проклятый Воитель и его сообщники считают свою победу неизбежной, как и то, что Империум склонится перед их волей. Гвардия Ворона докажет, что они ошибаются. Своей отвагой мы зажжем пламя битвы, которое воспылает по всему Империуму. Его жители узнают, что их не бросили на произвол судьбы. Мы покажем им, что факел Просвещения еще ярко сияет. Легионеры-Астартес не будут уничтожены, пока жив хотя бы один из нас.

Мы поступаем так потому, что человечеству требуется вера: Хоруса можно победить. Мы поступаем так потому, что человечеству нужно доказать: воинам Астартес еще можно

доверять. Нас мало, врагов же множество, но каждый убитый нами изменник станет посланием нашим врагам и друзьям: Гвардия Ворона никогда не сдастся!

Бессловесный рык вырвался из глоток четырех тысяч воинов и звоном прокатился под сводчатым потолком Карнивалиса. Энергетические поля затрещали, когда кустодии приветственно подняли свои алебарды.

На зал опустилась тишина, стоило из рядов Гвардейцев Ворона выйти небольшой группе воинов. Их возглавлял технодесантник Страдон Винальт, который нес нечто огромное, накрытое черным стягом легиона.

— Что это? — спросил Коракс, повернувшись к командорам.

Те лишь недоуменно пожали плечами, удивленные не меньше примарха.

Винальт со свитой поднялись по ступеням и приблизились к Кораксу. Примарх вышел из-за кафедры и встал перед ними. Все легионеры преклонили колено, кроме Винальта, который встретил пытливый взгляд своего

господина.

— На Исстваане Гвардии Ворона нанесли тяжкий удар, — произнес техноdесантник, и четкость сказанных слов свидетельствовала о том, что он готовился к этой речи долгое время. — Крылья Ворона были подрезаны, от нас отвратила свой лик удача. Будет правильно, если в час, когда мы вновь учимся летать, ворону вернут его крылья.

С этими словами Бинальт сдернул стяг, явив изысканный летный ранец Коракса, который считался утраченным. Его эмалированная поверхность блестела в огнях Карнивалиса, с обеих сторон выходили изящные новые крылья.

— Я не смог превзойти мастерство их создателя, но надеюсь, они вам подойдут, лорд, — продолжил Бинальт, склонив голову.

Коракс принял летный ранец и поднял его над головой, завороженно рассматривая устройство. Он перевел взгляд на Бинальта и благодарно улыбнулся, но, прежде чем примарх успел что-либо сказать, зал взорвался громогласным

криком Гвардейцев Ворона:

— Коракс! Коракс! Коракс!

В покоях Воителя царил тот же сумрак, что и в последний визит Альфария. Как и тогда, Хорус встретил его в компании Абаддона и Эреба. Но также здесь находился кто-то еще, таящийся в тени за троном Воителя. На нем были доспехи Детей Императора, сам же он обладал тонким лицом и пронзительным взглядом.

— У тебя есть что-то для Воителя? — раздался голос Эреба, когда за Альфарием закрылась дверь.

— Зачем ты так говоришь? — ответил вопросом на вопрос Альфарий. — Разве теперь нужно еще и приносить подношения нашему великому лидеру?

— Следи за языком, — оборвал его Абаддон. — Мы знаем, что один из твоих кораблей только что присоединился к флоту, хотя ты попытался это утаить от нас.

— Даже не помышлял о подобном, — произнес Альфарий, настешливо разведя

руками. — Все мои корабли стараются перемещаться скрытно. Это залог нашей безопасности. Я никого не собирался вводить в заблуждение.

— Так ты подтверждаешь, что твоя операция с Гвардией Ворона прошла успешно, — сказал Эреб. — Ты получил искомое?

Альфарий с улыбкой достал из пояса информационный кристалл и протянул его на ладони.

— Успех, конечно, не безоговорочный, — сказал примарх. — Кое-кому из Гвардейцев Ворона, включая и Коракса, удалось выжить. Но это уже не важно. Как ты верно предположил, мы забрали трофей.

Эреб потянулся за кристаллом, но Альфарий резко убрал руку.

— Только для Воителя, — уже без улыбки сказал Альфарий.

— Следи за собой, Альфарий, — прорычал Абаддон. — Своим поведением ты можешь вызвать неудовольствие Воителя.

— Ты даже и слова не скажешь своему брату, Хорус? — спросил Альфарий, посмотрев на Воителя, который во время

разговора сверлил его ничего не выражающим взглядом. — Или твои приспешники теперь и говорят вместо тебя?

Хорус резко встал, и на секунду Альфарий подумал, что перегнул палку. Но улыбка Хоруса развеяла его сомнения, когда тот жестом указал незнакомцу выйти из-за трона.

— Это апотекарий Фабий, — сказал Воитель. — Ты передашь трофей ему. С моего соизволения, естественно.

Альфарий бросил кристалл Фабию, который с легкостью поймал блестящий осколок и посмотрел на него с алчной улыбкой.

— Мы разгадаем секреты, найденные Кораксом, — уверил Фабий. Он поклонился Хорусу и отступил обратно в сумрак.

— Что-то еще, Воитель? — спросил Альфарий.

Глаза Хоруса подозрительно сузились, рассматривая примарха Альфа-Легиона.

— Ты отдал его так легко, что я начинаю думать, будто ты что-то утаиваешь, — произнес Воитель, шагнув

ближе.

— Я должен кое в чем признаться, — сказал Альфарий. — Оригинальный генетический материал я придержал у себя. Полагаю, разумнее будет разделить найденное поровну. Вы найдете изыскания Коракса довольно обширными. Многое из них я не в состоянии понять, но, уверен, апотекарий фабий так же талантлив, как о нем рассказывают.

— О, так и есть, — произнес Эреб. — Он разгадает секреты примарха, и с этой информацией мы уничтожим Императора.

— Достойное использование для того, что получено с таким трудом, — сказал Альфарий. Он встретил пристальный взгляд брата. — Думаю, мы закончили дело. Конечно, если ты не желаешь обсудить что-нибудь еще, брат.

Хорус кивнул в сторону двери, отпуская Альфария, и вернулся к трону.

— Хорошо, — сказал примарх Альфа-Легиона. — Теперь, когда все улажено, полагаю, мы можем действительно начать войну. Уверен, Император уже с

нетерпением ждет нашего визита.

— Он обождет, — сказал Хорус. — Война идет уже давно, Альфарий. То, что ты в ней не участвуешь, еще не означает, что другие также бездействуют. Ультрамарины будут уничтожены, а Кровавые Ангелы присоединятся к нам. Вскоре мы будем готовы сделать свой ход.

Подобное развитие событий показалось Альфарию маловероятным, но он ничего не сказал и молча покинул покои.

На командной палубе «Мстителя» было не протолкнуться. Вместе с офицерами и должностными лицами Гвардии Ворона на боевой барже находился командный состав недавно прибывшей Когорты Тэриона. Субцезарь Валерий поднялся на флагман с небольшой армией нотариусов, префекторов, трибунов и вице-трибунов для обсуждения плана нападения. Обратный путь с Тэриона был непростым, учитывая штормы, до сих пор бушевавшие в варпе. Несколько кораблей затерялись по пути, больше десятка были захвачены или вынуждены вернуться, оказавшись

рассеянными на десятки световых лет от основных сил флота. Невзирая на существующие проблемы, Валерий сумел сохранить основную часть авангардных сил и согласно инструкций Коракса отправился с Освобождения к Тауриону, граничащей с Нарсисом системе. Предыдущая встреча с Кораксом произвела на Валерия неизгладимое впечатление, но теперь, как субцезарь, он чувствовал себя вправе находиться на совете. Тем не менее, несмотря на повышение, он не перестал удивляться стратегическим способностям примарха. Чтобы уследить за всем, Валерий нуждался в советниках и адъютантах, в то время как Коракс мог контролировать ход совета лишь с помощью пары заметок в инфопланшете. Дислокация десятков кораблей и тысяч воинов, их вооружение и имена командиров хранились в памяти примарха, поэтому он мог быстро вспомнить даже мельчайшие детали.

Боевое построение и маршрут приближения уже согласовали: тэрионцы пойдут в первой волне, корабли Гвардии

Ворона с поднятыми отражающими щитами двинутся следом. Пока все шло так, как и ожидал Валерий, сражавшийся вместе с Гвардией Ворона в течение нескольких лет на поздних этапах Великого крестового похода.

Самая большая проблема состояла в конечном приближении и посадке.

— Если я правильно вас понял, лорд Коракс, предварительной бомбардировки не будет? — спросил Валерий. У его плеча появился Пелон со стаканом воды, который субцезарь взял без лишних слов. Он сделал глоток, пытаясь успокоиться. — Наши десантные корабли собьют еще в воздухе.

— Орбитальная защита будет уничтожена, — уточнил примарх. Он по привычке стоял в стороне от командоров, столпившихся вокруг центрального стола. — Когда мы захватим господство на орбите, ты сможешь начать высадку под обстрелом.

— У меня есть три корабля, лорд, которые способны разрушить наземные укрепления. Вашему легиону не придется демаскировать себя, я гарантирую вам.

Разве это не так, капитан Вильгельме?

Командир «Решительного» кивнул.

— Торпеды сделают свое дело, — заверил Вильгельме.

— А вы гарантируете, что при этом не погибнут десятки миллионов людей, живущих в городе? — спросил Бранн.

— Мы постараемся избегать жертв со стороны гражданского населения. — Валерий покосился на префектора Антония, который что-то быстро подсчитал на инфопланшете и протянул его субцезарю. — Возможно, не больше пяти тысяч?

— Это не обычный город, — сказал Коракс. — Фулгрим не просто бахвалился, назвав его Идеальной Цитаделью. По словам моего брата, укрепления должны не просто служить для размещения гарнизона, но также защищать население. Идеальная Цитадель — не просто территория в городе, это и есть город. Фулгрим рассуждал, что население лучше всего защищено, если является неотъемлемой частью крепости.

— Он использует мирное население

как живой щит? — спросил Валерий, ужаснувшись от одной лишь мысли об этом.

— Тогда он так не считал, — ответил Коракс. — В случае вторжения они бы стали ополчением и могли бы помочь в обороне. Это уже не важно. Там нет разделения между оборонительными сооружениями и гражданскими зданиями. В жилых башнях расположены оборонительные лазеры. Заводы защищены бункерами и замаскированными траншеями. Строительством дорог занимался Пертурабо, и они проложены так, чтобы защитники могли сдерживать атаку и наносить стремительные удары.

— Чтобы разрушить крепость, придется разрушить и сам город, — сказал Бранн.

— Чего мы делать не будем, — добавил Коракс. — Жители Нарсиса невиновны. Мы — посланники Императора, а не убийцы его подданных. Мы не можем нести весть, уничтожая население.

— Сложная проблема, — согласился Валерий. Он допил воду и отдал стакан

Пелону, после чего пожал плечами, признавая поражение. — По-моему, высадка без орбитальной поддержки обернется катастрофой. Мы приземлимся прямо на их орудия.

— Там есть подходящее для посадки место, — заметил Алони, выведя на экран план территории вокруг Идеальной Цитадели. Он нажал кнопку — и на карте появилось перекрестие. — Здесь, на холмах к северо-востоку.

— Это же в двадцати километрах от города! — удивился Валерий, поднявшись, чтобы внимательнее изучить карту. — У нас нет такого количества танков и транспортов.

— Двадцать восемь, если точнее, — заметил Агапито.

Валерию нисколько не понравилось веселье в голосе командора.

— Вы будете атаковать пешим строем, — сказал Коракс. — Вы высадитесь ночью, хотя не ожидайте, что получите значительное преимущество, так как у врага есть сканеры и тепловизоры.

— Пройти почти тридцать

километров ночью, чтобы атаковать город-крепость? — спросил Валерий. Испытывая дурное предчувствие относительно всей затеи, он понимал, что сейчас нужно говорить откровенно. — Эта стратегия обречена на поражение.

— Именно так, — сказал Коракс. Улыбка примарха встревожила Валерия. — Я не жду, что вы сами захватите Идеальную Цитадель. Вот почему мы здесь.

На гололитическом дисплее было видно, насколько безвыходная ситуация сложилась для глупцов. Капитан Гастен Лутрис Арманитан из Детей Императора прохаживался по комнате управления в своей башне, всматриваясь в каждый доклад и результаты сканирования. Естественный рельеф северо-востока направит атакующих к воротам Восьмой авеню с широкой улицей за ними, над которой доминируют три орудийные батареи, расположенные через каждые сто метров. Дальше город превращался в лабиринт пересекающихся зон огня из

дотов и лазпушек.

— Их глупость станет причиной их поражения, — сказал он, разговаривая скорее с самим собой, чем с сервами легиона, которые стояли у пультов. — Такая типичная слабость — атаковать без должной предварительной бомбардировки. Чего они пытаются добиться?

— Они пересекли второй кордон, капитан, — доложил один из сервов. — В последнем докладе сообщается о массированном наступлении пехоты. Враг несет тяжелые потери.

— Было неразумно оставлять бронетехнику, — заметил Лутрис. — Все те противотанковые ракетные комплексы будут потрачены впустую. Пусть их расчеты займут Первый кордон.

— Так точно, капитан, — ответил помощник.

Лутрис сверился с хронометром. До рассвета оставалось чуть больше трех часов по терранскому стандарту. Первая волна наступающих даже не успеет дойти до стены, когда его войска получат полный

обзор. Тогда начнется настоящая бойня.

Окраины Идеальной Цитадели совершенно не походили на то, ради чего их выстроили. Красивые висячие сады буйно разрослись на крышах и стенах белых домов, в воздухе витал аромат цветов. Украшенные колоннами фасады и выступающие галереи использовались тэрионцами как укрытия, пока они продвигались к воротам башни, возвышающейся над зданиями впереди. Дети Императора не жертвовали чувством прекрасного в планировке города, украшенные колоннами алебастровые строения в равной степени могли служить административными офисами или складами бронетехники — по внешнему виду сказать было невозможно.

Валерий шел вместе со своими людьми, решив пробиться как можно дальше в город, даже если их операция и была обречена на поражение. Ему пришлось смириться с бесславной гибелью своих войск на Исстваане, и он не хотел, чтобы сейчас все закончилось столь же печальным образом. На что бы Коракс ни

рассчитывал, тэрионцы просто так не сдадутся. Нескольким шагоходам «Часовой» повезло уцелеть под обстрелом на подступах к городу. Они двигались в нескольких сотнях метрах впереди, разведывая путь для передовых сил численностью в триста человек. Валерий знал все это благодаря постоянным подсказкам трибуна Калориума, который следовал в нескольких шагах позади субцезаря.

— Сэр, передовой батальон столкнулся с очередной линией обороны, — сообщил Калориум, прижимая к уху похожий на чашку приемник. — Ведется огонь с балконов.

После этих слов Валерий поднял глаза и по-новому осмотрел ряды выступающих над ними галерей. Все оставалось таким же, как и когда они вступили в город. На первый взгляд бесполезные архитектурные формы на самом деле представляли собой огневые гнезда, орудийные позиции или минные поля.

Чувствуя обеспокоенность командира,

телохранители Валерия сомкнулись вокруг него плотным кольцом, их золоченые панцирные доспехи и белая форма покрылись грязью после длительного марша из зоны высадки.

— Возможно, нам следует поискать укрытие, субцезарь, — предположил вице-трибун Каллиста.

— И где же оно? — резко ответил Валерий. Он потерял четырех штабистов, которые решили укрыться в цветнике, усеянном, как выяснилось, минами. Каллиста неуверенно оглянулся. — Не важно, — бросил Валерий, продолжая идти посередине дороги.

Его раздражала борьба с невидимыми врагами, выходившими лицом к лицу, лишь когда отступали к следующей линии обороны. Ему не нравились подобные стычки. Без сомнения, если воины в пурпурно-золотых доспехах решат вступить в бой, они заберут куда больше жизней его солдат. Немного утешало лишь то, что они добрались до самого города, — обстрел из башен из центра прекратился, очевидно, чтобы не задеть собственных

бойцов.

— Передовые отряды несут тяжелые потери, — доложил Калориум. — Запрашивают подкрепления.

При взгляде на трибуна сердце Валерия екнуло.

— Пусть третья и пятая роты выдвигаются из резерва. Посмотрим, смогут ли они обойти вражескую позицию. Прикажи пятой и шестой сформировать арьергард. Как дела у префектора Магеллия?

Пару секунд трибун говорил в приемник, а затем печально покачал головой.

— Вторую фалангу оттеснили назад, она потеряла треть людей, — ответил Калориум. — Сэр, поступает информация и от третьей фаланги. Ее уничтожают из укреплений у ворот.

Меньше чем в двухстах метрах взрыв поднял в воздух столб пепла и дыма. Пару секунд спустя на Валерия и его людей посыпались обломки.

— Что это было? — потребовал он, хотя Калориум уже отрывисто говорил по

воксу.

— Макропушка, сэр, — ответил трибун. — Расположено на перекрестке впереди, на третьем этаже здания.

Голос трибуна дрожал, и, оглянувшись на других солдат, Валерий ощутил их страх. Если он продолжит гнать их вперед, они сломаются и побегут. Это ему нисколько не нравилось.

— Хорошо, сообщи всем подразделениям, — прорычал он. — Отходим поротно. Создать рубеж на границе города. Отступление будет организованным. Побега и паники я не допущу.

— Да, сэр. — Судя по облегчению на лице Калориума, он был несказанно рад решению субцезаря.

Валерий остановился и, уперев руки в бока, посмотрел на далекие башни. Он добрался до города, что было уже само по себе достижением, но даже его разведка находилась в двух километрах от внутренней линии обороны.

Не важно, что намеревался делать Коракс дальше, сейчас это пахло

поражением.

— Противник отступает на всех направлениях, капитан.

— Это просто смешно, — ответил Лутрис. — Они даже не начали прощупывать нашу оборону.

— Есть визуальное подтверждение результатов сканирования. Противник отступает к внешним границам.

Офицер Детей Императора медленно прошелся по помещению командного центра, отслеживая потоки информации на дисплеях. Данные подтверждались: атакующие отходили по всем фронтам. Разочаровывающий конец для столь неприметельной атаки.

— Вы обнаружили корабли на низкой орбите? — спросил он, устраиваясь в кресле.

— Нет, капитан, — прозвучал ответ. — Все вражеские корабли находятся за пределами досягаемости орудий наземной обороны. Ни единого признака десантных кораблей.

Лутрису все это казалось

бессмысленным. Вернувшись к трону, он решил, что глупо оценивать мотивацию меньших воинов. Без сомнения, им отдали приказ атаковать, не зная настоящей силы противника, с которым они столкнутся. Он не собирался прощать подобную ошибку.

— Стянуть роты для контратаки у третьих и четвертых ворот, — приказал он, удерживая палец на переключателе связи в подлокотнике. — Подготовить в арториуме технику для быстрого окружающего маневра через подземные платформы. Глупцы ответят за то, что посмели напасть на наш город. Цель операции — полное истребление вражеских сил. Контратака через пятнадцать минут.

Он отпустил переключатель и откинулся в кресле, которое изогнулось, принимая очертания его тела. Лутрис взглянул через плечо на сержанта Турана, стоявшего у дверей со шлемом на сгибе локтя.

— Подготовь штурмовые войска, сержант, я лично поведу их в бой.

— Как пожелаете, капитан, —

ответил Туран и поклонился. Он надел шлем и ударил кулаком по нагруднику. — Мы найдем этих псов везде, где бы они ни попытались спрятаться.

Выстрел из лазерной пушки прошил край балкона, испепелив бойца рядом с Валерием. Измазанный и залитый кровью субцезарь отполз от парапета к разбитому окну. Калориум по-прежнему держался рядом с ним, одна его рука висела на перевязи, связной ранец стоял на полу неподалеку. Он посмотрел на Валерия залитыми кровью глазами и покачал головой.

— От префектора Тигуриона ни слова, сэр. Думаю, наш левый фланг смят.

— Две тысячи человек, трибун, две тысячи! — сказал Валерий, привалившись к оконной раме. — Никого не осталось?

В ответ Калориум лишь пожал плечами.

Тэрионцы отступали уже больше часа, еще один отражали контратаку Детей Императора. Марк приложил все усилия, чтобы уговорить своих командиров

сражаться дальше, любой ценой удерживать позиции, но времени почти не осталось. Он рискнул выглянуть, сняв с пояса магнокуляры. Наведя их на юго-запад, он увидел на дороге несколько десятков фигур в доспехах, не более чем в полукилометре.

— Пожалуйста, уходите!

Валерий обернулся и посмотрел на старика, чью квартиру он превратил во временный командный пункт.

— И куда нам идти? — прорычал субцезарь.

— Моя жена, она хочет, чтобы вы ушли...

— Правда? А может, она считает, что Хорус стал бы лучшим властителем Империума?

— Я ничего в этом не смыслю, сэр. Я знаю только, что, когда сюда доберутся Астартес, они не пощадят нас.

Валерий промолчал. Он не мог винить пожилую чету за их страх. Поначалу он и сам боялся, затем впал в отчаяние, а теперь на него снизошло странное спокойствие, несмотря на всю

тяжесть ситуации. За последние восемь часов погибло около десяти тысяч тэрионцев, но потерь могло оказаться куда больше. После утраты связи со Второй фалангой его охватило странное оцепенение, он уже смирился с неизбежным.

Валерий перевел взгляд обратно на Детей Императора. Они тщательно выполняли свою работу, поочередно проверяя каждый дом у дороги. Над головой рыскали «Громовые ястребы» в поисках целей для своих орудий и тяжелых болтеров. После первых атак на бреющем полете улицы утонули в крови, и тэрионцам пришлось укрыться в зданиях. К своей чести, сколь малой бы она ни была, Дети Императора не стреляли по домам, — возможно, они все еще считали, будто защищают людей.

Он достал пистолет. Казалось важным держать в руках оружие.

— Забудь, — сказал он трибуну, посмотрев на вокс-установку. — Бери лазерную винтовку.

Калориум отпихнул тяжелый ранец и бросил приемник. Он вздрогнул, когда

очередной лазерный луч угодил в лепной архитрав у них над головами, оплавив барельеф колесницы, несущейся на орду варваров. Он подполз к мертвому тэрионцу и забрал его оружие, прежде чем вернуться к Валерию.

— Ты просил доверять тебе, — пробормотал под нос Валерий. — Выдержать бурю и верить тебе. Что ж, Коракс, буря уже обрушилась на нас.

Вырезать плохо вооруженных солдат было ниже его достоинства. Их лазганы оставляли лишь царапины на доспехах легионеров-Астартес, позолоченные бронежилеты не спасали от болтеров. Лутрис даже не мог сполна насладиться бойней — она была слишком однообразной и едва ли могла стать проверкой их тактического мастерства или физической силы.

Во главе своего отделения он подошел к широкой лестнице, ведущей на верхние этажи гостиницы. Капитан выстрелил из болт-пистолета в человека, присевшего за балюстрадой, выстрелы легли точно в

зазор между опорами.

— Отделение Андилора — третий этаж, — сказал он, выстрелив еще одному солдату в ногу. Болт разорвал человеку бедро, и тот рухнул на пол. Лутрис, даже не замедлив шаг, вонзил в него меч. — Отделение Коллония — четвертый этаж.

— На противоположной крыше тяжелое оружие, — доложил один из сержантов. — Мультилазер.

— Так вызови «Громовой ястреб», сержант, — ответил Лутрис. — Или я буду принимать за вас все решения?

— Так точно, капитан. Запрашиваю авиаудар.

Бронированным ботинком капитан Детей Императора вышиб дверь в конце пролета. Он быстро проверил комнату, но внутри никого не оказалось. Разочарованно вздохнув, Лутрис вернулся к лестнице.

— Капитан!

Крик раздался снизу, не по воксу. Перегнувшись через перила, Лутрис заметил отделение Аргентия, которое пятилось по фойе, целясь болтерами в наружную дверь. Один из них закричал, и

воины одновременно открыли огонь, хотя Лутрис не видел, во что они стреляют.

— Что происходит? — потребовал капитан. — Говорите!

Прежде чем он услышал ответ, в его ухе затрещала бусинка вокса.

— Капитан, обнаружены суборбитальные корабли, быстро приближаются.

— Откуда? Как они спустились?

— Мы не знаем, капитан. Орбитальное сканирование не дало результатов.

Пытаясь понять происходящее, Лутрис наблюдал за отделением внизу. Двух легионеров отбросило назад, из зияющих дыр в их доспехах хлестала кровь. Другие палили в пустоту, но их болты словно отражались от истонченного воздуха, взрываясь в пустоте. Сержант Аргентий сделал шаг с ревущим цепным мечом. Мгновение спустя его рука вместе с головой отлетели в сторону, начисто срезанные невидимой силой.

Лутрис не верил своим глазам. Всего за пару секунд погибло целое отделение: их

расчленили и обезглавили.

— Колдовство, — пробормотал он.

Поблизости не было библиариев, которые смогли бы помочь ему. Подняв силовой меч, он встал в защитную стойку наверху лестницы. Ему почудилось движение, и он выстрелил из пистолета. Снаряд разорвался в паре ступеней от основания лестницы.

Еще миг — и в нескольких сантиметрах от его лица возникла пара черных как смоль глаз. Отшатнувшись, он понял, с кем они сражались. Воин был вдвое выше Лутриса, закованный в заляпанные кровью совершенно черные доспехи, с крылатым ранцем за спиной. Его лицо было белым словно кость, волосы ниспадали до плеч. В одной руке воин сжимал потрескивающую энергией плеть, другая же была заключена в перчатку с пылающими когтями. Призрак оскалился в бессловесном рыке и занес над Лутрисом когти.

— За Императора! — прошептал он, стремительно опуская руку.

Коракс переходил из комнаты в комнату, беспощадно убивая всех встреченных по пути Детей Императора. Его когти разрывали их, пылающая плеть полосовала блестящие доспехи. Добравшись до верхнего этажа, он вышел на балкон, из которого открывался вид на главную улицу. Подняв глаза, он увидел в небесах темные пятна десантных капсул. За ними виднелись следы «Громовых ястребов» и «Грозовых птиц».

Пришло время идти к воротам.

Десантная капсула раскрылась, словно бутон железного цветка, металлические рампы с лязгом упали на стену. Навар первым высвободился из подвески и размашистой походкой выскочил наружу. Находящаяся впереди орудийная позиция была занята обычными солдатами. Просунув когтистый палец за предохранительную дугу болтера, он сразил их тремя выстрелами.

Позади него раздалось рычание и шипение Карвала. Оглянувшись на Раптора, Навар кивнул. Он понятия не

имел, что тот пытался сказать, но интуитивно догадался о намерении брата-легионера.

— За Гвардию Ворона! — воскликнул Навар и бросился по стене, на ходу открыв огонь, когда из возвышающейся впереди башни высыпало отделение Детей Императора.

Между двумя отделениями взревели болтерные снаряды, отрывая от доспехов воинов куски керамита. На Навара упала тень, и, подняв глаза, он увидел парящего над краем стены лорда Коракса. Примарх взмахнул плетью и рассек на части двух Детей Императора. За Кораксом спускались с вершины башни другие Гвардейцы Ворона, их прыжковые ранцы пылали, замедляя падение. Держа наготове плазменные пистолеты и цепные мечи, штурмовое отделение приземлилось в тылу у Детей Императора.

За стенами раздалась пальба. Посмотрев вниз, Навар заметил слева три отделения легионеров в желтых доспехах, которые прокладывали путь по узкому дворику, все дальше оттесняя Детей

Императора. Имперские Кулаки капитана Норица никогда бы не согласились пропустить такую победу. На крыше чуть дальше по стене раскрылись еще две десантные капсулы. Из них вырвались кустодии в блестящих золотых доспехах, испуская энергетические заряды из копий стражей, которые с треском рвали доспехи врагов.

За стенами начали контрнаступление тэрионцы, решив отомстить Детям Императора за убитых собратьев. Их лазганы были не столь мощными, как болтеры легионеров, но благодаря плотности огня и упорству они все дальше оттесняли предателей к воротам.

Лорд Коракс пролетел над городом, оценивая результаты сражения, а затем приземлился перед Наваром. Примарх указал в сторону центра, где взмывала в небо трехсотметровая центральная башня Идеальной Цитадели. Навар посмотрел туда и увидел, как из капсул, упавших вокруг башни, хлынули тысячи Гвардейцев Ворона. Он узнал клювообразные шлемы

«Корвус» первых Рапторов, которые возглавляли штурм цитадели, а также подскакивающих и прихрамывающих воинов последнего поколения. Болтеры, плазма и лазеры выжигали сады и портики вражеских укреплений. Другие легионеры, из Ястребов и Когтей, выпрыгивали из «Громовых ястребов» и открывали огонь с крыш и внутренних стен, разя отступающих Детей Императора. В выси медленно кружили «Грозовые птицы», подавляя очаги сопротивления, внутри находились резервы Гвардии Ворона, готовые в любой момент вступить в бой.

Это было потрясающее зрелище, весь легион действовал как единое целое, и Навар понял, почему его примарх улыбается.

— Не такая уж идеальная, — заметил Агапито.

Коракс собрал совещание в бывших покоях командира гарнизона. Чем-то они напоминали ему офицерскую столовую на Пикее, когда он решил взорвать на Киаваре ядерные заряды. Пол был устлан

густым ковром, стены обиты панелями из красного лакированного дерева. На траморных пьедесталах по всей комнате стояли красивые статуи.

— Нам ее не удержать, — высказался Бранн. Прекрасный алебастровый бюст Фулгрима с глухим треском раскололся на полу, когда командор нарочно облокотился на постамент. Бросив взгляд на обломки, Бранн наступил на них, втаптывая в ковер. — Хорус обязательно нанесет ответный удар.

— На это я и рассчитываю, — ответил Коракс. — Но нас здесь к тому времени уже не будет.

— Так в чем смысл? — поинтересовался Валерий. Он был похож на ребенка, сидя в глубоком кресле, рассчитанном на легионера-Астартес, и не дотягиваясь ногами до пола. Его помощник добыл графин с вином и сейчас рыскал по разломанным стенным шкафам и полкам в поисках целого стакана. — Множество тэрионцев погибло только для того, чтобы отдать планету обратно предателям?

— Мы уходим, вы — нет, — сказал Коракс. — Скоро прибудет остальная часть твоей Когорты, около полумиллиона человек. Легион Виндиктус уже отбыл с Киавара с десятком титанов. Другие подразделения Имперской Армии также находятся в пути, а это еще около миллиона солдат. Если Хорус сюда сунется, ему окажут теплый прием.

— Значит, мы останемся, чтобы продолжать сражаться? — спросил Валерий. — Вы уничтожили половину укреплений.

— До этого не дойдет, — произнес примарх. Он выглянул в окно, наблюдая за тем, как из вычурных башен и садов поднимается густой дым. — Гвардия Ворона уходит, но не обратно на Освобождение. Наша следующая цель — Кхалгорст. Там располагается гарнизон Несущих Слово. Мы ударим по ним прежде, чем Хорус узнает о случившемся здесь.

Коракс обернулся и взглянул на командоров.

— Это не Великий крестовый поход. Больше нет согласия, нет гарнизонов. Мы

боремся так, как всегда боролась Гвардия Ворона. Мы сражаемся и отступаем. Мы наносим удар и избегаем удара в ответ. Есть другие, кто будет противостоять всей мощи предателей, и я поддерживаю их, но одним этим способом в войне не победить. И мы восстановим былую численность, медленно, как и прежде, но становясь сильнее, пока наши враги слабеют. Изменники позволили Гвардии Ворона выжить, и эта ошибка дорого им обойдется. Мы будем сражаться с Хорусом при любой возможности, пока не истощим его силы. Мы не может победить Воителя в одиночку, но приложим все усилия, чтобы он не одержал быстрой победы.

Эпилог

Омегон слепо шел к своим покоям на борту «Альфы», которые он делил с другими легионерами, ноги сами несли его по коридорам и уровням. Он знал, что Хорус получил генетическую информацию, и это решало очередную проблему.

Атитиртир ждал его прямо за дверью, чужацкая климатическая сфера возбужденно дрожала.

+ Я ощущаю, что ты двуличен. +

— Твое ощущение до раздражительности верно, — сказал Омегон и присел на кровать. Наполненная газом сфера теперь висела на уровне его глаз.

+ Неразумно было передавать генетический материал примарха Хорусу. Это изменит баланс сил в его пользу. Ты рискуешь отдать победу в руки Изначального Уничтожителя. +

— Тогда нам повезло, что в переданном нами материале есть изъян, — ответил Омегон. — Фабий не сможет

усовершенствовать технологию. Слуги Изначального Уничтожителя впустую потратят множество жизней, чтобы достичь невозможного.

+ Я ощущаю, что ты гордишься своим выводом. Ты что-то от меня утаиваешь. +

— Твои эмпатические способности начинают утомлять, — заметил Омегон. — Нам больше не нужен посланник Кабала. Теперь мы можем сами решать свою судьбу.

+ Это не вариант. Кабал должен направить ход войны к правильному окончанию. В противном случае возникает риск отдать победу в руки Изначального Уничтожителя. Ты становишься непокорным. +

— Мы частенько так делаем, — сказал Омегон и, поднявшись, быстро схватил сферу.

Антигравитационные двигатели пронзительно взвыли, когда шар попытался вырваться из руки примарха.

+ Этот сосуд неуязвим для тебя и любого твоего оружия. Попытки навредить или угрожать мне бессмысленны. +

— Я вовсе не собираюсь вредить тебе, мой наполненный газом дружок, — произнес Омегон.

Примарх подошел к двери и открыл замок. Покинув покои, он направился к ближайшему лифту. Атитиртир без устали визжал все время, пока они спускались на посадочные уровни, но Омегон заранее отдал приказ, чтобы персонал покинул палубы. Территория вокруг четвертого отсека была безлюдной. Миновав бронированную дверь, Омегон направился между рядов закрепленных «Громовых ястребов» по обе стороны взлетной палубы.

+ Я не понимаю твоих намерений. Твое поведение неприемлемо. +

— Я просто отправляю тебя обратно на твой корабль, — сказал Омегон, отпустив сферу.

Атитиртир выплыл из рук Омегона, хрипя непонятные проклятия в адрес примарха.

+ Я не могу обнаружить свой корабль. +

— Уверен, он появится, — произнес

Омегон, шагнув обратно к двери. — Может, через пару-тройку веков.

Закрыв за собой дверь, примарх открыл канал связи.

— Управление четвертого отсека, говорит ваш примарх. Немедленно открыть внутренний и внешний шлюз, полная очистка атмосферы.

— Так точно, лорд, — прозвучал ответ.

Взвыли аварийные сирены, и Омегон представил, как поднимается бронированный портал взлетной палубы, открывая необъятное звездное пространство снаружи. Воздух ураганом хлынет в космос и унесет за собой назойливого мелкого пришельца. Уверенный, что задача выполнена, Омегон отправился назад в покои. Предстояло еще многое сделать. Теперь, когда генотех находился в хранилище «Альфы», его воины действительно станут легионом.

---

notes

Примечания

Перси Б. Шелли. Озимандия (пер. К. Бальмонта).